Труды Петроградскаго Философскаго Общества.—Выпускъ XIV.

ГЕГЕЛЬ.

НАУКА ЛОГИКИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. Г. Дебольскаго.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

СУБЪЕКТИВНАЯ ЛОГИКА

или

УЧЕНІЕ О ПОНЯТІИ.

Цѣна за три тома 5 руб.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28.
1916.

Труды Петроградскаго Философскаго Общества.—Выпускъ XIV.

ГЕГЕЛЬ.

НАУКА ЛОГИКИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. Г. Дебольскаго.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

СУБЪЕКТИВНАЯ ЛОГИКА
или
УЧЕНІЕ О ПОНЯТІИ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28.
1916.



4701

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе VII

О понятіи вообще 1

Раздѣленіе 16

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Субъективность . . . 18

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Понятіе. 19

А. Общее понятіе 19

В. Частное понятіе. 23

Примѣчаніе. Обычные виды понятій 29

С. Единичное 33

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Сужденіе 37

А. Сужденіе существованія 43

a. Положительное сужденіе 43

b. Отрицательное сужденіе 47

c. Безконечное сужденіе 52

В. Сужденіе рефлексіи 53

a. Единичное сужденіе. 54

b. Частное сужденіе. 55

c. Общее сужденіе 56

С. Сужденіе необходимости 59

a. Категорическое сужденіе 59

b. Условное сужденіе 60

c. Раздѣлительное сужденіе 61

D. Сужденіе понятія 65

a. Ассерторическое сужденіе 66

b. Проблематическое сужденіе 67

c. Аподиктическое сужденіе 68

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

СТРАН.

Умозаключеніе 70
A. Умозаключеніе существованія 72
a. Первая фигура 72
b. Вторая фигура 79
c. Третья глава 81
d. Четвертая фигура 83
Примѣчаніе. Обычный взглядъ на умозаключеніе 85
B. Умозаключеніе рефлексіи 88
a. Умозаключеніе всячества 89
b. Умозаключеніе наведенія 91
c. Умозаключеніе аналогіи 93
C. Умозаключеніе необходимости 96
a. Категорическое умозаключеніе. 96
b. Условное умозаключеніе 98
c. Раздѣлительное умозаключеніе. 101

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Объективность . 103

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Механизмъ 108
A. Механическій объектъ . . 108
B. Механическій процессъ 111
a. Формальный процессъ 112
b. Реальный процессъ 114
c. Продуктъ 116
C. Абсолютный механизмъ. 117
a. Центръ 117
b. Законъ. 119
c. Переходъ механизма 120

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Химизмъ 121
A. Химическій объектъ 121
B. Химическій процессъ 122
C. Переходъ химизма 124

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Телеологія 126
A. Субъективная цѣль 131
B. Средство 134
C. Выполненная цѣль 136

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

СТРАН.
Идея . 143

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Жизнь 147
A. Живое недѣлимое . . 150
B. Жизненный процессъ . 154
C. Родъ 157

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Идея познанія 159
A. Идея истиннаго 166
a. Аналитическое познаніе . 168
b. Синтетическое познаніе . 174
1. Опредѣленіе (definitio). 175
2. Раздѣленіе 179
3. Теорема . . 183
B. Идея добраго . 193

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Абсолютная идея. 197

Объясненіе главнѣйшихъ общихъ терминовъ, употребляемыхъ въ Наукѣ Логики Гегеля 215
Алфавитный указатель къ Наукѣ Логики Гегеля . 219

Предисловіе.

Эта часть логики, содержащая ученіе о понятіи и третью часть цѣлаго, издается подъ особымъ названіемъ: „Система субъективной логики“ для удобства тѣхъ друзей этой науки, которые привыкли питать болѣе интереса къ разсматриваемымъ здѣсь въ объемѣ обычно такъ называемой логики матеріямъ, чѣмъ къ болѣе широкимъ предметамъ логики, изложеннымъ въ первыхъ двухъ частяхъ. Для этихъ предыдущихъ частей я могъ бы просить снисхожденія справедливыхъ судей вслѣдствіе малаго числа предшествующихъ работъ, которыя могли бы дать мнѣ опору, матеріалы и путеводную нить для движенія впередъ. Относительно настоящей части мнѣ приходится скорѣе просить снисхожденія по противоположному основанію; ибо для логики понятія имѣется налицо вполнѣ готовый и упроченный, можно сказать, окостенѣвшій матеріалъ, и задача состоитъ въ томъ, чтобы привести его въ движеніе и вновь возжечь свѣтъ понятія въ этомъ мертвомъ матеріалѣ. Если есть свои затрудненія—построить въ пустынной мѣстности новый городъ, то тѣмъ болѣе представляется препятствій другого рода къ тому, чтобы перестроить по новому плану городъ старый, прочно построенный, содержимый въ постоянномъ владѣніи и съ давнишнимъ населеніемъ; при этомъ требуется, между прочимъ, рѣшимость не дѣлать никакого употребленія изъ многаго цѣннаго въ существующихъ запасахъ.

Главнымъ же образомъ самое величіе предмета должно служить къ извиненію несовершенства въ исполненіи этой задачи. Ибо какой предметъ возвышеннѣе для познанія, чѣмъ сама истина? Между тѣмъ невозможно устранить сомнѣніе въ томъ, не требуетъ ли извиненія именно этотъ предметъ, если припомнить смыслъ вопроса, заданнаго Пилатомъ: что есть истина? какъ говоритъ поэтъ:

.....съ миною притворною, близоруко, но съ улыбкою осуждающею серьезное дѣло.

Этотъ вопросъ не заключаетъ ли въ себѣ того смысла, который можетъ представляться нѣкоторымъ моментомъ вѣжливости и напоминанія о томъ, что цѣль познанія истины завѣдомо оставлена, давно брошена, и что недо-

стижимость истины есть нѣчто общепризнанное философами и логиками по профессіи? Но если вопросъ религіи о цѣнности вещей, намѣреній и поступковъ, который по своему содержанію имѣетъ тотъ же смыслъ, вновь завоевываетъ себѣ въ наше время все болѣе и болѣе правъ, то, конечно, и философія должна надѣяться на то, что уже не будетъ найдено страннымъ, если она снова прежде всего въ своей непосредственной области будетъ настаивать на своей истинной цѣли и послѣ того, какъ она спустилась до уровня прочихъ наукъ по своему роду и способу и по безпритязательности на истину, вновь начнетъ стремиться подняться до этой цѣли. Извиняться въ этой попыткѣ нѣтъ собственно основанія; но относительно ея исполненія я позволю себѣ упомянуть, что мои служебныя занятія и другія личныя обстоятельства допускали возможность лишь разсѣяннаго занятія такою наукой, которая требуетъ ненарушимаго и нераздѣльнаго напряженія силъ, и которая заслуживаетъ его.

Нюрнбергъ, 21-го іюля 1816.

О понятіи вообще.

Въ чемъ состоитъ природа понятія,—это также мало возможно указать непосредственно, какъ мало можно установить непосредственно понятіе какого-либо другого предмета. Правда, можетъ показаться, что для установленія понятія какого-либо предмета уже предполагается логика, и что поэтому послѣдняя уже не можетъ сама основываться на какихъ-либо предположеніяхъ, ниже быть чѣмъ-либо производнымъ, подобно тому, какъ въ геометріи логическія предложенія, какими они являются въ приложеніи къ величинамъ, и какъ они употребляются въ этой наукѣ, предпосылаются ей въ формѣ аксіомъ, невыведенныхъ и невыводимыхъ опредѣленій познанія. Но если смотрѣть на понятіе нетолько, какъ на субъективное предположеніе, а какъ на абсолютную основу, то оно можетъ быть таковою лишь по скольку оно сдѣлало себя основою. Правда, отвлеченно-непосредственное есть первое; но какъ это отвлеченное, оно есть скорѣе опосредованное, для котораго, такимъ образомъ, если оно должно быть понято въ своей истинѣ, должна быть отыскана его основа. Хотя послѣдняя должна быть, поэтому, чѣмъ-либо непосредственнымъ, но такимъ, которое дѣлаетъ себя непосредственнымъ черезъ снятіе опосредованнаго.

Понятіе съ этой точки зрѣнія должно быть разсматриваемо, какъ третье къ бытію и сущности, къ непосредственному и рефлексіи. Бытіе и сущность суть тѣмъ самымъ моменты его становленія; понятіе же есть ихъ основа и истина, какъ тожество, въ которое онѣ перешли, и въ которомъ онѣ седержатся. Онѣ содержатся въ немъ, такъ какъ оно есть ихъ результатъ, но уже не какъ бытіе и сущность; это опредѣленіе онѣ имѣютъ лишь постольку, поскольку онѣ еще не перешли въ это ихъ единство.

Объективная логика, разсматривающая бытіе и сущность, составляетъ, поэтому, собственно генетическое изложеніе понятія. Ближе къ нему субстанція, уже какъ реальная сущность или сущность, поскольку она соединилась съ бытіемъ и вступила въ дѣйствительность. Поэтому, понятіе

имѣетъ въ субстанціи свое непосредственное предположеніе, она есть то въ себѣ, что понятіе есть, какъ проявившееся. Діалектическое движеніе субстанціи черезъ причинность и взаимодѣйствіе есть поэтому непосредственный генезисъ понятія, черезъ который изображается становленіе послѣдняго. Но его становленіе, какъ и становленіе вообще, имѣетъ то значеніе, что оно есть рефлексія того, что переходитъ, въ его основаніе, и что то, что ближайшимъ образомъ кажется другимъ, въ которое переходитъ первое, составляетъ истину этого перваго. Такимъ образомъ, понятіе есть истина субстанціи, и такъ какъ опредѣленный способъ отношенія субстанціи есть необходимость, то свобода оказывается истиною необходимости и способомъ отношенія понятія.

Собственное необходимое дальнѣйшее опредѣленіе субстанціи есть положеніе того, что есть въ себѣ и для себя; понятіе же есть то абсолютное единство бытія и рефлексіи, которое есть бытіе въ себѣ и для себя лишь черезъ то, что оно есть равнымъ образомъ рефлексія и положеніе, и что его положеніе есть бытіе въ себѣ и для себя. Этотъ отвлеченный результатъ выясняется черезъ изложеніе его конкретнаго генезиса; онъ содержитъ въ себѣ природу понятія; но онъ долженъ предшествовать разсмотрѣнію послѣдняго. Главные моменты этого изложенія (которые во второй книгѣ объективной логики были разсмотрѣны подробно) должны быть, поэтому, вкратцѣ здѣсь сопоставлены.

Субстанція есть абсолютное, сущее въ себѣ и для себя дѣйствительное: въ себѣ, какъ простое тожество возможности и дѣйстительности, абсолютная, содержащая внутри себя всю дѣйствительность и возможность сущность; для себя—это тожество, какъ абсолютная сила или просто относящаяся къ себѣ отрицательность. Движеніе субстанціальности, положенное черезъ эти моменты, состоитъ въ томъ, что

1. въ субстанціи, какъ абсолютной силѣ или относящейся къ себѣ отрицательности, различается нѣкоторое отношеніе, въ которомъ они (моменты) суть лишь простые моменты, какъ субстанціи или какъ первоначальныя предположенія. Ихъ опредѣленное отношеніе есть отношеніе пассивной субстанціи, — первоначальности простого бытія въ себѣ, которое, лишенное силы, есть не полагающее само себя, а лишь первоначальное положеніе; и активной субстанціи — относящейся къ себѣ отрицательности, которая, какъ таковая, положила себя, какъ другое, и относится къ этому другому. Это другое и есть именно пассивная субстанція, которая предположила себя, какъ условіе, въ первоначальности ея силы. Это предположеніе должно быть понимаемо такъ, что движеніе самой субстанціи ближайшимъ образомъ совершается подъ формою одного изъ моментовъ ея понятія, бытія въ себѣ, что опредѣленность одной изъ соотносящихся субстанцій есть опредѣленность самого этого отношенія.

2. Второй моментъ есть бытіе для себя или состоитъ въ томъ, что сила полагаетъ себя, какъ относящаяся къ самой себѣ отрицательность, чѣмъ самымъ она вновь снимаетъ предположенное. Активная субстанція есть

причина; она дѣйствуетъ, т.-е. она есть теперь положеніе, какъ ранѣе была предположеніемъ, того, что силѣ дана также видимость силы, положенію — также видимость положенія. То, что въ предположеніи было превоначальнымъ, въ причинности черезъ отношеніе къ другому становится тѣмъ, что оно есть въ себѣ; причина производитъ дѣйствіе и именно въ нѣкоторой другой субстанціи; поэтому она есть теперь сила въ отношеніи къ нѣкоторому другому; поэтому она является, какъ причина, но есть таковая лишь черезъ это явленіе. Къ пассивной субстанціи присоединяется дѣйствіе, вслѣдствіе котораго она является теперь также, какъ положеніе, но лишь въ немъ есть пассивная субстанція.

3. Но тутъ дано еще болѣе, чѣмъ только это явленіе, именно a) причина дѣйствуетъ на пассивную субстанцію, измѣняетъ ея опредѣленіе; но послѣднее есть положеніе, въ ней нѣтъ ничего другого, подлежащаго измѣненію, поэтому другое опредѣленіе, получаемое ею, есть опредѣленіе причинности; пассивная субстанція становится слѣдовательно причиною, силою и дѣятельностью. b) Дѣйствіе полагается въ ней причиною; но положенное причиною есть сама тожественная себѣ въ дѣйствіи причина; оно есть эта причина, полагающая себя вмѣсто пассивной субстанціи. Равнымъ образомъ, что касается активной субстанціи, то a., дѣятельность есть переходъ причины въ дѣйствіе, въ ея другое, въ положеніе, и b., въ дѣйствіи обнаруживается причина, какъ то, что она есть, дѣйствіе тожественно причинѣ, не есть другое; такимъ образомъ, причина обнаруживаетъ въ дѣйствіи положеніе, какъ то, что она есть по существу. Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ, какъ со стороны тожественнаго, такъ и со стороны отрицательнаго отношенія другихъ къ ней, каждая становится противоположностью ея самой; но каждая становится этою противоположностью такъ, что другая, слѣдовательно также каждая, остается тожественною самой себѣ. Но оба отношенія, и тожественное, и отрицательное, суть одно и то же; субстанція тожественна самой себѣ лишь въ своемъ противоположеніи, и это составляетъ абсолютное тожество субстанцій, положенныхъ, какъ двѣ. Активная субстанція черезъ дѣйствіе, т.-е. поскольку она полагаетъ себя, какъ противоположность самой себѣ, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ снятіе ея предположеннаго инобытія, пассивной субстанціи, обнаруживаетъ себя, какъ причина или первоначальная субстанціальность. Наоборотъ черезъ воздѣйствіе положеніе обнаруживается, какъ положеніе, отрицательное, какъ отрицательное, и тѣмъ самымъ пассивная субстанція, какъ относящаяся къ себѣ отрицательность; и причина въ этомъ другомъ себя самой просто совпадаетъ съ собою. Черезъ это положеніе предположенная или сущая въ себѣ первоначальность становится для себя; но это бытіе въ себѣ и для себя есть лишь потому, что это положеніе есть, равнымъ образомъ, снятіе предположеннаго, или что абсолютная субстанція лишь возвратилась къ себѣ самой изъ своего положенія и въ своемъ положеніи, и потому абсолютна. Это взаимодѣйствіе есть тѣмъ самымъ вновь снимающее себя явленіе, обнаруженіе видимости причинности, въ которой причина есть причина потому, что оно есть видимость. Эта безконечная рефлексія въ себѣ саму, вслѣдствіе

которой бытіе въ себѣ и для себя есть лишь потому, что оно есть положеніе, есть завершеніе субстанціи. Но это завершеніе не есть уже сама субстанція, а есть нѣчто высшее, понятіе, субъектъ. Переходъ отношенія субстанціальности совершается по собственной необходимости этого перехода и есть не что иное, какъ обнаруженіе самого сказаннаго отношенія, того, что понятіе есть истина послѣдняго, и что свобода есть истина необходимости.

Уже ранѣе во второй книгѣ объективной логики стр. 121 примѣч. было упомянуто, что философія, которая становится и остается стоять на точкѣ зрѣнія субстанціи, есть система Спинозы. Тамъ же вмѣстѣ съ тѣмъ была указана недостаточность этой системы какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Но иное дѣло есть опроверженіе этой системы. Относительно опроверженія какой-либо философской системы въ другомъ мѣстѣ также сдѣлано общее замѣчаніе, что при этомъ слѣдуетъ отвергнуть превратное представленіе, будто система должна быть признана совсѣмъ ложною, а истинная система напротивъ—лишь противоположною ложной. Изъ того соотношенія, въ которомъ оказывается здѣсь система Спинозы, сами собою выясняются ея настоящая точка зрѣнія и вопросъ о томъ, истинна она или ложна. Отношеніе субстанціальности возникаетъ изъ природы сущности; это отношеніе, равно какъ расширенное въ цѣломъ развитіе его въ систему, есть поэтому необходимая точка зрѣнія, на которую становится абсолютное. На эту точку зрѣнія не слѣдуетъ поэтому смотрѣть, какъ на нѣкоторое мнѣніе, какъ на субъективный, произвольный образъ представленія и мышленія нѣкотораго недѣлимаго, какъ на заблужденіе умозрѣнія; напротивъ, послѣднее на своемъ пути необходимо перемѣщается на эту точку зрѣнія, и поскольку оно дѣлаетъ это, система совершенно истинна. Но эта точка зрѣнія не есть высшая. Тѣмъ не менѣе система не можетъ вслѣдствіе того быть признаваема ложною, требующею и допускающею опроверженія; но въ ней должно считаться ложнымъ лишь признаніе ея точки зрѣнія за высшую. Истинная система не можетъ поэтому находиться къ ней лишь въ отношеніи противоположности, ибо это противоположное было бы само одностороннимъ. Напротивъ, какъ высшее, она должна содержать въ себѣ низшее.

Далѣе опроверженіе не должно исходить извнѣ, т.-е. отъ предположеній, лежащихъ внѣ опроверженій системы, и которымъ она не соотвѣтствуетъ. Она можетъ не признавать этихъ предположеній; недостатокъ въ нихъ есть недостатокъ лишь для того, кто исходитъ отъ основанныхъ на нихъ потребностяхъ и требованіяхъ. Тѣмъ самымъ признано, что для того, кто не предполагаетъ рѣшительно для себя свободы и самостоятельности самосознающаго субъекта, никакое опроверженіе спинозизма не можетъ имѣть мѣста. Сверхъ того такая высокая и въ себѣ самой столь богатая точка зрѣнія, какъ отношеніе субстанціальности, не игнорируетъ этихъ предположеній, а содержитъ ихъ въ себѣ; одинъ изъ аттрибутовъ спинозовой субстанціи есть мышленіе. Эта точка зрѣнія въ состояніи даже разрѣшить и вобрать въ свой составъ тѣ опредѣленія, подъ которыми даны противорѣчащія ей предположенія, такъ что они оказываются усвоенными ею, но въ сообразныхъ съ нею модификаціяхъ. При

такомъ условіи нервъ внѣшняго опроверженія сводится лишь къ тому, чтобы съ своей стороны неподвижно и твердо стоять на противоположныхъ формахъ этихъ предположеній, наприм. на абсолютномъ самостоятельномъ существованіи мыслящаго недѣлимаго въ противоположность формѣ мышленія, поскольку она положена въ абсолютной субстанціи, какъ тожественная протяженію. Истинное опроверженіе должно признать силу противника и поставить себя въ кругъ этой силы; нападать же на него извнѣ и одерживать надъ нимъ верхъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, не помогаетъ дѣлу. Единственное опроверженіе спинозизма можетъ поэтому состоять лишь въ томъ, что его (спинозизма) точка зрѣнія признается, во-первыхъ, существенною и необходимою, но что, во-вторыхъ, эта точка зрѣнія изъ себя самой переходитъ въ высшую. Отношеніе субстанціальности, разсматриваемое лишь въ себѣ самомъ и для себя самого, переводитъ себя въ свою противоположность, въ понятіе. Поэтому, содержащееся въ предыдущей книгѣ изложеніе субстанціи, приводящее къ понятію, есть единственное и истинное опроверженіе спинозизма. Оно есть раскрытіе (Enthüllung) субстанціи, и послѣднее есть генезисъ понятія, главные моменты котораго были сопоставлены выше. Единство субстанціи есть ея отношеніе необходимости; но послѣдняя есть такимъ образомъ лишь внутренняя необходимость; и поскольку она полагаетъ себя черезъ моментъ абсолютной отрицательности, она есть обнаруженное или положенное тожество и тѣмъ самымъ свобода, которая есть тожество понятія. Послѣднее, какъ полнота, возникающая изъ взаимодѣйствія, есть единство обѣихъ взаимодѣйствующихъ субстанцій, такъ что онѣ отнынѣ принадлежатъ свободѣ, поскольку ихъ тожество уже не слѣпое, т.-е. не внѣшнее, а имъ по существу принадлежитъ опредѣленіе быть лишь видимостью или моментами рефлексіи; вслѣдствіе чего каждая также непосредственно совпадаетъ со своимъ другимъ или своимъ положеніемъ, и каждая содержитъ свое положеніе внутри себя самой и тѣмъ самымъ положена въ своемъ другомъ, просто какъ тожественная себѣ.

Поэтому, въ понятіи обнаружило себя царство свободы. Понятіе есть свободное, такъ какъ въ себѣ и для себя сущее тожество, составляющее необходимость субстанціи, вмѣстѣ съ тѣмъ есть снятое или положеніе, и это положеніе, какъ относящееся къ себѣ самому, есть именно сказанное тожество. Взаимная темнота стоящихъ въ причинномъ отношеніи субстанцій исчезла, такъ какъ первоначальность ихъ самостоятельности перешла въ положеніе и тѣмъ самымъ стала прозрачною для самой себя ясностью; первоначальная мыслимая вещь (Sache) такова, лишь поскольку она есть причина самой себя, а послѣдняя есть субстанція, освободившаяся въ понятіе.

Отсюда получается для понятія сейчасъ же слѣдующее ближайшее опредѣленіе. Такъ какъ бытіе въ себѣ и для себя есть непосредственно положеніе, то понятіе въ своемъ простомъ отношеніи къ себѣ самому есть абсолютная опредѣленность, которая, однако, какъ относящаяся только къ себѣ, есть непосредственно простое тожество. Но это отношеніе опредѣленности къ самой себѣ, какъ ея совпаденіе съ собою, есть также отрицаніе

опредѣленности; и понятіе, какъ это равенство съ самимъ собою, есть общее. Но это тожество имѣетъ также опредѣленіе отрицательности; оно есть отрицаніе или опредѣленность, которая относится къ себѣ, и, такимъ обрамомъ, понятіе есть единичное. Каждое изъ этихъ опредѣленій есть полнота, каждое содержитъ въ себѣ опредѣленіе другого, и потому обѣ эти полноты суть также просто одно, какъ равнымъ образомъ это единство есть раздвоеніе себя самого въ свободную видимость этой двойственности; двойственности, которая въ различіи единичнаго и общаго является полною противоположностью, но которая есть въ такой степени видимость, что при мышленіи и высказываніи одного непосредственно мыслится и высказывается другое.

Только что изложенное можетъ быть разсматриваемо, какъ понятіе понятія. Такъ какъ оно, повидимому, уклоняется отъ того, что обыкновенно понимается подъ понятіемъ, то можно бы было потребовать, чтобы то, чѣмъ здѣсь оказалось понятіе, содержалось въ другихъ представленіяхъ или объясненіяхъ. Но, съ одной стороны, здѣсь не можетъ идти рѣчь о какомъ-либо основанномъ на авторитетѣ обычнаго пониманія подтвержденіи; въ наукѣ о понятіи его содержаніе и опредѣленіе можетъ быть удостовѣрено лишь черезъ имманентный выводъ, содержащій его генезисъ и уже лежащій позади насъ. Но, съ другой стороны, въ томъ, что было представлено, какъ понятіе понятія, должно быть познано выведенное здѣсь. Но нелегко выяснить то, что сказано другими о природѣ понятія. Ибо большинство совсѣмъ не занимается этимъ изысканіемъ и заранѣе предполагаетъ, что каждому уже само собою понятно, что̀ разумѣется, когда говорятъ о понятіи. Въ новѣйшее время можно подумать, что старанія о понятіи уже тѣмъ болѣе устарѣли, что, какъ нѣкоторое время господствовалъ тонъ всевозможнымъ образомъ порицать воображеніе и затѣмъ память, такъ теперь въ философіи уже довольно давно стало обычнымъ копить всякія нареканія надъ понятіемъ, относиться къ нему, этому высшему въ мышленіи, презрительно и, напротивъ, считать за высшее, даже за вершину научности и моральности, непонятное и отсутствіе пониманія.

Я ограничусь здѣсь замѣчаніемъ, которое можетъ послужить къ пониманію развитыхъ здѣсь понятій и объяснить оріентированіе въ нихъ. Понятіе, поскольку оно достигло такого осуществленія, которое само свободно, есть не что иное, какъ *я* или чистое самосознаніе. Правда, я имѣю понятія, т.-е. опредѣленныя понятія; но *я* есть чистое понятіе, какъ таковое, которое, какъ понятіе, достигло существованія. Если поэтому припомнить тѣ основныя опредѣленія, которыя образуютъ природу *я*, то можно предположить, что мы припоминаемъ нѣчто извѣстное, т.-е. обычное для представленія. Но *я* есть, во-первыхъ, это чистое относящееся къ себѣ единство и притомъ не непосредственно, а поскольку оно отвлечено отъ всякой опредѣленности и содержанія и совпадаетъ съ собою, съ самимъ собою въ безграничномъ равенствѣ. Такимъ образомъ, оно есть общность, единство, которое есть единство съ собою лишь черезъ то отрицательное отношеніе, которое является, какъ отвлеченность, и потому содержитъ въ себѣ разрѣшенною всякую опредѣленность. Во-вторыхъ, *я* есть также непосредственно относящаяся къ себѣ са-

мой отрицательность, единичность, абсолютная опредѣленность, противопоставляющая себѣ и исключающая другое: индивидуальная личность. Эта абсолютная общность, которая непосредственно есть равнымъ образомъ абсолютная единичность, и то бытіе въ себѣ и для себя, которое есть просто положеніе и есть это бытіе въ себѣ и для себя лишь черезъ единство съ положеніемъ, составляютъ также природу *я*, какъ понятія; въ томъ и въ другомъ нельзя ничего понять, если не мыслить указанные оба момента вмѣстѣ съ тѣмъ и въ ихъ отвлеченности, и въ ихъ полномъ единствѣ.

Если, какъ то обычно принято, говорятъ о разсудкѣ, какъ объ обладаемымъ *я*, то подъ нимъ понимаютъ нѣкоторую способность или свойство, находящееся въ такомъ же отношеніи къ я, какъ свойство вещи къ самой вещи, къ нѣкоторому неопредѣленному субстрату, который не есть ея истинное основаніе и не опредѣляетъ ея свойства. По этому представленію я имѣю понятія и понятіе, какъ я имѣю сюртукъ, цвѣтъ и другія внѣшнія свойства. Кантъ возвысился надъ такимъ внѣшнимъ отношеніемъ разсудка, какъ способности понятій, къ самому понятію, къ *я*. Къ глубочайшимъ и правильнѣйшимъ взглядамъ, находящимся въ критикѣ разума, принадлежитъ тотъ взглядъ, по коему единство, составляющее сущность понятія, познается, какъ первоначально-синтетическое единство апперцепціи, какъ единство „я мыслю“ или самосознанія. Это предложеніе обусловливаетъ такъ названный трансцендентальный выводъ категорій; но оно искони считалось однимъ изъ труднѣйшихъ частей кантовой философіи, — конечно, не по какому-либо иному основанію, какъ потому, что оно требуетъ возвышенія надъ простымъ представленіемъ отношенія, въ какомъ находятся я и разсудокъ или понятія къ какой-либо вещи и ея свойствамъ и акциденціямъ, въ область мысли. Объектъ, говоритъ Кантъ (Kr. d. r. V, стр. 137 2-е изд.), есть то, въ понятіи чего объединяется многообразіе нѣкотораго даннаго воззрѣнія. Но всякое объединеніе представленій требуетъ единства сознанія въ ихъ синтезѣ. Слѣдовательно, это единство сознанія есть то, что одно образуетъ отношеніе представленій къ нѣкоторому предмету, т.-е. ихъ объективную стоимость, и на чемъ основывается самая возможность разсудка. Кантъ различаетъ отъ этого единства субъективное единство сознанія, единство представленія о томъ, сознаю ли я нѣкоторое многообразіе одновременно или послѣдовательно, что зависитъ отъ опытныхъ условій. Напротивъ, принципы объективнаго опредѣленія представленій должны быть выводимы единственно изъ основоположенія трансцендентальнаго единства апперцепціи. Посредствомъ категорій, которыя суть объективныя опредѣленія, многообразіе данныхъ представленій опредѣляется такъ, что оно приводится къ единству сознанія. По этому взгляду единство понятія есть то, вслѣдствіе чего нѣчто есть не простое чувственное опредѣленіе, воззрѣніе или простое представленіе, но объектъ, объективное единство, единство я съ самимъ собою. Пониманіе нѣкотораго предмета дѣйствительно состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что я дѣлаетъ его своимъ собственнымъ, проникаетъ его и приводитъ его въ свою собственную форму, т.-е. въ

общность, которая есть непосредственно опредѣленность, или въ опредѣленность, которай есть непосредственно общность. Предметъ въ воззрѣніи или также въ представленіи есть еще нѣчто внѣшнее, чуждое. Черезъ пониманіе бытіе въ себѣ и для себя, которое онъ имѣетъ въ воззрѣніи и представленіи, превращается въ положеніе; я проникаетъ его мысленно. Но онъ есть въ себѣ и для себя, лишь каковъ онъ въ мышленіи; каковъ онъ въ воззрѣніи или представленіи, онъ есть явленіе; мышленіе снимаетъ его непосредственность, съ какою онъ ближайшимъ образомъ привходитъ къ намъ, и дѣлаетъ его, такимъ образомъ, положеннымъ; а это его положеніе есть его бытіе въ себѣ и для себя или его объективность. Такимъ образомъ, предметъ имѣетъ объективность въ понятіи, и послѣднее есть единство самосознанія, въ которое онъ принятъ, поэтому его объективность или понятіе есть само не что иное, какъ природа самосознанія, не имѣетъ никакихъ иныхъ моментовъ или опредѣленій, кромѣ самого *я*.

Тѣмъ самымъ черезъ одно изъ главныхъ предложеній кантовой философіи оправдывается тотъ взглядъ, по которому для познанія того, что такое понятіе, надлежитъ припомнить природу *я*. Но, наоборотъ, для этого необходимо мыслить понятіе я такъ, какъ оно было только что изложено. Если остановиться на простомъ представленіи *я*, какъ оно предносится нашему обычному сознанію, то *я* есть лишь простая вещь, именуемая также душою, которой присуще понятіе, какъ нѣкоторое обладаніе или свойство. Это представленіе, которое не допускаетъ пониманія ни *я*, ни понятія, не можетъ служить къ тому, чтобы облегчить пониманіе понятія или приблизиться къ нему.

Вышеприведенное изложеніе Канта содержитъ въ себѣ еще двѣ стороны, касающіяся понятія и дѣлающія необходимыми нѣкоторыя дальнѣйшія замѣчанія. Во-первыхъ, ступени разсудка предпосланы ступени чувства и воззрѣнія; и одно изъ существенныхъ предложеній кантовой трансцендентальной философіи состоитъ въ томъ, что понятія безъ воззрѣнія пусты и имѣютъ значеніе, лишь какъ отношенія даннаго черезъ воззрѣніе многообразія. Во-вторыхъ, на понятіе указано, какъ на объективное въ познаніи и тѣмъ самымъ какъ на истину. Но съ другой стороны, понятіе признается за нѣчто только субъективное, изъ котораго нельзя выколупать (herausklauben) реальности, подъ коею, такъ какъ она противопоставляется субъективности, слѣдуетъ разумѣть объективность; и вообще понятіе и логическое объявляются чѣмъ-то лишь формальнымъ, которое, такъ какъ оно отвлекаетъ отъ содержанія, не содержитъ въ себѣ истины.

Но что касается, во-первыхъ, сказаннаго отношенія разсудка или понятія къ предпосланнымъ ему ступенямъ, то является вопросъ, какая наука занимается опредѣленіемъ формы этихъ ступеней. Въ нашей наукѣ, какъ чистой логикѣ, эти ступени суть бытіе и сущность. Въ психологіи разсудку предпосылаются чувство и воззрѣніе и затѣмъ представленіе вообще. Феноменологія духа, какъ ученіе о сознаніи, восходитъ къ разсудку по ступенямъ чувственнаго сознанія и затѣмъ воспріятія. Кантъ предпосылаетъ ему лишь чувства и воззрѣніе. Какъ прежде всего не полна эта

лѣстница ступеней, это онъ признаетъ тѣмъ, что присоединяетъ къ трансцендентальной логикѣ или ученію о разсудкѣ, какъ прибавленіе, еще разсужденіе о рефлективныхъ понятіяхъ;—область, лежащую между воззрѣніемъ и разсудкомъ или бытіемъ и понятіемъ. Обращаясь къ самому дѣлу слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что эти образованія воззрѣнія, представленія и т. под. принадлежатъ самосознательному духу, который, какъ таковой, не разсматривается въ наукѣ логики. Чистыя опредѣленія бытія, сущности и понятія, правда, образуютъ собою основу и внутренній простой остовъ формъ духа; духъ, какъ воззрительный, также, какъ чувственное сознаніе, имѣетъ опредѣленность непосредственнаго бытія, а духъ, какъ представляющій, также, какъ воспринимающее сознаніе, поднялся отъ бытія на ступень сущности или рефлексіи. Но эти конкретныя образованія столь же мало касаются науки логики, какъ и тѣ конкретныя формы, которыя принимаются логическими опредѣленіями въ природѣ, и которыя становятся въ ней пространствомъ и временемъ, засимъ наполненными пространствомъ и временемъ, какъ неорганическою природою, и (наконецъ) органическою природою. Также и здѣсь на понятіе должно смотрѣть, не какъ на актъ самосознательнаго разсудка, не какъ на субъективный разсудокъ, но какъ на понятіе въ себѣ и для себя, образующее также ступень и природы, и духа. Жизнь или органическая природа есть та ступень природы, на которой выступаетъ понятіе, но какъ понятіе слѣпое, не усваивающее само себя, т.-е. не мыслящее; какъ послѣднее, оно присуще лишь духу. Отъ этого недуховнаго также, какъ и отъ духовнаго вида понятія не зависитъ его логическая форма; объ этомъ уже во вступленіи сдѣлано потребное упоминаніе; это такое значеніе, которое должно быть оправдано не въ логикѣ, а выяснено еще до нея.

Но какъ бы ни были образованы формы, предшествующія понятію, является, во-вторыхъ, вопросъ объ отношеніи, въ коемъ должно быть мыслимо къ нимъ понятіе. Это отношеніе какъ въ обычномъ психологическомъ представленіи, такъ и въ кантовой трансцендентальной философіи, понимается такъ, какъ будто эмпирическая матерія, многообразіе воззрѣнія и представленія, заранѣе существуетъ для себя, и затѣмъ разсудокъ приходитъ къ нему, вноситъ въ него единство и повышаетъ его посредствомъ отвлеченія въ форму общности. Разсудокъ есть, такимъ образомъ, нѣкоторая пустая для себя форма, отчасти пріобрѣтающая реальность лишь черезъ это данное содержаніе, отчасти отвлекающая отъ него, именно отбрасывающая его, какъ нѣчто, правда, лишь для понятія, непригодное. Въ томъ и въ другомъ дѣйствіи понятіе не есть независимое, существенное и истинное этой предшествующей ему матеріи, которая, напротивъ, есть реальность въ себѣ и для себя, не могущая быть выколупанною изъ понятія.

Правда, должно быть допущено, что понятіе, какъ таковое, еще не полно, но должно быть повышено въ идею, которая только и есть единство понятія и реальности, какъ это должно оказаться черезъ изслѣдованіе природы самого понятія. Ибо реальность, которую оно сообщаетъ себѣ, должна

считаться не чѣмъ-либо внѣшнимъ, а выведеннымъ по требованію науки изъ него самого. Но, въ дѣйствительности, эта реальность не есть та данная черезъ воззрѣніе и представленіе матерія, которая противопоставляется понятію, какъ реальное. „Это только понятіе“,—такъ говорятъ обыкновенно, противопоставляя понятію, какъ нѣчто болѣе превосходное, не только идею, но и чувственное, пространственное и временное осязательное существованіе. Такимъ образомъ, отвлеченное считается ничтожнѣе конкретнаго, такъ какъ изъ перваго отбрасывается столько-то такой-то матеріи. Отвлеченіе получаетъ при этомъ предположеніи такой смыслъ, что изъ конкретнаго лишь для нашего субъективнаго употребленія выдѣляется тотъ или иной признакъ такъ, чтобы при отрицаніи такихъ-то качествъ и свойствъ предмета онъ не утрачивалъ ничего въ своей цѣнности и своемъ достоинствѣ, но какъ реальное, разсматриваемое лишь съ другой стороны, сохранялъ попрежнему полное свое значеніе, и чтобы лишь отъ неспособности разсудка зависѣла невозможность усвоенія всего этого богатства и необходимость удовлетвориться скудною отвлеченностью. Но если данная матерія воззрѣнія и многообразіе представленія признаются реальными въ противоположность мыслимому и понятію, то это такой взглядъ, отреченіе отъ котораго служитъ условіемъ не только философствованіи, но предполагается даже религіею; ибо какъ возможны потребность въ ней и ея смыслъ, если бѣглое и поверхностное явленіе чувственнаго и частнаго еще считается за истину? Философія же даетъ основанный на пониманіи взглядъ на то, что слѣдуетъ разумѣть подъ реальностью чувственнаго бытія, и предпосылаетъ разсудку эти ступени ощущенія и воззрѣнія, чувственнаго сознанія и т. д. постольку, поскольку онѣ въ его становленіи служатъ его условіями, но лишь такъ, что понятіе возникаетъ, какъ ихъ основаніе, изъ ихъ діалектики и уничтоженія, а не такъ, чтобы оно было обусловлено ихъ реальностью. Поэтому на отвлекающее мышленіе слѣдуетъ смотрѣть не просто, какъ на отстраненіе чувственной матеріи, которая при этомъ не терпитъ никакого ущерба въ своей реальности, но оно есть скорѣе снятіе послѣдней и сведеніе ея, какъ простого явленія, къ существенному, проявляющемуся только въ понятіи. Конечно, если бы отвлеченность служила даже лишь признакомъ или знакомъ того, что должно быть оставлено въ понятіи изъ состава конкретнаго явленія, то въ этомъ случаѣ она должна бы была быть какимъ-либо отдѣльнымъ чувственнымъ опредѣленіемъ предмета, избраннымъ предпочтительно передъ другими ради нѣкотораго внѣшняго интереса, однороднымъ и одной природы съ ними.

Главное недоразумѣніе, которое здѣсь возникаетъ, состоитъ въ томъ мнѣніи, будто естественный принципъ или начало, отъ коего исходятъ въ естественномъ развитіи или въ исторіи развивающагося индивидуума, есть истинное и по понятію первое. Воззрѣніе или бытіе, правда, по природѣ есть первое или условіе понятія, но оно вслѣдствіе того еще не есть безусловное въ себѣ и для себя; напротивъ, въ понятіи снимается ихъ реальность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и та видимость, которую они имѣли, какъ обусловливающее реальное. Если дѣло идетъ не объ истинѣ, а только объ исторіи,

какъ она имѣетъ мѣсто въ представленіи и въ являющемся мышленіи, то, конечно, можно ограничиться разсказомъ о томъ, что мы начинаемъ съ чувствъ и воззрѣній, а разсудокъ извлекаетъ изъ ихъ многообразія общее или отвлеченное и, понятно, нуждается для этого въ такой основѣ, которая еще остается для представленія при такомъ отвлеченіи въ той полной реальности, съ коею она впервые обнаруживается. Но философія должна быть не разсказомъ о томъ, что совершается, а познаніемъ того, что въ немъ *истинно*, и изъ истиннаго она должна далѣе понять то, что является въ разсказѣ, какъ простое событіе.

Если при поверхностномъ представленіи о томъ, что такое понятіе, все многообразіе поставляется *внѣ понятія* и послѣднему остается присущею лишь форма отвлеченной общности или пустого тожества рефлексіи, то слѣдуетъ прежде всего припомнить о томъ, что уже вообще для полученія понятія или опредѣленія должна опредѣлительно присоединиться къ роду, который и самъ не есть чисто отвлеченная общность, также и *специфическая опредѣленность*. Если подумать объ этомъ съ нѣсколько мыслящимъ соображеніемъ о томъ, что этимъ хотятъ сказать, то окажется, что тѣмъ самымъ за столь же существенный моментъ понятія признается *различеніе*. Кантъ побудилъ къ такому соображенію посредствомъ той въ высшей степени важной мысли, что существуютъ *синтетическія сужденія a priori*. Этотъ первоначальный синтезъ апперцепціи есть одинъ изъ глубочайшихъ принциповъ для умозрительнаго развитія; онъ содержитъ въ себѣ начало истиннаго пониманія природы понятія и совершенно противоположенъ тому пустому тожеству или отвлеченной общности, которая вовсе не есть синтезъ внутри себя. Но съ этимъ началомъ мало согласуется дальнѣйшее изложеніе. Уже выраженіе *синтезъ* легко приводитъ опять къ представленію *внѣшняго* единства, *простого сочетанія* того, что *въ себѣ и для себя раздѣльно*. За симъ кантова философія остановилась лишь на психологическомъ рефлексѣ понятія и вновь возвратилась къ утвержденію постоянной обусловленности понятія многообразіемъ воззрѣнія. Она объявила разсудочное познаніе и опытъ *являющимся* содержаніемъ не потому, что категоріи сами конечны, а на основаніи психологическаго идеализма потому, что онѣ суть *лишь* опредѣленія, проистекающія изъ самосознанія. Къ сказанному слѣдуетъ присовокупить, что понятіе безъ многообразія воззрѣнія опять-таки должно быть по Канту *безсодержательно и пусто*, несмотря на то, что оно a priori есть *синтезъ*, и поскольку оно таково, оно имѣетъ внутри себя самого опредѣленность и различіе. Поскольку синтезъ есть опредѣленность понятія, и тѣмъ самымъ *абсолютная опредѣленность, единичность*, понятіе есть основаніе и источникъ всякой конечной опредѣленности и многообразія.

То формальное положеніе, которое понятіе занимаетъ, какъ разсудокъ, восполняется въ изложеніи Канта тѣмъ, что̀ есть *разумъ*. Въ разумѣ на высшей ступени мышленія, понятіе, какъ можно бы было ожидать, должно утратить ту условность, какую оно еще сохраняетъ на ступени разсудка, и достигнуть полной истины. Но это ожиданіе обманывается. Такъ какъ Кантъ опредѣ-

дѣляетъ отношеніе разума къ категоріямъ, лишь какъ діалектическое, и при томъ понимаетъ результатъ этой діалектики, только какъ безконечное ничто, то безконечное единство разума теряетъ и синтезъ, а тѣмъ самымъ и то начало умозрительнаго, по истинѣ безконечнаго понятія; оно становится, какъ извѣстно, чисто формальнымъ, только регулятивнымъ единствомъ систематическаго употребленія разсудка. Считается злоупотребленіемъ логики, если она, которая должна быть только канономъ критики, признается за органъ произведенія объективныхъ взглядовъ. Понятія разума, въ которыхъ слѣдовало бы чаять болѣе высокую силу и болѣе глубокое созерцаніе, уже не имѣютъ въ себѣ ничего конститутивнаго, свойственнаго категоріямъ; они суть только идеи; правда, вполнѣ дозволительно употреблять ихъ, но при помощи этихъ умопостигаемыхъ сущностей, въ которыхъ должна бы была сосредоточиваться вся истина, нельзя мыслить ничего, кромѣ гипотезъ, приписывать которымъ истину въ себѣ и для себя было бы полнымъ произволомъ и безумною отвагою, такъ какъ онѣ не присущи никакому опыту. Можно ли было бы подумать, что философія станетъ отрицать истину умопостигаемыхъ сущностей потому, что онѣ лишены пространственной и временной чувственной матеріи?

Съ этимъ непосредственно связана та точка зрѣнія, въ отношеніи съ которой должно вообще разсматривать понятіе и назначеніе логики, и которая въ философіи Канта принимается такъ, какъ это дѣлается обычно: именно въ отношеніи понятія и науки о немъ къ самой истинѣ. Было уже приведено изъ кантова вывода категорій, что согласно ему объектъ, въ которомъ объединяется многообразіе воззрѣнія, есть это единство лишь черезъ единство самосознанія. Такимъ образомъ, здѣсь опредѣленно высказана объективность мышленія, то тожество понятія и вещи, которая и есть истина. Равнымъ образомъ вообще признается, что, когда мышленіе усваиваетъ данный предметъ, то послѣдній тѣмъ самымъ претерпѣваетъ измѣненіе и превращается изъ чувственнаго въ мыслимый; но что это измѣненіе нетолько ничего не измѣняетъ въ его существенности, а напротивъ онъ именно въ своемъ понятіи есть въ своей истинѣ, въ непосредственности же, въ которой онъ данъ, — лишь явленіе и случайность; что познаніе предмета, понимающее его, есть познаніе его такимъ, каковъ онъ въ себѣ и для себя, и что понятіе и есть сама его объективность. Съ другой стороны опять-таки также точно утверждаютъ, что мы не можемъ познавать вещей, каковы онѣ въ себѣ и для себя, и что истина недоступна познающему разуму; что та истина, которая состоитъ въ единствѣ объекта и понятія, есть лишь явленіе, и именно на томъ основаніи, что содержаніе есть лишь многообразіе воззрѣнія. По этому поводу было уже упомянуто, что, напротивъ, именно въ понятіи снято то многообразіе, которое свойственно воззрѣнію въ противоположность понятію, и что черезъ понятіе предметъ возвращенъ къ своей неслучайной существенности; послѣдняя выступаетъ въ явленіи, и потому явленіе есть не просто несущественное, а обнаруженіе сущности. Но ставшее вполнѣ свободнымъ обнаруженіе ея есть понятіе. Эти пред-

ложенія, о коихъ здѣсь припоминается, не суть поэтому догматическія утвержденія, такъ какъ они суть результаты, происходящіе черезъ полное саморазвитіе сущности. Теперешняя точка зрѣнія, къ которой привело это развитіе, состоитъ въ томъ, что форма абсолютнаго, высшая, чѣмъ бытіе и сущность, есть понятіе. Такъ какъ оказалось, что по этой своей сторонѣ оно подчинило себѣ бытіе и сущность, къ которымъ при другихъ исходныхъ пунктахъ принадлежатъ также ощущеніе, воззрѣніе и представленіе, и которыя являются предшествующими ему условіями, и что оно есть ихъ безусловное основаніе, то остается за симъ еще вторая его сторона, изложенію которой и посвящена эта третья книга логики, именно изложеніе того, какимъ образомъ возникаетъ въ самой себѣ и изъ себя исчезнувшая въ немъ реальность. Необходимо, конечно, поэтому допустить, что познаніе, которое дано лишь въ понятіи, чисто какъ таковымъ, еще не полно и достигло только отвлеченной истины. Но его неполнота состоитъ не въ томъ, что оно лишено той предполагаемой реальности, какая дана въ ощущеніи и воззрѣніи, а въ томъ, что понятіе еще не сообщило себѣ своей собственной изъ себя самого порожденной реальности. Въ томъ и состоитъ обнаружившаяся въ противоположность чувственной матеріи и въ ней, а точнѣе въ ея категоріяхъ и опредѣленіяхъ рефлексіи, абсолютность понятія, что оно обладаетъ истиною не только въ томъ видѣ, въ какомъ оно является внѣ и до понятія, но исключительно въ своей идеальности или тожествѣ съ понятіемъ. Выводъ изъ него реальнаго, если онъ можетъ быть названъ выводомъ, состоитъ по существу ближайшимъ образомъ въ томъ, что понятіе въ своей формальной отвлеченности оказывается недостаточнымъ и черезъ обоснованную въ немъ самомъ діалектику переходитъ въ реальность такъ, что производитъ ее изъ себя, а не такъ, что снова возвращается къ готовой, найденной въ противоположность ему реальности и прибѣгаетъ къ чему-то, оказавшемуся несущественнымъ явленія, какъ бы такъ, что понятіе въ своихъ поискахъ лучшаго не нашло послѣдняго. Навсегда останется достойнымъ удивленія, что философія Канта признала то отношеніе мышленія къ чувственному существованію, на которомъ она остановилась, лишь за условное отношеніе простого явленія и хотя признала и высказала высшее единство ихъ обоихъ въ идеѣ, напр., въ идеѣ нѣкотораго воззрительнаго разсудка, но остановилась на томъ условномъ отношеніи и на признаніи того, что понятіе совершенно отдѣлено и остается отдѣленнымъ отъ реальности; тѣмъ самымъ она признала за истину то, что сама объявила конечнымъ познаніемъ, а то, что она признала за истину и подвела подъ опредѣленное понятіе, объявила переступающимъ мѣру, недозволеннымъ, мысленными вещами.

Такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь объ отношеніи къ истинѣ логики, а не науки вообще, то слѣдуетъ далѣе признать, что логика, какъ формальная наука, не можетъ и не должна содержать въ себѣ той реальности, которая составляетъ содержаніе дальнѣйшихъ частей философіи, наукъ о природѣ и духѣ. Эти конкретныя науки, конечно, приходятъ къ болѣе реальной формѣ идеи, чѣмъ логика, но при томъ не такъ, чтобы онѣ возвращались опять къ

той реальности, которую уже превзошло сознаніе, возвысившееся отъ своего явленія до науки, или же къ употребленію такихъ формъ, какъ категоріи и опредѣленія рефлексіи, конечность и неистинность которыхъ изложена въ логикѣ. Напротивъ, логика показываетъ возвышеніе идеи до такой ступени, на которой она становится творцомъ природы и переходитъ къ формѣ конкретной непосредственности, понятіе коей снова разрушаетъ, однако, и это образованіе для того, чтобы стать самой собою, какъ конкретный духъ. Въ отличіе отъ этихъ конкретныхъ наукъ, имѣющихъ и сохраняющихъ, однако, въ себѣ логическое или понятіе, какъ внутреннее образующее начало, сама логика есть, конечно, формальная наука, но наука абсолютной формы, которая есть полнота внутри себя и содержитъ чистую идею истины. Эта абсолютная форма имѣетъ въ ней самой свое содержаніе или свою реальность; понятіе, поскольку оно не есть обыденное, пустое тожество, имѣетъ въ моментѣ своей отрицательности или абсолютной опредѣленности различаемыя опредѣленія; содержаніе его есть вообще не что иное, какъ такія опредѣленія абсолютной формы, какъ положенное черезъ нея саму и потому соотвѣтственное ей содержаніе. Потому эта форма имѣетъ совсѣмъ иную природу, чѣмъ обычно приписываемая логической формѣ. Она есть уже для себя самой истина, поскольку это содержаніе соотвѣтствуетъ своей формѣ, или эта реальность— своему понятію, и при томъ чистая истина, такъ какъ ея опредѣленіямъ еще несвойственна форма абсолютнаго инобытія или абсолютной непосредственности. Когда Кантъ Kr. d. r. Vern. ч. II, введеніе III приходитъ относительно логики къ старому и знаменитому вопросу: что есть истина? то онъ даритъ прежде всего, какъ нѣчто общеизвѣстное, объясненіе названія,— именно, что она есть согласіе познанія съ его предметомъ; опредѣленіе, имѣющее громадную, даже величайшую цѣнность. Если вспомнить о немъ при томъ основномъ утвержденіи трансцендентальнаго идеализма, что познаніе не можетъ постигнуть вещи въ себѣ, что реальность лежитъ совершенно внѣ понятій, то сейчасъ же окажется, что такой разумъ, который не можетъ привести себѣ въ согласованіе со своимъ предметомъ, вещами въ себѣ, и вещи въ себѣ, которыя не согласуются съ понятіями разума, понятіе, которое не согласуется съ реальностью, и реальность, которая не согласуется съ понятіемъ, суть неистинныя представленія. Если бы Кантъ при этомъ опредѣленіи истины сохранилъ идею воззрительнаго разсудка, то онъ отнесся бы къ этой идеѣ, выражающей требуемое согласіе (реальности и понятія), не какъ къ мысленной вещи, а именно какъ къ истинѣ.

„То, знаніе чего требуютъ, объясняетъ далѣе Кантъ, есть всеобщій и вѣрный критерій истины всякаго познанія; онъ долженъ быть такимъ, который примѣнимъ ко всѣмъ познаніямъ безъ различія ихъ предметовъ; но такъ какъ при немъ отвлекается отъ всего содержанія познанія (отъ отношенія къ его объекту), а истина касается именно этого содержанія, то было бы совершенно невозможно и нелѣпо спрашивать о признакѣ истины этого содержанія познанія“. Здѣсь очень опредѣленно изложено обычное представленіе о формальной функціи логики, и

приведенное разсужденіе кажется весьма убѣдительнымъ. Но при этомъ слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что обычная участь такого формальнаго разсужденія—забывать въ своемъ словесномъ изложеніи то, что составляетъ его основу, и о чемъ оно говоритъ. Утверждается, что было бы нелѣпо спрашивать о критеріи истины содержанія познанія; но по приведенному выше опредѣленію истину составляетъ не содержаніе, а его согласіе съ понятіемъ. Содержаніе, о которомъ здѣсь говорится, безъ понятія есть лишенное понятія, стало быть лишенное и сущности; о критеріи истины такого содержанія, конечно, нельзя спрашивать, но по противоположному основанію, именно потому что оно въ своей непричастности понятію можетъ быть не требуемымъ согласіемъ, а лишь чѣмъ-то принадлежащимъ къ лишенному истины мнѣнію. Оставимъ въ сторонѣ упоминаніе о содержаніи, порождающее здѣсь ту запутанность, въ которую постоянно впадаетъ формализмъ и которая побуждаетъ его говорить обратное тому, что онъ хочетъ сказать, коль скоро онъ вдается въ объясненіе, и остановимся на томъ отвлеченномъ взглядѣ, по коему логическое лишь формально и отвлечено отъ всякаго содержанія; въ такомъ случаѣ мы получаемъ одностороннее знаніе, не содержащее въ себѣ никакого предмета, пустую, лишенную опредѣленія форму, которая, стало быть, столь же мало есть согласіе — ибо для согласія существенны двѣ стороны, — сколь мало есть истина. Въ апріорномъ синтезѣ понятія Кантъ призналъ высшій принципъ, въ коемъ можетъ стать познанною двойственность въ единствѣ, слѣдовательно, то, что требуется для истины; но чувственная матерія, многообразіе воззрѣнія имѣли надъ нимъ слишкомъ много силы для того, чтобы дать ему возможность дойти до разсмотрѣнія понятія и категорій въ себѣ и для себя и до умозрительнаго философствованія.

Такъ какъ логика есть наука абсолютной формы, то это формальное, чтобы стать истиннымъ, должно имѣть въ немъ самомъ нѣкоторое содержаніе, соотвѣтственное его формѣ, т.-е. должно быть логически истиннымъ, самою чистою истиною. Вслѣдствіе того это формальное должно внутри себя быть гораздо богаче опредѣленіями и содержаніемъ, а также быть мыслимымъ обладающимъ безконечно большею силою надъ конкретнымъ, чѣмъ то обыкновенно признается. Логическіе законы для себя (если отбросить все инородное, прикладную логику и иной психологическій и антропологическій матеріалъ) сводятся обыкновенно, кромѣ начала противорѣчія, на нѣсколько скудныхъ предложеній о превращеніи сужденій и формахъ умозаключеній. Даже относящіеся сюда формы, равно какъ ихъ дальнѣйшія опредѣленія, излагаются лишь какъ бы исторически, а не подвергаются критикѣ съ цѣлью установить, истинны ли онѣ въ себѣ и для себя. Такъ, наприм., форма утвердительнаго сужденія считается за нѣчто совершенно правильное въ себѣ, хотя истина этого сужденія всецѣло зависитъ отъ содержанія. Есть ли эта форма въ себѣ и для себя форма истины, высказываемое въ ней предложеніе — единичное есть нѣчто общее—не діалектично ли въ себѣ, объ изслѣдованіи этого вопроса не думаютъ. Просто признается, что это сужденіе само для себя способно содержать истину, и что каждое предложеніе, выска-

зываемое въ этомъ сужденіи, истинно, хотя непосредственно явствуетъ, что ему не хватаетъ того, что требуется опредѣленіемъ истины, именно согласія понятія со своимъ предметомъ; сказуемое, которое, какъ понятіе, есть здѣсь общее, и подлежащее, которое, какъ предметъ, есть единичное, не согласуются одно съ другимъ. Но если отвлеченное общее, составляющее сказуемое, еще не образуетъ собою понятія, для котораго безъ сомнѣнія требуется нѣчто большее, а также если такое подлежащее имѣетъ не болѣе чѣмъ грамматическій смыслъ, то какъ же можетъ сужденіе содержать въ себѣ истину, коль скоро его понятіе и предметъ между собою не согласуются, или ему не хватаетъ понятія, а можетъ быть и предмета? Поэтому скорѣе невозможно и нелѣпо желать схватить истину въ такихъ формахъ, какъ утвердительное сужденіе или сужденіе вообще. Какъ философія Канта не разсматривала категорій въ себѣ и для себя, но объявила ихъ по тому ложному основанію, что онѣ суть субъективныя формы самосознанія, конечными опредѣленіями, неспособными содержать въ себѣ истину, такъ она еще въ меньшей мѣрѣ подвергла критикѣ формы понятія, составляющія содержаніе обычной логики; напротивъ, эта философія приняла часть послѣдней, именно функціи сужденій, за опредѣленіе категорій и придала имъ значеніе правильныхъ предположеній. Если въ логическихъ формахъ не усматривать даже ничего кромѣ формальныхъ функцій мышленія, то и въ такомъ случаѣ заслуживало бы изслѣдованія, въ какой мѣрѣ онѣ сами для себя соотвѣтствуютъ истинѣ. Логика, которая этимъ не занимается, можетъ изъявлять притязаніе самое большее на значеніе естественно-историческаго описанія явленій мышленія, описанія того, какъ они совершаются. Безконечная заслуга Аристотеля, которая должна наполнять насъ величайшимъ удивленіемъ къ силѣ его духа, состоитъ въ томъ, что онъ первый предпринялъ такое описаніе. Но необходимо идти далѣе и познать отчасти систематическую связь, отчасти же цѣнность этихъ формъ.

Раздѣленіе.

Понятіе, согласно разсмотрѣнному выше, есть единство бытія и сущности. Сущность есть первое отрицаніе бытія, которое вслѣдствіе того стало видимостью, понятіе есть второе или отрицаніе этого отрицанія, стало быть, бытіе возстановленное, но какъ безконечное опосредованіе и отрицаніе его внутри себя самого. Поэтому въ понятіи бытіе и сущность уже не имѣютъ опредѣленія, какъ бытіе и сущность, а равнымъ образомъ не состоятъ въ такомъ единствѣ, что каждое имѣетъ видимость въ другомъ. Поэтому въ понятіи нѣтъ различія по этимъ опредѣленіямъ. Оно есть истина того субъективнаго отношенія, въ которомъ бытіе и сущность достигаютъ одно черезъ другое своихъ полныхъ самостоятельности и опредѣленія. Истиною и субстанціальностью оказывается субстанціальное единство, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ только положеніе. Положеніе есть существованіе и различеніе, поэтому въ понятіи бытіе въ себѣ и для себя достигло соотвѣтствую-

щаго себѣ и истиннаго существованія, ибо это положеніе есть само бытіе въ себѣ и для себя. Это положеніе образуетъ различеніе понятія въ немъ самомъ; его различенія, поскольку оно непосредственно есть бытіе въ себѣ и для себя, суть сами полное понятіе; они общи въ ихъ опредѣленности и тожественны со своимъ отрицаніемъ.

Теперь мы достигли самого понятія понятія. Но это еще только его понятіе, или, иначе, понятіе само есть еще только понятіе. Такъ какъ оно есть бытіе въ себѣ и для себя, поскольку оно есть положеніе или абсолютная субстанція, поскольку оно обнаруживаетъ необходимость различаемыхъ субстанцій, какъ тожество, то это тожество должно быть самоположеніемъ того, что оно есть. Моменты движенія отношенія субстанціальности, черезъ которое становится понятіе, и изображенная черезъ это реальность находится лишь въ переходѣ къ понятію, она еще не есть свое собственное, происходящее изъ понятія опредѣленіе; она падаетъ еще въ сферу необходимости, своимъ же можетъ въ немъ быть лишь его свободное опредѣленіе, существованіе, въ которомъ оно тожественно съ собою, моменты котораго суть понятія и положены черезъ него само.

Поэтому понятіе, во-первыхъ, есть лишь въ себѣ истина; такъ какъ оно есть только нѣчто внутреннее, то оно есть также только нѣчто внѣшнее. Оно есть, во-первыхъ, вообще нѣчто непосредственное, и въ этомъ видѣ его моменты имѣютъ форму непосредственныхъ, твердыхъ опредѣленій. Оно является, какъ опредѣленное понятіе, какъ сфера простого разсудка. Такъ какъ эта форма непосредственности есть еще несоотвѣтствующее его природѣ существованіе, ибо оно есть лишь къ себѣ самому относящееся свободное, то она есть нѣкоторая внѣшняя форма, въ которой понятіе можетъ считаться не сущимъ въ себѣ и для себя, а лишь положеннымъ или чѣмъ-то субъективнымъ. Видъ непосредственнаго понятія образуетъ ту точку зрѣнія, съ которой понятіе есть субъективное мышленіе, нѣкоторая внѣшняя для вещи рефлексія. Эта ступень образуетъ собою поэтому субъективность или формальное понятіе. Его внѣшность проявляется въ твердомъ бытіи его опредѣленій, вслѣдствіе чего каждое выступаетъ для себя, какъ нѣчто отдѣльное, качественное, состоящее лишь во внѣшнемъ отношеніи къ своему другому. Но тожество понятія, которое именно и есть внутренняя или субъективная его сущность, приводитъ его въ діалектическое движеніе, черезъ которое снимается его отдѣльность, а съ тѣмъ вмѣстѣ отдѣленіе понятія отъ вещи, и, какъ его истина, возникаетъ полнота, образующая собою объективное понятіе.

Во-вторыхъ. Понятіе въ своей объективности есть сама сущая въ себѣ и для себя вещь. Черезъ свое необходимое дальнѣйшее опредѣленіе формальное понятіе обращаетъ само себя въ вещь и тѣмъ самымъ утрачиваетъ отношеніе субъективности и внѣшности къ ней. Иначе, наоборотъ, объективность есть выступившее изъ своей внутренности и перешедшее въ существованіе реальное понятіе. Въ этомъ тожествѣ съ вещью оно имѣетъ тѣмъ самымъ собственное и свободное существованіе. Но это еще непосредственная, еще не отрицательная свобода. Какъ единое съ вещью,

понятіе погружено въ нее; его различенія суть объективныя осуществленія, въ которыхъ оно само снова есть внутреннее. Какъ душа объективнаго существованія, оно должно сообщить себѣ ту форму субъективности, которую оно, какъ формальное понятіе, имѣло непосредственно; такимъ образомъ, въ формѣ свободнаго, которой оно еще не имѣло въ объективности, оно выступаетъ въ противоположности съ послѣднею, и тѣмъ самымъ обращаетъ тожество съ собою, которымъ оно, какъ объективное понятіе, въ себѣ и для себя обладаетъ съ нимъ, также въ положенное.

Въ этомъ своемъ завершеніи, въ которомъ оно и въ своей объективности также имѣетъ форму свободы, адекватное понятіе есть идея. Разумъ, который есть сфера идеи, есть самой себѣ открывшаяся истина, въ которой понятіе находитъ совершенную соотвѣтствующую ему реализацію, и свободно постольку, поскольку оно познаетъ этотъ свой объективный міръ въ своей субъективности, а послѣднюю въ немъ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Субъективность.

Понятіе есть, во-первыхъ, формальное, понятіе въ началѣ или такое, которое непосредственно. Въ непосредственномъ единствѣ его различеніе или положеніе, во-первыхъ, само ближайшимъ образомъ просто и есть только нѣкоторая видимость, такъ что моменты различенія суть непосредственно полнота понятія и образуютъ собою понятіе, какъ таковое.

Но, во-вторыхъ, такъ какъ оно есть аболютная отрицательнсть, то оно уничтожаетъ само себя и полагаетъ себя, какъ отрицательное или какъ другое себя самого; и именно потому, что оно есть прежде всего непосредственное, это положеніе или различеніе имѣетъ то опредѣленіе, что моменты становятся безразличными одинъ относительно другого, каждый становится для себя; единство понятія въ этомъ раздѣленіи есть лишь внѣшнее отношеніе. Какъ такое отношеніе своихъ положенныхъ самостоятельными и безразличными моментовъ, оно есть сужденіе.

Въ-третьихъ, сужденіе, правда, содержитъ въ себѣ единство распавшагося на свои самостоятельные моменты понятія, но это единство не положено. Таковымъ оно становится черезъ діалектическое движеніе сужденія, которое тѣмъ самымъ становится умозаключеніемъ, вполнѣ положеннымъ понятіемъ, такъ какъ въ умозаключеніи положены также и моменты его, какъ самостоятельныя противоположныя стороны, и опосредывающее ихъ единство.

Но такъ какъ непосредственно это единство, какъ соединяющее среднее, а моменты, какъ самостоятельныя крайнія, ближайшимъ образомъ противоположны, то это противорѣчивое отношеніе, имѣющее мѣсто въ формальномъ умозаключеніи, снимаетъ себя, и полнота понятія переходитъ въ единство цѣлостности, субъективность понятія въ его объективность.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Понятіе.

Подъ разсудкомъ обыкновенно разумѣется вообще способность понятія, и онъ тѣмъ самымъ отличается отъ силы сужденія и способности умозаключенія, какъ отъ формальнаго разума. Но, главнымъ образомъ, онъ противополагается разуму и въ этомъ смыслѣ онъ означаетъ способность не понятія вообще, а опредѣленныхъ понятій, при чемъ господствуетъ представленіе, будто понятіе есть только нѣчто опредѣленное. Если разсудокъ въ этомъ своемъ значеніи отличается отъ формальной силы сужденія и формальнаго разума, то его слѣдуетъ признавать способностью единичныхъ опредѣленныхъ понятій. Ибо сужденіе и умозаключеніе или разумъ суть сами, какъ формальное, лишь нѣчто разсудочное, такъ какъ они подчинены формѣ отвлеченной опредѣленности понятія. Но здѣсь понятіе считается вообще не только отвлеченно-опредѣленнымъ; поэтому разсудокъ отличается отъ разума лишь такъ, что первый есть вообще лишь способность понятія.

Это общее понятіе, подлежащее здѣсь теперь разсмотрѣнію, содержитъ въ себѣ три момента: общность, частность и единичность. Различеніе и тѣ опредѣленія, которое оно сообщаетъ себѣ въ различеніи, образуютъ собою ту сторону, которая ранѣе того была названа положеніемъ. Такъ какъ въ понятіи послѣднее тожественно бытію въ себѣ и для себя, то каждый изъ этихъ моментовъ есть также цѣлое понятіе, какъ опредѣленное понятіе и какъ нѣкоторое опредѣленіе понятія.

Во-первыхъ, оно есть чистое понятіе или опредѣленіе общности. Но чистое или общее понятіе есть также лищь опредѣленное или порозненное понятіе, которое ставитъ себя на-ряду съ другими. Такъ какъ понятіе есть цѣлостность, т.-е. въ своей общности или въ чистомъ тожественномъ отношеніи къ себѣ есть по существу опредѣленіе и отличеніе, то оно въ немъ самомъ имѣетъ мѣрило, по коему эта форма его тожества съ собою, проникая и объемля собою всѣ моменты, опредѣляетъ себя также непосредственно къ тому, чтобы быть только общимъ въ противоположность различаемости моментовъ.

Во-вторыхъ, понятіе есть тѣмъ самымъ это частное или опредѣленное понятіе, положенное, какъ отличное отъ другихъ.

Въ-третьихъ, единичность есть понятіе, рефлектирующее себя изъ различенія въ абсолютную отрицательность. Это есть вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ моментъ, въ которомъ оно перешло изъ своего тожества въ свое инобытіе и становится сужденіемъ.

А.

Общее понятіе.

Чистое понятіе есть абсолютно безконечное, безусловное и свободное. Здѣсь въ началѣ изложенія, имѣющаго своимъ содержаніемъ понятіе, надле-

житъ еще разъ бросить взглядъ на его генезисъ. Сущность есть результатъ становленія бытія, а понятіе—сущности, стало быть, также бытія. Но это становленіе имѣетъ значеніе отталкиванія себя, такъ что ставшее есть скорѣе безусловное и первоначальное. Бытіе въ своемъ переходѣ въ сущность стало видимостью или положеннымъ бытіемъ, а становленіе или переходъ въ другое—нѣкоторымъ положеніемъ; и наоборотъ, положеніе или рефлексія сущности сняло себя и возстановило себя въ неположенное, въ первоначальное бытіе. Понятіе есть взаимное проникновеніе этихъ моментовъ, такъ что качественное и первоначально-сущее есть лишь положеніе и лишь возвратъ внутрь себя, и эта чистая рефлексія въ себя есть просто становленіе другого или опредѣленность, которая именно поэтому есть опредѣленность безконечная, относящаяся къ себѣ.

Поэтому понятіе есть во-первыхъ, такое абсолютное тожество съ собою, что оно таково, лишь какъ отрицаніе отрицанія или какъ безконечное единство отрицательности съ самою собою. Это чистое отношеніе понятія къ себѣ, которое становится отношеніемъ вслѣдствіе того, что оно полагаетъ себя черезъ отрицаніе, есть общность понятія.

Такъ какъ общность есть въ высшей степени простое опредѣленіе, то она, повидимому, не допускаетъ никакого объясненія; ибо объясненіе требуетъ опредѣленій и различеній и быть сказуемымъ къ своему предмету, а то, что просто, такимъ путемъ скорѣе измѣняется, чѣмъ объясняется. Но именно природа общаго и состоитъ въ томъ, что она есть такое простое, которое вслѣдствіе абсолютной отрицательности содержитъ внутри себя высшія различеніе и опредѣленность. Бытіе просто, такъ какъ оно непосредственно; поэтому оно есть мнимое (gemeintes), и про него нельзя сказать, что оно такое; потому оно есть непосредственно одно со своимъ другимъ, небытіемъ. Именно въ томъ и состоитъ его понятіе, что оно есть такое простое, непосредственно исчезающее въ своей противоположности; оно есть становленіе. Общее есть, напротивъ, простое, которое есть также самое богатое внутри себя самого, ибо оно есть понятіе.

Поэтому, оно есть, во-первыхъ, простое отношеніе къ себѣ самому; оно только внутри себя. Но это тожество есть, во-вторыхъ, внутри себя абсолютное опосредованіе, но не нѣчто опосредованное. О такомъ общемъ, которое есть опосредованное, именно объ отвлеченномъ, противоположномъ частному и единичному общему, можетъ идти рѣчь лишь по поводу опредѣленнаго понятія. Но уже и отвлеченное подразумѣваетъ для своего достиженія отбрасыванія прочихъ опредѣленій конкретнаго. Эти опредѣленія, какъ таковыя, суть вообще отрицанія, а равнымъ образомъ далѣе и отбрасываніе ихъ есть отрицаніе. Такимъ образомъ, при отвлеченіи также имѣетъ мѣсто отрицаніе отрицанія. Но это двойное отрицаніе представляетъ такъ, какъ будто оно для отвлеченнаго внѣшне, и какъ будто какъ отбрасываемыя дальнѣйшія свойства конкретнаго составляющихъ содержаніе отвлеченнаго, такъ и дѣйствіе отбрасыванія однихъ и удержанія другихъ совершаются внѣ его. Въ такой внѣшности общее еще не опредѣлило себя въ отличіе отъ своего дви-

женія; оно есть еще само внутри себя то абсолютное опосредованіе, которое именно и есть отрицаніе отрицанія или абсолютная отрицательность.

Соотвѣтственно этому первоначальному единству, первое отрицательное или опредѣленіе не есть, во-первыхъ, какое-либо ограниченіе общаго, но послѣднее сохраняется въ немъ и положительно тожественно съ собою. Категоріи бытія, какъ понятія, были по существу этими тожествами опредѣленій съ самими собою въ ихъ ограниченіи или ихъ инобытіи; но это тожество было лишь понятіемъ въ себѣ; оно еще не обнаруживалось. Поэтому, качественное опредѣленіе, какъ таковое, перешло въ его другія и имѣло своею истиною нѣкоторое отличное отъ него опредѣленіе. Напротивъ, общее, даже когда оно полагаетъ себя въ нѣкоторомъ опредѣленіи, остается въ немъ тѣмъ же, что оно есть. Оно есть душа конкретнаго, коему оно присуще, не стѣсненное и саморавное въ его многообразіи и различіи. Оно не уносится въ становленіе, но продолжается непомраченное имъ и имѣетъ силу неизмѣннаго, безсмертнаго самосохраненія.

Равнымъ образомъ, оно не имѣетъ только видимости въ другомъ, какъ опредѣленіе рефлексіи. Послѣднее, какъ относительное, не только относится лишь къ себѣ, но есть нѣкоторое отношеніе. Оно обнаруживаетъ себя въ своемъ другомъ, но имѣетъ въ немъ лишь видимость, и видимость каждаго въ другомъ или ихъ обоюдное опредѣленіе при ихъ самостоятельности имѣетъ форму внѣшняго дѣйствія. Напротивъ, общее положено, какъ сущность своего опредѣленія, какъ его собственная положительная природа. Ибо опредѣленіе, составляющее его отрицательное, есть въ понятіи только его положеніе или, по существу, вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательное отрицательнаго, и лишь это тожество отрицательнаго съ собою и есть общее. Тѣмъ самымъ общее есть также субстанція своихъ опредѣленій, но такъ, что то, что было для субстанціи, какъ таковой, случайнымъ, есть собственное опосредованіе понятія самимъ собою, его собственная имманентная рефлексія. Но это опосредованіе, ближайшимъ образомъ повышающее случайное въ необходимость, есть обнаруженное отношеніе; понятіе не есть причина безформенной субстанціи или необходимость, какъ внутреннее тожество отличныхъ одна отъ другой и взаимно ограничивающихся вещей или состояній, но абсолютная отрицательность формирующаго и создающаго; и такъ какъ опредѣленіе есть не ограниченіе, а просто снятое, положеніе, то видимость есть явленіе тожественнаго.

Поэтому общее есть свободная сила; оно есть и оно само, и захватываетъ свое другое, но не насильственно, а такъ, что оно скорѣе покоится и остается при себѣ самомъ въ другомъ. Какъ оно названо свободною силою, также оно могло бы быть названо свободною любовью и безграничнымъ блаженствомъ, ибо оно есть отношеніе къ различному отъ себя, лишь какъ къ себѣ самому, оно возвращено въ послѣднемъ къ самому себѣ.

Только что было упомянуто объ опредѣленности, хотя понятіе, какъ пока лишь общее и тожественное себѣ, еще до нея не дошло. Но нельзя говорить объ общемъ безъ опредѣленности, которая при ближайшемъ разсмо-

трѣніи есть частность и единичность; ибо оно заключаетъ ее въ своей абсолютной отрицательности въ себѣ и для себя; такимъ образомъ, опредѣленность берется не извнѣ, если о ней говорится по поводу общаго. Какъ отрицательность вообще или по первому, непосредственному отрицанію, оно вообще имѣетъ въ немъ самомъ опредѣленность, какъ частность; какъ второе, какъ отрицаніе отрицанія, оно есть абсолютная опредѣленность или единичность и конкретность. Тѣмъ самымъ общее есть полнота понятія, оно есть конкретное, а не пустое, имѣющее скорѣе содержаніе черезъ свое понятіе, содержаніе, въ которомъ оно не только сохраняется, но которое есть его собственное и имманентное ему. Отъ содержанія, правда, можно отвлечь, но при этомъ получается не общность понятія, а лишь отвлеченное, которое есть изолированный, несовершенный моментъ понятія и не имѣетъ въ себѣ истины.

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи общее оказывается этою полнотою. Поскольку оно имѣетъ внутри себя опредѣленность, оно есть не только первое отрицаніе, но и ея рефлексія въ себя. Взятое для себя съ этимъ первымъ отрицаніемъ оно есть частное, какъ это будетъ сейчасъ разсмотрѣно; но и въ этой опредѣленности оно по существу есть еще общее; здѣсь оно еще должно быть понимаемо съ этой стороны. А именно эта опредѣленность, какъ въ понятіи полная рефлексія, есть двоякая видимость, съ одной стороны, видимость во внѣ, рефлексія въ другое, съ другой стороны, видимость во внутрь, рефлексія въ себя. Эта внѣшняя видимость образуетъ собою отличеніе отъ другого; тѣмъ самымъ общее пріобрѣтаетъ частность, находящую свое разрѣшеніе въ нѣкоторомъ высшемъ общемъ. Поскольку оно теперь есть также лишь относительно-общее, оно не утрачиваетъ своего характера общаго; оно сохраняетъ оный въ своей опредѣленности и при томъ не такъ, чтобы въ соединеніи съ нею онъ оставался относительно нея безразличнымъ—въ такомъ случаѣ онъ былъ бы лишь совокупленъ съ нею—но такъ, что онъ есть именно то, что только что было названо видимостью во внутрь. Опредѣленность, какъ опредѣленное понятіе, заворачивается внутрь себя изъ внѣшности; она есть, собственно, имманентный характеръ, нѣчто существенное потому, что онъ принятъ въ общность и проникнутъ ею, имѣетъ равный съ нею объемъ, тожественно съ нею также проникаетъ ее; это характеръ, принадлежащій роду, какъ нераздѣльная съ общностью опредѣленность. Поэтому онъ есть не обращенное во внѣ ограниченіе, но нѣчто положительное, такъ какъ черезъ общность онъ находится въ свободномъ отношеніи къ себѣ. Такимъ образомъ, и опредѣленное понятіе остается внутри себя безконечно-свободнымъ понятіемъ.

Что касается другой стороны, по которой родъ ограниченъ своимъ опредѣленнымъ характеромъ, то было уже замѣчено, что, какъ низшій родъ, онъ находитъ свое разрѣшеніе въ высшемъ общемъ. Послѣднее можетъ снова быть понимаемо, какъ родъ, хотя болѣе отвлеченный, но опять-таки принадлежитъ лишь той сторонѣ опредѣленнаго понятія, которая направлена во внѣ. По истинѣ высшее общее есть то, въ коемъ эта направленная во внѣ сторона

принимается обратно внутрь, то второе отрицаніе, въ которомъ опредѣленность есть только положенное или видимость. Жизнь, я, духъ, абсолютное понятіе суть общее не только въ смыслѣ высшихъ родовъ, но какъ конкретное, опредѣленія котораго также суть не только виды или низшіе роды, но въ своей реальности суть совершенно въ себѣ и исполнены ею. Поскольку жизнь, я, конечный духъ также суть лишь опредѣленныя понятія, они находятъ абсолютное разложеніе въ томъ общемъ, которое должно быть понимаемо, какъ по истинѣ абсолютное понятіе, какъ идея безконечнаго духа, положеніе котораго есть безконечность, прозрачная реальность, въ коей онъ есть свое твореніе и самъ себя въ ней созерцаетъ.

Истинное, безконечное общее, которое есть непосредственно какъ частность, такъ и единичность, должно быть теперь разсмотрѣно ближе, какъ частность. Оно опредѣляетъ себя свободно; его обращеніе въ конечное не есть переходъ, имѣющій мѣсто лишь въ сферѣ бытія; это творческая сила, какъ абсолютная отрицательность, которая относится къ себѣ самой. Какъ таковая, она есть различеніе внутри себя, а послѣднее есть опредѣленіе, состоящее въ томъ, что различеніе тожественно съ общностью. Тѣмъ самымъ оно есть положеніе самихъ различеній, какъ общихъ, относящихся къ себѣ. Черезъ то они становятся фиксированными, изолированными различеніями. Изолированная устойчивость конечнаго, которая ранѣе опредѣлялась, какъ ея бытіе для себя, также какъ вещность, субстанція, есть въ своей истинѣ общность; и этою формою безконечное понятіе облекаетъ свои различенія формою, которая и есть именно самыя эти различенія. Въ томъ и состоитъ творчество понятія, могущее быть понятымъ лишь въ этомъ его внутреннѣйшемъ.

B.

Частное понятіе.

Опредѣленность, какъ таковая, свойственна бытію и качественному; какъ опредѣленность понятія, она есть частность. Она есть не граница, т.-е. не относится къ нѣкоторому другому, какъ своей потусторонности, но скорѣе, какъ было только что указано, есть собственный имманентный моментъ общаго; послѣднее находится поэтому въ частности не при чемъ либо другомъ, но вполнѣ при себѣ самомъ.

Частное содержитъ въ себѣ общность, составляющую его субстанцію; родъ есть неизмѣнное въ своихъ видахъ; виды различаются не отъ общаго, а только одинъ отъ другого. Частное имѣетъ съ другими частными, къ которымъ оно относится, одну и ту же общность. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ различіе въ виду ихъ тожества съ цѣлымъ, какъ таковое, обще; оно есть цѣлостность. Такимъ образомъ, частное не только содержитъ въ себѣ общее, но также изображаетъ послѣднее черезъ свою опредѣленность; она тѣмъ самымъ образуетъ собою ту сферу, которую должно исчерпать частное. Эта цѣлостность, поскольку опредѣленность частнаго берется просто, какъ различіе, является полнотою. Въ этомъ смыслѣ виды образуютъ полноту, по-

скольку ихъ нѣтъ болѣе, чѣмъ перечислено. Для нихъ нѣтъ никакого внутренняго мѣрила или принципа, такъ какъ различіе есть то лишенное единства различеніе, относительно котораго общность, составляющая абсолютное единство для себя, есть лишь внѣшній рефлексъ и неограниченная, случайная полнота. Но различіе переходитъ въ противоположеніе, въ имманентное отношеніе различнаго. Частность же есть общность въ себѣ и для себя, такое имманентное отношеніе не вслѣдствіе перехода; она есть цѣлостность внутри себя самой и простая опредѣленность, принципъ по существу. Она не имѣетъ иной опредѣленности, кромѣ положенной черезъ само общее и вытекающей изъ послѣдняго слѣдующимъ образомъ.

Частное есть само общее, но первое есть различеніе второго или отношеніе къ другому, видимость второго во внѣ; но нѣтъ никакого другого, отъ котораго отличалось бы частное, кромѣ самого общаго. Общее опредѣляетъ себя и, такимъ образомъ, само есть частное; опредѣленность есть его различеніе; оно отличается только отъ самого себя. Поэтому его виды суть только: a, само общее, и b, частное. Общее, какъ понятіе, есть и оно само, и его противоположность, которое есть опять-таки оно само, какъ его положенная опредѣленность; общее захватываетъ ее и остается въ ней при себѣ. Такимъ образомъ, оно есть полнота и принципъ своего различія, опредѣляемое всецѣло лишь имъ самимъ.

Поэтому нѣтъ иного истиннаго раздѣленія, кромѣ того, что понятіе само ставитъ себя въ сторону, какъ непосредственную, неопредѣленную общность; именно это неопредѣленное и составляетъ его опредѣленность или то, въ силу чего оно есть частное. То и другое суть частныя и потому координированныя. То и другое, какъ частное, есть также опредѣленное въ противоположность общему; въ этомъ смыслѣ оно называется подчиненнымъ послѣднему. Но именно потому это общее, въ противоположность коему опредѣлено частное, тѣмъ самымъ скорѣе само есть также лишь одно изъ противоположныхъ. Если мы говоримъ о двухъ противоположныхъ, то мы должны поэтому также снова сказать, что оба они составляютъ частное, не только вмѣстѣ, какъ бы для внѣшней рефлексіи они были равно частными, но ихъ опредѣленность въ противоположность одного другому есть по существу лишь одна опредѣленность, отрицательность, которая въ общемъ лишена сложности.

Различеніе, какъ показано, есть здѣсь въ своемъ понятіи и тѣмъ самымъ въ своей истинѣ. Всякое предыдущее различеніе находитъ это единство въ понятіи. Какъ непосредственное различеніе въ бытіи, оно есть граница нѣкотораго другого; какъ данное въ рефлексіи, оно относительно, положено, какъ относящееся по существу къ своему другому; здѣсь тѣмъ самымъ единство понятія начинаетъ становиться положеннымъ, но ближайшимъ образомъ, лишь какъ видимость въ чемъ-либо другомъ. Переходъ и разложеніе этихъ опредѣленій имѣютъ лишь тотъ истинный смыслъ, что они достигаютъ своего понятія, истины; бытіе, существованіе, нѣчто или цѣлое, части и т. д., субстанція и акциденція, причина и дѣйствіе суть для себя лишь мысленныя

опредѣленія; онѣ становятся поняты, какъ опредѣленныя понятія, поскольку каждое изъ нихъ познано въ единствѣ со своимъ другимъ или противоположнымъ. Напримѣръ, цѣлое и части, причина и дѣйствіе и т. д. не суть еще различныя, опредѣленныя, какъ частныя, одно въ противоположность другому, такъ какъ хотя онѣ въ себѣ составляютъ одно понятіе, но ихъ единство не достигло еще формы общности; такимъ образомъ, и различеніе, присущее этимъ отношеніямъ, не имѣетъ еще такой формы, что оно есть одна опредѣленность. Напримѣръ, причина и дѣйствіе суть не два различныхъ понятія, а лишь одно опредѣленное понятіе, и причинность, какъ всякое понятіе, есть нѣчто простое.

Относительно полноты оказалось, что опредѣленное, какъ частное, достигаетъ полноты въ различеніи общаго и частнаго, и что лишь эти два составляютъ частные виды. Въ природѣ, конечно, въ одномъ и томъ же родѣ бываетъ болѣе двухъ видовъ, такъ что эти многіе виды не имѣютъ вышеуказаннаго отношенія противоположности. Таково безсиліе природы, что она не въ состояніи сохранить и выразить собою строгость понятія и протекаетъ въ такомъ чуждомъ понятію слѣпомъ многообразіи. Природа въ разнообразіи своихъ родовъ и видовъ и въ безконечномъ различіи своихъ образованій можетъ вызывать въ насъ удивленіе, такъ какъ въ удивленіи нѣтъ понятія, и его предметъ есть неразумное. Такъ какъ природа есть инобытіе понятія, то ей предоставлено впадать въ это различіе, подобно тому, какъ духъ, хотя имѣетъ понятіе въ образѣ понятія, впадаетъ также и въ представленія и вращается въ ихъ безконечномъ многообразіи. Многочисленные природные роды и виды должны считаться за нѣчто не-высшее произвольныхъ причудъ духа въ его представленіяхъ. Въ тѣхъ и другихъ, правда, повсюду видны слѣды и чаянія понятія, но изображающіе послѣднее не въ вѣрномъ отраженіи, такъ какъ они суть стороны его свободнаго инобытія; понятіе есть абсолютная сила именно потому, что оно можетъ проявлять свои различенія свободно въ образѣ самостоятельныхъ различій, внѣшней необходимости, случайности, произвола, мнѣнія, которыя должны, однако, считаться не болѣе чѣмъ отвлеченной стороною ничтожества.

Опредѣленность частнаго, какъ мы видѣли, есть просто принципъ, но она есть также моментъ цѣлаго, опредѣленность въ противоположность другой опредѣленности. Понятіе, поскольку оно опредѣляетъ или отличаетъ себя, направлено отрицательно къ своему единству и сообщаетъ себѣ форму одного изъ своихъ идеальныхъ моментовъ бытія; какъ опредѣленное понятіе, оно имѣетъ вообще существованіе. Но это бытіе имѣетъ значеніе уже не простой непосредственности, а общности, черезъ абсолютное опосредованіе равной себѣ непосредственности, которая содержитъ въ себѣ также другой моментъ, сущность или рефлексію. Эта общность, коею облечено опредѣленное, есть отвлеченная. Частное имѣетъ общность внутри его, какъ свою сущность; но поскольку опредѣленность различенія положена и тѣмъ самымъ имѣетъ бытіе, форма находится въ немъ, и опредѣленность, какъ таковая, есть содержаніе. Общность становится формою, поскольку отличеніе есть существенное,

какъ, наоборотъ, въ чисто общемъ оно есть абсолютная отрицательность, а не такое отличеніе, которое положено, какъ таковое.

Хотя теперь опредѣленность есть отвлеченное въ противоположность другой опредѣленности, но такъ какъ эта другая есть лишь сама общность, то послѣдняя тѣмъ самымъ есть также отвлеченность, и опредѣленность понятія или частность есть опять-таки не что иное, какъ опредѣленная общность. Понятіе въ ней внѣ себя; поскольку оно есть то, что въ ней внѣ себя, отвлеченно-общее содержитъ въ себѣ всѣ моменты понятія; оно есть α, общность, β, опредѣленность, γ, простое единство обоихъ; но это единство непосредственное, и потому частность не есть полнота. Въ себѣ она есть также эта полнота и опосредованіе; она есть по существу отношеніе къ другому или снятіе отрицанія, т.-е. другой опредѣленности, — другой, которая предносится однако, лишь какъ мнѣніе, ибо она непосредственно исчезаетъ и обнаруживаетъ себя, какъ то, чѣмъ должно быть ея другое. Тѣмъ самымъ эта общность дѣлается, такимъ образомъ, отвлеченною, такъ какъ опосредованіе есть лишь условіе или, иначе, не положено въ немъ самомъ. Такъ какъ оно не положено, то единство отвлеченнаго имѣетъ форму непосредственности, а содержаніе—форму безразличія въ противоположность своей общности, такъ какъ оно не есть та полнота, какую представляетъ собою общность абсолютной отрицательности. Отвлеченно-общее есть тѣмъ самымъ хотя и понятіе, но какъ лишенное понятія, какъ понятіе, которое не положено, какъ таковое.

Если идетъ рѣчь объ опредѣленномъ понятіи, то обыкновенно подразумѣвается лишь такое чисто отвлеченно-общее. Равнымъ образомъ, подъ понятіемъ вообще большею частью разумѣется лишь такое чуждое понятію понятіе, и слово разсудокъ означаетъ способность такихъ понятій. Этому разсудку присуще доказательство, поскольку оно движется посредствомъ понятій, т.-е. лишь опредѣленій. Такое движеніе посредствомъ понятій не восходитъ поэтому надъ конечностью и необходимостью; высшая его ступень есть отрицательное безконечное, отвлеченность доведенной до крайней высоты сущности, которая сама есть опредѣленность неопредѣленности. Абсолютная субстанція, правда, есть не эта пустая отвлеченность, а по содержанію своему скорѣе полнота, но она отвлеченна потому, что лишена абсолютной формы, понятіе не составляетъ ея внутренней истины; хотя она есть тожество общности и частности или мышленія и взаимнаго внѣположенія, но это тожество не есть опредѣленность понятія; внѣ ея скорѣе находится нѣкоторый, и притомъ, именно потому что онъ находится внѣ ея, случайный разсудокъ, въ которомъ и для котораго она существуетъ въ различныхъ аттрибутахъ и модусахъ.

Впрочемъ, отвлеченность не пуста, какъ то обыкновенно принимаютъ; она есть опредѣленное понятіе; она имѣетъ содержаніемъ нѣкоторую опредѣленность; сущность, доведенная до крайней высоты, чистая отвлеченность, обладаетъ, какъ сказано, опредѣленностью неопредѣленности; но нѣкоторая опредѣленность есть неопредѣленность, такъ какъ первая должна противостоять опредѣленному. Но поскольку высказывается, что́ она такое, снимается то самое, чѣмъ она должна быть; она высказывается, какъ одно и то же съ опредѣ-

ленностью и, такимъ образомъ, изъ отвлеченности возстановляется понятіе и его истина. Но каждое опредѣленное понятіе, конечно, пусто постольку, поскольку оно содержитъ въ себѣ не полноту, а лишь нѣкоторую одностороннюю опредѣленность. Если ему даже свойственно конкретное содержаніе, напр. человѣкъ, государство, животное и т. п., оно все же остается пустымъ понятіемъ, поскольку его опредѣленность не есть принципъ его различеній; принципъ содержитъ въ себѣ начало и сущность своихъ развитія и реализаціи; всякая же иная опредѣленность понятія безплодна. Поэтому, если понятіе порицается вообще, какъ пустое, то тѣмъ самымъ не принимается въ разсчетъ та абсолютная опредѣленность, которая есть различеніе понятія и единственно-истинное его элементарное содержаніе.

Сюда же относится то обстоятельство, вслѣдствіе котораго въ новое время разсудокъ мало цѣнится и такъ унижается передъ разумомъ; это та устойчивость, которую первый сообщаетъ опредѣленности и тѣмъ самымъ конечности. Это устойчивое состоитъ въ только что разсмотрѣнной формѣ отвлеченной общности; черезъ нее оно становится неизмѣннымъ. Ибо качественная опредѣленность, какъ и опредѣленіе рефлексіи, по существу ограничены и черезъ свою ограниченность имѣютъ отношеніе къ своему другому, а тѣмъ самымъ причастны необходимости измѣненія и прехожденія. Общность же, какая имъ присуща въ разсудкѣ, сообщаетъ имъ форму рефлексіи въ себя, черезъ которую онѣ лишаются отношенія къ другому и становятся непреходящими. Но если въ чистомъ понятіи эта вѣчность принадлежитъ его природѣ, то его отвлеченныя опредѣленія должны бы были быть вѣчными существенностями лишь по ихъ формѣ; но ихъ содержаніе не соотвѣтствуетъ этой формѣ, и потому они не суть истина и непреходимость. Ихъ содержаніе не соотвѣтствуетъ формѣ, такъ какъ оно не есть самая опредѣленность, какъ общее, т.-е. не есть полнота различенія понятія или сама цѣлостная форма; поэтому форма ограниченнаго разсудка есть сама несовершенная, именно отвлеченная общность. Но далѣе слѣдуетъ признавать безконечную силу разсудка въ томъ, что онъ раздѣляетъ конкретное на отвлеченныя опредѣленности и схватываетъ ту глубину различенія, которая одна есть вмѣстѣ съ тѣмъ сила, порождающая ихъ переходъ. Конкретное въ воззрѣніи есть цѣлостность, но чувственная, — реальная матерія, безразличныя взаимно внѣположныя состоянія въ пространствѣ и времени; это отсутствіе единства въ многообразіи, какъ содержаніе воззрѣнія, не должно бы было быть вмѣняемо послѣднему въ заслугу и преимущество передъ тѣмъ, что разсудочно. Измѣнчивость, обнаруживающаяся въ воззрѣніи, уже указываетъ на общее; то, что изъ нея входитъ въ воззрѣніе, есть лишь другое также измѣнчивое, стало быть то же самое; это не есть общее, выступающее и являющееся вмѣсто него. Всего же менѣе слѣдуетъ вмѣнять наукѣ, напр. геометріи и ариѳметикѣ, въ заслугу то наглядное, которое приноситъ съ собою ея матерія, и представлять себѣ ея предложенія, какъ основанныя на немъ. Напротивъ, именно потому матерія такихъ наукъ имѣетъ болѣе низменную природу; воззрительность фигуръ или числъ не помогаетъ ихъ научности; послѣдняя вносится въ

нихъ лишь черезъ мышленіе о нихъ. Поскольку же подъ воззрѣніемъ разумѣется не только чувственная, но объективная цѣлостность, то послѣдняя имѣетъ характеръ интеллектуальный, т.-е. ей свойственно существованіе не во внѣшнемъ его существованіи въ предметѣ, но въ томъ, что составляетъ его непреходящую реальность и истину,—реальность, лишь поскольку она опредѣлена по существу въ понятіи и черезъ понятіе; т.-е. идею, ближайшая природа которой выяснится ниже. То, что считается преимуществомъ воззрѣнія, какъ таковаго, передъ понятіемъ, есть внѣшняя реальность, нѣчто лишенное понятія, получающее свою цѣнность лишь черезъ него.

Такъ какъ поэтому, разсудокъ представляетъ собою безконечную силу, которою опредѣляется общее, или, наоборотъ, которому, въ себѣ и для себя лишенному устойчивой опредѣленности, сообщается устойчивая прочность черезъ форму общности, то не вина разсудка, если не идутъ далѣе. Въ томъ и состоитъ субъективное безсиліе разума, что онъ оставляетъ такими эти опредѣленности и не оказывается въ состояніи привести ихъ къ единству черезъ діалектическую силу, противоположную этой отвлеченной общности, т.-е. черезъ своеобразную природу, черезъ понятіе этихъ опредѣленностей. Хотя разсудокъ черезъ форму отвлеченной общности сообщаетъ имъ, такъ сказать, такую твердость бытія, какой онѣ не имѣютъ въ качественной сферѣ и въ сферѣ рефлексіи, но черезъ это упрощеніе онъ вмѣстѣ съ тѣмъ одухотворяетъ ихъ и такъ обостряетъ, что онѣ именно на этой ступени пріобрѣтаютъ способность саморазложенія и перехода въ противоположное имъ. Высшая зрѣлость и высшая ступень, которой нѣчто можетъ достигнуть, есть та, съ которой начинается его погибель. Устойчивость опредѣленностей, въ которую, повидимому, вступаетъ разсудокъ, форма непреходимости, есть форма относящейся къ себѣ общности. Но она граничитъ съ собственно понятіемъ, и потому въ ней самой выражается безконечная близость разложенія конечнаго. Эта общность непосредственно обостряетъ опредѣленность конечнаго и выражаетъ его несоотвѣтствіе въ нею. Или, правильнѣе сказать, его соотвѣтствіе уже наступило; наступило отвлеченно-опредѣленное положеніе, какъ одно съ общностью, и именно потому не для себя, какъ бы оно было лишь опредѣленное, но только какъ единство себя и общаго, т.-е. какъ понятіе.

Поэтому, во всѣхъ отношеніяхъ превратно раздѣлять, какъ то обычно дѣлаютъ, разсудокъ и разумъ. Если понятіе считается чуждымъ разуму, то на это слѣдуетъ скорѣе смотрѣть, какъ на неспособность разума признать себя въ понятіи. Опредѣленное и отвлеченное понятіе есть условіе или, правильнѣе, существенный моментъ разума; оно есть одухотворенная форма, въ которой конечное черезъ общность, въ коей оно относится къ себѣ, само возгорается въ себѣ, какъ діалектически-положенное и тѣмъ самымъ какъ самое начало явленія разума.

Такъ какъ опредѣленное понятіе въ предыдущемъ изложеніи изображено въ своей истинѣ, то остается лишь указать, что̀ въ немъ тѣмъ самымъ положено. Различіе, существенный моментъ понятія, но еще въ чисто общемъ неположенное, какъ таковый, вступаетъ въ опредѣленномъ понятіи въ свои

права. Опредѣленность въ формѣ общности въ связи съ нею образуетъ простое; это опредѣленно-общее есть относящаяся къ себѣ самой опредѣленность, опредѣленная опредѣленность или абсолютная отрицательность, положенная для себя. Но относящаяся къ самой себѣ опредѣленность есть единичность. Какъ общность непосредственно есть въ себѣ и для самой себя уже частность, такъ непосредственно въ себѣ и для себя частность есть также единичность, на которую слѣдуетъ смотрѣть ближайшимъ образомъ, какъ на третій моментъ понятія, поскольку онъ прочно противостоитъ двумъ первымъ, но также, какъ на абсолютный возвратъ понятія внутрь себя и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на положенную утрату послѣднимъ самого себя.

Примѣчаніе. Общность, частность и единичность суть согласно вышеизложенному три опредѣленныя понятія, именно если ихъ желаютъ сосчитать. Было уже ранѣе указано, что число есть несоотвѣтственная форма для того, чтобы подвести подъ нее опредѣленія понятія, и всего и совершенно несоотвѣтственнѣе для опредѣленій самого понятія; число, поскольку оно имѣетъ принципомъ одно, обращаетъ считаемое въ совершенно раздѣльныя и взаимно совершенно безразличныя (данныя). Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что различныя опредѣленныя понятія суть собственно лишь одно и то же понятіе, а вовсе не выпадаютъ одно отъ другого въ числѣ.

Въ обычномъ изложеніи логики приводятся различные подраздѣленія и виды понятій. Но сейчасъ же бросается въ глаза непослѣдовательность, состоящая въ томъ, что виды вводятся такъ: Имѣются (es giebt) количество, качество и другія нижеслѣдующія понятія. Имѣются—этимъ не выражается никакого оправданія, кромѣ того, что такіе виды находятъ и указываютъ на основаніи опыта. Такимъ путемъ получается эмпирическая логика,—странная наука, ирраціональное познаніе раціональнаго. Логика даетъ тѣмъ самымъ весьма плохой примѣръ слѣдованія своимъ собственнымъ ученіямъ; она разрѣшаетъ себѣ самой дѣлать обратное тому, что она предписываетъ, какъ правило, по которому понятія должны быть выведены и научныя предложенія, слѣдовательно и предложеніе: имѣются такіе и такіе того различные виды понятій—должны быть доказаны. Философія Канта впадаетъ тутъ и въ дальнѣйшую непослѣдовательность, она заимствуетъ для трансцендентальной логики категоріи въ качествѣ т. наз. основныхъ понятій изъ субъективной логики, въ которую онѣ принимаются эмпирически. Такъ какъ она признаетъ послѣднее, то не усматривается, почему трансцендентальная логика рѣшается на заимствованіе изъ такой науки, а не хватается за него прямо изъ опыта.

Для нѣкотораго примѣра укажу на то, что понятія раздѣляются главнымъ образомъ по ихъ ясности, и именно на ясныя и смутныя, отчетливыя и неотчетливыя, адекватныя и неадекватныя. Здѣсь могутъ быть также упомянуты полныя, переполненныя и другія подобныя излишности. Что касается упомянутаго раздѣленія на основаніи ясности, то легко обнаруживается, что эта точка зрѣнія и относящіяся къ ней различенія взяты изъ опредѣленій психологическихъ, а не логическихъ. Такъ называемое ясное

понятіе должно быть достаточно для того, чтобы отличать одинъ предметъ отъ другого; но такое понятіе еще не должно быть называемо понятіемъ, оно есть не что иное, какъ субъективное представленіе. То, что есть смутное понятіе, должно оставаться основаннымъ на себѣ, такъ какъ иначе оно было бы не смутнымъ, а отчетливымъ понятіемъ. Отчетливымъ понятіемъ должно быть такое, признаки котораго могутъ быть указаны. Такимъ образомъ оно есть собственно опредѣленное понятіе. Признакъ, если только усвоено то, что въ немъ правильно, есть не что иное, какъ опредѣленность или простое содержаніе понятія, поскольку это содержаніе отличено отъ формы общности. Но ближайшимъ образомъ признаку не вполнѣ свойственно это болѣе точное опредѣленіе, но онъ есть вообще нѣкоторое опредѣленіе, которымъ нѣкто третій отмѣчаетъ себѣ предметъ или понятіе; поэтому признакомъ можетъ служить весьма случайное обстоятельство. Вообще онъ выражаетъ собою нестолько имманентность или существенность опредѣленія, сколько отношеніе послѣдняго къ внѣшнему разсудку. Но если послѣдній есть дѣйствительно разсудокъ, то онъ имѣетъ передъ собою понятіе и отмѣчаетъ оное не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что есть въ понятіи. Если же признакъ долженъ быть отличенъ отъ понятія, то онъ есть нѣкоторый значекъ или какое-либо иное опредѣленіе, принадлежащее представленію вещи, а не ея понятію. А то, что есть неотчетливое понятіе, можетъ быть совсѣмъ обойдено, какъ излишнее.

Но адекватное понятіе есть нѣчто высшее; въ немъ, собственно говоря, предносится соотвѣтствіе понятія реальности, которое есть уже не понятіе, какъ таковое, а идея.

Если бы признакъ отчетливаго понятія долженъ былъ быть дѣйствительно опредѣленіемъ понятія, то логикѣ доставили бы затрудненіе простыя понятія, которыя согласно другому раздѣленію противопоставляются сложнымъ. Ибо если въ простомъ понятіи долженъ быть указанъ истинный, т.-е. имманентный признакъ, то понятіе нельзя считать простымъ; а поскольку такого признака нельзя указать, понятіе не есть отчетливое. Тутъ является на помощь ясное понятіе. Единство, реальность и т. под. опредѣленія должны быть простыми понятіями, правда, только потому, что логики не въ состояніи найти ихъ опредѣленія и потому должны довольствоваться тѣмъ, чтобы имѣть о нихъ ясное понятіе, т.-е. не имѣть никакого. Для опредѣленія, т.-е. для указанія понятія, требуется вообще указаніе рода и видового отличія. Оно указываетъ, стало быть, на понятіе, не какъ на нѣчто простое, а какъ на имѣющее двѣ подлежащія счету составныя части. Но такое понятіе не становится еще оттого чѣмъ-либо сложнымъ. При простомъ понятіи предносится отвлеченная простота, единство, не содержащее внутри себя различенія и опредѣленности, и потому не то единство, которое свойственно понятію. Поскольку предметъ находится въ представленіи, особенно въ памяти, или также поскольку онъ есть отвлеченное мысленное опредѣленіе, онъ можетъ быть совершенно простъ. Даже самъ по себѣ богатѣйшій (по содержанію) предметъ, напр., духъ, природа, міръ, также Богъ, усвоенный безъ всякаго понятія въ простомъ представленіи, выражаемомъ столь же простымъ словомъ—духъ, при-

рода, міръ, Богъ,—есть, конечно, нѣчто простое, на чемъ сознаніе можетъ остановиться, не выдѣляя далѣе какого-либо особаго опредѣленія или признака; но предметы сознанія не должны оставаться такими простыми представленіями или отвлеченными мысленными опредѣленіями, но должны быть поняты, т.-е. ихъ простота должна быть опредѣлена вмѣстѣ съ ихъ внутреннимъ различеніемъ. Сложное же понятіе есть не болѣе, какъ деревянное желѣзо. О сложномъ, правда, можно имѣть нѣкоторое понятіе, но сложное понятіе было бы нѣчто худшее, чѣмъ матеріализмъ, который признаетъ сложное лишь субстанціею души, мышленіе же считаетъ простымъ. Неразвитая рефлексія прежде всего впадаетъ въ сложность, какъ во вполнѣ внѣшнее отношеніе, въ худшую форму, въ которой могутъ быть разсматриваемы вещи; даже низшія природы должны имѣть нѣкоторое внутреннее единство. А чтобы форма самого неистиннаго существованія была перенесена на я, на понятіе,—это болѣе, чѣмъ можно бы было ожидать, это должно быть считаемо неприличіемъ и варварствомъ.

Далѣе понятія раздѣляются главнымъ образомъ на противныя и противорѣчивыя. Если бы при изложеніи понятія дѣло сводилось къ тому, чтобы указать, какія существуютъ опредѣленныя понятія, то пришлось бы привести всевозможныя опредѣленія,—ибо всѣ опредѣленія суть понятія и тѣмъ самымъ опредѣленныя понятія,—и всѣ категоріи бытія, равно какъ всѣ опредѣленія сущности, надлежало бы привести, какъ виды понятій. Такъ и сообщается въ логикахъ, въ однихъ, смотря по желанію, болѣе, въ другихъ менѣе, что существуютъ понятія утвердительныя, отрицательныя, тожественныя, условныя, необходимыя и т. д. Такъ какъ такія опредѣленія уже предшествуютъ понятію и потому, когда они приводятся по его поводу, находятся не на собственномъ имъ мѣстѣ, то они допускаютъ лишь поверхностныя словесныя объясненія и являются здѣсь лишенными всякаго интереса. Въ основѣ противныхъ и противорѣчивыхъ понятій—различеніе, которое здѣсь главнымъ образомъ имѣется въ виду—лежитъ рефлексивное опредѣленіе различія и противоположности. Онѣ считаются двумя отдѣльными видами, т.-е. каждое, какъ нѣчто устойчивое для себя и безразличное къ другому, безъ всякой мысли о ихъ діалектикѣ и внутреннемъ ничтожествѣ этихъ различеній; какъ будто то, что противно, не должно быть также опредѣлено, какъ противорѣчивое. Природа и существенный переходъ тѣхъ формъ рефлексіи, которыя ими выражаются, разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ. Въ понятіи тожество развито въ общность, различеніе въ частность, противоположеніе, возвращающееся въ основаніе, въ единичность. Въ этихъ формахъ опредѣленія рефлексіи таковы, каковы они суть въ ихъ понятіи. Общее оказалось не только тожественнымъ, но вмѣстѣ различнымъ или противнымъ относительно частнаго и единичнаго, далѣе противоположнымъ имъ или противорѣчивымъ; но въ этомъ противоположеніи оно тожественно имъ, есть ихъ истинное основаніе, въ которомъ они сняты. То же самое справедливо о частномъ и единичномъ, которыя суть также полнота опредѣленія рефлексіи.

Далѣе понятія раздѣляются на подчиненныя и соподчиненныя;—различеніе, которое ближе связано съ опредѣленіемъ, а именно выражаетъ собою

отношеніе общности и частности, при которомъ эти выраженія и употребляются попутно. Только обыкновенно на нихъ смотрятъ, какъ на совершенно постоянныя отношенія, и потому устанавливаютъ о нихъ многія безплодныя предложенія. Наиболѣе подробное изложеніе ихъ опять таки объемлетъ собою отношеніе противности и противорѣчія къ подчиненію и соподчиненію. Такъ какъ сужденіе есть отношеніе между опредѣленными понятіями, то лишь при его разсмотрѣніи будетъ указано истинное отношеніе. Тотъ способъ, по которому эти опредѣленія сравниваются безъ мысли о ихъ діалектикѣ и о развивающемся измѣненіи ихъ опредѣленія или, правильнѣе, о присущей имъ связи противоположныхъ опредѣленій дѣлаетъ безплоднымъ и безсодержательнымъ все соображеніе о томъ, что въ нихъ согласно, и что нѣтъ, все равно, есть ли это согласіе или несогласіе нѣчто отдѣльное и постоянное. Великій, безконечно плодотворный въ пониманіи и комбинированіи глубочайшихъ отношеній алгебраическихъ величинъ и остроумный Эйлеръ и особенно сухо-разсудочный Ламбертъ и другіе пытались обозначать этотъ родъ отношеній между опредѣленіями понятій линіями, фигурами и т. п.; вообще имѣлось въ виду возвышеніе—въ дѣйствительности скорѣе пониженіе—способовъ логическихъ отношеній въ нѣкоторое исчисленіе. Уже попытка такого обозначенія сейчасъ же представляется, какъ въ себѣ и для себя пустая, если сравнить между собою природу знака и того, что должно быть обозначаемо. Опредѣленія понятій—общность, частность и единичность—конечно, различны такъ же, какъ линіи или буквы алгебры; далѣе они также противоположны и допускаютъ поэтому знаки plus и minus. Но сами они и еще болѣе ихъ отношенія, если даже остановиться только на подчиненіи и включеніи, имѣютъ по существу совершенно иную природу, чѣмъ буквы, линіи и ихъ отношенія, чѣмъ равенство или различіе величинъ, plus и minus, чѣмъ положеніе линій одна надъ другою или ихъ соединеніе въ углы и положенія объемлемыхъ ими пространствъ. Этого рода предметы имѣютъ сравнительно съ ними ту особенность, что первые внѣшни одинъ для другого, обладаютъ неизмѣннымъ опредѣленіемъ. Если же понятія берутся такъ, что они соотвѣтствуютъ такимъ знакамъ, то они перестаютъ быть понятіями. Ихъ опредѣленія не суть нѣчто мертвенное, какъ числа и линіи, которымъ самимъ не принадлежатъ ихъ отношенія; первыя суть живыя движенія, различенная опредѣленность одной стороны непосредственно внутрення для другихъ; то, что для чиселъ и линій есть совершенное противорѣчіе, существенно для природы понятія. Высшая математика, которая также восходитъ къ безконечному и разрѣшаетъ себѣ противорѣчія, не можетъ уже для изображенія такихъ опредѣленій употреблять свои прежніе знаки; для обозначенія еще весьма чуждаго понятію представленія безконечнаго приближенія двухъ ординатъ или для приравненія дуги безконечному числу безконечно малыхъ прямыхъ линій она не можетъ сдѣлать ничего иного, какъ начертить двѣ прямыя линіи одну внѣ другой или провести въ дугѣ прямыя линія, но различныя отъ нея; для постиженія же безконечнаго, къ которому она тѣмъ самымъ приходитъ, она ссылается на представленіе.

То, что ближайшимъ образомъ побуждаетъ къ такой попыткѣ, есть преимущественно то количественное отношеніе, въ которомъ должны взаимно состоять общность, частность и единичность; общее считается шире частнаго и единичнаго, а частное шире единичнаго. Понятіе есть конкретное и богатѣйшее (по содержанію), такъ какъ оно есть основаніе и полнота предыдущихъ опредѣленій, категорій бытія и опредѣленій рефлексіи; поэтому послѣднія, конечно, также входятъ въ него. Но природа его совершенно искажается, если они удерживаются въ немъ еще въ ихъ отвлеченности, если болѣе широкій объемъ общаго понимается такъ, что оно есть большее или большее количество, чѣмъ частное и единичное. Какъ абсолютное основаніе, оно есть возможность количества, но равнымъ образомъ и качества; поэтому они разсматриваются въ немъ вопреки своей истинѣ, если полагаются единственно въ формѣ количества. Такъ далѣе и опредѣленіе рефлексіи есть нѣчто относительное, въ коемъ имѣетъ видимость его противоположность; оно не есть во внѣшнемъ отношеніи, какъ нѣкоторое количество. Но понятіе есть болѣе, чѣмъ все это; его опредѣленія суть опредѣленныя понятія, оно само по существу есть полнота всѣхъ опредѣленій. Поэтому совершенно несоотвѣтственно для пониманія такой внутренней полноты прибѣгать къ числамъ и пространственнымъ отношеніямъ, въ коихъ всѣ опредѣленія между собою внѣположны; они суть, напротивъ, послѣднее и худшее средство, могущее быть для того употребленнымъ. Отношенія природы, какъ, напр., магнетизмъ, отношенія цвѣтовъ, были бы для того безконечно высшими и болѣе истинными символами. Такъ какъ человѣкъ обладаетъ языкомъ, какъ своеобразнымъ для разума средствомъ обозначенія, то является тщетнымъ предпріятіемъ искать менѣе совершеннаго способа изложенія и мучиться изъ-за него. Понятіе, какъ таковое, можетъ по существу быть усвоено лишь вмѣстѣ съ духомъ, котораго оно не только есть собственность, но и чистый онъ самый. Напрасно желать упрочить оное посредствомъ пространственныхъ фигуръ и алгебраическихъ знаковъ для потребностей внѣшняго видѣнія и чуждаго понятію механическаго употребленія, нѣкотораго счета. И все другое, что должно служить символомъ, способно самое большее возбуждать чаянія и отзвуки понятія, какъ символа божественной природы; но если серьезно намѣреваются выражать и познавать такимъ образомъ понятіе, то внѣшняя природа всякаго символа непригодна къ тому, и отношеніе скорѣе оказывается обратнымъ: то, что есть въ символѣ отзвукъ нѣкотораго высшаго опредѣленія, должно бы было быть познано черезъ понятіе и приближено къ нему лишь черезъ устраненіе той чувственной примѣси, которая указывается, какъ средство выраженія понятія.

C.

Единичное.

Единичность, какъ оказалось, положена уже черезъ частность; послѣдняя есть опредѣленная общность, т.-е. относящаяся къ себѣ опредѣленность, опредѣленное опредѣленное.

1. Прежде всего единичность является поэтому рефлексіею понятія въ себя само изъ своей опредѣленности. Она есть опосредованіе понятія черезъ себя, поскольку его инобытіе вновь сдѣлало себя другимъ, вслѣдствіе чего понятіе возстановлено, какъ равное себѣ, но въ опредѣленіи абсолютной отрицательности.

Отрицательное въ общемъ, превращающее послѣднее въ частное, было опредѣлено ранѣе того, какъ двоякая видимость; поскольку оно есть видимость внутрь, частное остается общимъ, а черезъ видимость во внѣ оно есть опредѣленное; возвратъ этой стороны въ общее двоякій, или черезъ отвлеченіе, которое отбрасываетъ общее и восходитъ къ болѣе высокому и высшему роду, или же черезъ единичность, въ которую нисходитъ общее въ самой своей опредѣленности. Здѣсь обходится то уклоненіе, въ которомъ отвлеченіе сходитъ съ пути понятія и покидаетъ истину. Его болѣе высокое и высшее общее, къ коему оно восходитъ, есть лишь становящаяся все болѣе и болѣе безсодержательною поверхность; а пренебрегаемая имъ единичность есть глубина, въ которой понятіе схватило само себя и положило, какъ понятіе.

Общность и частность являются съ одной стороны моментами становленія единичности. Но уже было указано, что онѣ въ нихъ самихъ суть полное понятіе и вслѣдствіе того въ единичности не переходятъ въ нѣчто другое, но въ ней лишь положено то, что онѣ суть въ себѣ и для себя. Общее есть для себя, такъ какъ въ немъ самомъ абсолютное опосредованіе, отношеніе къ себѣ, есть лишь абсолютная отрицательность. Оно есть отвлеченное общее, поскольку это снятіе есть внѣшнее дѣйствіе и тѣмъ самымъ устраненіе опредѣленности. Эта отрицательность, правда, присуща отвлеченному, но она отчасти внѣ его, просто какъ его условіе; она есть сама отвлеченность, противоставляющая себя своему общему, которое поэтому не имѣетъ единичности внутри его самого и остается чуждымъ понятію. Жизнь, духъ, Богъ также, какъ чистое понятіе, не могутъ вслѣдствіе того быть схвачены отвлеченіемъ, такъ какъ оно отстраняетъ изъ своихъ образованій единичность, принципъ индивидуальности и личности, и потому приходитъ лишь къ безжизненнымъ и бездушнымъ, безцвѣтнымъ и безсодержательнымъ общностямъ.

Но единство столь неотдѣлимо отъ понятія, что и эти произведенія отвлеченія, изъ которыхъ должна быть устранена единичность, собственно говоря, сами единичны. Такъ какъ отвлеченіе возвышаетъ конкретное до общности, общее же понимаетъ, лишь какъ опредѣленное общее, то именно въ этомъ и состоитъ единичность, оказавшаяся относящеюся къ себѣ опредѣленностью. Отвлеченіе есть поэтому раздѣленіе конкретнаго и превращеніе его опредѣленій въ единичныя; оно усвояетъ лишь единичныя свойства и моменты; ибо его продуктъ долженъ содержать то, что есть само оно. Но различеніе этихъ единичности его продукта и единичности понятія состоитъ въ томъ, что въ первыхъ отличается единичное, какъ содержаніе, отъ общаго, какъ формы; ибо именно это содержаніе не есть абсолютная форма, самое понятіе, или эта форма не есть полнота формы. Но этимъ ближайшимъ

соображеніемъ отвлеченное обнаруживается само, какъ единство единичнаго содержанія и отвлеченной общности, стало быть, какъ конкретное, какъ противоположное тому, чѣмъ оно хочетъ быть.

По тому же основанію частное, такъ какъ оно есть лишь опредѣленное общее, есть также единичное, и, наоборотъ, такъ какъ единичное есть опредѣленное общее, оно есть также нѣкоторое частное. Если твердо держаться этой отвлеченной опредѣленности, то понятіе имѣетъ три частныхъ опредѣленія,—общее, частное и единичное, между тѣмъ какъ ранѣе видами частнаго считались лишь общее и частное. Такъ какъ единичность есть возвратъ понятія, какъ отрицательнаго, внутрь себя, то самый этотъ возвратъ отъ отвлеченія, которое въ немъ собственно снимается, можетъ быть поставленъ и сосчитанъ, какъ безразличный моментъ на-ряду съ другими.

Если единичность признается однимъ изъ частныхъ опредѣленій понятія, то частность есть полнота, все обнимающая собою; какъ эта полнота, она и есть именно ея конкретное или сама единичность. Но она есть также конкретное по вышеуказанной своей сторонѣ, какъ опредѣленная общность; такимъ образомъ она есть непосредственное единство, въ коемъ не положенъ ни одинъ изъ этихъ моментовъ, какъ различенный или какъ опредѣляющее, и въ этой формѣ она составляетъ средній терминъ формальнаго умозаключенія.

Само собою бросается въ глаза, что каждое опредѣленіе, полученное въ предыдущемъ изложеніи понятія, непосредственно разлагается и теряется въ другихъ. Всякое различеніе смѣшивается въ томъ разсужденіи, которое должно его изолировать и упрочить. Лишь простое представленіе, для котораго это различеніе изолировало отвлеченіе, способно прочно различить общее, частное и единичное; такимъ образомъ, они могутъ быть перечислены, и дальнѣйшее различеніе хватается за полную внѣшность бытія, за количество, которое пригодно здѣсь менѣе всего. Въ единичности положено истинное отношеніе, нераздѣльность опредѣленія понятія; ибо какъ отрицаніе отрицанія она содержитъ въ себѣ его и его противоположеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ его же въ своемъ основаніи или единствѣ совпаденіе каждаго съ его другимъ. Такъ какъ въ этой рефлексіи состоитъ общность, въ себѣ и для себя, то первая есть по существу отрицательность опредѣленій понятія не только такъ, что она есть относительно нихъ лишь третье различное, но такъ, что теперь положено, что положеніе есть бытіе въ себѣ и для себя; т.-е. что свойственныя отличенію опредѣленія суть каждое полнота. Возвратъ опредѣленнаго понятія внутрь себя состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ опредѣленіе — быть въ своей опредѣленности полнымъ понятіемъ.

2. Но единичность есть не только возвратъ понятія внутрь себя самого, но непосредственно и его утрата. Черезъ единичность оно, будучи въ немъ внутри себя, становится внѣ себя и вступаетъ въ дѣйствительность. Отвлеченіе, которое, какъ душа единичности, есть отношеніе отрицательнаго къ отрицательному, есть, какъ показано, не нѣчто внѣшнее общему и частному, а имманентно имъ, и они черезъ него суть конкретное, содержаніе,

единичное. Но единичное, какъ эта отрицательность, есть опредѣленная опредѣленность, различеніе, какъ таковое; черезъ эту рефлексію отличенія въ себя отличеніе упрочивается; опредѣленіе частнаго достигается лишь черезъ единичность, ибо послѣдняя есть то отвлеченіе, которое теперь именно и есть единичность, положительное отвлеченіе.

Такимъ образомъ, единичное, какъ относящаяся къ себѣ отрицательность, есть непосредственное тожество отрицанія съ собою; оно есть сущее для себя. Или, иначе, оно есть отвлеченіе, опредѣляющее понятіе по его идеализованному моменту бытія, какъ нѣчто непосредственное. Такимъ образомъ, единичное есть качественное одно или это. По этому качеству оно есть во-первыхъ отталкиваніе себя отъ себя самого, что предполагаетъ многія другія одни; во-вторыхъ, оно есть въ противоположность этимъ предположеннымъ другимъ отношеніе отрицательное и потому исключающее единичное. Общность, отнесенная къ этимъ единичнымъ, какъ безразличнымъ однимъ,—а она должна быть отнесена къ нимъ, такъ какъ она есть моментъ понятія единичности,—есть лишь свойственное имъ всѣмъ. Если подъ общимъ разумѣютъ то, что свойственно вообще многимъ единичнымъ, то исходятъ отъ ихъ безразличнаго существованія и къ опредѣленію понятія примѣшиваютъ непосредственность бытія. Низшее представленіе, какое можно имѣть объ общемъ, каково оно въ отношеніи къ единичному, есть это его внѣшнее отношеніе, какъ чего-то свойственнаго всѣмъ.

Единичное, которое въ рефлексивной сферѣ осуществленія есть „это“, лишено того исключающаго отношенія къ другимъ однимъ, которое присуще качественному бытію для себя. Это, какъ рефлектированное въ себя одно, не обладаетъ для себя отталкиваніемъ; или, иначе, отталкиваніе присуще этой рефлексіи вмѣстѣ съ отвлеченіемъ и есть рефлектирующее опосредованіе, которое таково въ немъ, что оно есть положенная, отмѣченная внѣшностью непосредственность. Это есть; оно непосредственно; но оно есть это, лишь поскольку оно указано. Указываніе есть рефлектирующее движеніе, которое совпадаетъ съ собою и полагаетъ неопосредственность, но какъ нѣчто внѣшнее себѣ. Единичное, правда, есть также это, какъ и возстановленное изъ опосредованія непосредственное; но оно имѣетъ непосредственность не внѣ его, оно само есть отталкивающее отдѣленіе, положенное отвлеченіе, но въ своемъ отдѣленіи само есть положительное отношеніе.

Это отвлеченіе единичнаго, какъ рефлексія въ себя различенія, есть, во-первыхъ, положеніе различенныхъ, какъ самостоятельныхъ, рефлектированныхъ въ себя. Они суть непосредственно; но далѣе это раздѣленіе есть рефлексія вообще, видимость одного въ другомъ; такимъ образомъ, они состоятъ въ существенномъ отношеніи. Далѣе они суть не просто сущія единичныя, противоположныя одно другому; такое множество свойственно бытію; полагающая себя, какъ опредѣленную, единичность полагаетъ себя не въ чемъ-либо внѣшнемъ, а въ различеніи понятія; поэтому она исключаетъ изъ себя общее, но такъ какъ послѣднее есть моментъ ея самой, то онъ столь же существенно относится къ ней.

Понятіе въ этомъ отношеніи своихъ самостоятельныхъ опредѣленій утратило себя; ибо оно уже не есть ихъ положенное единство, и они уже не суть его моменты, его видимость, но пребываютъ въ себѣ и для себя. Какъ единичность, оно возвращается въ опредѣленности внутрь себя; тѣмъ самымъ опредѣленное само стало полнотою. Его возвратъ внутрь себя есть поэтому его абсолютное, первоначальное раздѣленіе, или, иначе, оно, какъ единичность, положено, какъ сужденіе.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Сужденіе.

Сужденіе есть положенная въ самомъ понятіи опредѣленность послѣдняго. Опредѣленія понятій или то, что, какъ оказалось, суть опредѣленныя понятія, уже разсмотрѣны для себя; но это разсмотрѣніе было болѣе субъективною рефлексіей или субъективнымъ отвлеченіемъ. Но понятіе само есть это отвлеченіе, противоставленіе его опредѣленій есть его собственное опредѣленіе. Сужденіе есть это положеніе опредѣленнаго понятія черезъ само понятіе.

Актъ сужденія есть постольку нѣкоторая другая функція, чѣмъ пониманіе, или, правильнѣе, другая функція понятія, поскольку оно есть актъ опредѣленія понятія черезъ себя само; и дальнѣйшее движеніе сужденія въ различіи сужденій есть это дальнѣйшее опредѣленіе понятія. Какія имѣются опредѣленныя понятія, и какъ эти ихъ опредѣленія вытекаютъ съ необходимостью, это должно быть обнаружено въ сужденіи.

Сужденіе можетъ поэтому быть названо ближайшимъ реализованіемъ понятія, поскольку реальность обозначаетъ вообще выходъ въ существованіе въ видѣ опредѣленнаго бытія. Ближайшимъ образомъ природа этого реализованія оказалась такою, что, во-первыхъ, моменты понятія черезъ его рефлексію въ себя или его единичность суть самостоятельныя полноты, во-вторыхъ же, единство понятія есть ихъ отношеніе. Рефлектированныя въ себя опредѣленія суть опредѣленныя полноты, какъ по существу въ безразличной безотносительной устойчивости, такъ и черезъ взаимное опосредованіе однихъ другими. Самый актъ опредѣленія есть лишь полнота, поскольку онъ содержитъ въ себѣ эти полноты и ихъ отношеніе. Эта полнота и есть сужденіе. Поэтому оно содержитъ въ себѣ обѣ самостоятельныя части, именуемыя субъектомъ и предикатомъ. Что такое каждый изъ нихъ, нельзя еще собственно сказать; они еще неопредѣленны, ибо должны быть опредѣлены лишь черезъ сужденіе. Поскольку оно есть понятіе, какъ опредѣленное, между ними существуетъ лишь то общее различіе, что сужденіе содержитъ въ себѣ опредѣленное понятіе въ противоположность еще неопредѣленному. Поэтому субъектъ въ противоположность предикату можетъ ближайшимъ образомъ признаваться за частное въ противоположность общему, или также за единичное въ противоположность частному, поскольку они вообще взаимно противостоятъ, какъ болѣе опредѣленное болѣе общему.

Поэтому правильно и нужно пользоваться для опредѣленій сужденія этими названіями—субъектъ и предикатъ; какъ названія, они суть нѣчто неопредѣленное, долженствующее еще получить свое опредѣленіе; и потому они суть не болѣе, какъ названія. Сами опредѣленія понятія не могутъ быть употребляемы, какъ двѣ стороны сужденія, отчасти на этомъ основаніи, отчасти же и еще болѣе потому, что природа опредѣленія понятія требуетъ, чтобы оно не было чѣмъ-то отвлеченнымъ и неизмѣннымъ, но содержало внутри себя и полагало въ себѣ свое противоположное; такъ какъ стороны сужденія суть сами понятія, т.-е. полнота его опредѣленій, то онѣ должны пройти и показать въ себѣ ихъ всѣ въ отвлеченной или конкретной формѣ. Но для того, чтобы при такомъ измѣненіи ихъ опредѣленій сохранить въ общемъ видѣ стороны сужденія, всего удобнѣе прибѣгнуть къ названіямъ, сохраняющимъ при этомъ постоянство. Названіе же противостоитъ вещи или понятію; это различіе проявляется и въ самомъ сужденіи, какъ таковомъ. Такъ какъ субъектъ выражаетъ собою вообще опредѣленное и потому преимущественно непосредственно сущее, предикатъ же общее, сущность или понятіе, то субъектъ, какъ таковый, есть ближайшимъ образомъ нѣкоторое названіе; ибо то, что̀ онъ такое есть, выражаетъ лишь предикатъ, содержащій въ себѣ бытіе въ смыслѣ понятія. Что есть это, или что это есть за растеніе и т. д.? подъ бытіемъ, о которомъ тутъ спрашивается, часто разумѣется только названіе, и, узнавъ послѣднее, мы удовлетворяемся и знаемъ, что такое есть эта вещь. Это есть бытіе въ смыслѣ субъекта. Но понятіе или по меньшей мѣрѣ сущность и вообще общее сообщается лишь предикатомъ, и о немъ спрашивается въ смыслѣ сужденія. Богъ, духъ, природа или что бы то ни было есть поэтому, какъ субъектъ сужденія, только названіе; что такое есть этотъ субъектъ по его понятію, сообщается лишь предметомъ. Если ищется нѣкоторый предикатъ, присущій субъекту, то въ основѣ сужденія о томъ должно уже лежать понятіе; но оно высказывается лишь самимъ предикатомъ. Поэтому предположенное значеніе субъекта есть собственно только представленіе, и оно приводитъ къ нѣкоторому объясненію названія, причемъ оказывается случайнымъ и нѣкоторымъ историческимъ фактомъ то, что подразумѣвается или не подразумѣвается подъ названіемъ. Многіе споры о томъ, присущъ или нѣтъ данному субъекту нѣкоторый предикатъ, суть поэтому не что иное, какъ споры о словахъ, такъ какъ они исходятъ отъ этой формы; лежащее въ основаніи (subjektum, ὑποκείμενον) есть еще не болѣе, чѣмъ слово.

Теперь надлежитъ ближе разсмотрѣть, какимъ образомъ, во-вторыхъ, опредѣлены отношеніе субъекта и предиката въ сужденіи и тѣмъ самымъ ближайшимъ образомъ они сами. Стороны сужденія суть вообще полноты, которыя ближайшимъ образомъ по существу самостоятельны. Поэтому единство понятія есть прежде всего лишь отношеніе самостоятельныхъ (сторонъ); не конкретное, возвратившееся внутрь себя изъ этой реальности полное единство, но такое, внѣ котораго онѣ пребываютъ, какъ неснятые въ немъ крайніе термины. Поэтому разсмотрѣніе сужденія можетъ исходить или отъ

первоначальнаго единства понятія, или отъ самостоятельности этихъ крайнихъ терминовъ. Сужденіе есть раздвоеніе понятія черезъ себя само; это единство есть поэтому основаніе, съ котораго разсматривается сужденіе по его истинной объективности. Тѣмъ самымъ оно есть первоначальное раздѣленіе первоначально единаго; слово „Urtheil“ выражаетъ то, что оно есть въ себѣ и для себя. Но что понятіе есть въ сужденіи явленіе, такъ какъ моменты перваго достигаютъ въ послѣднемъ самостоятельности, — этой стороны внѣшности придерживается болѣе представленіе.

Такимъ образомъ, по этому субъективному взгляду субъектъ и объектъ считаются каждый за нѣчто готовое для себя внѣ другого; субъектъ—предметомъ, который существовалъ бы и въ томъ случаѣ, если бы онъ не имѣлъ этого предиката; предикатъ—общимъ опредѣленіемъ, которое существовало бы и въ томъ случаѣ, если бы оно не было присуще этому субъекту. Съ сужденіемъ, стало быть, связана рефлексія, можетъ ли и долженъ ли тотъ или иной предикатъ, находящійся въ головѣ, быть присоединенъ къ предмету, находящемуся внѣ ея для себя; само сужденіе состоитъ въ томъ, что лишь посредствомъ него нѣкоторый предикатъ связанъ съ субъектомъ, такъ что, если бы это связываніе не имѣло мѣста, то субъектъ и предикатъ остались бы каждый для себя тѣмъ, что они суть, первый—существующимъ предметомъ, второй—представленіемъ въ головѣ. Но предикатъ, присоединенный къ субъекту, долженъ также соотвѣтствовать ему, т.-е. быть въ себѣ и для себя тожественнымъ ему. Это значеніе присоединенія снова снимаетъ субъективный смыслъ сужденія и безразличное внѣшнее существованіе субъекта и предиката: это дѣйствіе есть хорошее; связка показываетъ, что предикатъ принадлежитъ бытію предмета, а не связанъ съ нимъ лишь внѣшнимъ образомъ. Въ грамматическомъ смыслѣ это субъективное отношеніе, при которомъ исходятъ отъ безразличной внѣшности субъекта и предиката, имѣетъ полное значеніе; ибо это слова, связанныя здѣсь внѣшнимъ образомъ. По этому поводу можно также упомянуть, что хотя предложеніе въ грамматическомъ смыслѣ имѣетъ субъектъ и предикатъ, но оно не есть еще оттого сужденіе. Послѣднее подразумѣваетъ, что предикатъ находится къ субъекту въ отношеніи, обусловленномъ опредѣленіями понятій, т.-е. какъ нѣкоторое общее къ нѣкоторому частному или единичному. Если то, что говорится о единичномъ субъектѣ, само есть нѣчто единичное, то это простое предложеніе. Напр., Аристотель умеръ на 73-мъ году [1]) своей жизни, въ 4-мъ году 115-й олимпіады,—это простое предложеніе, а не сужденіе. Оно имѣло бы отчасти характеръ сужденія, если бы одно изъ обстоятельствъ, время смерти или возрастъ этого философа подвергались сомнѣнію, а между тѣмъ по какому-либо основанію на приведенныхъ цифрахъ приходилось настаивать. Ибо въ такомъ случаѣ они признавались бы за нѣчто общее, существующее и безъ опредѣленнаго содержанія—смерти Аристотеля, за наполненное другимъ или также пустое время.

---

[1]) Эта находящаяся въ подлинникѣ цифра ошибочна, такъ какъ Аристотель умеръ на 63-мъ году своей жизни. *Прим. перев.*

Такъ, извѣстіе „мой другъ N. умеръ“ есть предложеніе; оно было бы сужденіемъ лишь тогда, если бы возникъ вопросъ, есть ли эта смерть дѣйствительная или лишь кажущаяся.

Если сужденіе обычно объясняется такъ, что оно есть соединеніе двухъ понятій, то для внѣшней связки можно пожалуй сохранить неопредѣленное выраженіе „соединеніе“ и признавать далѣе, что по крайней мѣрѣ, соединяемое суть понятіе. Но вообще это объясненіе весьма поверхностно не только потому, что, напр., въ раздѣлительномъ сужденіи соединено болѣе двухъ такъ называемыхъ понятій, но и потому, что объясненіе даетъ гораздо болѣе, чѣмъ есть на дѣлѣ; ибо то, что тутъ подразумѣвается вообще, суть не понятія, едва ли даже опредѣленія понятій, а въ сущности лишь опредѣленія представленій; по поводу понятія вообще и опредѣленнаго понятія было уже замѣчено, что то, чему обычно дается это названіе, никоимъ образомъ не заслуживаетъ названія понятія; откуда же въ сужденіи могутъ взяться понятія? Въ сказанномъ объясненіи главное есть то, что не обращается вниманія на существенное въ сужденіи, именно на различеніе его опредѣленій, и еще менѣе на отношеніе сужденія къ понятію.

Что касается дальнѣйшаго опредѣленія субъекта и предиката, то уже было упомянуто, что именно лишь въ сужденіи они должны получить свое опредѣленіе. Но поскольку сужденіе есть положенная опредѣленность понятія, то ей присущи сказанныя отличенія непосредственно и отвлеченно, какъ единичность и общность. Но поскольку оно есть вообще существованіе или инобытіе понятія, еще не возвратившагося снова къ тому единству, въ силу котораго оно есть понятіе, то здѣсь выступаетъ также та опредѣленность, которая чужда понятію, — противоположность бытія и рефлексіи или бытія въ себѣ. Но такъ какъ понятіе составляетъ существенное основаніе сужденія, то эти опредѣленія по меньшей мѣрѣ столь безразличны, что въ каждомъ, одномъ присущемъ субъекту, другомъ — предикату, имѣетъ мѣсто и обратное отношеніе. Субъектъ, какъ единичное, является прежде всего, какъ сущее или сущее для себя согласно опредѣленной опредѣленности единичнаго, — какъ дѣйствительный предметъ, хотя онъ есть лишь предметъ представленія, — какъ, напр., храбрость, право, соотвѣтствіе и т. п. — о которомъ судятъ; напротивъ, предикатъ, какъ общее, является рефлексіею о субъектѣ или, правильнѣе, также его рефлексіею въ себя самого, выходящею за эту непосредственность и снимающею опредѣленности, какъ только сущія, — его бытіемъ въ себѣ. Такимъ образомъ, исходятъ отъ единичнаго, какъ отъ перваго, непосредственнаго, и повышаютъ его черезъ сужденіе до общности; точно также, какъ сущее лишь въ себѣ общее нисходитъ въ единичномъ до существованія или становится сущимъ для себя.

Это значеніе сужденія должно быть признаваемо за его объективный смыслъ и вмѣстѣ съ тѣмъ за истину предыдущихъ формъ перехода. Сущее становится и измѣняется, конечное переходитъ въ безконечное; осуществленное выступаетъ изъ своего основанія въ явленіе и исчезаетъ въ своемъ основаніи; акциденція обнаруживаетъ богатство субстанціи также,

какъ и ея мощь; въ бытіи необходимое отношеніе проявляется въ переходѣ въ другое, въ субстанціи—въ видимости въ нѣкоторомъ другомъ. Эти переходъ и видимость теперь перешли въ первоначальное раздѣленіе понятія, при чемъ послѣднее, возвращая единичное въ бытіе въ себѣ его общности, равнымъ образомъ опредѣляетъ общее, какъ дѣйствительное. То и другое есть одно и то же, единичность положена въ ея рефлексіи въ себя, а общее, какъ опредѣленное.

Но это объективное значеніе выражается теперь также въ томъ, что данныя различенія, поскольку они вновь выступаютъ въ опредѣленности понятія, вмѣстѣ съ тѣмъ положены, только какъ являющіяся, т.-е. что онн не суть нѣчто постоянное, но присущи одному опредѣленію понятія также, какъ другому. Поэтому субъектъ можетъ быть принимаемъ также за бытіе въ себѣ, а напротивъ, предикатъ за существованіе. Субъектъ безъ предиката есть то же, что въ явленіи вещь безъ свойствъ, вещь въ себѣ, пустое неопредѣленное основаніе; онъ есть при этомъ понятіе внутри себя самого, получающее различимость и опредѣленность лишь въ предикатѣ; послѣдній составляетъ тѣмъ самымъ сторону существованія субъекта. Черезъ эту опредѣленную общность субъектъ находится въ отношеніи къ внѣшнему, открытъ для воздѣйствія другихъ вещей и вступаетъ въ дѣйствіе противъ нихъ. То, что существуетъ (da ist), выступаетъ изъ своего внутри-бытія въ общій элементъ связи и отношеній, въ отрицательныя отношенія и игру дѣйствительности, которая есть продолженіе единичнаго въ другихъ и потому общность.

Только что указанное тожество, состоящее въ томъ, что субъектъ также присущъ и предикату, и наоборотъ, находится не только въ нашемъ размышленіи; оно не только въ себѣ, но и положено въ сужденіи, ибо сужденіе есть отношеніе ихъ обоихъ; связка выражаетъ собою, что субъектъ есть предикатъ. Субъектъ есть опредѣленная опредѣленность, а предикатъ есть эта его положенная опредѣленность; субъектъ опредѣленъ лишь въ своемъ предикатѣ или, иначе сказать, лишь въ немъ онъ есть субъектъ, въ предикатѣ онъ возвращенъ въ себя и есть въ немъ общее. Но поскольку субъектъ есть самостоятельное, то этому тожеству присуще такое отношеніе, что предикатъ не имѣетъ самостоятельноаго существованія для себя, но имѣетъ существованіе лишь въ субъектѣ; первый включенъ въ послѣдній. Поскольку, стало быть, предметъ отличается отъ субъекта, первый есть лишь единичная опредѣленность послѣдняго, лишь одно изъ его свойствъ; самъ же субъектъ есть конкретное, полнота многообразныхъ опредѣленностей, изъ коихъ предикатъ содержитъ въ себѣ лишь одну; субъектъ есть общее. Но, съ другой стороны, и предикатъ есть самостоятельная общность, а субъектъ, наоборотъ, есть лишь одно изъ его опредѣленій. Тѣмъ самымъ предикатъ подчиняетъ себѣ субъектъ; единичность и частность есть не для себя, но имѣетъ свою сущность и субстанцію въ общемъ. Предикатъ выражаетъ субъектъ въ своемъ понятіи; въ предикатѣ единичное и частное суть случайныя опредѣленія; онъ есть ихъ абсолютная возможность. Если подъ подчиненностью мыслятъ внѣшнее отношеніе субъекта

и предиката и представляютъ себѣ субъектъ, какъ нѣчто самостоятельное, то подчиненіе сводится къ вышеупомянутому субъективному акту сужденія, при которомъ исходятъ отъ самостоятельности ихъ обоихъ. Въ такомъ случаѣ подчиненіе оказывается лишь примѣненіемъ общаго къ нѣкоторому частному или единичному, полагаемому подъ нимъ на основаніи неопредѣленнаго представленія меньшаго количества.

Если понимать тожество субъекта и предиката такъ, что, съ одной стороны, первому присуще одно опредѣленіе понятія, а второму—другое, съ другой же стороны — наоборотъ, то тожество тѣмъ самымъ оказывается все же лишь чѣмъ-то сущимъ въ себѣ; ради самостоятельнаго различія обѣихъ частей сужденія его положенное отношеніе имѣетъ и эти двѣ стороны, прежде всего какъ различія. Но истинное отношеніе субъекта къ предикату образуется собственно безразличнымъ тожествомъ. Опредѣленіе понятія есть по существу само отношеніе, ибо оно есть общее; поэтому тѣ же опредѣленія, которыя свойственны субъекту и предикату, присущи тѣмъ самымъ также и ихъ отношенію. Оно общее, такъ какъ оно есть положительное тожество ихъ, субъекта и предиката; но оно также опредѣленно, такъ какъ опредѣленность предиката есть опредѣленность субъекта; оно далѣе также единично, такъ какъ въ немъ сняты самостоятельные крайніе термины въ ихъ отрицательномъ единствѣ. Но въ сужденіи это тожество еще не положено; связка есть вообще еще неопредѣленное отношеніе бытія: *A* есть *B*; ибо самостоятельность опредѣленности понятія или крайніе термины суть въ сужденіи реальность, присущая въ немъ понятію. Если бы связка есть была уже положена, какъ это опредѣленное и исполненное единство субъекта и предиката, какъ его понятіе, то сужденіе было бы уже умозаключеніемъ.

Возстановить или, правильнѣе, положить это тожество понятія есть цѣль движенія сужденія. То, что уже дано въ сужденіи, есть отчасти самостоятельность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленность субъекта и предиката одного относительно другого, отчасти же ихъ, однако отвлеченное, отношеніе. Что субъектъ есть предикатъ, это есть ближайшимъ образомъ то, что высказывается въ сужденіи; но такъ какъ предикатъ не долженъ быть тѣмъ, что есть субъектъ, то получается противорѣчіе, которое должно быть разрѣшено, должно перейти въ нѣкоторый результатъ. Но правильнѣе сказать, такъ какъ въ себѣ и для себя субъектъ и предикатъ составляютъ полноту понятія, а сужденіе есть реальность понятія, то дальнѣйшее движеніе послѣдняго есть лишь развитіе; въ немъ уже дано то, что въ немъ обнаруживается, и доказательство (Demonstration) есть тѣмъ самымъ лишь показаніе (Monstration), рефлексія, какъ положеніе того, что въ крайнихъ терминахъ сужденія уже дано; но и самое это положеніе уже дано; оно есть отношеніе крайнихъ терминовъ.

Сужденіе, какъ непосредственное, есть ближайшимъ образомъ сужденіе существованія; его субъектъ есть непосредственно отвлеченное, сущее единичное, а предикатъ — его непосредственная опредѣленность или свойство, нѣчто отвлеченно-общее.

Такъ какъ это качественное въ субъектѣ и предикатѣ снимается, то возникаетъ ближайшимъ образомъ видимость опредѣленія одного въ другомъ; сужденіе во-вторыхъ есть сужденіе рефлексіи.

Но это болѣе внѣшнее совпаденіе переходитъ въ существенное тожество нѣкоторой субстанціальной, необходимой связи; такимъ образомъ, сужденіе есть, въ-третьихъ, сужденіе необходимости.

Въ четвертыхъ, такъ какъ въ этомъ существенномъ тожествѣ различеніе субъекта и предиката стало формою, то сужденіе становится субъективнымъ; оно содержитъ въ себѣ противоположность понятія и его реальности и ихъ сравненія; оно есть сужденіе понятія.

Это выступленіе понятія обосновываетъ переходъ сужденія въ умозаключеніе.

А.

Сужденіе существованія.

Въ субъективномъ сужденіи желаютъ видѣть одинъ и тотъ же предметъ вдвойнѣ, во-первыхъ, въ его единичной дѣйствительности, во-вторыхъ, въ его существенномъ тожествѣ или его понятіи, единичное, возвышенное въ его общность, или, что то же самое, общее, объединенное въ его дѣйствительность.

Сужденіе есть такимъ образомъ истина, ибо оно есть согласіе понятія и реальности. Но такимъ сужденіе не бываетъ съ самаго начала; ибо сначала оно непосредственно, такъ какъ въ немъ не оказалось еще никакой рефлексіи и движенія опредѣленій. Эта непосредственность дѣлаетъ первоначальное сужденіе сужденіемъ существованія, которое именуется также качественнымъ, но лишь постольку, поскольку качеству присуща не только опредѣленность бытія, а подъ нимъ разумѣется также отвлеченная общность, имѣющая въ силу своей простоты также форму непосредственности.

Сужденіе существованія есть также сужденіе включенія (Inhärenz); ибо такъ какъ непосредственность есть его опредѣленіе, а въ различеніи субъекта и предиката первый есть непосредственное, т.-е. первое и существенное въ этомъ сужденіи, то предикатъ имѣетъ форму чего-то несамостоятельнаго, имѣющаго свою основу въ субъектѣ.

а. Положительное сужденіе.

1. Субъектъ и предикатъ суть, какъ было упомянуто, ближайшимъ образомъ названія, пріобрѣтающія свое истинное опредѣленіе лишь въ теченіи сужденія. Но какъ стороны сужденія, которое есть положенное опредѣленное понятіе, они обладаютъ опредѣленіемъ его моментовъ, но въ виду непосредственности, еще совсѣмъ простой, отчасти не обогащенной опосредованіемъ, отчасти ближайшимъ образомъ, по ихъ отвлеченной противоположности, лишь какъ отвлеченною единичностью и всеобщностью. Предикатъ, если мы

начнемъ съ него, есть отвлеченное общее; но такъ какъ это отвлеченное обусловлено опосредованіемъ снятія единичнаго или частнаго, то оно тѣмъ самымъ есть лишь предположеніе. Въ сферѣ понятія не можетъ быть иной непосредственности, кромѣ такой, которая въ себѣ и для себя содержитъ опосредованіе и возникла лишь черезъ его снятіе, т.-е. непосредственности общей. Такимъ образомъ и само качественное бытіе въ своемъ понятіи есть нѣчто общее; но какъ бытіе, непосредственность еще не положена такъ; лишь какъ общность она есть такое опредѣленіе понятія, въ которомъ положено, что ему по существу присуща отрицательность. Это отношеніе свойственно сужденію, въ которомъ оно есть предикатъ нѣкотораго субъекта. Равнымъ образомъ субъектъ есть нѣчто отвлеченно единичное или непосредственное, которое должно быть, какъ таковое; поэтому единичное должно быть вообще нѣчто. Тѣмъ самымъ субъектъ образуетъ собою отвлеченную сторону сужденія, по которой въ немъ понятіе перешло во внѣшность. Какъ оба опредѣленія понятія, также опредѣлено и ихъ отношеніе, есть, связка; она также можетъ имѣть значеніе лишь непосредственнаго, отвлеченнаго бытія. Въ силу отношенія, несодержащаго еще въ себѣ никакого опосредованія или отрицанія, это сужденіе названо положительнымъ.

2. Ближайшимъ чистымъ выраженіемъ положительнаго сужденія служитъ поэтому предложеніе:

Единичное есть общее.

Это выраженіе не должно быть понимаемо, какъ A есть B, ибо A и B суть совершенно безформенныя и потому лишенныя значенія названія; сужденіе же вообще и потому само сужденіе существованія уже имѣетъ своими крайними терминами опредѣленія понятій. A есть B можетъ въ той же мѣрѣ представлять собою любое простое предложеніе, какъ и какое-либо сужденіе. Но въ каждомъ даже по своей формѣ болѣе содержательно опредѣленномъ сужденіи предполагается предложеніе объ этомъ опредѣленномъ содержаніи: единичное есть общее, именно поскольку каждое сужденіе есть вообще также опредѣленное сужденіе. Объ отрицательномъ сужденіи, поскольку оно также подводится подъ это выраженіе, будетъ сейчасъ идти рѣчь. Если за симъ не думаютъ о томъ, что съ каждымъ ближайшимъ образомъ по крайней мѣрѣ положительнымъ сужденіемъ связано утвержденіе того, что единичное есть общее, то это происходитъ оттого, что отчасти не принимается во вниманіе опредѣленная форма, которою отличается субъектъ отъ предиката, такъ какъ сужденіе считается не чѣмъ инымъ, какъ отношеніемъ двухъ понятій, отчасти оттого, что сознанію предносится прочее содержаніе сужденія: Кай ученъ, или роза красна, при чемъ сознаніе, занятое представленіемъ о Каѣ и т. п., не рефлектируетъ о формѣ; хотя такое по крайней мѣрѣ содержаніе, какъ логическій Кай, служащій обычно примѣромъ, есть содержаніе весьма мало интересное и скорѣе именно потому и выбрано, какъ неинтересное, чтобы не отвлекать къ нему вниманія отъ формы.

По объективному своему значенію предложеніе: единичное есть общее, какъ мы имѣли уже случай упомянуть, выражаетъ отчасти преходимость еди-

ничныхъ вещей, отчасти ихъ положительное сохраненіе въ понятіи. Само понятіе безсмертно, но то, что выступаетъ при его раздѣленіи, подвержено измѣненію и возврату въ его общую природу. Но, наоборотъ, общее сообщаетъ себѣ нѣкоторое существованіе. Какъ выступаетъ сущность въ своихъ опредѣленіяхъ и видимости, основаніе въ осуществленномъ явленіи, субстанція въ обнаруженіи, въ своихъ акциденціяхъ, такъ общее рѣшается стать единичнымъ; сужденіе есть это его рѣшеніе, развитіе той отрицательности, которою оно уже бываетъ въ себѣ. Послѣднее выражается въ обратномъ предложеніи: общее есть частное, которое также высказывается въ положительномъ сужденіи. Субъектъ, который ближайшимъ образомъ есть непосредственно единичное, въ сужденіи относится къ своему другому, именно къ общему; тѣмъ самымъ онъ положенъ, какъ конкретное, по своему бытію какъ нѣкоторое нѣчто съ многими качествами; или какъ конкретное рефлексіи, какъ вещь съ многообразными свойствами, какъ дѣйствительность многообразныхъ возможностей, какъ субстанція съ таковыми же акциденціями. Такъ какъ это многообразіе принадлежитъ здѣсь субъекту сужденія, то нѣчто или вещь и т. п. въ своихъ качествахъ, свойствахъ или акциденціяхъ рефлектированы въ себя или непрерывно продолжаются въ нихъ, сохраняя себя въ нихъ, а также ихъ въ себѣ. Положеніе или опредѣленность принадлежитъ бытію въ себѣ и для себя. Поэтому субъектъ въ немъ самомъ есть общее. Напротивъ, предикатъ, какъ эта нереальная или не конкретная, а отвлеченная общность, есть въ противоположность ему опредѣленность и содержитъ въ себѣ лишь одинъ моментъ его полноты съ исключеніемъ другихъ. Въ силу этой отрицательности, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ крайній терминъ сужденія, относится къ себѣ, предикатъ есть отвлеченно-единичное. Напр., въ предложеніи: роза благоуханна онъ выражаетъ лишь одно изъ многихъ свойствъ розы; онъ дѣлаетъ его, которое въ субъектѣ срощено съ другими, единичнымъ, подобно тому какъ при разложеніи вещи многообразныя присущія ей свойства, становясь самостоятельными матеріями, дѣлаются единичными. Поэтому предложеніе сужденія съ этой своей стороны гласитъ: общее единично.

Если мы сопоставимъ въ сужденіи это взаимное опредѣленіе субъекта и предиката, то результатъ получается двоякій: 1., субъектъ есть, правда, непосредственное, какъ сущее или единичное, предикатъ же—общее. Но такъ какъ сужденіе есть ихъ отношеніе, и такъ какъ субъектъ опредѣленъ черезъ предикатъ, какъ общее, то субъектъ есть общее; 2., предикатъ опредѣленъ въ субъектѣ, ибо первый есть не опредѣленіе вообще, а опредѣленіе субъекта; роза благоуханна—это благоуханіе не неопредѣленное благоуханіе, а благоуханіе розы; стало быть, предикатъ есть нѣчто единичное. А такъ какъ субъектъ и предикатъ находятся въ отношеніи сужденія, то они должны оставаться противоположными по опредѣленіямъ своихъ понятій; подобно тому, какъ во взаимодѣйствіи причинности прежде, чѣмъ она достигнетъ своей истины, обѣ стороны должны въ противоположность равенства своего опредѣленія оставаться еще самостоятельными и противоположными. Если поэтому

субъектъ опредѣленъ, какъ общее, то и отъ предиката нельзя отнять опредѣленія общности, ибо иначе не было бы никакого сужденія, но было бы лишь его опредѣленіе единичности; а также поскольку субъектъ опредѣляется, какъ единичное, предикатъ долженъ быть принимаемъ за общее. Если рефлектировать надъ этими двумя простыми тожествами, то получаются слѣдующія два тожественныхъ предложенія.

Единичное есть единичное,

Общее есть общее, при чемъ опредѣленія сужденій совершенно выпадали бы одно изъ другого, выражалось бы лишь ихъ отношеніе къ себѣ, отношеніе же одного къ другому уничтожалось бы, и тѣмъ самымъ снималось бы сужденіе. Изъ этихъ двухъ предложеній одно: общее есть единичное выражаетъ сужденіе по его содержанію, которое въ предикатѣ есть единичное опредѣленіе, а въ субъектѣ полнота опредѣленія; другое же: единичное есть общее выражаетъ форму, которая непосредственно указана черезъ него. Въ непосредственномъ положительномъ сужденіи крайніе члены еще просты, поэтому форма и содержаніе еще соединены. Или, иначе, оно не состоитъ изъ двухъ предложеній; двоякое отношеніе, присущее ему, образуетъ собою непосредственно одно положительное сужденіе. Ибо его крайніе термины а., суть самостоятельныя, отвлеченныя опредѣленія сужденій и b., каждый терминъ опредѣляется другимъ черезъ посредство образующей между ними отношеніе связки. Въ себѣ же ему именно потому присуще, какъ выяснилось, различеніе формы и содержанія; и именно то, что содержится въ первомъ предложеніи: единичное есть общее, принадлежитъ формѣ, такъ какъ это предложеніе выражаетъ собою непосредственную опредѣленность. Напротивъ, отношеніе, выражаемое вторымъ предложеніемъ: общее единично, т.-е. субъектъ опредѣляется, какъ общее, а, напротивъ, предикатъ, какъ частное или единичное, касается содержанія, такъ какъ его опредѣленія выступаютъ лишь черезъ рефлексію въ себя, которою непосредственныя опредѣленности снимаются, и тѣмъ самымъ форма обращаетъ себя въ нѣкоторое возвращающееся внутрь себя тожество, сохраняющееся вопреки различенію формы, въ содержаніе.

3. Если же бы оба предложенія—формы и содержанія:

Субъектъ. Предикатъ.

Единичное есть общее,

Общее есть единичное,

въ силу того, что они содержатся въ одномъ положительномъ сужденіи, соединены были такъ, что тѣмъ самымъ оба, и субъектъ, и предикатъ, были опредѣлены, какъ единство единичности и общности, то оба они были бы частными, что въ себѣ должно бы было быть признано ихъ внутреннимъ опредѣленіемъ. Но эта связь была бы осуществлена отчасти лишь черезъ внѣшнюю рефлексію, отчасти же вытекающее отсюда предложеніе: частное есть частное было бы уже не сужденіемъ, а пустымъ тожественнымъ предложеніемъ, каковы и только что установленныя предложенія: единичное единично и общее обще. Единичность и общность не могутъ еще быть соединены въ частность,

такъ какъ въ положительномъ сужденіи онѣ положены еще, какъ непосредственныя. Или, иначе, сужденіе должно еще быть различаемо по своей формѣ и своему содержанію, такъ какъ именно субъектъ и предикатъ еще различаются, какъ непосредственное и опосредованное, или такъ какъ сужденіе по своему отношенію есть и то и другое, и самостоятельность соотносящихся, и ихъ взаимное опредѣленіе или опосредованіе.

Такимъ образомъ, сужденіе, разсматриваемое, во-первыхъ, по своей формѣ, таково:

Единичное есть общее. Правильнѣе сказать, такое непосредственное единичное не обще; его предикатъ имѣетъ болѣе широкій объемъ, и потому оно ему не соотвѣтствуетъ. Субъектъ есть нѣчто непосредственно сущее для себя и потому противоположность этой отвлеченности, этой положенной черезъ опосредованіе общности, которая должна была быть имъ высказана.

Во-вторыхъ, въ сужденіи, разсматриваемомъ по его содержанію или какъ предложеніе: общее единично, субъектъ есть нѣчто общее, качество, конкретное, безконечно опредѣленное; и такъ какъ его опредѣленности суть лишь качества, свойства или акциденціи, то его полнота есть ихъ ложная безконечная множественность. Поэтому такой субъектъ не есть собственно нѣкоторое такое единичное свойство, какое высказывается его предикатомъ. Поэтому оба предложенія должны быть отрицаемы, и положительное сужденіе должно быть положено скорѣе, какъ отрицательное.

b. Отрицательное сужденіе.

1. Выше была уже рѣчь о томъ обычномъ представленіи, по коему лишь отъ содержанія сужденія зависитъ, истинно оно или нѣтъ, такъ какъ логическая истина касается только формы и требуетъ только, чтобы это содержаніе не противорѣчило самому себѣ. Форма самого сужденія принимается состоящею лишь въ томъ, что она есть отношеніе двухъ понятій. Но было выяснено, что обоимъ этимъ понятіямъ присуще не только безотносительное опредѣленіе нѣкотораго числа, а они относятся между собою, какъ единичное и общее. Эти опредѣленія образуютъ собою истинно-логическое содержаніе; какое-либо другое содержаніе, оказывающееся въ сужденіи (солнце кругло, Цицеронъ былъ великій римскій ораторъ, теперь день и т. п.) не входитъ въ составъ сужденія, какъ таковаго; сужденіе высказываетъ лишь одно: субъектъ есть предикатъ, или, такъ это суть лишь названія, то опредѣленнѣе: единичное есть общее и наоборотъ. По этому чисто-логическому содержанію положительное сужденіе не истинно, но имѣетъ свою истину въ отрицательномъ сужденіи. Требуется, что содержаніе сужденія не противорѣчило себѣ; но, какъ было показано, оно противорѣчитъ себѣ въ этомъ сужденіи. Но такъ какъ совершенно безразлично, называть ли это логическое содержаніе также формою, а подъ содержаніемъ разумѣть лишь одно

эмпирическое наполненіе сужденія, то оказывается, что форма содержитъ не только то пустое тожество, внѣ котораго лежитъ опредѣленіе содержаніе. Поэтому положительное сужденіе по своей формѣ положительнаго сужденія не имѣетъ истины; если бы кто-нибудь назвалъ правильность нѣкотораго воззрѣнія или воспріятія, согласіе представленія съ предметомъ, истиною, то у него по меньшей мѣрѣ не было бы никакого выраженія для того, что есть предметъ и цѣль философіи. Послѣдніе слѣдовало бы по меньшей мѣрѣ назвать разумною истиною; и, конечно, придется признать, что сужденія въ родѣ: Цицеронъ былъ великій ораторъ, теперь день и т. п. не суть разумныя истины. Но они не суть таковыя, не потому что они какъ бы случайно имѣютъ эмпирическое содержаніе, а потому что они суть только положительныя сужденія, не могущія и не долженствующія имѣть никакого иного содержанія, кромѣ непосредственно-единичнаго и нѣкоторой отвлеченной опредѣленности.

Положительное сужденіе имѣетъ свою истину ближайшимъ образомъ въ отрицательномъ: единичное не есть отвлеченно-общее, но предикатъ единичнаго въ силу того, что онъ разсматривается, какъ таковой или для себя безъ отношенія къ субъекту, есть, какъ отвлеченно общій, самъ нѣчто опредѣленное; единичное есть поэтому ближайшимъ образомъ нѣкоторое частное. Далѣе согласно другому предложенію, содержащемуся въ положительномъ сужденіи, отрицательное сужденіе гласитъ: общее не есть отвлеченно-единичное, но этотъ предикатъ, уже поскольку онъ есть предикатъ, или поскольку онъ стоитъ въ отношеніи къ нѣкоторому общему субъекту, есть нѣчто большее, чѣмъ простая единичность, и потому общее есть также ближайшимъ образомъ нѣкоторое частное. Такъ какъ это общее, какъ субъектъ, самъ совпадаетъ съ частностью, то оба предложенія сводятся къ одному: единичное есть нѣкоторое частное.

Можно замѣтить, a., что здѣсь частность оказалась тѣмъ предикатомъ, о которомъ уже ранѣе была рѣчь, но она положена здѣсь не черезъ внѣшнюю рефлексію, но произошла черезъ посредство указаннаго въ сужденіи отрицательнаго отношенія. b., Это опредѣленіе оказывается здѣсь существующимъ лишь для предиката. Въ непосредственномъ сужденіи, сужденіи существованія, субъектъ есть лежащее въ основаніи; поэтому опредѣленіе ближайшимъ образомъ имѣетъ здѣсь видимость быть присущимъ предикату. Но, въ дѣйствительности, это первое отрицаніе еще не можетъ быть опредѣленіемъ или собственно какимъ-либо положеніемъ единичнаго, такъ какъ имъ служитъ лишь второе, отрицательное отрицательнаго.

Единичное есть нѣкоторое частное,—вотъ положительное выраженіе отрицательнаго сужденія. Это выраженіе потому не есть само положительное сужденіе, что послѣднее въ силу своей непосредственности имѣетъ своими крайними терминами лишь отвлеченное, частное же именно черезъ положеніе отношенія сужденія оказывается первымъ опосредованнымъ опредѣленіемъ. Но это опредѣленіе должно быть принимаемо не только за моментъ крайняго термина, а также, каково оно собственно есть ближайшимъ образомъ,

за определеніе отношенія; или, иначе, сужденіе должно также быть разсматриваемо, какъ отрицательное.

Этотъ переходъ основывается на отношеніи крайнихъ терминовъ и на ихъ отношеніи въ сужденіи вообще. Положительное сужденіе есть отношеніе непосредственно единичнаго и общаго, т.-е. такихъ, изъ коихъ одно вмѣстѣ съ тѣмъ не есть то, что другое; это отношеніе поэтому есть также по существу раздѣленіе или отношеніе отрицательное; поэтому положительное сужденіе должно было быть положеннымъ, какъ отрицательное. Поэтому логики не должны были такъ затрудняться тѣмъ, что „не“ отрицательнаго сужденія перешло въ связку. То, что въ акциденіи есть определеніе крайняго члена, есть также весьма определенное отношеніе. Определеніе сужденія или крайній терминъ не есть чисто качественное определеніе непосредственнаго бытія, долженствующее быть противопоставленнымъ лишь нѣкоторому другому внѣ его. Оно есть также определеніе рефлексіи, которая по своей общей формѣ относится, какъ положительная и отрицательная, при чемъ то и другое положено, какъ исключающее и какъ тожественное съ другимъ лишь въ себѣ. Определеніе сужденія, какъ понятія, есть въ немъ самомъ нѣчто общее, положенное, какъ продолжающееся въ его другомъ. Наоборотъ, отношеніе сужденія есть то же определеніе, какое свойственно крайнимъ терминамъ, ибо оно есть именно эта общность и продолжаемость ихъ одного въ другомъ; поскольку они различены, въ немъ есть также и отрицательность.

Только что указанный переходъ формы отношенія къ формѣ определенія непосредственно приводитъ къ тому послѣдствію, что „не“ связки должно быть также обращено и къ предикату, и послѣдній долженъ быть определенъ, какъ не-общее. Но не-общее столь же непосредственно-послѣдовательно оказывается частнымъ. Если за отрицательнымъ удерживается вполнѣ отвлеченное определеніе непосредственнаго небытія, то предикатъ есть лишь вполнѣ неопределенное не-общее. Съ этимъ определеніемъ имѣетъ дѣло логика при противорѣчивыхъ понятіяхъ, настаивая, какъ на чемъ-то важномъ, на томъ, что при отрицательномъ понятіи устанавляется только отрицательное, которое должно быть понимаемо, лишь какъ просто неопределенный объемъ другого по отношенію къ положительному понятію. Такимъ образомъ, просто не-бѣлое было бы настолько же краснымъ, желтымъ, голубымъ и т. д., какъ и чернымъ. Но бѣлое, какъ таковое, есть чуждое понятію определеніе воззрѣнія; поэтому „не“ въ отношеніи къ бѣлому есть есть столь же чуждое понятію небытіе, каковая отвлеченность разсматривается въ самомъ началѣ логики, при чемъ ея ближайшею истиною оказывается становленіе. Если при разсмотрѣніи определеній сужденія берутъ примѣрами такое чуждое понятію содержаніе воззрѣнія и представленія, и определенія бытія и рефлексіи признаются за определенія понятій, то поступаютъ также некритично, какъ, напримѣръ, примѣняя вмѣстѣ съ Кантомъ понятія разсудка къ безконечной идеѣ разума или такъ называемой вещи въ себѣ; понятіе, къ коему относится также исходящее отъ него сужденіе, есть истинная вещь въ себѣ или разумное, а эти определенія принадле-

жатъ бытію или сущности и не суть еще формы, выработанныя такимъ образомъ и способомъ, какой свойственъ имъ въ ихъ истинѣ, въ понятіи. Если останавливаются на бѣломъ, красномъ, какъ на чувственныхъ представленіяхъ, то обыкновенно называютъ понятіемъ нѣчто такое, что есть лишь опредѣленіе представленія, и въ такомъ случаѣ не-бѣлое, не-красное не есть нѣчто положительное также, какъ и не-треугольное есть нѣчто совершенно неопредѣленное, ибо вообще опредѣленіе, основанное на числѣ и опредѣленномъ количествѣ, есть по существу безразличное, чуждое понятію. Но какъ само небытіе, такъ и такое чувственное содержаніе должно быть понято и утратить тѣ безразличіе и отвлеченную непосредственность, какія оно имѣетъ въ слѣпомъ, лишенномъ движенія, представленіи. Уже въ существованіи чуждое мысли ничто становится границею, посредствомъ которой нѣчто относится къ нѣкоторому другому внѣ его. Въ рефлексіи же отрицательное по существу относится къ нѣкоторому положительному и тѣмъ самымъ есть опредѣленное; отрицательное не есть уже это неопредѣленное небытіе, оно положено лишь съ тѣмъ, чтобы быть, поскольку ему противоположно положительное, а третье есть его основаніе; тѣмъ самымъ отрицательвое содержится въ замкнутой сферѣ, въ которой то, что есть нѣкоторое не, есть нѣчто опредѣленное. Тѣмъ болѣе въ абсолютнотекучей непрерывности понятія и его опредѣленій нѣкоторое „не“ непосредственно есть положительное, и отрицаніе есть не только опредѣленность, но принято въ общность и положено, какъ тожественное ей. Поэтому не-общее есть тѣмъ самымъ частное.

2. Такъ какъ отрицаніе касается отношенія сужденія, а отрицательное сужденіе разсматривается покуда, какъ таковое, то оно прежде всего есть еще сужденіе; тѣмъ самымъ даже отношеніе субъекта и предиката или единичности и общности есть форма сужденія. Субъектъ, какъ лежащее въ основаніи непосредственное, остается незатронутъ отрицаніемъ, стало быть, сохраняетъ свое опредѣленіе—имѣть предикатъ или свое отношеніе къ общности. Поэтому отрицаемое не есть вообще всеобщность предиката, а его отвлеченность или опредѣленность, являющаяся относительно той всеобщности содержаніемъ. Слѣдовательно отрицательное сужденіе не есть полное отрицаніе; та общая сфера, въ коей содержится предикатъ, еще сохраняется; поэтому отношеніе субъекта къ предикату по существу есть еще положительное; сохраняющееся опредѣленіе предиката есть равнымъ образомъ отношеніе. Если, напр., говорится, что роза не красна, то тѣмъ самымъ отрицается и отдѣляется отъ присущей ей общности лишь опредѣленность предиката; общая сфера—цвѣтъ—сохраняется; если роза не красна, то тѣмъ самымъ признается, что она имѣетъ цвѣтъ и при томъ другой цвѣтъ; по этой общей сферѣ сужденіе остается положительнымъ.

Единичное есть частное, — эта положительная форма отрицательнаго сужденія выражаетъ это непосредственно: частное содержитъ въ себѣ общность. Оно выражаетъ сверхъ того, что предикатъ есть не только нѣчто общее, но и опредѣленное. Отрицательная форма содержитъ въ себѣ то же самое; ибо

поскольку, наприм., роза не красна, она должна сохранять, какъ предикатъ, не только общую сферу цвѣта, но имѣть также нѣкоторый другой опредѣленный цвѣтъ; такимъ образомъ снимается лишь единичная опредѣленность красноты, а общая сфера не только сохраняется, но и получаетъ опредѣленность, становясь, однако, неопредѣленною, общею опредѣленностью, т.-е. частностью.

3. Частность, оказавшаяся положительнымъ опредѣленіемъ отрицательнаго сужденія, есть посредствующее между единичностью и общностью; такимъ образомъ отрицательное сужденіе есть вообще посредствующее, приводящее къ третьей ступени, къ рефлексіи сужденія существованія въ себя само. По своему объективному значенію оно есть лишь моментъ измѣненія акциденцій или единичныхъ качествъ конкретно-существующаго. Черезъ это измѣненіе полная опредѣленность предиката или конкретное выступаетъ, какъ положенная.

Единичное есть частное согласно положительному выраженію отрицательнаго сужденія. Но единичное есть также не частное; ибо частность имѣетъ болѣе широкій объемъ, чѣмъ единичность; поэтому она есть предикатъ, не соотвѣтствующій субъекту, слѣдовательно, такой, въ коемъ послѣдній еще не имѣетъ своей истины. Единичное есть только единичное, отрицательность, относящаяся не къ другому, будь послѣднее положительное или отрицательное, но лишь къ самой себѣ. Роза не есть что-либо цвѣтное, но имѣетъ лишь опредѣленный цвѣтъ, цвѣтъ розы. Единичное есть не неопредѣленно опредѣленное, а опредѣленно опредѣленное.

Если исходить отъ этой положительной формы отрицательнаго сужденія, то это отрицаніе послѣдняго является снова лишь первымъ отрицаніемъ. Но это не такъ. Напротивъ, отрицательное сужденіе есть уже въ себѣ и для себя второе отрицаніе или отрицаніе отрицанія, и то, что оно есть въ себѣ и для себя, должно быть положено. А именно оно отрицаетъ опредѣленность предиката положительнаго сужденія, его отвлеченную общность, или, если говорить о содержаніи, то единичное качество, которое оно получаетъ отъ субъекта. Отрицаніе же опредѣленности есть уже второе отрицаніе, стало быть безконечное возвращеніе единичности въ себя саму. Тѣмъ самымъ возстановляется конкретная полнота субъекта или, правильнѣе сказать, онъ лишь теперь положенъ, какъ единичное, такъ какъ черезъ свое отрицаніе и снятіе онъ опосредываетъ самъ себя. Съ своей стороны предикатъ тѣмъ самымъ переходитъ изъ первой общности къ абсолютной опредѣленности и приравнивается съ субъектомъ. Поэтому сужденіе означаетъ: единичное есть единичное. Съ другой стороны, поскольку субъектъ принятъ также за общее, и поскольку въ отрицательномъ сужденіи предикатъ, который въ противоположность этому опредѣленію субъекта есть единичное, расширенъ въ частное, и такъ какъ далѣе отрицаніе этой опредѣленности есть также очищеніе содержащейся въ немъ общности, то это сужденіе означаетъ также: общее есть общее.

Въ обоихъ этихъ сужденіяхъ, возникшихъ пока черезъ внѣшнюю рефлексію, предикатъ уже выраженъ въ своей положительности. Но ближайшимъ образомъ

отрицаніе отрицательнаго сужденія само должно явиться въ формѣ отрицательнаго сужденія. Выяснено, что въ немъ еще остались положительное отношеніе субъекта къ предикату и общая сфера послѣдняго. Съ этой стороны оно тѣмъ самымъ содержитъ очищенную отъ ограниченности общность, какъ положительное сужденіе, а потому тѣмъ болѣе должно быть отрицаемо отъ субъекта, какъ единичнаго. Этимъ путемъ отрицается весь объемъ предиката и не остается никакого положительнаго отношенія между нимъ и субъектомъ. Это есть безконечное сужденіе.

c. Безконечное сужденіе.

Отрицательное сужденіе есть столь же мало истинное сужденіе, какъ и положительное. Но безконечное сужденіе, которое должно быть его истиною, по своему отрицательному выраженію есть отрицательно-безконечное; сужденіе, въ коемъ снята также и форма сужденія. Но это безсмысленное сужденіе. Оно должно быть сужденіемъ, стало быть, содержать въ себѣ отношеніе субъекта и предиката; но вмѣстѣ съ тѣмъ такого отношенія въ немъ быть не должно. Названіе безконечнаго сужденія, правда, приводится въ обычныхъ логикахъ, но при этомъ не выясняется, что съ нимъ дѣлать. Примѣры отрицательно-безконечныхъ сужденій привести легко, соединяя отрицательно опредѣленія субъекта и предиката, изъ которыхъ каждое не содержитъ въ себѣ не только опредѣленности другого, но и ихъ общей сферы; такимъ образомъ, наприм., духъ есть не красное, не зеленое и т. д., не кислое, не щелочное и т. д., роза есть не слонъ, разсудокъ есть не столъ и т. п. Эти сужденія, какъ говорятъ, правильны или истинны, но, несмотря на такую истину, безсмысленны и пошлы. Или, правильнѣе, они не суть вовсе сужденія. Болѣе реальный примѣръ безконечнаго сужденія есть злое дѣйствіе. Въ гражданскомъ правовомъ спорѣ нѣчто отрицается, лишь какъ собственность противной партіи; такимъ образомъ признается, что оно принадлежало бы ей, если бы она имѣла на то право, и оно оспаривается лишь подъ титломъ права; общая сфера, право, признается и сохраняется, такимъ образомъ, въ этомъ отрицательномъ сужденіи. Преступленіе же есть безконечное сужденіе, которое отрицаетъ не только частное право, но вмѣстѣ и общую его сферу, отрицаетъ право, какъ право. Оно обладаетъ, правда, правильностью въ томъ смыслѣ, что оно есть дѣйствительное дѣйствіе, но такъ какъ оно относится совершенно отрицательно къ нравственности, составляющей ея общую сферу, то оно безсмысленно.

Положительное въ безконечномъ сужденіи, въ отрицаніи отрицанія, есть рефлексія единичности въ себя саму, черезъ что она именно положена, какъ опредѣленная опредѣленность. Единичное единично — таково его выраженіе согласно этой рефлексіи. Субъектъ въ сужденіи существованія есть непосредственное единичное и тѣмъ самымъ большее, чѣмъ лишь нѣчто вообще. Лишь черезъ опосредованіе отрицательнаго и безконечнаго сужденія онъ положенъ, какъ единичное.

Тѣмъ самымъ единичное положено, какъ непрерывно-продолжающееся въ своемъ предикатѣ, тожественномъ съ нимъ; тѣмъ самымъ и общность положена также, уже не какъ непосредственная, но какъ нѣкоторая совокупность различнаго. Положительно-безконечное сужденіе гласитъ, правда, также: общее есть общее и, такимъ образомъ, положено также, какъ возвратъ въ себя само.

Черезъ эту рефлексію опредѣленій сужденія въ себя сужденіе сняло себя; въ отрицательно-безконечномъ сужденіи различіе, такъ сказать, слишкомъ велико для того, чтобы еще сохранялось сужденіе; субъектъ и предикатъ не имѣютъ въ немъ никакого положительнаго отношенія одинъ къ другому; напротивъ, въ положительно-безконечномъ сужденіи дано лишь тожество, и оно не есть болѣе сужденіе вслѣдствіе полнаго отсутствія различія.

Ближайшимъ образомъ оказывается снявшимъ себя сужденіе существованія; тѣмъ самымъ положено то, что содержится въ связкѣ сужденія, именно, что качественныя крайности снимаются въ этомъ своемъ тожествѣ. Но поскольку это единство есть понятіе, то оно (единство) непосредственно также снова раздѣляется на крайности и есть сужденіе, опредѣленія котораго, однако, суть уже не непосредственныя, но рефлектированныя въ себя. Сужденіе существованія перешло въ сужденіе рефлексіи.

B.

Сужденіе рефлексіи.

Въ возникшемъ теперь сужденіи субъектъ есть нѣчто единичное, какъ таковое; равнымъ образомъ общее есть уже не отвлеченная общность или единичное качество, но положено, какъ общее, совпавшее въ одно черезъ отношеніе различеннаго, или, разсматриваемое вообще по содержанію различныхъ опредѣленій, какъ совпаденіе многообразныхъ свойствъ и осуществленій. Если требуется дать примѣры предикатовъ сужденій рефлексіи, то они должны быть другого рода, чѣмъ сужденій существованія. Въ сужденіи рефлексіи собственно дано лишь одно опредѣленное содержаніе, т.-е. вообще одно содержаніе; ибо это содержаніе есть рефлектированное въ содержаніе опредѣленіе формы, отличенное отъ формы, поскольку она есть отличенное различіе, каково оно есть, еще какъ сужденіе. Въ сужденіи существованія содержаніе есть непосредственное или отвлеченное, неопредѣленное. Примѣрами сужденій рефлексіи могутъ поэтому служить: человѣкъ смертенъ, вещи преходящи, эта вещь полезна, вредна; твердость, упругость тѣлъ, счастіе и т. п. суть такіе своеобразные предикаты. Они выражаютъ собою нѣкоторую существенность, которая, однако, есть опредѣленіе въ отношеніи или связующая общность. Эта общность, которая далѣе опредѣлится въ движеніи сужденія рефлексіи, еще отлична отъ общности понятія, какъ таковой; хотя она уже не есть отвлеченная общность качественнаго сужденія, но имѣетъ еще отношеніе къ тому непосредственному, отъ котораго она исходитъ, и послѣднее лежитъ въ основаніи ея отрицательности. Понятіе даетъ существованію бли-

жайшимъ образомъ опредѣленія отношенія, непрерывную продолжаемость ихъ самихъ въ различномъ многообразіи осуществленія, но такъ, что истинно общее имѣетъ его внутреннюю сущность въ явленіи, и эта относительная природа или ея признакъ еще не есть ея бытіе въ себѣ и для себя.

Повидимому ближе всего опредѣлить сужденіе рефлексіи, какъ сужденіе количества, какъ сужденіе существованія опредѣлилось также, какъ качественное сужденіе. Но какъ непосредственность послѣдняго была не только сущая, но по существу также опосредованная и отвлеченная, такъ и здѣсь эта снятая непосредственность есть не только снятое качество, стало быть, не только количество; напротивъ, какъ качество есть крайняя степень непосредственности, такъ это количество есть такимъ же образомъ крайняя степень присущаго опосредованію опредѣленія.

По поводу опредѣленія, какимъ оно въ своемъ движеніи является въ сужденіи рефлексіи, слѣдуетъ сдѣлать еще то замѣчаніе, что въ сужденіи существованія движеніе его обнаружилось въ предикатѣ, такъ какъ это сужденіе имѣло опредѣленіе непосредственности, и, стало быть, субъектъ являлся лежащимъ въ основаніи. По такому же основанію въ сужденіи рефлексіи движеніе опредѣленія обнаруживается въ субъектѣ, такъ какъ это сужденіе имѣетъ опредѣленіемъ рефлектированное бытіе въ себѣ. Поэтому существенное здѣсь есть общее или предикатъ; онъ поэтому образуетъ собою лежащее въ основаніи, по коему долженъ измѣряться и соотвѣтственно коему долженъ опредѣляться субъектъ. Правда, и предикатъ черезъ дальнѣйшее развитіе формы субъекта получаетъ дальнѣйшее опредѣленіе, но косвенно, предыдущее же опредѣленіе обнаруживается по вышеуказанному основанію, какъ прямое дальнѣйшее опредѣленіе.

Что касается объективнаго значенія сужденія, то въ немъ единичное приходитъ къ существованію черезъ свою общность, но какъ бы въ нѣкоторомъ существенномъ опредѣленіи отношенія, въ сохраняющейся черезъ многообразіе явленія существенности; субъектъ долженъ быть опредѣленнымъ въ себѣ и для себя; эту опредѣленность онъ имѣетъ въ своемъ предикатѣ. Съ другой стороны, единичное рефлектируется въ этомъ своемъ предикатѣ, который есть его общая сущность; субъектъ есть тѣмъ самымъ осуществленное и являющееся. Предикатъ въ этомъ сужденіи уже не включенъ въ субъектъ; первый—есть скорѣе сущее въ себѣ, которому подчинено это частное, какъ акцидентальное. Если сужденія существованія могутъ быть такъ же опредѣлены, какъ сужденія включенія, то сужденія рефлексіи суть скорѣе сужденія подчиненія.

a. Единичное сужденіе.

Непосредственное сужденіе рефлексіи есть опять-таки: единичное есть общее; но субъектъ и предикатъ имѣютъ вышеприведенное значеніе; поэтому его можно ближайше выразить такъ: это есть по существу общее.

Но нѣкоторое „это“ не есть по существу общее. То по своей общей формѣ положительное сужденіе вообще должно быть понято отрицательно.

Но между тѣмъ какъ сужденіе рефлексіи есть не только положительное, то и отрицаніе не относится прямо къ предикату, который не есть включенное, но есть сущее въ себѣ. Субъектъ есть скорѣе измѣнчивое и подлежащее опредѣленію. Поэтому отрицательное сужденіе должно быть здѣсь понимаемо такъ: не нѣкоторое это есть общее въ рефлексіи; такое въ себѣ имѣетъ общее осуществленіе какъ бы лишь въ нѣкоторомъ „это". Единичное сужденіе имѣетъ поэтому свою ближайшую истину въ частномъ.

b. Частное сужденіе.

Неединичность субъекта, которая должна быть положена въ первомъ сужденіи рефлексіи вмѣсто его единичности,—есть частность. Но единичность въ сужденіи рефлексіи опредѣлена, какъ существенная единичность; поэтому частность можетъ быть не простымъ, отвлеченнымъ опредѣленіемъ, въ коемъ единичное было бы снято и осуществленное уничтожено до основанія, но лишь расширеніемъ его во внѣшней рефлексіи; поэтому субъектъ есть нѣкоторыя эти или нѣкоторое множество единичныхъ.

Это сужденіе: нѣкоторыя единичныя суть общее рефлексіи является ближайше положительнымъ сужденіемъ, но оно также и отрицательно; ибо нѣкоторое содержитъ въ себѣ общее; соотвѣтственно послѣднему оно можетъ быть разсматриваемо, какъ объемлющее, но поскольку оно есть частность, это ему также не соотвѣтственно. Отрицательное опредѣленіе, полученное субъектомъ черезъ переходъ единичнаго сужденія, есть, какъ указано выше, также опредѣленіе отношенія, связки. Въ сужденіи „нѣкоторые люди счастливы" заключается непосредственный выводъ: нѣкоторые люди несчастливы. Если нѣкоторыя вещи полезны, то именно потому же нѣкоторыя вещи неполезны. Положительное и отрицательное сужденія уже не распадаются, но частное сужденіе содержитъ въ себѣ непосредственно оба ихъ вмѣстѣ, именно потому, что оно есть сужденіе рефлексіи. Но поэтому частное сужденіе есть неопредѣленное.

Если въ примѣрахъ такого сужденія разсмотрѣть далѣе субъектъ—нѣкоторые люди, животныя и т. д., то окажется, что кромѣ частнаго опредѣленія формы — нѣкоторые — онъ содержитъ въ себѣ еще и опредѣленіе содержанія—человѣкъ и т. д. Субъектъ единичнаго сужденія могъ бы означать этого человѣка, нѣкоторую единичность, требующую собственно лишь внѣшняго указанія; его правильнѣе выразить какимъ-либо словомъ Кай. Но субъектомъ частнаго сужденія уже не могутъ служить нѣкоторые Каи, такъ какъ Кай долженъ быть единичнымъ, какъ таковымъ. Къ слову нѣкоторые можетъ быть присоединено лишь общее содержаніе, какъ-то люди, животныя и т. д. Это содержаніе уже не только эмпирическое, но опредѣляемое формою сужденія; а именно оно есть общее потому, что слово нѣкоторые содержитъ въ себѣ общность, и эти нѣкоторые должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлены отъ единичныхъ, такъ какъ рефлектированная единичность лежитъ въ ихъ основаніи. Ближайшимъ образомъ оно есть также

общая природа или родъ—человѣкъ, животное; такая предваряемая общность, которая есть результатъ сужденія рефлексіи; подобно тому, какъ положительное сужденіе, поскольку оно имѣетъ субъектомъ единичное, есть предваренное опредѣленіе, которое есть результатъ сужденія существованія.

Субъектъ, содержащій въ себѣ единичныя, ихъ отношеніе къ частности и общую природу, тѣмъ самымъ уже положенъ, какъ полнота опредѣленій понятія. Но это соображеніе, собственно говоря, внѣшне. То, что ближайшимъ образомъ уже положено въ субъектѣ черезъ его форму во взаимномъ отношеніи, есть расширеніе этого въ частность; но это обобщеніе ему не соотвѣтствуетъ; это есть вполнѣ опредѣленное, а нѣкоторыя эти — неопредѣленное. Расширеніе должно касаться этого, стало быть, соотвѣтствовать ему, быть вполнѣ опредѣленнымъ; таковою служитъ полнота или ближайшимъ образомъ общность вообще.

Эта общность имѣетъ въ своемъ основаніи это, такъ какъ единичное есть здѣсь рефлектированное въ себя; поэтому его дальнѣйшія опредѣленія движутся въ немъ внѣшнимъ образомъ, и подобно тому, какъ частность именно потому опредѣлилась, какъ нѣкоторые, такъ и общность, достигаемая субъектомъ, есть всячество (Allheit), и частное сужденіе перешло въ общее.

c. Общее сужденіе.

Общность, присущая субъекту общаго сужденія, есть внѣшняя общность рефлексіи, всячество; всѣ суть всѣ единичныя; единичное остается тутъ неизмѣннымъ. Поэтому эта общность есть лишь совокупность сущихъ для себя единичныхъ; она есть одинаковость (Gemeinschaftlichkeit), возникающая въ нихъ лишь черезъ сравненіе. Эта одинаковость прежде всего бросается въ глаза субъективному представленію, когда идетъ рѣчь объ общности. Ближайшее основаніе признанія нѣкотораго опредѣленія за общее состоитъ въ томъ, что оно присуще многимъ. При анализѣ предносится главнымъ образомъ это же понятіе общности, когда, напр., развитіе функціи въ многочленъ считается за болѣе общее, чѣмъ развитіе ея въ двучленъ; ибо многочленъ содержитъ въ себѣ болѣе частностей, чѣмъ двучленъ. Требованіе, чтобы функція была представлена въ ея общности, есть собственно требованіе все-члена, исчерпанной безконечности; но здѣсь само собою представляется ограниченіе этого требованія, и изображеніе безконечнаго множества должно довольствоваться лишь его долженствованіемъ, а потому лишь многочленомъ. Въ дѣйствительности же уже двучленомъ предполагается многочленъ, въ коемъ методъ или правило касается лишь зависимости одного члена отъ другого, и зависимость многихъ членовъ отъ предшествующихъ имъ есть не нѣчто частное, но остается лежащею въ основаніи одною и тою же функціею. Методъ или правило должно считаться истинно-общимъ; въ теченіе развитія или въ развитіи многочлена оно лишь повторяется; поэтому черезъ умноженіе числа членовъ оно нисколько не выигрываетъ въ общности. Уже ранѣе была рѣчь о ложной безконечности и ея заблужденіи; общность

понятія ость достигнутая потусторонность; та же безконечность остается пораженною потусторонностью, какъ чѣмъ-то недостижимымъ, такъ какъ она остается просто прогрессомъ въ безконечность. Если подъ видомъ общности предносится лишь всячество, общность, которая должна быть исчерпана единичными, какъ единичными, то это есть возвратъ къ той ложной безконечности; или, правильнѣе, при этомъ за всячество принимается лишь множество. Множество же, какъ бы оно ни было велико, остается только частностью и не есть всячество. Однако при этомъ предносится смутно сущая въ себѣ и для себя общность понятія; оно прорывается мощно сквозь упорно сохраняющуюся единичность, въ коей его держитъ представленіе, и сквозь внѣшность ея рефлексіи, и превращаетъ всячество въ полноту или, правильнѣе, въ категорическое бытіе въ себѣ и для себя.

Это и инымъ путемъ обнаруживается во всячествѣ, которое есть вообще эмпирическая общность. Поскольку единичное предполагается, какъ нѣчто непосредственное, стало быть преднайденное и внѣшне принятое, ему столь же внѣшня и рефлексія, связывающая его во всячество. Но такъ какъ единичное, какъ это, совершенно безразлично къ этой рефлексіи, то общность и такая единичность не могутъ совпасть въ единство. Поэтому эмпирическое всячество остается лишь задачею, долженствованіемъ, не могущимъ быть представленнымъ, какъ бытіе. Эмпирически—общія предложенія, ибо и такія бываютъ установлены, основываются на безмолвномъ соглашеніи въ случаяхъ отсутствія противоположныхъ инстанцій признавать множество случаевъ за всячество; или принимать субъективное всячество, всячество знанія данныхъ случаевъ, за объективное всячество.

При ближайшемъ разсмотрѣніи общаго сужденія, занимающаго насъ теперь, оказывается, что субъектъ, который, какъ было замѣчено выше, содержитъ въ себѣ сущую въ себѣ и для себя общность, какъ предположенную, теперь имѣетъ ее также, какъ положенную. Всѣ люди означаетъ, во-первыхъ, родъ человѣкъ, во-вторыхъ, этотъ же родъ въ его единичности, но такъ, что единичныя вмѣстѣ съ тѣмъ расширены въ общность рода; наоборотъ, общность черезъ эту связь съ единичностью опредѣлена столь же полно, какъ и единичность; тѣмъ самымъ положенная общность стала равною предположенной.

Но, собственно говоря, слѣдуетъ прежде всего принимать во вниманіе не предположенное, а разсматривать результатъ въ его формальномъ опредѣленіи для себя. Единичность, такъ какъ она расширилась въ общность, положена, какъ отрицательность, имѣющая тожественное отношеніе къ себѣ. Тѣмъ самымъ она не осталась тою первою единичностью, какова, напр., единичность нѣкоего Кая, но есть опредѣленіе, тожественное съ общностью, или абсолютная опредѣленность общаго. Эта первая единичность единичнаго сужденія не есть непосредственная единичность положительнаго сужденія, но произошла черезъ діалектическое движеніе сужденія существованія вообще; она была уже опредѣлена къ тому, чтобы быть отрицательнымъ тожествомъ опредѣленій этого сужденія. Таково истинное предположеніе въ сужденіи рефлексіи; въ противо-

положность присущему ему положенію эта первая опредѣленность единичности была теперь ея бытіемъ въ себѣ; то, что оно тѣмъ самымъ есть въ себѣ, теперь положено лишь черезъ движеніе сужденія рефлексіи, а именно единичность, какъ тожественное отношеніе опредѣленнаго къ себѣ самому. Тѣмъ самымъ та рефлексія, которая расширяетъ единичность въ общность, не становится для нея внѣшнею, но дѣлается лишь для себя тѣмъ, чѣмъ она уже была въ себѣ. Такимъ образомъ истинный результатъ есть объективная общность. Тѣмъ самымъ субъектъ совлекъ съ себя формальное опредѣленіе сужденія рефлексіи, исходившее отъ этого, дабы перейти черезъ нѣкоторое къ общности; вмѣсто всѣ люди теперь должно сказать человѣкъ.

Общность, происшедшая такимъ образомъ, есть родъ,—общность, которая въ ней самой есть конкретное. Родъ не присущъ субъекту или, иначе, не есть единичное качество, вообще не есть нѣкоторое качество субъекта; родъ содержитъ въ себѣ всякую единичную опредѣленность, разрѣшенную въ ея субстанціальную самостоятельность. Поэтому, такъ какъ родъ положенъ, какъ это отрицательное тожество съ самимъ собою, онъ есть по существу субъектъ, но въ немъ послѣдній уже не подчиненъ своему предикату. Тѣмъ самымъ теперь измѣняется вообще природа сужденія рефлексіи.

Послѣднее было по существу сужденіемъ подчиненія. Предикатъ былъ опредѣленъ относительно своего субъекта, какъ сущее въ себѣ общее; по своему содержанію предикатъ могъ бы считаться за существенное опредѣленіе отношенія или также за признакъ, — опредѣленіе, по которому субъектъ есть лишь нѣкоторое существенное явленіе. Но опредѣленный, какъ объективно общее, онъ уже перестаетъ быть подчиненнымъ такому опредѣленію отношенія или связующей рефлексіи; такой предикатъ относительно этой общности есть скорѣе нѣчто частное. Тѣмъ самымъ отношеніе субъекта и предиката здѣсь превращается въ обратное, и такимъ образомъ сужденіе прежде всего снимается.

Это снятіе сужденія совпадаетъ съ тѣмъ, что становится опредѣленіемъ связки, которое мы должны еще разсмотрѣть; снятіе опредѣленій сужденія и переходъ ихъ въ связку одно и то же. А именно поскольку субъектъ повысился до общности, онъ въ этомъ опредѣленіи сталъ равенъ предикату, который, какъ рефлектированная общность, объемлетъ собою и частность; поэтому субъектъ и предикатъ тожественны, т.-е. совпали въ связкѣ. Это тожество есть родъ или въ себѣ и для себя сущая природа нѣкоторой вещи. Поскольку эта природа такимъ образомъ снова раздѣляется въ сужденіи, субъектъ и предикатъ относятся между собою черезъ внутреннюю природу;— отношеніе необходимости, въ которомъ эти опредѣленія сужденія суть лишь несущественныя различенія. То, что свойственно всѣмъ единичнымъ нѣкотораго рода, свойственно по его природѣ и роду, —это непосредственный выводъ и выраженіе того, что оказалось уже и ранѣе, именно что субъектъ, напр., всѣ люди, совлекается своей формальной опредѣленности, и вмѣсто него слѣдуетъ сказать человѣкъ. Эта сущая въ себѣ и для себя связь кладетъ основу новаго сужденія—сужденія необходимости.

C.

Сужденіе необходимости.

Опредѣленіе, до котораго доразвилась общность, есть, какъ оказалось, сущая въ себѣ и для себя или объективная общность, которой въ сферѣ сущности соотвѣтствуетъ субстанціальность. Первая отличается отъ послѣдней тѣмъ, что она принадлежитъ понятію и потому есть не только внутренняя, но и положенная необходимость своихъ опредѣленій; или иначе, что отличеніе ей имманентно, между тѣмъ какъ субстанція имѣетъ его лишь въ своихъ акциденціяхъ, а не какъ принципъ въ себѣ самой.

Въ сужденіи эта объективная общность положена, тѣмъ самымъ, во-первыхъ, съ этою ея существенною опредѣленностью, какъ имманентною ей, во-вторыхъ, какъ отличная отъ нея частность, субстанціальную основу которой составляетъ эта общность. Такимъ путемъ она опредѣлена, какъ родъ и видъ.

a. Категорическое сужденіе.

Родъ раздѣляется или по существу распадается на виды; онъ есть родъ, лишь поскольку подъ нимъ понимаются виды, видъ есть видъ, лишь поскольку онъ съ одной стороны осуществляется въ единичныхъ, а съ другой имѣетъ въ родѣ болѣе высокую общность. Категорическое сужденіе имѣетъ предикатомъ лишь такую общность, въ которой субъектъ находитъ свою имманентную природу. Но оно само есть первое или непосредственное сужденіе необходимости; отсюда опредѣленность субъекта, въ силу которой онъ въ противоположность роду или виду есть частное или единичное, и тѣмъ самымъ ему свойственна непосредственность внѣшняго осуществленія. Но объективная общность также лишь здѣсь находитъ свою непосредственную партикуляризацію; съ одной стороны она есть поэтому сама нѣчто опредѣленное, въ противоположность которому даны болѣе высокіе роды; съ другой же стороны она не есть именно ближайшая, т.-е. такая, опредѣленность которой есть принципъ специфической частности субъекта. Но что тутъ необходимо, — это субстанціальное тожество субъекта и предиката, въ противоположность которому то своеобразіе, коимъ они одинъ отъ другого отличаются, есть лишь несущественное положеніе, или только одно названіе; субъектъ въ своемъ предикатѣ рефлектированъ въ своемъ бытіи въ себѣ и для себя. Такой предикатъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ предикатами вышеразсмотрѣнныхъ сужденій; напр., если сужденія

роза красна,
роза есть растеніе;
или:
это кольцо желто,
оно есть золото,

соединяются въ одинъ классъ, и цвѣтъ цвѣтка признается предикатомъ равнозначущимъ съ растительною природою цвѣтка, то не принимается во вниманіе то отличіе, которое должно бросаться въ глаза самому обычному взгляду. Поэтому категорическое сужденіе должно быть опредѣленно отличено отъ положительнаго и отрицательнаго сужденій; въ послѣднихъ то, что говорится о субъектѣ, есть единичное случайное содержаніе, въ первомъ же оно есть полнота рефлектированной въ себя формы. Въ немъ связка имѣетъ поэтому значеніе необходимости, въ нихъ же значеніе лишь отвлеченнаго, непосредственнаго бытія.

Опредѣленность субъекта, въ силу коей онъ есть нѣчто отдѣльное отъ предиката, есть ближайшимъ образомъ нѣчто еще случайное; субъектъ и предикатъ еще не приведены въ необходимое отношеніе посредствомъ формы или опредѣленности; необходимость есть поэтому еще внутренняя. Но субъектъ есть субъектъ, лишь какъ частное, и поскольку онъ имѣетъ объективную общность, онъ долженъ имѣть ее по существу согласно этой еще непосредственной опредѣленности. Объективно-общее, такъ какъ оно опредѣлило себя, т.-е. положило себя въ сужденіи, находится по существу въ тожественномъ отношеніи съ этою отдѣленною отъ него опредѣленностью, т.-е. послѣдняя должна быть положена, какъ существенная, а не просто какъ случайная. Категорическое сужденіе соотвѣтствуетъ своей объективной общности лишь въ силу этой необходимости своего непосредственнаго бытія, и такимъ образомъ перешло въ условное сужденіе.

b. Условное сужденіе.

Если есть A, то есть B; или иначе бытіе A есть не его собственное бытіе, но бытіе нѣкотораго другого, B. Въ этомъ сужденіи положена необходимая связь непосредственныхъ опредѣленій, еще не положенная въ категорическомъ сужденіи. Здѣсь два непосредственныхъ или внѣшне-случайныхъ осуществленія, каковымъ въ категорическомъ сужденіи ближайшимъ образомъ бываетъ только одно, субъектъ; но такъ какъ одно изъ нихъ внѣшне относительно другого, то и это другое непосредственно также внѣшне относительно перваго. По этой непосредственности содержаніе обѣихъ сторонъ еще взаимно-безразлично; поэтому это сужденіе есть ближайшимъ образомъ пустое формальное предложеніе. Непосредственность есть, правда, во-первыхъ, какъ таковая, нѣкоторое самостоятельное, конкретное бытіе; но, во-вторыхъ, ея отношеніе существенно; это бытіе есть поэтому также простая возможность; условное сужденіе содержитъ въ себѣ не то, что A есть, или что B есть, но то, что если есть одно изъ нихъ, то есть и другое; сущею положена лишь связь обоихъ терминовъ, а не они сами. Правильнѣе сказать, каждый положенъ въ такой необходимости, какъ также бытіе другого. Начало тожества гласитъ: A есть лишь A, а не B; и B есть лишь B, а не A; напротивъ, въ условномъ сужденіи бытіе конечныхъ вещей по ихъ формальной истинѣ положено черезъ понятіе такъ, что конечное есть свое собственное бытіе, но также не

собственное, а бытіе нѣкотораго другого. Въ сферѣ бытія конечное измѣняется, становится другимъ; въ сферѣ сущности оно есть явленіе, при чемъ положено, что бытіе состоитъ въ томъ, что нѣчто иное имѣетъ въ немъ видимость, и что необходимость есть внутреннее, еще не положенное, какъ таковое, отношеніе. Понятіе же состоитъ въ томъ, что это тожество положено, и что сущее есть не отвлеченное тожество съ собою, но конкретное и непосредственно въ немъ самомъ бытіе нѣкотораго другого.

Условное сужденіе съ точки зрѣнія отношенія рефлексіи можетъ быть ближайше опредѣлено, какъ отношеніе основанія и слѣдствія, условія и обусловленнаго, причинности и т. д. Какъ въ категорическомъ сужденіи форма понятія есть субстанціальность, такъ въ условномъ — связь причинности. Это и другія отношенія всѣ объемлются имъ, но здѣсь они уже не суть болѣе отношенія самостоятельныхъ сторонъ, а послѣднія суть по существу лишь моменты одного и того же тожества. Однако они еще по опредѣленіямъ понятій противоположены, не какъ единичное или частное общему, но лишь какъ моменты вообще. Тѣмъ самымъ условное сужденіе имѣетъ болѣе видъ предложенія; какъ частному сужденію свойственно неопредѣленное содержаніе, такъ условному — неопредѣленная форма, такъ какъ отношеніе его содержанія не подходитъ подъ опредѣленіе субъекта и объекта. Но въ себѣ бытіе, такъ какъ оно есть бытіе другого, именно потому есть единство себя самого и другого и тѣмъ самымъ общность; поэтому оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть собственно лишь нѣкоторое частное, такъ какъ оно есть опредѣленное и въ своей опредѣленности не есть только относящееся къ себѣ. Но положенное есть не простая отвлеченная частность, а черезъ непосредственность, присущую опредѣленностямъ, моменты послѣднихъ положены, какъ различенные; вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу ихъ единства, составляющаго ихъ отношеніе, частность есть также ихъ полнота. Поэтому то, что поистинѣ положено въ этомъ сужденіи, есть общность, какъ конкретное тожество понятія, опредѣленія котораго не имѣютъ устойчивости для себя, но суть лишь положенныя въ этомъ тожествѣ частности. Такимъ образомъ оно есть раздѣлительное сужденіе.

c. Раздѣлительное сужденіе.

Въ категорическомъ сужденіи понятіе есть объективная общность и нѣкоторая внѣшняя единичность. Въ условномъ понятіе въ этой внѣшности выступаетъ въ своемъ отрицательномъ тожествѣ; черезъ послѣднее обѣ онѣ получаютъ въ раздѣлительномъ сужденіи опредѣленность положенную, между тѣмъ какъ въ первыхъ онѣ имѣютъ ее непосредственно. Раздѣлительное сужденіе есть поэтому объективная общность, положенная вмѣстѣ съ тѣмъ въ соединеніи съ формою. Оно содержитъ въ себѣ слѣдовательно, во-первыхъ, конкретную общность или родъ въ простой формѣ, какъ субъектъ; во-вторыхъ, ее же, но какъ полноту ея различенныхъ опредѣленій. *A* есть или *B*, или *C*. Это необходимость понятія, въ коей, во-первыхъ, тожество обоихъ

крайнихъ терминовъ есть ихъ одинаковые объемы, содержаніе и общность; во вторыхъ, они различаются по формѣ опредѣленій понятія, но такъ, что въ силу этого тожества она есть простая форма. Въ-третьихъ, тожественная объективная общность является поэтому, какъ рефлектированная въ себя въ противоположность несущественной формѣ, какъ содержаніе, имѣющее, однако, въ немъ самомъ опредѣленность формы, въ одномъ отношеніи какъ простую опредѣленность рода, въ другомъ же отношеніи, какъ ту же опредѣленность, развитую въ ея отличеніяхъ,—въ силу чего она есть частность видовъ и ихъ полнота, общность рода. Частность въ ея развитіи образуетъ предикатъ, такъ какъ она есть общее постольку, поскольку она содержитъ въ себѣ всю общую сферу субъекту, но содержитъ ее во внѣположеніи порозненія.

При ближайшемъ разсмотрѣніи этого порозненія оказывается, что, во-первыхъ, родъ образуетъ собою субстанціальную общность видовъ; поэтому субъектъ есть столь же B, какъ и C; это столь же означаетъ положительное тожество частнаго съ общимъ; это объективное общее вполнѣ сохраняется въ своей частности. Виды, во-вторыхъ, взаимно исключаютъ одинъ другой; A есть или B, или C, ибо они составляютъ опредѣленное различеніе общей сферы. Это или—или есть ихъ отрицательное отношеніе. Но въ немъ они столь же тожественны, какъ и въ первомъ отношеніи; родъ есть единство ихъ, какъ опредѣленныхъ частныхъ. Если бы родъ былъ отвлеченною общностью, какъ въ сужденіяхъ существованія, то виды должны бы были быть понимаемы, только какъ различные и безразличные одинъ къ другому; но онъ есть не эта внѣшняя, возникшая лишь черезъ сравненіе и отбрасываніе, а ихъ имманентная и конкретная общность. Эмпирическое раздѣлительное сужденіе лишено необходимости; A есть или B, или C, или D и т. д., потому что виды B, C, D и т. д. даны заранѣе; тутъ нельзя собственно высказать никакого или—или, ибо эти виды образуютъ собою лишь какъ бы субъективную полноту; правда, одинъ видъ исключаетъ другіе; но или—или исключаетъ все дальнѣйшее и заключаетъ въ себѣ полную сферу. Эта полнота имѣетъ свою необходимость въ отрицательномъ единствѣ объективно-общаго, которое растворяетъ въ себѣ единичность и имѣетъ ее имманентно въ себѣ, какъ простой принципъ отличенія, посредствамъ коего опредѣляются и соотносятся виды. Напротивъ, эмпирическіе виды находятъ свои отличенія въ какой-либо случайности, которая есть нѣкоторый внѣшній принципъ или именно потому не ихъ принципъ, тѣмъ самымъ не имманентная опредѣленность рода; поэтому они также не относятся одинъ къ другому по своей опредѣленности. Между тѣмъ, именно черезъ отношеніе своей опредѣленности виды образуютъ собою общность предиката. Такъ называемыя противныя и противоположныя понятія именно здѣсь должны бы были найти свое мѣсто; ибо въ раздѣлительномъ сужденіи положено существенное отличеніе понятій; но они имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свою истину въ томъ, что самыя противность и противорѣчіе также сами различаются, какъ противное и противорѣчивое. Виды противны, поскольку они лишь различны, а именно имѣютъ нѣкоторую устойчивость, сущую въ себѣ

и для себя, черезъ родъ, какъ ихъ объективную природу; они противоположны, поскольку они одинъ другой исключаютъ. Но каждое изъ этихъ опредѣленій для себя односторонне и лишено истины; въ или—или раздѣлительнаго сужденія положено ихъ единство, какъ ихъ истина, согласно коей эта самостоятельная устойчивость, какъ сама конкретная общность, есть также принципъ отрицательнаго единства, въ силу котораго они взаимно исключаются.

Черезъ только что указанное тожество субъекта и предиката по ихъ отрицательному единству родъ опредѣляется въ раздѣлительномъ сужденіи, какъ ближайшее. Это выраженіе указываетъ ближайшимъ образомъ только на количественное различеніе опредѣленій бо́льшаго и меньшаго, которое содержало въ себѣ нѣчто общее въ противоположность обнимаемой имъ частности. Остается поэтому случайнымъ, что такое есть собственно ближайшій родъ. Но поскольку родъ понимается, какъ нѣкоторое только черезъ опущеніе опредѣленій образованное общее, онъ, собственно говоря, не можетъ образовать раздѣлительнаго сужденія; ибо является дѣломъ случая, остается ли въ немъ еще та опредѣленность, которая образуетъ собою принципъ или—или; родъ въ такомъ случаѣ не былъ бы вообще по своей опредѣленности представленъ въ видахъ, и послѣдніе могли бы образовать лишь случайную полноту. Въ категорическомъ сужденіи родъ ближайшимъ образомъ данъ лишь въ этой отвлеченной формѣ въ противоположность субъекту; поэтому первый не есть необходимо ближайшій родъ и, стало быть, является внѣшнимъ. Но такъ какъ родъ есть конкретная существенно опредѣленная общность, онъ есть, какъ простая опредѣленность, единство моментовъ понятія, которые въ этой простотѣ лишь сняты, но имѣютъ свое реальное отличеніе въ видахъ. Поэтому родъ есть ближайшее нѣкотораго вида постольку, поскольку послѣдній имѣетъ въ существенной опредѣленности перваго свое специфическое отличеніе, и поскольку виды вообще имѣютъ свое отличаемое опредѣленіе, какъ принципъ, въ природѣ рода.

Только что разсмотрѣнная сторона образуетъ собою тожество субъекта и предиката со стороны опредѣленности вообще; стороны, положенной черезъ условное сужденіе, необходимость котораго есть нѣкоторое тожество непосредственнаго и различнаго и поэтому по существу отрицательное единство. Это отрицательное единство есть вообще такое, которое раздѣляетъ субъектъ и предикатъ, но которое теперь само положено, какъ отличенное въ субъектѣ, какъ простая опредѣленность, а въ предикатѣ, какъ полнота. Это раздѣленіе субъекта и предиката есть различеніе понятія; но полнота видовъ въ предикатѣ не можетъ также быть какою-либо другою. Такимъ образомъ, тѣмъ самымъ установляется взаимное опредѣленіе терминовъ раздѣлительнаго сужденія. Это опредѣленіе сводится къ различенію понятія, ибо оно есть лишь то, которое раздѣляется и обнаруживаетъ въ своемъ опредѣленіи свое отрицательное единство. Впрочемъ, видъ принимается здѣсь въ соображеніе лишь по его простой опредѣленности понятія, а не въ томъ образѣ, въ коемъ онъ изъ идеи вступаетъ въ дальнѣйшую самостоятельную реальность; послѣдняя конечно выпадаетъ изъ простого принципа рода; но

существенное различеніе должно быть моментомъ понятія. Въ разсматриваемомъ здѣсь сужденіи собственно говоря черезъ собственное дальнѣйшее движеніе понятія положено теперь самое его раздѣленіе, положено то, что оказалось въ понятіи его сущимъ въ себѣ и для себя опредѣленіемъ, различеніемъ въ немъ опредѣленныхъ понятій. А такъ какъ общее есть какъ положительная, такъ и отрицательная полнота частнаго, то самое понятіе именно потому есть непосредственно одинъ изъ своихъ раздѣленныхъ терминовъ; другимъ же служитъ эта общность, разрѣшенная въ свою частность или опредѣленность понятія, какъ опредѣленность, въ коей общность проявляетъ себя, какъ полноту. Если раздѣленіе какого-либо рода на виды не достигло еще этой формы, то это служитъ доказательствомъ, что оно не возвысилось до опредѣленности понятія и не вытекаетъ изъ него. Цвѣтъ бываетъ или фіолетовый, или синій, или голубой, или зеленый, или желтый, или оранжевый, или красный; въ этомъ раздѣленіи сейчасъ же обнаруживаесся его эмпирическая смѣшанность и нечистота: съ этой стороны, разсматриваемое само по себѣ, оно должно быть названо просто варварскимъ. Но если цвѣтъ понимается, какъ конкретное единство свѣтлаго и темнаго, то этотъ родъ имѣетъ въ себѣ опредѣленность, образующую принципъ его раздѣленія на виды. Но изъ послѣднихъ одинъ долженъ быть совершенно простымъ цвѣтомъ, равномѣрно содержащимъ въ себѣ противоположность во всей ея напряженности замкнутою и снятою; въ противность ей должна представляться противоположность отношенія свѣтлаго и темнаго, къ которому, такъ какъ оно касается природнаго явленія, должна присоединяться еще безразличная нейтральность противоположности. Принятіе смѣсей, какъ фіолетовый и оранжевый, н различій степеней, какъ синій и голубой, за виды можетъ имѣть свое основаніе лишь въ совершенно необдуманномъ образѣ дѣйствія, который даже для эмпиризма обнаруживаетъ собою слишкомъ мало рефлексіи. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто излагать, какія различныя и ближе опредѣленныя формы имѣетъ раздѣленіе, смотря потому, совершается ли оно въ элементѣ природы или въ духѣ.

Раздѣлительное сужденіе имѣетъ раздѣленные термины ближайшимъ образомъ въ своемъ предикатѣ; но оно, равнымъ образомъ, и само раздѣлено; его субъектъ и предикатъ суть раздѣленные термины; но въ своей опредѣленности они вмѣстѣ съ тѣмъ суть моменты понятія, положенные, какъ тожественные, какъ тожественные α, въ объективной общности, которая въ субъектѣ есть простой родъ, а въ предикатѣ общая сфера и полнота моментовъ понятія и β, въ отрицательномъ единствѣ, въ развитой связи необходимости, по которой простая опредѣленность субъекта перешла въ различеніе видовъ и именно потому есть ихъ существенное отношеніе и тожество съ самой собою.

Это единство, связка этого сужденія, въ которой совпали крайніе термины въ силу ихъ тожества, есть тѣмъ самымъ само понятіе, и именно какъ положенное; простое сужденіе необходимости тѣмъ самымъ повысилось въ сужденіе понятія.

D.

Сужденіе понятія.

Сужденія существованія были недостаточнымъ знаніемъ: роза красна, снѣгъ бѣлъ и т. д.,—врядъ ли тутъ обнаруживается большая сила сужденія. Сужденія рефлексіи суть болѣе предложенія; въ сужденіи необходимости предметъ, правда, данъ въ своей объективной общности, но лишь въ подлежащемъ теперь разсмотрѣнію сужденіи дано его отношеніе къ понятію. Послѣднее положено тутъ въ основаніе, и именно потому что оно въ отношеніи къ предмету является долженствованіемъ, которому реальность можетъ какъ соотвѣтствовать, такъ и не соотвѣтствовать. Поэтому лишь такое сужденіе содержитъ въ себѣ истинную оцѣнку; предикаты добрый, дурной, истинный, прекрасный, правильный и т. д. выражаютъ собою, что вещь измѣряется по ея общему понятію, какъ по предположенному долженствованію, и что она находится или не находится съ нимъ въ соотвѣтствіи.

Сужденіе понятіе получило названіе сужденія модальности, и ему приписываютъ тотъ смыслъ, что оно содержитъ въ себѣ форму отношенія субъекта и предиката во внѣшнемъ разсудкѣ, при чемъ значеніе связки опредѣляется лишь въ отношеніи къ мышленію. Отсюда выводится, что проблемматическое сужденіе состоитъ въ признаніи утвержденія или отрицанія допустимымъ или возможнымъ, ассерторическое въ признаніи его истиннымъ, т.-е. дѣйствительнымъ, и аподиктическое—необходимымъ. Легко усмотрѣть, почему является искушеніе исходитъ при этомъ сужденіи изъ самаго акта сужденія и разсматривать его опредѣленіе, какъ нѣчто только субъективное. Здѣсь въ сужденіи снова выступаетъ и входитъ въ отношеніе къ непосредственной дѣйствительности именно понятіе, субъективное. Но это субъективное не должно быть смѣшиваемо съ внѣшнею рефлексіею, которая, конечно, есть также нѣчто субъективное, но въ иномъ смыслѣ, чѣмъ самое понятіе; послѣднее, какимъ оно снова выступаетъ въ раздѣлительномъ сужденіи, есть скорѣе противоположность простому виду и способу. Въ этомъ смыслѣ нѣчто субъективное суть ранѣе разсмотрѣнныя сужденія, такъ какъ они основываются на отвлеченіи и односторонности, въ коихъ понятіе утрачивается. Въ противоположность имъ сужденіе понятія есть объективное и истинное, именно потому, что въ основаніи его лежитъ понятіе, но не во внѣшней рефлексіи, ниже въ отношеніи къ нѣкоторому субъективному, т.-е. случайному мышленію, а въ своей опредѣленности, какъ понятія.

Въ раздѣлительномъ сужденіи понятіе было положено, какъ тожество общей природы съ ея частностями; тѣмъ самымъ здѣсь было снято отношеніе сужденія. Это конкретное общности и частности есть ближайшимъ образомъ простой результатъ, онъ долженъ далѣе былъ развитъ въ полноту, такъ какъ моменты, которые въ немъ содержатся, ближайшимъ образомъ, исчезаютъ въ немъ и еще не противостоятъ одинъ другому въ опредѣленной самостоятельности. Недостаточность этого результата можетъ опредѣленнѣе быть выражена

такъ, что хотя въ раздѣлительномъ сужденіи объективная общность достигла полнаго развитія въ своей частности, но отрицательное единство послѣдней возвращается лишь обратно въ первую, а не опредѣляетъ еще себя, какъ третье, какъ единичность. Поскольку самый результатъ есть отрицательное единство, онъ, правда, есть уже эта единичность; но такимъ образомъ онъ есть лишь эта одна опредѣленность, которая должна затѣмъ положить свою отрицательность, раздѣлиться на крайніе термины и такимъ путемъ развиться въ умозаключеніе.

Ближайшее раздѣленіе этого единства есть сужденіе, въ коемъ оно (единство) положено, во-первыхъ, какъ субъектъ, какъ нѣчто непосредственно единое, а затѣмъ, какъ предикатъ, какъ опредѣленное отношеніе его моментовъ.

a. Ассерторическое сужденіе.

Сужденіе понятія есть, во-первыхъ, непосредственное; такимъ образомъ, оно есть ассерторическое сужденіе. Субъектъ есть вообще нѣкоторое конкретное единичное, предикатъ же выражаетъ послѣднее, какъ отношеніе его дѣйствительности, опредѣленности или состоянія къ его понятію (этотъ домъ дуренъ, это дѣйствіе хорошо). Ближайшимъ образомъ въ немъ содержится также, a) что субъектъ долженъ быть чѣмъ-либо; его общая природа положила себя, какъ самостоятельное понятіе; b) частность, которая не только въ силу своей непосредственности, но и ради ея рѣшительнаго отличенія отъ ея самостоятельной общей природы, есть состояніе и внѣшнее осуществленіе; послѣднее въ силу самостоятельности понятія съ своей стороны безразлично къ общему и можетъ какъ соотвѣтствовать, такъ и не соотвѣтствовать ему. Это состояніе есть единичность, которая возвышается надъ необходимымъ опредѣленіемъ общаго въ раздѣлительномъ сужденіи, опредѣленіемъ, которое есть лишь отдѣльность вида и отрицательный принципъ рода. Тѣмъ самымъ, конкретная общность, возникшая изъ раздѣлительнаго сужденія, раздвоилась въ ассерторическомъ сужденіи въ форму крайнихъ терминовъ, которымъ еще недостаетъ самого понятія, какъ положеннаго, установляющаго ихъ отношеніе единства.

Поэтому, сужденіе есть только ассерторическое; его оправданіемъ служитъ нѣкоторое субъективное удостовѣреніе. Что нѣчто хорошо или дурно, правильно, соотвѣтственно или нѣтъ и т. д., это имѣетъ свою связь въ нѣкоторомъ внѣшнемъ третьемъ. Но что эта связь положена внѣшне— это тоже самое, что она есть лишь въ себѣ или внутренняя. Поэтому, если нѣчто хорошо или дурно и т. д., то никто конечно не думаетъ, что оно хорошо лишь въ субъективномъ сознаніи, въ себѣ же быть можетъ дурно, или что хорошее и дурное, правильное, соотвѣтственное и т. д. не суть предикаты самого предмета. Только субъективный характеръ ассерторическаго сужденія состоитъ, стало-быть, въ томъ, что сущая въ себѣ связь субъекта и предиката еще не положена, или, что то же самое, что она внѣшня; связка есть тутъ лишь непосредственное, отвлеченное бытіе.

Поэтому удостовѣренію ассерторическаго сужденія противостоитъ съ такимъ же правомъ противоположное ему. Если удостовѣряется, что это дѣйствіе хорошо, то противоположное сужденіе—это дѣйствіе дурно—столь же правомѣрно. Или, разсматриваемый въ себѣ субъектъ сужденія, такъ какъ онъ есть непосредственно единичное, въ этой отвлеченности еще не положилъ въ немъ опредѣленности, которая содержала бы въ себѣ его отношеніе къ общему понятію; соотвѣтствовать или не соотвѣтствовать понятію для него еще случайно. Поэтому, сужденіе есть по существу проблематическое.

b. Проблематическое сужденіе.

Ассерторическое сужденіе проблематично, поскольку оно можетъ быть равно и положительнымъ, и отрицательнымъ. По этой качественной сторонѣ частное сужденіе также проблематично, такъ какъ имѣетъ также и положительное, и отрицательное значеніе; равнымъ образомъ, въ условномъ сужденіи бытіе субъекта и предиката проблематично; точно также, черезъ него положено, что единичное и категорическое сужденіе есть еще нѣчто только субъективное. Но въ проблематическомъ сужденіи, какъ таковомъ, это положеніе болѣе имманентно, чѣмъ въ упомянутыхъ сужденіяхъ, такъ какъ въ первомъ содержаніемъ предиката служитъ отношеніе субъекта къ понятію, и потому здѣсь тѣмъ самымъ дано самое опредѣленіе непосредственнаго какъ чего-то случайнаго.

Ближайшимъ образомъ является проблематичнымъ, долженъ ли предикатъ или нѣтъ быть связанъ съ опредѣленнымъ субъектомъ, и эта неопредѣленность тѣмъ самымъ падаетъ на связку. Отсюда не можетъ возникнуть никакого опредѣленія для предиката, такъ какъ онъ уже есть объективная, конкретная общность. Проблематичность присуща такимъ образомъ непосредственности субъекта, который тѣмъ самымъ опредѣляется, какъ случайность. Далѣе, нельзя поэтому отвлечь и отъ единичности субъекта; отрѣшенный отъ послѣдней онъ былъ бы чѣмъ-то общимъ; въ предикатѣ содержится именно то, что понятіе субъекта должно быть положено въ отношеніи къ его единичности. Нельзя сказать: домъ или нѣкоторый домъ хорошъ, но слѣдуетъ прибавить: смотря по тому, какъ онъ устроенъ. Проблематичность субъекта въ немъ самомъ образуетъ его случайность, какъ моментъ—какъ субъективность вещи, противопоставляемая ея объективной природѣ или ея понятію, просто видъ и способъ или состояніе.

Тѣмъ самымъ субъектъ отличенъ въ своей общности или объективной природѣ, въ своемъ долженствованіи или въ частномъ состояніи существованія. Поэтому, въ немъ содержится основаніе, таковъ ли онъ, каковъ онъ долженъ быть. Этимъ путемъ онъ приравнивается предикату. Отрицательность проблематическаго сужденія, поскольку она направлена противъ непосредственности субъекта, означаетъ поэтому лишь его первоначальное раздѣленіе, которое въ себѣ есть уже единство общаго и частнаго, на эти его моменты; раздѣленіе, которое и есть самое сужденіе.

Можно сдѣлать еще замѣчаніе, что каждая изъ обѣихъ сторонъ субъекта, его понятіе и его состояніе, можетъ быть названа его субъективностью. Понятіе есть вошедшая внутрь себя общая сущность нѣкоторой вещи, ея отрицательное единство съ самой собою; послѣднее и составляетъ ея субъективность. Но нѣкоторая вещь по существу также случайна и имѣетъ нѣкоторое внѣшнее состояніе; послѣднее также именуется ея субъективностью въ противоположность ея объективности. Самая вещь именно состоитъ въ томъ, что ея понятіе, какъ ея собственное отрицательное единство, отрицаетъ свою общность и переноситъ себя во внѣшность единичности. Субъектъ сужденія положенъ здѣсь, какъ это двоякое; эти противоположныя значенія субъективности суть ея единая истина. Самое значеніе субъективнаго стало проблематичнымъ потому, что оно утратило какъ ту непосредственную опредѣленность, которую оно имѣло въ непосредственномъ сужденіи, такъ и свою опредѣленную противоположность предикату. Эти проявляющіяся въ разсужденіи обычной рефлексіи противоположныя значенія субъективнаго могли бы по крайней мѣрѣ вызвать вниманіе къ тому, что въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности нѣтъ истины. Двоякое значеніе проявляетъ въ себѣ односторонность каждаго въ отдѣльности для себя.

Коль скоро проблематическое положено, какъ проблематичность вещи, какъ вещь и ея состояніе, то самое сужденіе есть уже не проблематическое, а аподиктическое.

c. Аподиктическое сужденіе.

Субъектъ аподиктическаго сужденія (домъ, устроенный такъ-то и такъ-то, хорошъ, дѣйствіе, произведенное такъ и то, справедливо) имѣетъ въ немъ во-первыхъ, общее — то, чѣмъ онъ долженъ быть, во-вторыхъ — его состояніе; первое содержитъ въ себѣ основаніе, по коему всему субъекту присущъ или не присущъ нѣкоторый предикатъ сужденія понятія, т.-е. по коему субъектъ соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ своему понятію. Это сужденіе по истинѣ объективно, или, иначе, оно есть вообще истина сужденія. Субъектъ и предикатъ соотвѣтствуютъ одинъ другому и имѣютъ одно и то же содержаніе, и это содержаніе есть сама положенная конкретная общность; а именно, оно содержитъ въ себѣ два момента, объективно-общее или родъ и единичное. Здѣсь есть, стало-быть, общее, которое есть оно само, продолжается непрерывно черезъ свою противоположность и есть общее, лишь какъ единство съ нею. Такое общее, какъ предикатъ добрый, соотвѣтственный, правильный, имѣетъ въ основаніи долженствованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ въ себѣ соотвѣтствіе существованія; не это долженствованіе или родъ для себя, но именно это соотвѣтствіе есть та общность, которая образуетъ собою предикатъ аподиктическаго сужденія.

Субъектъ также содержитъ въ себѣ оба эти момента въ непосредственномъ единствѣ, какъ вещь. Но истина послѣдней состоитъ въ томъ,

что она преломлена на свое долженствованіе и свое бытіе; таково абсолютное сужденіе о всякой дѣйствительности. Именно то обстоятельство, что это первоначальное раздѣленіе, которое и есть всемогущество понятія, есть равнымъ образомъ, возвратъ въ единство послѣдняго и абсолютное взаимное отношеніе долженствованія и бытія, и дѣлаетъ дѣйствительное нѣкоторою вещью; ея внутреннее отношеніе, это конкретное единство, составляетъ душу вещи.

Переходъ отъ непосредственной простоты вещи къ соотвѣтствію, которое есть опредѣленное отношеніе ея долженствованія къ ея бытію,—или связка—оказывается заключающимся ближайшимъ образомъ въ частной опредѣленности вещи. Родъ есть въ себѣ и для себя сущее общее, которое тѣмъ самымъ является безотносительнымъ; опредѣленность же есть то, что рефлектируетъ себя въ себя въ этой общности, но вмѣстѣ съ тѣмъ рефлектируетъ себя и въ другое. Поэтому, сужденіе имѣетъ свое основаніе въ состояніи субъекта и есть такимъ образомъ аподиктическое. Тѣмъ самымъ, отнынѣ дана опредѣленная и наполненная связка, которая ранѣе того состояла въ отвлеченномъ есть, теперь же развила себя далѣе въ основаніе вообще. Она есть ближайшимъ образомъ непосредственная опредѣленность въ субъектѣ, но также есть и отношеніе къ предикату, который не имѣетъ никакого иного содержанія кромѣ самого этого соотвѣтствія или отношенія субъекта къ общему.

Такимъ образомъ, форма сужденія исчезаетъ, во-первыхъ, потому что субъектъ и предикатъ суть въ себѣ одно и тоже содержаніе; во-вторыхъ же, потому, что субъектъ черезъ свою опредѣленность указываетъ внѣ себя и относится къ предикату; но, въ-третьихъ, это отношеніе само перешло въ предикатъ, составляетъ лишь его содержаніе и есть такимъ образомъ положенное отношеніе или самое сужденіе. Такимъ образомъ возстановлено въ цѣломъ конкретное тожество понятія, бывшее результатомъ раздѣлительнаго сужденія и составляющее внутреннюю основу сужденія понятія, тожество, которое ближайшимъ образомъ было положено лишь въ предикатѣ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи положительной стороны этого результата, образующей переходъ сужденія въ нѣкоторую другую форму, субъектъ и предикатъ аподиктическаго сужденія оказываются, какъ мы видѣли, каждый цѣлымъ понятіемъ. Единство понятія, какъ опредѣленность, образующая соединяющую ихъ связку, вмѣстѣ съ тѣмъ отличено отъ нихъ. Ближайшимъ образомъ она стоитъ лишь на другой сторонѣ субъекта, какъ его непосредственное состояніе. Но такъ какъ она есть по существу относящее, она есть не только такое непосредственное состояніе, а проникающее субъектъ и предикатъ и общее имъ. Такъ какъ субъектъ и предикатъ имѣютъ одно и то же содержаніе, то, напротивъ, черезъ эту опредѣленность положено отношеніе формы, опредѣленность, какъ нѣкоторое общее или частность. Такимъ образомъ она содержитъ въ себѣ оба опредѣленія формы крайнихъ терминовъ и есть опредѣленное отношеніе субъекта и предиката; она есть наполненная содержаніемъ связка сужденія, един-

ство понятія, вновь выступающее изъ сужденія, въ крайнихъ терминахъ коего оно было утрачено. Черезъ это наполненіе связки сужденіе стало умозаключеніемъ.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Умозаключеніе.

Умозаключеніе оказалось возстановленіемъ понятія въ сужденіи и тѣмъ самымъ единствомъ и истиною ихъ обоихъ. Понятіе, какъ таковое, держитъ свои моменты снятыми въ единствѣ; въ сужденіи это единство внутреннее или, что то же самое, внѣшнее, и моменты, хотя и соотносятся, но положены, какъ самостоятельные крайніе термины. Въ умозаключеніи положены какъ опредѣленія понятія, такъ и крайніе термины сужденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ опредѣленное единство.

Такимъ образомъ умозаключеніе есть вполнѣ положенное понятіе; первое поэтому есть разумное. Разсудокъ признается способностью опредѣленнаго понятія, прочно удерживаемаго для себя черезъ отвлеченіе и форму общности. Въ разумѣ же опредѣленныя понятія положены въ ихъ цѣлостности и единствѣ. Поэтому не только умозаключеніе есть разумное, но все разумное есть нѣкоторое умозаключеніе. Дѣятельность умозаключенія издавна приписана разуму; но съ другой стороны о разумѣ въ себѣ и для себя, о разумныхъ основоположеніяхъ и законахъ говорится такъ, что не усматривается, какъ связаны между собою тотъ разумъ, который умозаключаетъ, и тотъ разумъ, который есть источникъ законовъ и иныхъ вѣчныхъ истинъ и абсолютныхъ мыслей. Если первый долженъ быть лишь формальнымъ разумомъ. второй же порождать содержаніе, то именно по этому различенію второй не можетъ быть чуждъ формѣ разума, умозаключенію. Несмотря на то, оба отдѣляются одинъ отъ другого и при одномъ изъ нихъ не упоминается о другомъ, такъ что разумъ абсолютныхъ мыслей какъ бы стыдится разума умозаключенія, и умозаключеніе кажется привходящимъ въ дѣйствіе разума лишь какъ бы извнѣ. Но очевидно, какъ было только что замѣчено, что логическій разумъ, разсматриваемый какъ формальный, долженъ быть по существу обнаруженъ и въ разумѣ, имѣющемъ дѣло съ какимъ-либо содержаніемъ; даже болѣе: каждое содержаніе можетъ быть разумнымъ лишь черезъ разумную форму. Обратиться здѣсь къ весьма обычной рѣчи о разумѣ нельзя потому, что она воздерживается отъ объясненія, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ разумомъ; это долженствующее быть разумнымъ познаніе большею частью занимается своими предметами такъ, что оно забываетъ познать самый разумъ и различаетъ и обозначаетъ его лишь посредствомъ обладаемыхъ имъ предметовъ. Если разумъ долженъ быть познаніемъ, знающимъ о Богѣ, свободѣ, правѣ и обязанности, безусловномъ, сверхчувственномъ, или сообщать о всемъ этомъ лишь представленія и чувства, то отчасти послѣднія суть лишь отрицательные предметы, отчасти же вообще остается нерѣшеннымъ первый вопросъ,

что̀ такое есть во всѣхъ этихъ предметахъ, въ силу чего они разумны. Это зависитъ отъ того, что безконечное въ нихъ есть не пустое отвлеченіе отъ конечнаго, безсодержательная и неопредѣленная общность, но наполненная общность, понятіе, которое опредѣлено и имѣетъ въ немъ свою опредѣленность такимъ истиннымъ образомъ, что оно различаетъ себя внутри себя и есть единство этихъ своихъ разсудочныхъ и опредѣленныхъ различеній. Лишь такимъ путемъ разумъ возвышается надъ конечнымъ, условнымъ, чувственнымъ, или какъ оно можетъ быть иначе опредѣлено, и въ этой отрицательности по существу полонъ содержанія, будучи единствомъ опредѣленныхъ крайнихъ терминовъ; но лишь такимъ образомъ разумное есть умозаключеніе.

Ближайшимъ образомъ умозаключеніе, какъ и сужденіе, есть непосредственное; поэтому его опредѣленія (termini) суть простыя, отвлеченныя опредѣленности; оно есть такимъ образомъ умозаключеніе разсудка. Если остановиться на этомъ его видѣ, то разумное, хотя присущее ему и положенное, конечно въ немъ незамѣтно. Существенное въ немъ есть единство крайнихъ терминовъ, связующій ихъ средній терминъ и сохраняющее его основаніе. Отвлеченіе, поскольку оно удерживаетъ самостоятельность крайнихъ терминовъ, противополагаетъ имъ это единство также, какъ столь же прочно сущую для себя опредѣленность и такимъ образомъ понимаетъ послѣднюю скорѣе, какъ не-единство, чѣмъ какъ единство. Выраженіе: средній терминъ (medius terminus) взятъ изъ пространственнаго представленія и съ своей стороны способствуетъ тому, чтобы опредѣленія оставались одно внѣ другого. Но если умозаключеніе состоитъ въ томъ, что въ немъ положено единство крайнихъ терминовъ, если при томъ это единство понимается, съ одной стороны, какъ частное для себя, а съ другой, какъ лишь внѣшнее отношеніе, и существеннымъ отношеніемъ умозаключенія дѣлается не-единство, то разумъ, коль скоро онъ есть послѣднее, не способствуетъ разумности умозаключенія.

Умозаключеніе существованія, во-первыхъ, въ коемъ опредѣленія опредѣляются столь непосредственно и отвлеченно, обнаруживаетъ въ немъ самомъ, такъ какъ оно, какъ и сужденіе, есть ихъ отношеніе, что оно содержитъ въ себѣ не такія отвлеченныя опредѣленія, но что каждое изъ нихъ есть отношеніе къ другому, и что въ среднемъ терминѣ частность положена не только въ противоположность опредѣленіямъ крайнихъ терминовъ, но и въ немъ.

Черезъ эту свою діалектику оно обращается въ умозаключеніе рефлексіи, во второе умозаключеніе, — съ опредѣленіями, какъ таковыми, въ коихъ по существу имѣетъ видимость другое, или которыя положены, какъ опосредованныя, какими они и должны вообще быть согласно умозаключенію.

Въ третьихъ, такъ какъ эта видимость или это опосредованіе рефлектируется въ себя само, то умозаключеніе опредѣляется, какъ умозаключеніе необходимости, въ которомъ опосредывающее есть объективная природа вещи. Такъ какъ это умозаключеніе опредѣляетъ крайніе термины понятія также, какъ полноты, то умозаключеніе въ соотвѣтствіе своему понятію

или среднему термину и своему существованію или крайнему различенію достигло своей истины и тѣмъ самымъ перешло изъ субъективности въ объективность.

A.

Умозаключеніе существованія.

1. Умозаключеніе, какъ непосредственное, имѣетъ своими моментами опредѣленія понятія, какъ непосредственныя. Они суть тѣмъ самымъ отвлеченныя опредѣленности формы, которыя еще не дошли черезъ опосредованіе до конкретности, но суть лишь единичныя опредѣленности. Первое умозаключеніе поэтому есть собственно формальное. Формализмъ умозаключенія состоитъ въ томъ, чтобы оставаться при опредѣленіи этого перваго умозаключенія. Понятіе, раздѣленное на свои отвлеченные моменты, имѣетъ своими крайними терминами единичность и общность, и само является, какъ находящаяся между ними частность. Въ силу ихъ непосредственности они суть лишь относящіяся къ себѣ опредѣленности, составляющія вмѣстѣ одно единичное содержаніе. Частность образуетъ ближайшимъ образомъ средній терминъ постольку, поскольку она соединяетъ въ себѣ непосредственно оба момента единичности и общности. Ради ея опредѣленности она, съ одной стороны, подчинена общему, а съ другой единичное, противоположное общему, подчинено ей. Но эта конкретность есть ближайшимъ образомъ лишь одна двусторонность; ради непосредственности, которая свойственна среднему термину въ непосредственномъ умозаключеніи, онъ есть простая опредѣленность, и образуемое имъ опосредованіе еще не положено. Діалектическое движеніе умозаключенія существованія состоитъ лишь въ томъ, что опосредованіе, одно образующее умозаключеніе, положено въ своихъ моментахъ.

a. Первая фигура умозаключенія.

E—B—A [1]) есть общая схема опредѣленнаго умозаключенія. Единичность черезъ частность сочетается съ общностью; единичное обще не непосредственно, но черезъ частность; и, наоборотъ, общее также единично не непосредственно, но понижается къ тому черезъ частность. Эти опредѣленія противостоятъ одно другому, какъ крайніе термины, и соединяются въ различномъ отъ нихъ третьемъ. Оба они суть опредѣленія; въ этомъ третьемъ они тожественны; эта ихъ общая опредѣленность есть частность. Но они также суть крайнія какъ въ противоположность ей, такъ и въ противоположность одинъ другому, ибо каждому свойственна своя непосредственная опредѣленность.

Общее значеніе этого умозаключенія состоитъ въ томъ, что единичное, которое, какъ таковое, есть безконечное отношеніе къ себѣ и тѣмъ самымъ

---

[1]) Буквы *A*, *B* и *E* суть начальныя буквы словъ: Allgemeines, Besonderes Einzelnes.—*Прим. переводчика.*

должно бы было быть внутреннимъ, выступаетъ черезъ частность въ существованіе, какъ въ общность, почему оно уже не принадлежитъ болѣе лишь самому себѣ, но стоитъ во внѣшней связи; наоборотъ, такъ какъ единичное выдѣляется въ своей опредѣленности, какъ частность, то оно въ этомъ отдѣленіи есть нѣчто конкретное и, какъ отношеніе опредѣленности къ себѣ самой, нѣчто общее, относящееся къ себѣ и тѣмъ самымъ поистинѣ единичное; въ крайнемъ терминѣ общности оно изъ внѣшности переходитъ внутрь себя. Объективное значеніе умозаключенія въ первомъ умозаключеніи имѣетъ характеръ лишь поверхностный, такъ какъ въ немъ опредѣленія положены, еще не какъ единство, которое составляетъ сущность умозаключенія. Оно есть еще нѣчто субъективное, поскольку отвлеченное значеніе, свойственное его терминамъ, есть еще не въ себѣ и для себя, а въ субъективномъ сознаніи, стало быть изолировано. Впрочемъ отношеніе единичности, частности и общности есть, какъ оказалось, необходимое и существенное отношеніе формы опредѣленій умозаключенія; недостатокъ состоитъ не въ этой опредѣленности формы, а въ томъ, что не подъ этою формой каждому единичному опредѣленію свойственно вмѣстѣ съ тѣмъ большее богатство. Аристотель обращалъ вниманіе болѣе на простое отношеніе включенія, когда такъ излагалъ природу умозаключенія: если три опредѣленія относятся между собою такъ, что одинъ крайній терминъ входитъ полностью въ среднее опредѣленіе, а это среднее опредѣленіе — полностью въ другой крайній терминъ, то оба эти крайніе термины по необходимости образуютъ вмѣстѣ заключеніе. Здѣсь указано болѣе лишь на повтореніе одинаковаго отношенія, включенія, одного крайняго термина къ среднему, а этого затѣмъ къ другому крайнему, чѣмъ на взаимную опредѣленность трехъ терминовъ. А такъ какъ умозаключеніе основывается на вышеуказанной взаимной опредѣленности ихъ, то сейчасъ же оказывается, что другія отношенія терминовъ, свойственныя прочимъ фигурамъ, могутъ имѣть, какъ умозаключенія разсудка, достовѣрность лишь постольку, поскольку они могутъ быть сведены на это первоначальное отношеніе; это не различные виды фигуръ, стоящіе рядомъ съ первою, но съ одной стороны, поскольку онѣ должны быть правильными умозаключеніями, онѣ основываются вообще на существенной формѣ умозаключенія, которая есть первая фигура; а съ другой стороны, поскольку онѣ уклоняются отъ нея, онѣ суть видоизмѣненія формы, въ которыя необходимо переходитъ эта первая отвлеченная форма, тѣмъ самымъ опредѣляющая себя далѣе и къ полнотѣ. Сейчасъ окажется ближайшимъ образомъ, что̀ отсюда вытекаетъ.

Е—В—А есть такимъ образомъ общая схема умозаключенія въ его опредѣленности. Единичное подчинено частному, а послѣднее общему; поэтому единичное также подчинено общему. Или иначе единичному присуще частное, частному же общее; поэтому послѣднее присуще также единичному. Частное съ одной стороны, именно въ противоположность общему, есть субъектъ; въ противоположность же единичному первое есть предикатъ; или иначе въ противоположность общему оно есть единичное, въ противоположность единичному—

общее. Такъ какъ въ немъ соединены оба опредѣленія, то крайніе термины связаны этимъ своимъ единствомъ. Слово поэтому является происходящимъ въ субъектѣ выводомъ, вытекающимъ изъ субъективнаго соображенія отношенія обѣихъ непосредственныхъ посылокъ. Такъ какъ субъективная рефлексія высказываетъ оба отношенія средняго термина къ крайнимъ, какъ отдѣльныя и при томъ непосредственныя сужденія или предложенія, то и заключеніе, какъ опосредованное отношеніе, есть, конечно, также отдѣльное предложеніе, и слово поэтому или слѣдовательно служитъ выраженіемъ его опосредованности. Но это „поэтому“ должно считаться не нѣкоторымъ внѣшнимъ для этого отношенія опредѣленіемъ, имѣющимъ свое основаніе и мѣстопребываніе лишь въ субъективной рефлексіи, а напротивъ, обоснованнымъ въ природѣ самыхъ крайнихъ терминовъ, отношеніе которыхъ высказывается, какъ простое сужденіе или предложеніе, лишь ради и въ силу отвлекающей рефлексіи, истинное же ихъ отношеніе положено, какъ средній терминъ. Слѣдовательно *E* есть *A* — что это есть сужденіе, это чисто субъективное обстоятельство; умозаключеніе состоитъ въ томъ, что это не есть только сужденіе, т.-е. есть отношеніе, произведенное не черезъ простую связку или пустое „есть“, а черезъ опредѣленный, содержательный средній терминъ.

Если поэтому смотрѣть на умозаключеніе, только какъ на состоящее изъ трехъ сужденій, то это формальный взглядъ, не принимающій во вниманіе того отношенія опредѣленій, которое единственно существенно для умозаключенія. Вообще лишь субъективная рефлексія раздѣляетъ отношеніе терминовъ на отвлеченныя посылки и отличное отъ нихъ заключеніе:

Всѣ люди смертны,
Кай человѣкъ,
Слѣдовательно онъ смертенъ.

Сейчасъ же впадаешь въ скуку, когда слышишь такое умозаключеніе; это зависитъ отъ той безполезной формы, которая сообщаетъ посредствомъ отдѣльныхъ предложеній видимость различія, въ самой вещи немедленно исчезающаго. Главнымъ образомъ, въ силу этого субъективнаго вида умозаключеніе является субъективнымъ пособіемъ, къ коему прибѣгаетъ разумъ или разсудокъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могутъ познать непосредственно. Но, конечно, природа вещей, разумное, не такова, чтобы, во-первыхъ, была установлена большая посылка, отношеніе нѣкоторой частности къ существующему общему, а затѣмъ, во-вторыхъ, было найдено отдѣльное отношеніе нѣкоторой единичности къ частности, откуда наконецъ, въ-третьихъ, получилось новое предложеніе. Этотъ черезъ отдѣльныя предложенія движущій впередъ процессъ умозаключенія есть не что иное, какъ субъективная форма; природа же вещи состоитъ въ томъ, что ея различенныя опредѣленія понятія соединяются въ существенномъ единствѣ. Эта разумность есть не вспомогательное средство, но, напротивъ, въ противоположность еще присущей сужденію непосредственности отношенія объективное; та непосредственность познанія есть чисто-субъективное, умозаключеніе же, напротивъ, есть истина сужденія. Всѣ вещи суть умозаключеніе, нѣкоторое

общее, связанное через частность съ единичностью; но, конечно, онѣ не суть состоящее изъ трехъ предложеній цѣлое.

2. Въ непосредственномъ умозаключеніи разсудка термины имѣютъ форму непосредственныхъ опредѣленій; съ той же стороны, по которой они суть содержаніе, это умозаключеніе подлежитъ теперь разсмотрѣнію. Его можно считать поэтому качественнымъ умозаключеніемъ, какъ и въ сужденіи существованія есть та же сторона качественнаго опредѣленія. Термины этого умозаключенія, какъ и термины упомянутаго сужденія, суть тѣмъ самымъ единичныя опредѣленности, такъ какъ опредѣленность положена черезъ ея отношеніе къ себѣ, какъ безразличная по формѣ, слѣдовательно какъ содержаніе. Единичное есть какой-либо непосредственный конкретный предметъ, частность—нѣчто единичное изъ его опредѣленностей, свойствъ или отношеній, общность—опять-таки нѣкоторая еще болѣе отвлеченная, болѣе единичная опредѣленность частнаго. Такъ какъ субъектъ еще не положенъ въ своемъ понятіи, какъ нѣчто непосредственно опредѣленное, то его конкретность не сведена на существенныя опредѣленія понятія; поэтому его относящаяся къ себѣ опредѣленность есть неопредѣленное безконечное многообразіе. Единичное имѣетъ въ этой непосредственности безконечное множество опредѣленностей, которыя входятъ въ составъ его частности, и изъ коихъ каждая поэтому можетъ образовать для этого единичнаго среднiй терминъ умозаключенія. Но черезъ каждый другой средній терминъ оно соединяется съ нѣкоторымъ другимъ общимъ; черезъ каждое свое свойство оно участвуетъ въ нѣкоторомъ другомъ соприкосновеніи и связи съ существованіемъ. Далѣе и средній терминъ есть нѣчто конкретное сравнительно съ общимъ; онъ самъ содержитъ многіе предикаты, и единичное опять-таки можетъ черезъ тотъ же самый средній терминъ быть связано съ многими общими. Поэтому вообще совершенно случайно и произвольно, какое берется изъ многихъ свойствъ вещи, и съ какимъ изъ нихъ оно связывается въ нѣкоторомъ предикатѣ; другіе средніе термины даютъ переходы къ другимъ предметамъ, и даже одинъ и тотъ же средній терминъ можетъ для себя составить переходъ къ разнымъ предметамъ, такъ какъ онъ, какъ частное, содержитъ въ себѣ относительно общаго многія опредѣленія.

Но нетолько для нѣкотораго субъекта равно возможно неопредѣленное множество умозаключеній, и единичное умозаключеніе по своему содержанію случайно, а и самыя эти умозаключенія, касающіяся одного и того же субъекта, должны переходить въ противорѣчіе. Ибо вообще различеніе, которое ближайшимъ образомъ есть различіе, есть по существу столь же противоположеніе. Конкретное уже не есть нѣчто просто являющееся, но оно конкретно черезъ единство въ понятіи противоположностей, опредѣляющихъ себя, какъ моменты понятія. Такъ какъ по качественной природѣ терминовъ въ формальномъ умозаключеніи конкретное понимается по нѣкоторому единичному присущему ему опредѣленію, то въ заключеніи конкретному приписывается предикатъ, соотвѣтствующій этому среднему термину; но такъ какъ съ другой стороны умозаключеніе совершается на основаніи противоположной опредѣлен-

ности, то тѣмъ самымъ первое заключеніе оказывается ложнымъ, хотя для себя его посылки и выводъ изъ нихъ совершенно правильны. Если исходя отъ средняго термина, согласно коему стѣна окрашена въ синій цвѣтъ, заключаютъ, что она поэтому синяя, то это заключеніе вѣрно; но несмотря на это заключеніе стѣна можетъ быть зеленою, если она ранѣе того была окрашена въ желтый цвѣтъ, при чемъ отсюда для себя вытекало бы также слѣдствіе, что она желтая. Если отъ средняго термина „чувственное существо“ заключаютъ, что человѣкъ ни добръ и ни золъ, такъ какъ о чувственномъ нельзя утверждать ни того, ни другого, то умозаключеніе правильно, а заключеніе ложно, такъ какъ человѣку, какъ конкретному, столь же присущъ средній терминъ „духовное существо“. Отъ средняго термина тяготѣнія планетъ, ихъ спутниковъ и кометъ къ солнцу слѣдуетъ правильное заключеніе, что эти тѣла падаютъ на солнце; но они не падаютъ на него, такъ какъ они равнымъ образомъ для себя суть собственные центры тяготѣнія или, какъ говорится, потому что ихъ движетъ центробѣжная сила. Равнымъ образомъ изъ средняго термина „соціальности“ можно вывести общность имущества гражданъ; изъ средняго же термина „индивидуальности“, если пользоваться имъ столь же отвлеченно, вытекаетъ распаденіе государства, что и послѣдовало, напримѣръ, въ германской имперіи, такъ какъ относительно нея придерживались послѣдняго средняго термина. Поистинѣ ничто не можетъ считаться болѣе несостоятельнымъ, чѣмъ такое формальное умозаключеніе, такъ какъ оно зависитъ отъ случая или произвола въ употребленіи того или иного средняго термина. Какъ бы прекрасно ни протекала такая дедукція чрезъ умозаключенія, и какъ бы ни убѣдительна была ея правильность, она по меньшей мѣрѣ не приводитъ ни къ чему, такъ какъ всегда остается возможнымъ, что есть другіе средніе термины, изъ коихъ столь же правильно можетъ быть выведено совершенно противоположное.

Кантовы антиноміи разума состоятъ не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ въ основаніе кладется одно опредѣленіе понятія, въ другомъ же столь же необходимо другое. Эта недостаточность и случайность нѣкотораго умозаключенія должна при томъ быть приписана не исключительно содержанію, какъ бы она была независима отъ формы, и послѣдняя одна касалась бы логики. Напротивъ, въ самой формѣ формальнаго умозаключенія дано основаніе того, что содержаніе есть нѣкоторое столь одностороннее качество; содержаніе опредѣляется къ этой односторонности тою отвлеченною формою. Оно есть нѣкоторое единичное качество изъ многихъ качествъ или опредѣленій одного конкретнаго предмета или понятія именно потому, что оно по формѣ должно быть не чѣмъ инымъ, какъ такою непосредственною единичною опредѣленностью. Крайній терминъ единичности, какъ отвлеченная единичность, есть непосредственно конкретное, поэтому неопредѣленно или неопредѣлимо многообразное, средній терминъ есть столь же отвлеченная частность, слѣдовательно одно единичное изъ этихъ многообразныхъ качествъ; и точно также другой крайній терминъ есть отвлеченное общее. Поэтому формальное умозаключеніе ради своей формы есть по существу нѣчто совершенно случайное по своему содержанію; и при томъ не постольку, по-

скольку для умозаключенія случайно, имѣетъ ли оно дѣло съ тѣмъ или съ другимъ предметомъ — отъ этого содержанія отвлекаетъ логика, — но поскольку въ основаніи его лежитъ субъектъ, является случайнымъ, какое изъ опредѣленій содержанія получится для него черезъ умозаключеніе.

3. Опредѣленія умозаключенія суть опредѣленія содержанія, поскольку они суть непосредственныя, отвлеченныя, рефлектированныя въ себя опредѣленія. Но существенное въ нихъ состоитъ, напротивъ, въ томъ, что они суть не такія рефлектированныя въ себя, безразличныя одно къ другому, а суть опредѣленія формы; въ силу того они суть по существу отношенія. Эти отношенія суть, во-первыхъ, отношенія крайнихъ терминовъ къ среднему,—отношенія, которыя непосредственны, propositiones praemissae, и именно отчасти частнаго къ общему — propositio major, отчасти единичнаго къ частному—propositio minor. Во-вторыхъ, дано взаимное отношеніе крайнихъ членовъ, которое есть опосредованное, conclusio. Тѣ непосредственныя отношенія, посылки, суть вообще предложенія или сужденія и противорѣчатъ природѣ умозаключенія, по которой различенныя опредѣленія понятія не соотносятся непосредственно, но ихъ единство также должно быть положено; истина сужденія есть умозаключеніе. Посылки тѣмъ менѣе могутъ оставаться непосредственными отношеніями, что ихъ содержаніе составляютъ непосредственныя опредѣленія, и стало быть онѣ не тожественны непосредственно въ себѣ и для себя, исключая тѣ случаи, когда онѣ суть чисто-тожественныя предложенія, т.-е. пустыя не приводящія ни къ чему тожесловія.

Поэтому посылкамъ предъявляется обыкновенно то требованіе, что онѣ должны быть доказаны, т.-е. представлены также, какъ заключенія. Двѣ посылки требуютъ, такимъ образомъ, двухъ новыхъ умозаключеній. Но въ этихъ двухъ новыхъ умозаключеніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, даны четыре посылки, требующія четырехъ новыхъ умозаключеній; въ послѣднихъ восемь посылокъ, для приводящихъ къ коимъ восьми умозаключеній требуется шестнадцать посылокъ съ шестнадцатью умозаключеніями и такъ далѣе въ геометрической прогрессіи до безконечности.

Итакъ, здѣсь снова возникаетъ прогрессъ въ безконечность, который получался въ низшей сферѣ бытія, и котораго нельзя уже было ожидать въ области понятія, абсолютной рефлексіи въ себѣ изъ конечнаго, въ области свободной безконечности и истины. Въ сферѣ бытія было указано, что въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживается ложная безконечность, убѣгающая въ этотъ прогрессъ, дано противорѣчіе нѣкотораго качественнаго бытія и нѣкотораго выходящаго за него безсильнаго долженствованія; самый прогрессъ есть повтореніе выступающаго противъ качественности требованія единства и постояннаго возврата къ несоотвѣтственному этому требованію ограниченію. Въ формальномъ умозаключеніи основою служитъ непосредственное отношеніе или качественное сужденіе и опосредованіе умозаключенія, положенное противъ него, какъ высшая истина. Уходящее въ безконечность доказательство посылокъ не разрѣшаетъ этого противорѣчія, но постоянно возобновляетъ его, и есть повтореніе одного и того же первоначальнаго недостатка.

Истина безконечнаго прогресса состоитъ, напротивъ, въ томъ, чтобы и онъ самъ, и уже черезъ него опредѣленная, какъ недостаточная, форма были сняты. Эта форма есть опосредованіе *Е—В—А*. Оба отношенія *Е—В* и *В—А* должны быть опосредованы; если это происходитъ одинаковымъ образомъ, то недостаточная форма *Е — В — А* только удваивается и т. д. до безконечности. *В* имѣетъ относительно *Е* также формальное опредѣленіе нѣкотораго общаго, а по отношенію къ *А* формальное опредѣленіе нѣкотораго единичнаго, ибо эти отношенія суть вообще сужденія. Послѣднія требуютъ поэтому опосредованія, но въ силу указаннаго образа послѣдняго вновь возвращается лишь то же отношеніе, которое должно быть снято.

Поэтому опосредованіе должно произойти инымъ путемъ. Для опосредованія *В—А* дано *Е*; поэтому опосредованіе должно получить видъ

В—Е—А.

Для опосредованія *Е—В* дано *А*; это опосредованіе даетъ поэтому, умозаключеніе

Е—А—В.

Разсматривая ближе этотъ переходъ по его понятію, находимъ, что во-первыхъ, опосредованіе формальнаго умозаключенія по его содержанію, какъ было указано ранѣе, случайно. Непосредственно единичное имѣетъ въ своихъ опредѣленностяхъ неопредѣлимое множество среднихъ терминовъ, а послѣдніе опять-таки имѣютъ вообще столь же много опредѣленностей; такъ что зависитъ совершенно отъ нѣкотораго внѣшняго произвола или, вообще, отъ нѣкотораго внѣшняго обстоятельства, съ какимъ общимъ долженъ быть соединенъ субъектъ умозаключенія. Поэтому, опосредованіе не есть по содержанію нѣчто необходимое или всеобщее, оно не обосновано на понятіи вещи; основаніе умозаключенія, напротивъ, внѣшне въ немъ (основаніи), т.-е. непосредственно; а непосредственное изъ опредѣленій понятія есть единичное.

Что касается формы, то опосредованіе также имѣетъ своимъ предположеніемъ непосредственность отношенія; поэтому она сама опосредована и притомъ черезъ непосредственное, т.-е. единичное. Ближайшимъ образомъ черезъ заключеніе перваго умозаключенія единичное стало опосредывающимъ. Заключеніе есть *Е—А*; тѣмъ самымъ единичное положено, какъ общее. Въ одной изъ посылокъ, въ меньшей посылкѣ *Е—В* онъ есть уже частное; оно есть поэтому то, въ чемъ соединены эти оба опредѣленія. Или, иначе, заключеніе въ себѣ и для себя выражаетъ единичное, какъ общее, и при томъ не непосредственно, но черезъ опосредованіе, поэтому какъ необходимое отношеніе. Простая частность была среднимъ терминомъ; въ заключеніи эта частность развита, какъ положенное отношеніе единичнаго и общности. Но общее еще есть нѣкоторая качественная опредѣленность, предикатъ единичнаго; такъ какъ единичное опредѣлено, какъ общее, то оно положено, какъ общность крайнихъ терминовъ, или какъ средній терминъ; для себя онъ есть крайній терминъ единичности, но будучи опредѣленъ, какъ общій, онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ единство обоихъ крайнихъ терминовъ.

b. Вторая фигура: В—Е—А. [1]).

1. Истина перваго качественнаго умозаключенія состоитъ въ томъ, что нѣчто соединяется съ качественною опредѣленностью, какъ чѣмъ-то общимъ, не въ себѣ и для себя, а черезъ случайность или въ нѣкоторомъ единичномъ. Субъектъ умозаключенія не возвращается въ такомъ качествѣ въ свое понятіе, но понимается лишь въ своей внѣшности; непосредственность составляетъ основаніе отношенія и тѣмъ самымъ опосредованіе; поэтому, единичное есть истина средняго термина.

Но далѣе отношеніе умозаключенія есть снятіе непосредственности; заключеніе есть не непосредственное отношеніе, а достигается чрезъ нѣчто третье; оно содержитъ поэтому нѣкоторое отрицательное единство; поэтому опосредованіе опредѣляется теперь, какъ содержащее въ себѣ отрицательный моментъ.

Въ этомъ второмъ умозаключеніи посылки суть *В—Е* и *Е—А* [2]); лишь первая изъ этихъ посылокъ есть еще непосредственная; вторая *Е—А* есть уже опосредованная, именно черезъ первое умозаключеніе; вторымъ умозаключеніе предполагается поэтому первое, равно какъ наоборотъ, первымъ предполагается второе. Оба крайніе термины тѣмъ самымъ опредѣлены одинъ въ противоположность другому, какъ частное и общее; послѣдній изъ нихъ пріобрѣтаетъ въ силу того свое мѣсто; онъ есть предикатъ; но частное перемѣнило свое положеніе, оно есть субъектъ или, иначе, положено подъ опредѣленіемъ единичнаго крайняго термина, равно какъ единичное положено съ опредѣленіемъ средняго термина или частности. Поэтому, оба они уже не суть отвлеченныя непосредственности, какими они были въ первомъ умозаключеніи. Однако, они еще не положены, какъ конкретные; такъ какъ каждый стоитъ на мѣстѣ другого, то онъ положенъ и въ своемъ собственномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, но лишь внѣшнимъ образомъ, въ другомъ опредѣленіи.

Опредѣленный и объективный смыслъ этого умозаключенія состоитъ въ томъ, что общее не есть въ себѣ и для себя опредѣленное частное, ибо оно есть, напротивъ, полнота своихъ частностей; но одинъ изъ его видовъ осуществляется такъ черезъ единичность; другіе же его виды исключены изъ него черезъ непосредственную внѣшность. Съ другой стороны, частное также не есть непосредственно и въ себѣ и для себя общее, но отрицательное единство отстраняетъ отъ него опредѣленность и тѣмъ возвышаетъ его въ общность. Единичность относится къ частному отрицательно постольку, поскольку она должна быть его предикатомъ; она не есть предикатъ частнаго.

---

[1]) Для пониманія ученія Гегеля о силлогизмѣ необходимо имѣть въ виду, что второю фигурою онъ называетъ ту, которая обычно называется третьею, и наоборотъ. *Прим. перев.*

[2]) У Гегеля здѣсь неясность; во второй (обычно третьей) фигурѣ умозаключенія средній терминъ есть субъектъ обѣихъ посылокъ; стало быть схема этого умозаключенія есть не ***В—Е*** и ***Е—А***, а ***Е—В*** и ***Е—А***. Самъ Гегель указаваетъ далѣе, что посылка ***В—Е*** есть собственно ***Е—В*** (см. ниже „***В—Е*** или ***Е—В***“). ***Прим. перев.***

2. Но ближайшимъ образомъ термины суть еще непосредственныя опредѣленности; они не доразвились сами собою ни до какого объективнаго значенія; измѣненное положеніе, пріобрѣтенное двумя изъ нихъ, есть форма, которая для нихъ только внѣшня; поэтому они, какъ и въ первомъ умозаключеніи, суть вообще взаимно безразличное содержаніе, два качества, связанныя не въ себѣ и для себя, а черезъ случайную единичность.

Умозаключеніе первой фигуры было непосредственное или также умозаключеніемъ постольку, поскольку оно въ своемъ понятіи есть отвлеченная форма, еще не реализованная въ ея опредѣленіяхъ. Такъ какъ эта чистая форма перешла въ другую фигуру, то въ этомъ съ одной стороны заключается начало реализаціи понятія, поскольку отрицательный моментъ опосредованія и тѣмъ самымъ дальнѣйшая опредѣленность формы положена въ ближайшей непосредственной качественной опредѣленности терминовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это есть превращеніе въ другое (Anderswerden) чистой формы умозаключенія; послѣднее уже не соотвѣтствуетъ ей вполнѣ, и положенная въ своихъ терминахъ опредѣленность различна отъ того первоначальнаго опредѣленія формы. Поскольку умозаключеніе разсматривается, лишь какъ субъективное, совершающееся во внѣшней рефлексіи, оно считается нѣкоторымъ видомъ умозаключенія, долженствующимъ соотвѣтствовать роду, именно общей схемѣ $E—B—A$. Но оно ближайшимъ образомъ не соотвѣтствуетъ ей; его двѣ посылки суть $B—E$ или $E—B$ и $E—A$; поэтому, средній терминъ оба раза подчиненъ, или оба раза есть субъектъ, коему такимъ образомъ присущи оба другіе термина; поэтому, онъ не есть такой средній терминъ, который въ одномъ случаѣ есть подчиняющій или предикатъ, а въ другомъ случаѣ подчиненный или субъектъ, или, иначе, которому одинъ терминъ долженъ быть присущъ, и который самъ долженъ быть присущъ другому термину. Истинный смыслъ того, что это умозаключеніе не соотвѣтствуетъ общей формѣ умозаключенія, заключается въ томъ, что она перешла въ него, такъ какъ истина ея состоитъ въ томъ, чтобы быть субъективнымъ случайнымъ соединеніемъ. Если заключеніе во второй фигурѣ, (а именно не принимая во вниманіе имѣющее быть только что упомянутымъ ограниченіе, дѣлающее его чѣмъ-то неопредѣленнымъ) правильно, то оно таково, потому что оно есть для себя, а не потому что оно есть заключеніе этого умозаключенія. Но то же самое имѣетъ мѣсто при заключеніи въ первой фигурѣ; именно эта его истина положена второю фигурою. Тотъ взглядъ, по коему вторая фигура должна быть лишь нѣкоторымъ видомъ, не принимаетъ во вниманіе необходимаго перехода первой въ эту вторую форму и останавливается на первой, какъ на истинной формѣ. Поскольку, поэтому, во второй фигурѣ (которая по старой привычкѣ безъ дальнѣйшаго основанія излагается, какъ третья) также должно имѣть мѣсто нѣкоторое въ этомъ субъективномъ смыслѣ правильное умозаключеніе, то оно должно согласоваться съ первою, при чемъ, такъ какъ одна посылка $E—A$ выражаетъ отношеніе подчиненія средняго термина крайнему, то другая посылка $B—E$ должна пріобрѣсти противоположное значеніе и B— быть подчинено E. Но такое отношеніе

было бы снятіемъ опредѣленнаго сужденія *Е* есть *В* и могло бы имѣть мѣсто лишь въ неопредѣленномъ сужденіи, частномъ; потому заключеніе въ этой фигурѣ можетъ быть лишь частное. Частное же сужденіе, какъ замѣчено выше, столь же положительно, сколь и отрицательно; поэтому, такому заключенію нельзя приписывать большой цѣнности. А поскольку и частное, и общее суть крайніе термины и непосредственныя взаимно-безразличныя опредѣленности, то самое отношеніе ихъ безразлично; можно по желанію принять то или другое какъ за большій, такъ и за меньшій терминъ, а потому также и ту или другую посылку за большую или меньшую.

3. Такъ какъ заключеніе можетъ быть какъ положительнымъ, такъ и отрицательнымъ, то оно тѣмъ самымъ есть относительно этихъ опредѣленностей безразличное, стало-быть, общее отношеніе. При ближайшемъ разсмотрѣніи опосредованіе перваго умозаключенія въ себѣ оказалось случайнымъ; во второмъ умозаключеніи эта случайность положена. Тѣмъ самымъ это опосредованіе само себя снимаетъ; опосредованіе имѣетъ опредѣленіе единичности и непосредственности; то, къ чему заключаютъ по этой фигурѣ, должно напротивъ, быть въ себѣ и непосредственно тожественнымъ; ибо его средній терминъ, непосредственная единичность, есть безконечно-многообразная и внѣшняя опредѣленность. Поэтому, въ ней, напротивъ, положено внѣшнее себѣ опосредованіе. Но внѣшность единичнаго есть общность; это опосредованіе черезъ непосредственно единичное указываетъ внѣ себя на его другое, что происходитъ черезъ общее, или иначе то, что должно быть соединено черезъ второе умозаключеніе, должно быть соединено непосредственно; черезъ непосредственность, лежащую въ его основаніи, не получается опредѣленнаго заключенія. Непосредственность, на которую онъ указываетъ, есть иная, чѣмъ его снятая первая непосредственность бытія, — стало быть, рефлектированное въ себя или сущее въ себѣ, отвлеченное общее.

Переходъ этого умозаключенія съ разсмотрѣнной точки зрѣнія былъ становленіемъ другого (Anderswerden), какъ переходъ бытія, такъ какъ въ основѣ его лежитъ качественное и именно непосредственная единичность. Но по понятію единичность соединяетъ частное и общее постольку, поскольку она снимаетъ опредѣленность частнаго, что представляется, какъ случайность этого умозаключенія; крайніе термины связываются между собою не въ силу ихъ опредѣленнаго отношенія къ среднему термину; онъ не есть поэтому ихъ опредѣленное единство, и присущее еще ему положительное единство есть лишь отвлеченная общность. Но такъ какъ средній терминъ положенъ въ этой опредѣленности, которая есть его истина, то получается другая форма умозаключенія.

с. Третья фигура: *Е—А—В.*

1. Это третье умозаключеніе уже не имѣетъ ни одной непосредственной посылки; отношеніе *Е—А* опосредовано первымъ, отношеніе *В—А* — вторымъ умозаключеніемъ. Поэтому оно предполагаетъ оба первыя умозаключенія; но наоборотъ, оба они предполагаютъ также его, также какъ вообще каждое

изъ нихъ предполагаетъ оба другія. Тѣмъ самымъ въ немъ вообще закончено опредѣленіе умозаключенія. Это взаимное опосредованіе именно и приводитъ къ тому, что каждое умозаключеніе, хотя оно для себя есть опосредованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ не есть въ немъ самомъ полнота умозаключеній, но имѣетъ въ немъ непосредственность, опосредованіе которой находится внѣ его.

Умозаключеніе *E—A—B*, разсматриваемое въ немъ самомъ, есть истина формальнаго умозаключенія, оно выражаетъ собою, что его опосредованіе есть отвлеченно-общее, и что крайніе термины, получая по ихъ существенной опредѣленности содержаніе не по среднему термину, а лишь по ихъ общности, напротивъ, не приводятъ къ тому заключенію, которое должно было быть опосредовано. Стало быть, здѣсь положено то, въ чемъ состоитъ формализмъ умозаключенія, термины коего имѣютъ непосредственное, безразличное къ формѣ содержаніе или, что то же самое, суть такія опредѣленныя формы, которыя еще не рефлектировались въ опредѣленія содержанія.

2. Средній терминъ этого умозаключенія есть, правда, единство крайнихъ терминовъ, но такое, въ которомъ отвлечено отъ ихъ опредѣленности, неопредѣленно общее. Но поскольку это общее вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отвлеченное, отличено отъ крайнихъ терминовъ, какъ отъ опредѣленнаго, оно само есть еще опредѣленное относительно нихъ, и цѣлое есть умозаключеніе, отношеніе котораго къ его понятію подлежитъ еще разсмотрѣнію. Средній терминъ, какъ общее, есть подчиняющее оба крайнихъ термина или предикатъ и ни въ одной изъ посылокъ не есть подчиненное или субъектъ. Поэтому поскольку это умозаключеніе, какъ нѣкоторый видъ, должно соотвѣтствовать требованію умозаключенія, то это можетъ состояться лишь при томъ условіи, чтобы, такъ какъ *E—A* уже имѣетъ соотвѣтственное отношеніе, его же пріобрѣло и *A—B*. Это совершается въ такомъ сужденіи, въ которомъ субъектъ относится къ предикату безразлично, т.-е. въ отрицательномъ сужденіи. Такое умозаключеніе законно, но его заключеніе по необходимости отрицательное.

При этомъ безразлично также, какое изъ обоихъ опредѣленій заключенія принимается за предикатъ или за субъектъ, и въ самомъ умозаключеніи какой терминъ принимается за единичный или частичный, т.-е. за меньшій или за большій. Такъ какъ отъ принятаго въ этомъ случаѣ рѣшенія зависитъ, какая изъ посылокъ должна быть большею или меньшею, то это здѣсь безразлично. Тутъ открывается основаніе обычной четвертой фигуры умозаключенія, которой Аристотель не зналъ, и которая касается совершенно пустого, лишеннаго интереса различенія. Въ ней непосредственное расположеніе терминовъ обратно ихъ расположенію въ первой фигурѣ; а такъ какъ субъектъ и предикатъ отрицательнаго заключенія при формальномъ взглядѣ на сужденіе не имѣютъ опредѣленнаго отношенія субъекта и предиката, но каждый изъ нихъ можетъ занять мѣсто другого, то безразлично, какой терминъ принимается за субъектъ и какой за предикатъ; поэтому безразлично также, какая посылка принимается за бо́льшую, и какая за меньшую. Это безразличіе, которое свойственно и опредѣленію и частности (въ особенности поскольку оно понимается въ широкомъ своемъ значеніи), дѣлаетъ изъ четвертой фигуры нѣчто совершенно безполезное.

3. Объективное значеніе такого умозаключенія, въ которомъ общее есть средній терминъ, состоитъ въ томъ, что опосредывающее, какъ единство крайнихъ терминовъ, есть по существу общее. Но такъ какъ общность есть ближайшимъ образомъ общность лишь качественная или отвлеченная, то въ ней не заключается опредѣленности крайнихъ терминовъ; ихъ совпаденіе, если оно должно имѣть мѣсто, должно имѣть свое основаніе также въ нѣкоторомъ лежащемъ внѣ этого умозаключенія опосредованіи и въ отношеніи къ этому основанію столь же совершенно случайно, какъ и въ разсмотрѣнныхъ выше формахъ умозаключеній. Но такъ какъ общее теперь опредѣлено, какъ средній терминъ, который не содержитъ въ себѣ опредѣленности крайнихъ терминовъ, то онъ положенъ, какъ совершенно безразличный и внѣшній. Тѣмъ самымъ, въ силу этой простой отвлеченности, конечно, возникла ближайшимъ образомъ четвертая фигура [1]) умозаключенія; именно фигура безотносительнаго умозаключенія: $A—A—A$, отвлекающая отъ качественнаго различенія терминовъ и поэтому имѣющая своимъ опредѣленіемъ лишь ихъ внѣшнее единство, а именно равенство.

d. Четвертая фигура $A—A—A$ или математическое умозаключеніе.

1. Математическое умозаключеніе гласитъ: Если двѣ вещи (или два опредѣленія) равны третьей (третьему), то онѣ равны между собою. Тѣмъ самымъ исключается отношеніе подчиненія или включенія.

Третье есть вообще опосредывающее; но оно лишено какого бы то ни было опредѣленія относительно своихъ крайнихъ терминовъ. Поэтому каждый изъ трехъ терминовъ можетъ быть одинаково третьимъ опосредывающимъ терминомъ. Какой изъ нихъ употребляется для того, какое изъ трехъ отношеній считается поэтому непосредственнымъ, и какое опосредованнымъ, это зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и другихъ условій, именно отъ того, какія два изъ нихъ непосредственно даны. Но это опредѣленіе не касается самого умозаключенія и совершенно внѣшне.

2. Математическое умозаключеніе считается аксіомою въ математикѣ, очевиднымъ въ себѣ и для себя первымъ предложеніемъ, не требующимъ и не допускающимъ никакого доказательства, т.-е. никакого опосредованія, не предполагающимъ ничего другого и не могущимъ быть выведеннымъ изъ него. При ближайшемъ разсмотрѣніи его преимущества—быть непосредственно очевиднымъ—оказывается, что оно состоитъ въ формализмѣ этого умозаключенія, отвлекающаго отъ всякаго качественнаго различія опредѣленій и признающаго лишь ихъ количественное равенство или неравенство. Но именно по этому основанію оно не обходится безъ предположенія или опосредованія; то количественное опредѣленіе, которое одно принимается въ немъ въ соображеніе, возникаетъ лишь черезъ отвлеченіе отъ качественнаго различенія и отъ опредѣленій понятія. Линіи, фигуры, положенныя, какъ равныя одна другой, понимаются, лишь какъ величины; треугольникъ полагается равнымъ квадрату, но не какъ треугольникъ—квадрату, а лишь по величинѣ и т. д. Равнымъ

[1]) Четвертая у Гегеля, а не въ обычной логикѣ, которая этой фигуры не знаетъ. *Прим. перев.*

образомъ понятіе и его опредѣленія не привходятъ въ это умозаключеніе; оно вообще не понимается; и разсудокъ никогда не имѣетъ передъ собою формальныхъ, отвлеченныхъ опредѣленій понятія; очевидность этого умозаключенія основывается поэтому лишь на томъ, что оно столь скудно и отвлеченно по своему мысленному опредѣленію.

3. Но результатъ умозаключенія существованія не сводится исключительно къ этому отвлеченію отъ всякой опредѣленности понятія; отрицательность непосредственныхъ, отвлеченныхъ опредѣленій, возникающая такимъ путемъ, имѣетъ еще нѣкоторую другую, положительную сторону, состоящую именно въ томъ, что въ отвлеченной опредѣленности положено другое этой отрицательности, и что она тѣмъ самымъ стала конкретною.

Во-первыхъ, каждое изъ умозаключеній существованія имѣетъ своимъ предположеніемъ оба другія, и связанные въ заключеніи крайніе термины лишь потому истинны и связаны въ себѣ и для себя, что они соединены нѣкоторымъ извнѣ обоснованнымъ тожествомъ; средній терминъ, каковъ онъ есть въ выше разсмотрѣнныхъ умозаключеніяхъ, долженъ быть единствомъ ихъ понятія, но онъ есть лишь нѣкоторая формальная опредѣленность, не положенная, какъ ихъ конкретное единство. Но это предположенное въ каждомъ изъ сказанныхъ опосредованій есть не просто нѣкоторая данная непосредственность вообще, какъ въ математическомъ умозаключеніе, а само есть нѣкоторое опосредованіе, именно для каждаго изъ двухъ прочихъ умозаключеній. Слѣдовательно то, что поистинѣ дано, есть опосредованіе, основанное не на данной непосредственности, а на опосредованіи. Это опосредованіе есть тѣмъ самымъ не количественное, отвлекающее отъ формы опосредованія, но опосредованіе скорѣе относящееся къ опосредованію или опосредованіе рефлексіи. Кругъ взаимнаго предположенія, образуемый взаимною связью этихъ умозаключеній, есть возвратъ этого предположенія въ само себя, вслѣдствіе чего оно образуетъ собою нѣкоторую полноту, и то другое, на которое указываетъ каждое отдѣльное умозаключеніе, схватывается имъ не черезъ внѣшнее отвлеченіе, а мыслится внутри этого круга.

Далѣе относительно термина отдѣльныхъ формальныхъ опредѣленій было указано, что въ этомъ цѣломъ формальныхъ умозаключеній каждый изъ нихъ послѣдовательно занялъ мѣсто средняго термина. Непосредственно послѣдній былъ опредѣленъ, какъ частность; за симъ черезъ діалектическое движеніе онъ опредѣлился, какъ единичность и общность. Равнымъ образомъ каждое изъ этихъ опредѣленій послѣдовательно заняло мѣста обоихъ крайнихъ терминовъ. Чисто отрицательнымъ результатомъ было исчезаніе качественныхъ формальныхъ опредѣленій въ чисто-количественномъ, математическомъ умозаключеніи. Но то, что оказалось поистинѣ, есть тотъ положительный результатъ, что опосредованіе совершается не черезъ отдѣльную качественную опредѣленность формы, а черезъ ея конкретное тожество. Недостатокъ и формализмъ трехъ разсмотрѣнныхъ фигуръ умозаключеній состоитъ именно въ томъ, что такая отдѣльная опредѣленность должна была составлять въ нихъ средній терминъ. Такимъ образомъ опосредованіе опредѣли-

лось, какъ безразличіе непосредственныхъ или отвлеченныхъ опредѣленій формы и какъ положительная рефлексія однихъ въ другія. Тѣмъ самымъ непосредственное умозаключеніе существованія перешло въ умозаключеніе рефлексіи.

Примѣчаніе. Въ данномъ здѣсь изложеніи природы умозаключенія и его различныхъ формъ указано также попутно на то, что въ обычныхъ разсмотрѣніяхъ и обработкѣ умозаключенія составляетъ главный интересъ, именно на то, какъ въ каждой фигурѣ получается правильное умозаключеніе; но при этомъ приводится лишь главный моментъ и опущены тѣ случаи и усложненія, которые возникаютъ тогда, когда принимается въ разсчетъ различеніе положительныхъ и отрицательныхъ сужденій вмѣстѣ съ количественнымъ опредѣленіемъ, особенно опредѣленіемъ частности. Здѣсь будутъ умѣстны нѣкоторыя замѣчанія объ обычномъ въ логикѣ взглядѣ на умозаключеніе и его обработку. Какъ извѣстно, эта логика разработана до такихъ подробностей, что ея такъ называемыя тонкости вызвали общую скуку и отвращеніе. Возставая во всѣхъ отрасляхъ духовнаго образованія противъ лишенныхъ субстанціальности формъ рефлексіи, естественный разсудокъ обращался также противъ этого искусственнаго знанія формъ разума и полагалъ возможнымъ обойтись безъ этой науки на томъ основаніи, что перечисленныя въ ней отдѣльныя операціи мышленія онъ исполняетъ самъ собою уже отъ природы безъ всякаго особаго изученія. Дѣйствительно, если бы условіемъ разумнаго мышленія служило трудное изученіе формулъ умозаключенія, то человѣкъ по отношенію къ этому мышленію былъ бы также въ плохомъ положеніи, какъ онъ (о чемъ уже было замѣчено въ предисловіи) былъ бы въ плохомъ положеніи, если бы онъ не могъ ходить и переваривать пищи безъ изученія анатоміи и физіологіи. Какъ изученіе этихъ наукъ можетъ быть не безполезно для діэтетическаго образа жизни, такъ и изученію формъ разума безъ сомнѣнія должно приписывать еще болѣе важное вліяніе на правильность мышленія; но не вдаваясь здѣсь въ эту сторону дѣла, которая касается образованія субъективнаго мышленія, поэтому принадлежитъ собственно педагогикѣ, слѣдуетъ признать, что изученіе, имѣющее предметомъ способы дѣйствія и законы разума, должно представлять въ себѣ и для себя величайшій интересъ, по крайней мѣрѣ не меньшій интересъ, чѣмъ изученіе законовъ природы и ея частныхъ образованій. Если не считается пустяками установленіе шестидесяти и столькихъ-то видовъ попугая, ста тридцати семи видовъ вероники и т. д., то еще менѣе слѣдуетъ считать пустяками установленіе формъ разума; развѣ фигура умозаключенія не безконечно выше вида попугая или вероники?

Но хотя поэтому слѣдуетъ вообще считать только за грубость презрѣніе къ познанію формъ разума, тѣмъ не менѣе должно согласиться, что обычное изложеніе умозаключенія и его частныхъ видоизмѣненій не есть разумное познаніе, не есть изложеніе ихъ, какъ формъ разума, и что силлогистическая премудрость заслужила своею безплодностью испытанное ею пренебреженіе. Ея недостатокъ состоитъ въ томъ, что она остановилась лишь на разсудочныхъ формахъ умозаключенія, согласно которымъ опредѣленія понятія считаются отвлеченными формальными опредѣленіями. Утверждать ихъ, какъ

отвлеченныя качества, тѣмъ болѣе непослѣдовательно, что въ умозаключеніи существенное составляютъ ихъ отношенія, и что включеніе и подчиненіе уже подразумѣваютъ, что единичное, такъ какъ ему присуще общее, само есть общее; а общее, такъ какъ ему подчинено единичное, само есть единичное, что умозаключеніе ближайшимъ образомъ рѣшительно полагаетъ именно это единство, какъ средній терминъ, и что его опредѣленіе есть именно опосредованіе, т.-е. что въ немъ опредѣленія понятія уже не такъ, какъ въ сужденіи, сохраняютъ свою взаимную внѣшность, но, напротивъ, имѣютъ въ основѣ свое единство. Тѣмъ самымъ въ понятіи умозаключенія выражается недостаточность формальнаго умозаключенія, въ коемъ средній терминъ долженъ устанавливаться, не какъ единство крайнихъ, а какъ нѣкоторое формальное, качественно отличное отъ нихъ, отвлеченное опредѣленіе. Этотъ взглядъ еще потому болѣе пустъ по содержанію, что и такія отношенія или сужденія, въ коихъ даже формальныя опредѣленія безразличны, какъ, напримѣръ, отрицательныя и частныя сужденія, которыя поэтому приближаются къ предложеніямъ, признаются имъ за совершенныя отношенія. А такъ какъ качественная форма Е—В—А признается вообще за послѣднее или абсолютное, то діалектическое разсмотрѣніе умозаключенія совершенно упраздняется, и прочія умозаключенія тѣмъ самымъ получаютъ значеніе не необходимыхъ видоизмѣненій этой формы, но видовъ. При этомъ безразлично, разсматривается ли первое формальное умозаключеніе само, лишь какъ видъ, наряду съ прочими видами, или какъ родъ и видъ вмѣстѣ; послѣднее имѣетъ мѣсто тогда, когда прочія умозаключенія сводятся къ первому. Если это сведеніе и не выражено опредѣлительно, то во всякомъ случаѣ въ основаніе кладется то же самое формальное отношеніе внѣшняго подчиненія, которое выражается въ первой фигурѣ.

Это формальное умозаключеніе содержитъ въ себѣ то противорѣчіе, что средній терминъ долженъ быть опредѣленнымъ единствомъ крайнихъ, но не какъ такое единство, а какъ нѣкоторое опредѣленіе, качественно-отличное отъ тѣхъ, единствомъ которыхъ оно должно быть. Такъ какъ умозаключеніе есть это противорѣчіе, то первое въ немъ самомъ діалектично. Его діалектическое движеніе въ полнотѣ моментовъ его понятія приводитъ къ тому, что моменты заключенія суть нетолько это отношеніе подчиненія или частности, но столь же существенно отрицательное единство и общность. Поскольку каждый изъ этихъ моментовъ есть для себя также лишь односторонній моментъ частности, они суть равно несовершенные средніе термины, но вмѣстѣ съ тѣмъ образуютъ собою ихъ развитыя опредѣленія; все развитіе умозаключенія черезъ его три фигуры выдвигаетъ послѣдовательно средній терминъ въ каждомъ изъ этихъ опредѣленій, и истинный получающійся отсюда результатъ состоитъ въ томъ, что каждый изъ среднихъ терминовъ есть не нѣчто отдѣльное, но ихъ полнота.

Недостатокъ формальнаго умозаключенія заключается поэтому не въ формѣ умозаключенія—она есть, напротивъ, форма разумности,—но въ томъ, что эта форма есть отвлеченная и потому лишенная понятія. Было показано, что отвлеченное опредѣленіе ради его отвлеченнаго отношенія къ себѣ можетъ быть также разсматриваемо, какъ содержаніе; поэтому формальное умозаключеніе

приводитъ лишь къ тому, что нѣкоторое отношеніе даннаго субъекта къ данному предикату вытекаетъ или не вытекаетъ лишь изъ даннаго средняго термина. Доказательство какого либо предложенія посредствомъ такого умозаключенія не приводитъ ни къ чему; вслѣдствіе отвлеченной опредѣленности средняго термина, представляющаго собою лишенное понятія качество, могутъ существовать съ такимъ же правомъ и другіе средніе термины, изъ коихъ слѣдуетъ противоположное, равнымъ образомъ изъ того же средняго термина могутъ быть черезъ дальнѣйшія умозаключенія выведены опять-таки противоположные предикаты. Но независимо отъ того, что формальное умозаключеніе даетъ малые результаты, онъ есть также нѣчто весьма простое; многія правила, придуманныя для него, обременительны уже потому, что они слишкомъ разногласятъ съ простою природою дѣла, а также потому что они относятся къ случаямъ, когда формальное содержаніе умозаключенія совершенно оскудѣваетъ вслѣдствіе внѣшняго опредѣленія формы, въ особенности формы частности, по крайней мѣрѣ поскольку послѣдняя для этой цѣли должна быть взята въ объемлющемъ широкомъ смыслѣ, и по самой формѣ получаются лишь совершенно безсодержательные результаты. Но самая справедливая и важная сторона той немилости, съ которою относятся къ силлогистикѣ, состоитъ въ томъ, что она есть столь подробное лишенное понятія занятіе такимъ предметомъ, единственное содержаніе котораго есть само понятіе. Многія силлогистическія правила напоминаютъ образъ дѣйствія счетчиковъ, которые также даютъ множество правилъ для ариѳметическихъ операцій, но всѣ эти правила предполагаютъ отсутствіе понятія операцій. Но числа суть лишенное понятія содержаніе, и счетная операція есть внѣшнее соединеніе или раздѣленіе, механическій пріемъ, почему и были изобрѣтены счетныя машины, исполняющія эти операціи; напротивъ всего круче и рѣзче поступаютъ тогда, когда обращаются съ опредѣленіями формъ умозаключенія, которыя суть понятія, какъ съ лишеннымъ понятія матеріаломъ.

До крайности доведено это чуждое понятія отношеніе къ опредѣленіямъ понятій умозаключенія конечно Лейбницемъ (Opp. t. II p. 1), который подвелъ умозаключеніе подъ вычисленіе комбинацій и опредѣлилъ посредствомъ него, сколько возможно сочетаній умозаключенія, если принимать во вниманіе различія положительныхъ и отрицательныхъ, затѣмъ общихъ, частныхъ, неопредѣленныхъ и единичныхъ сужденій; такихъ сочетаній возможно 2048, изъ коихъ по исключеніи непригодныхъ фигуръ пригодныхъ къ употребленію остается 24. Лейбницъ придаетъ большое значеніе полезности комбинирующаго анализа для нахожденія не только формъ умозаключенія, но и для сочетаній другихъ понятій. Служащая для того операція такова же, посредствомъ которой вычисляется, сколько соединеній буквъ допускается азбукою, сколько возможно сочетаній костей при игрѣ въ кости или комбинаціи при игрѣ l'hombre и т. п. Опредѣленія умозаключенія приравниваются здѣсь сочетаніямъ костей или картъ при l'hombre, разумное признается чѣмъ-то мертвеннымъ и чуждымъ понятію, и своеобразіе понятія и его опредѣленій — относиться, какъ духовная сущность, и черезъ это отношеніе снимать свое непосредственное

опредѣленіе — оставляется въ сторонѣ. Это лейбницево приложеніе исчисленія комбинацій къ умозаключенію и къ сочетанію другихъ понятій не отличалось отъ пресловутаго искусства Люлля ничѣмъ, кромѣ большей методичности со стороны числа комбинацій, вообще же было равно послѣднему по безсмысленности. Это предпріятіе Лейбница состояло въ связи съ его любимою мыслью, къ которой онъ пришелъ еще въ юности, и отъ которой онъ не отказался и впослѣдствіи, несмотря на ея незрѣлость и поверхностность, мыслью объ общей характеристикѣ понятій,—о письменномъ языкѣ, въ которомъ каждое понятіе было бы представлено такимъ, каково оно по отношеніямъ, вытекающимъ изъ другихъ къ нему и изъ него къ другимъ; какъ будто въ разумномъ соединеніи, которое по существу діалектично, нѣкоторое содержаніе сохраняетъ еще тѣ же самыя опредѣленія, которыя оно имѣетъ, когда оно фиксировано для себя.

Исчисленіе Плуке, безъ сомнѣнія, представляетъ собою самый послѣдовательный образъ дѣйствія, какимъ только открывается возможность подчинить вычисленію отношеніе умозаключенія. Это исчисленіе состоитъ въ томъ, что въ сужденіи отвлекается отъ отличенія отношеній, отъ отличенія единичности, частности и общности, и сохраняется отвлеченное тожество субъекта и предиката, въ силу чего между ними установляется математическое равенство; отношеніе, которое превращаетъ умозаключеніе въ совершенно безсодержательное и тожественное составленіе предложеній. Въ предложеніи: роза красна—предикатъ долженъ означать не красное вообще, но лишь опредѣленное красное розы; въ предложеніи: всѣ христіане люди—предикатъ долженъ означать лишь тѣхъ людей, которые суть христіане; изъ него и изъ предложенія: евреи не христіане слѣдуетъ заключеніе, которое не дало этому силлогистическому исчисленію хорошей рекомендаціи передъ Мендельсономъ: слѣдовательно евреи не люди (именно не тѣ люди, которые суть христіане). Результатомъ своего изобрѣтенія Плуке считаетъ posse etiam rudes mechanice totam logicam doceri, uti pueri arithmeticam docentur, ita quidem, ut nulla formidine in ratiociniis suis errandi torqueri, vel fallaciis circumveniri possint, si in calculo non erramt [1]). Это заявленіе, что людямъ неучившимся можно посредствомъ исчисленія сообщить всю логику, есть конечно худшее изъ того, что можетъ быть сказано о какомъ-либо изобрѣтеніи въ дѣлѣ изложенія науки логики.

B.

Умозаключеніе рефлексіи.

Развитіе качественнаго умозаключенія сняло отвлеченность его опредѣленій; терминъ положилъ себя тѣмъ самымъ, какъ такая опредѣленность, въ коей имѣетъ видимость и другое. Кромѣ отвлеченныхъ терминовъ въ умо-

[1]) „Чтобы даже невѣжды могли механически изучить всю логику, какъ мальчики учатся ариѳметикѣ, такъ чтобы не мучиться никакимъ опасеніемъ ошибиться въ своихъ разсужденіяхъ и имѣть возможность избавиться отъ ошибокъ, если только былъ правиленъ ихъ счетъ“. *Прим. перев.*

заключенія дано и ихъ отношеніе, и въ заключеніи оно положено, какъ опосредованное и необходимое; поэтому каждая опредѣленность положена по истинѣ, не какъ отдѣльная для себя, но какъ отношеніе другихъ, какъ конкретная опредѣленность.

Среднiй терминъ былъ отвлеченною частностью, простою опредѣленностью для себя и среднимъ терминомъ лишь внѣшнимъ и относительнымъ образомъ въ противоположность крайнимъ. Теперь онъ положенъ, какъ полнота опредѣленій; такимъ образомъ онъ есть положенное единство крайнихъ, ближайшимъ образомъ единство объемлющей ихъ рефлексіи; этотъ захватъ ихъ рефлексіею, какъ первое снятіе непосредственности и первое отношеніе опредѣленій, еще не есть абсолютное тожество понятія.

Крайніе термины суть опредѣленія сужденія рефлексіи, собственно единичность и общность, какъ опредѣленія отношенія, или многообразное въ объемлющей ихъ рефлексіи. Но единично субъектъ содержитъ въ себѣ также, какъ было указано по поводу сужденія рефлексіи, кромѣ простой, принадлежащей формѣ единичности, и опредѣленность, какъ просто рефлектированную въ себѣ общность, какъ предположеніе, т.-е. какъ здѣсь еще принятый непосредственно родъ.

Изъ этой опредѣленности крайнихъ терминовъ, принадлежащей развитію опредѣленія сужденія, вытекаетъ ближайшее содержаніе средняго термина, который существенъ для умозаключенія, такъ какъ онъ отличаетъ его отъ сужденія. Онъ содержитъ въ себѣ 1) единичность, 2) но расширенную въ общность, какъ всѣ и 3) лежащую въ основѣ общность, соединяющую въ себѣ единичность и отвлеченную общность, или родъ. Лишь такимъ образомъ умозаключеніе рефлексіи пріобрѣтаетъ собственную опредѣленность формы, такъ какъ средній терминъ положенъ, какъ полнота опредѣленій; относительно этого умозаключенія непосредственное умозаключеніе есть неопредѣленное, потому что средній терминъ въ немъ есть еще отвлеченная частность, въ коей моменты его понятія еще не положены. Это первое умозаключеніе рефлексіи можетъ быть названо умозаключеніемъ всячества (der Schluss der Allheit).

a. Умозаключеніе всячества.

1. Умозаключеніе всячества есть умозаключеніе разсудка въ своемъ полномъ развитіи, но не болѣе того. То обстоятельство, что средній терминъ есть въ немъ не отвлеченная частность, но развитъ въ своихъ моментахъ и потому конкретенъ, есть, правда. существенная прибавка къ понятію, но тѣмъ не менѣе форма всячества объемлетъ единичное въ общемъ ближайшимъ образомъ лишь внѣшне, и обратно содержитъ въ себѣ единичное, еще какъ непосредственно сохраняющееся для себя въ общемъ. Отрицаніе непосредственности опредѣленій, бывшее результатомъ умозаключенія существованія, есть лишь первое отрицаніе, а не отрицаніе отрицанія или абсолютная рефлексія въ себя. Отдѣльныя опредѣленія въ себѣ лежатъ еще поэтому въ основѣ той объемлющей ихъ общности рефлексіи, или иначе всячество есть общность еще не понятія, а внѣшняя общность рефлексіи.

Умозаключеніе существованія было потому случайно, что его средній терминъ, какъ отдѣльная опредѣленность конкретнаго субъекта, допускаетъ неопредѣленное множество другихъ среднихъ терминовъ, вслѣдствіе чего субъектъ можетъ быть въ заключеніи соединенъ съ неопредѣленнымъ количествомъ другихъ, даже противоположныхъ предикатовъ. Но такъ какъ отнынѣ средній терминъ содержитъ въ себѣ единичность и тѣмъ самымъ самъ конкретенъ, то онъ можетъ связывать съ субъектомъ лишь одинъ предикатъ, присущій ему, какъ конкретному. Если, напр., изъ средняго термина зеленый должно заключить, что картина пріятна, такъ какъ зеленое пріятно для глаза, или что стихотвореніе, строеніе и т. д. прекрасны, такъ какъ они обладаютъ правильностью, то тѣмъ не менѣе картина можетъ быть отвратительна по другимъ своимъ опредѣленіямъ, изъ которыхъ можно заключать къ этому послѣднему предикату. Напротивъ, если средній терминъ имѣетъ опредѣленіе всячества, то онъ содержитъ въ себѣ зеленое и правильность, какъ нѣчто конкретное, которое именно потому не есть отвлеченность нѣкотораго только зеленаго, правильнаго и т. д.; съ этимъ конкретнымъ могутъ быть соединены лишь такіе предикаты, которые соотвѣтствуютъ полнотѣ конкретнаго. Въ сужденіи: зеленое или правильное пріятно субъектъ есть лишь отвлеченіе отъ зеленаго, правильности; напротивъ, въ сужденіи: все зеленое или правильное пріятно субъектомъ служатъ всѣ дѣйствительные конкретные предметы, которые зелены или правильны, и которые, слѣдовательно, берутся, какъ конкретные, со всѣми ихъ свойствами, какія только присущи имъ независимо отъ зелености или правильности.

2. Но это рефлективное несовершенство умозаключенія тѣмъ самымъ дѣлаетъ его лишь обманчивымъ призракомъ. Средній терминъ имѣетъ опредѣленность: всѣ; имъ непосредственно принадлежитъ въ верхней посылкѣ предикатъ, отъ коего вмѣстѣ съ субъектомъ ведется умозаключеніе. Но всѣ суть всѣ единичныя; поэтому единичный субъектъ имѣетъ этотъ предикатъ уже непосредственно, а не пріобрѣтаетъ его лишь черезъ умозаключеніе. Или иначе, субъектъ получаетъ черезъ заключеніе предикатъ, какъ слѣдствіе; но верхняя посылка уже содержитъ въ себѣ это заключеніе; поэтому, или верхняя посылка неправильна для себя, или она не есть непосредственное, предположенное сужденіе, но сама уже предполагаетъ то заключеніе, основаніемъ которому она должна служить.

Въ излюбленномъ совершенномъ умозаключеніи:

Всѣ люди смертны,

Кай — человѣкъ,

Слѣд., Кай смертенъ,

верхняя посылка правильна лишь потому и постольку, поскольку правильно заключеніе; если бы случилось такъ, что Кай не былъ бы смертенъ, то верхняя посылка была бы неправильна. Предложеніе, которое должно служить заключеніемъ, должно быть уже непосредственно правильно для себя, ибо иначе верхняя посылка не обнимала бы собою все единичное; прежде, чѣмъ верхняя посылка можетъ быть признана правильною, возникаетъ предварительно вопросъ, не служитъ ли самое это заключеніе инстанціею противъ нея.

3. При разсмотрѣніи умозаключенія существованія изъ понятія умозаключенія вытекало, что посылки, какъ непосредственныя, противорѣчатъ заключенію, т.-е. требуемому понятіемъ умозаключенія опосредованію, что поэтому первое умозаключеніе предполагаетъ другія, и наоборотъ, эти другія предполагаютъ его. Въ умозаключеніи же рефлексіи положено въ немъ самомъ, что верхняя посылка предполагаетъ свое заключеніе, такъ какъ въ ней содержится то соединеніе единичныхъ съ предикатомъ, которое именно и должно быть заключеніемъ.

То, что дано здѣсь въ дѣйствительности, можетъ, стало быть, ближайшимъ образомъ быть выражено такъ: умозаключеніе рефлексіи есть лишь внѣшняя пустая видимость умозаключенія; сущность послѣдняго основывается на субъективной единичности; она тѣмъ самымъ образуетъ средній терминъ и должна быть положена, какъ таковая,—какъ единичность, которая есть, какъ таковая, и лишь внѣшнимъ образомъ обладаетъ общностью. Или иначе, при ближайшемъ разсмотрѣніи содержанія умозаключенія рефлексіи оказалось, что единичное состоитъ въ непосредственномъ, не выведенномъ отношеніи къ своему предикату, и что большая посылка, соединеніе нѣкотораго частнаго съ нѣкоторымъ общимъ или ближе—нѣкотораго формальнаго общаго съ нѣкоторымъ общимъ въ себѣ, опосредовано черезъ отношеніе единичности, присущимъ тому общему, единичности, какъ совокупности. Но это умозаключеніе есть умозаключеніе наведенія.

b. Умозаключеніе наведенія.

1. Умозаключеніе всячества подчинено схемѣ первой фигуры: *E—B—A*; умозаключеніе наведенія — схемѣ второй фигуры *A—E—B*, такъ какъ оно вновь имѣетъ единичность среднимъ терминомъ, не отвлеченную единичность, но полную, т.-е. положенную съ противоположнымъ ей опредѣленіемъ съ общностью. Одинъ изъ крайнихъ терминовъ есть какой-либо предикатъ, который свойственъ всѣмъ этимъ единичнымъ; его отношеніе къ нимъ образуетъ непосредственныя посылки, изъ коихъ одна должна быть нѣкоторымъ заключеніемъ предшествовавшаго умозаключенія. Другой крайній терминъ можетъ быть непосредственнымъ родомъ, каковъ онъ въ среднемъ терминѣ предыдущаго умозаключенія или въ субъектѣ общаго сужденія, который (родъ) исчерпанъ въ совокупности единичныхъ или видовъ средняго термина. Поэтому умозаключеніе имѣетъ такой видъ:

e
A — e — B
e
e
и т. д.
до безконечности.

2. Вторая фигура формальнаго умозаключенія потому не соотвѣтствуетъ этой схемѣ, что въ одной изъ посылокъ *E*, образующее средній терминъ, не есть подчиняющее или предикатъ. Въ наведеніи этотъ недостатокъ устраняется;

предложеніе $A—E$, которое выдѣляетъ объективно-общее или родъ въ крайній терминъ и содержитъ его, какъ субъектъ, имѣетъ предикатъ, по меньшей мѣрѣ равнаго съ нимъ объема, и тѣмъ самымъ тожественный съ нимъ для внѣшней рефлексіи. Левъ, слонъ и т. д. составляютъ собою родъ четвероногихъ животныхъ; различеніе, полагающее то же самое содержаніе въ одномъ случаѣ въ единичности, въ другомъ — въ общности, есть тѣмъ самымъ совершенно безразличное опредѣленіе формы, — безразличіе, положенное какъ положенный въ умозаключеніи рефлексіи результатъ формальнаго умозаключенія, слѣдовательна какъ равенство объема.

Поэтому наведеніе есть не умозаключеніе простого воспріятія или случайнаго существованія, какъ соотвѣтствующая ему вторая фигура, но умозаключеніе опыта, субъективнаго соединенія единичныхъ въ родѣ и совпаденія рода съ нѣкоторымъ общимъ опредѣленіемъ вслѣдствіе причастности послѣдняго всѣмъ единичнымъ. Это умозаключеніе имѣетъ также то объективное значеніе, что непосредственный родъ опредѣляетъ себя черезъ полноту единичности, какъ общее свойство, имѣетъ свое существованіе въ общемъ отношеніи или признакѣ. Но объективное значеніе этого, какъ и другихъ, умозаключенія есть лишь его внутреннее понятіе и здѣсь еще не положено.

3. Наведеніе есть еще, напротивъ, по существу нѣкоторое субъективное умозаключеніе. Средніе термины суть единичные въ ихъ непосредственности, соединеніе ихъ въ родъ черезъ совокупность есть нѣкоторая внѣшняя рефлексія. Въ виду существующей непосредственности единичныхъ и вытекающей отсюда внѣшности общность есть лишь полнота или, правильнѣе, остается задачею. Въ ней проявляется вновь прогрессъ въ ложную безконечность; единичность должна быть положена, какъ тожественная общности, но такъ какъ единичныя положены также, какъ непосредственныя, то ихъ единство остается лишь постояннымъ долженствованіемъ; оно есть единство равенства; то, что должно быть тожественнымъ, должно вмѣстѣ съ тѣмъ не быть тожественнымъ. Лишь продолженныя въ безконечность a, b, c, d, e образуютъ родъ и даютъ законченный опытъ. Поэтому заключеніе наведенія остается проблематическимъ.

Но такъ какъ оно выражаетъ собою то, что воспріятіе для того, чтобы стать опытомъ, должно быть продолжено въ безконечность, то наведеніе предполагаетъ, что родъ въ себѣ и для себя совпадаетъ съ его опредѣленностью. Оно тѣмъ самымъ предполагаетъ собственно свое заключеніе, какъ нѣчто непосредственное, также, какъ умозаключеніе совокупности предполагаетъ заключеніе, какъ одну изъ своихъ посылокъ. Опытъ, основанный на наведеніи, считается законнымъ, хотя воспріятіе по общему признанію не закончено; достаточно лишь признать, что не можетъ быть никакой инстанціи противъ этого опыта, поскольку онъ истиненъ въ себѣ и для себя. Поэтому умозаключеніе посредствомъ наведенія, правда, основывается на нѣкоторой непосредственности, но не на той, на которой оно должно бы было основываться, не на сущей непосредственности единичности, а на непосредственности, сущей въ себѣ и для себя или общей. Основное опредѣленіе наведенія со-

стоитъ въ томъ, что оно есть умозаключеніе; если бы единичность принималась за существенное, а общность лишь за внѣшнее опредѣленіе средняго термина, то онъ распался бы на двѣ безсвязныя части, и никакого умозаключенія не получилось бы; эта внѣшность свойственна, напротивъ, крайнимъ терминамъ.

Единичность можетъ быть среднимъ терминомъ, лишь какъ непосредственно тожественная съ общностью; такая единичность есть собственно объективная, родъ. На это можно смотрѣть еще такъ: общность въ опредѣленіи единичности, лежащей въ основаніи наведенія, имѣетъ характеръ внѣшній, но существенный; такое внѣшнее есть столь же непосредственно ея противоположность, внутреннее. Поэтому истина умозаключенія наведенія есть умозаключеніе, имѣющее среднимъ терминомъ нѣкоторую единичность, которая непосредственно въ себѣ самой есть общность — умозаключеніе аналогіи.

с. Умозаключеніе аналогіи.

1. Это умозаключеніе имѣетъ своею отвлеченною схемою третью фигуру непосредственнаго умозаключенія: *E—A—B*. Но его средній терминъ не есть уже какое-либо отдѣльное качество, а нѣкоторая общность, которая есть рефлексія въ себя нѣкотораго конкретнаго, стало быть, его природа; и наоборотъ, такъ какъ она есть общность нѣкотораго конкретнаго, она есть вмѣстѣ съ тѣмъ сама это конкретное. Здѣсь, слѣдовательно, средній терминъ есть нѣчто единичное, но по своей общей природѣ; далѣе крайній терминъ есть другое единичное, имѣющее съ первымъ одну и ту же общую природу. Напр.:

Земля имѣетъ обитателей,
Луна есть нѣкоторая земля,
Слѣдов., луна имѣетъ обитателей.

2. Аналогія тѣмъ поверхностнѣе, чѣмъ въ большей степени то общее, въ которомъ объединяются оба единичныя, и на основаніи котораго одно становится предикатомъ другого, есть только качество или, принимая качество субъективно, тотъ или иной признакъ, если, стало-быть, тожество обоихъ признается за простое сходство. Но съ такого рода поверхностностью, къ которой форма разсудка или разума приводится тѣмъ, что она понижается въ сферу простого представленія, логика не должна бы была имѣть никакого дѣла. Равнымъ образомъ неправильно излагать верхнюю посылку этого умозаключенія такъ, чтобы она гласила: то, что сходно съ какимъ-либо объектомъ въ нѣкоторыхъ признакахъ, сходно съ нимъ и въ другихъ признакахъ. Такимъ путемъ форма умозаключенія выражается въ видѣ нѣкотораго содержанія, и эмпирическое, собственное долженствующее быть такъ названнымъ содержаніе въ своей совокупности переносится въ меньшую посылку. Такимъ образомъ вся форма, напр., перваго умозаключенія могла бы быть выражена, какъ его большая посылка: тому, что подчинено нѣкоторому другому, коему присуще третье, присуще также это третье, слѣдов., и т. д.

Но самое умозаключеніе не касается эмпирическаго содержанія, и обращать его собственную форму въ содержаніе нѣкоторой большей посылки столь же безразлично, какъ это было бы и относительно всякаго иного эмпирическаго содержанія. Но поскольку при умозаключеніи аналогіи идетъ рѣчь не о томъ содержаніи, которое содержитъ въ себѣ лишь своеобразную форму умозаключенія, то и при первомъ умозаключеніи также идетъ рѣчь не о немъ, т.-е. не о томъ, что дѣлаетъ умозаключеніе умозаключеніемъ. О чемъ идетъ рѣчь, есть именно форма умозаключенія, все равно имѣетъ ли оно эмпирическимъ содержаніемъ ее самоё или нѣчто другое.

Такимъ образомъ умозаключеніе аналогіи есть нѣкоторая своеобразная форма, и нѣтъ основанія не считать ее таковою лишь потому, что его форма можетъ быть сдѣлана содержаніемъ или матеріею нѣкоторой большей посылки, матеріи же де логика не касается. При умозаключеніи аналогіи также пожалуй, какъ и при умозаключеніи наведенія, къ этой мысли можно придти потому, что въ нихъ среднiй, а равно и крайніе термины болѣе опредѣленны, чѣмъ въ чисто формальномъ умозаключеніи, и потому опредѣленіе формы, такъ какъ оно уже не просто и не отвлеченно, должно явиться также опредѣленіемъ содержанія. Но то обстоятельство, что форма, такимъ образомъ, опредѣляетъ себя, какъ содержаніе, зависитъ, во-первыхъ, отъ необходимаго развитія формы и потому существенно касается природы умозаключенія; но поэтому же, во-вторыхъ, это опредѣленіе содержанія не можетъ считаться такимъ же, какъ нѣкоторое другое эмпирическое содержаніе, и быть отъ него отвлекаемымъ.

Если при разсмотрѣніи формы умозаключенія аналогіи его большая посылка понимается такъ, что коль скоро два предмета совпадаютъ въ одномъ или также въ нѣсколькихъ свойствахъ, то одному изъ нихъ присуще и нѣкоторое иное свойство, принадлежащее другому, то можетъ казаться, что это умозаключеніе содержитъ въ себѣ четыре опредѣленія, quaternio terminorum,—обстоятельство, которое затрудняло бы приведеніе аналогіи къ формѣ формальнаго умозаключенія. Въ немъ дано два единичныхъ, въ-третьихъ, одно непосредственно принимаемое за общее свойство и въ-четвертыхъ, другое свойство, присущее одному единичному непосредственно, другое же — лишь черезъ умозаключеніе. Это зависитъ отъ того, что, какъ оказалось, въ умозаключеніи аналогіи среднiй терминъ положенъ, какъ единичность, но непосредственно также, какъ его истинная общность. Въ наведеніи кромѣ двухъ крайнихъ терминовъ среднiй есть неопредѣлимое множество единичныхъ; поэтому въ этомъ умозаключеніи слѣдовало бы принимать безконечное множество терминовъ. Въ умозаключеніи совокупности общность средняго термина есть лишь внѣшнее формальное опредѣленіе совокупности; въ умозаключеніи же аналогіи она есть существенная общность. Въ приведенномъ примѣрѣ среднiй терминъ—земля—принимается за нѣчто конкретное, которое по своей истинѣ есть столь же нѣкоторая общая природа или родъ, сколь и нѣчто единичное.

Разсматриваемое съ этой стороны quaternio terminor аналогіи не должно бы было дѣлать ее несовершеннымъ умозаключеніемъ. Но она ста-

новится имъ съ другой стороны; ибо хотя одинъ субъектъ имѣетъ ту же общую природу, какъ и другой, но остается неопредѣленнымъ, присуща ли одному субъекту та опредѣленность, которая въ заключеніе приписывается другому, въ силу его природы или въ силу его частности, напр., имѣетъ ли земля обитателей, какъ міровое тѣло вообще, или какъ именно это частное міровое тѣло. Аналогія есть еще постольку умозаключеніе рефлексіи, поскольку единичность и общность непосредственно соединены въ ея среднемъ терминѣ. Въ силу этой непосредственности ей еще присуща внѣшность единства рефлексіи; единичное есть лишь въ себѣ родъ, оно не положено въ той отрицательности, черезъ которую его опредѣленность стала бы собственною опредѣленностью рода. Поэтому тотъ предикатъ, который присвоивается единичному средняго термина, не есть тѣмъ самымъ уже предикатъ другого единичнаго, хотя оба они принадлежатъ одному и тому же роду.

3. $E—B$ (луна имѣетъ обитателей) есть заключеніе; но одна изъ посылокъ (земля имѣетъ обитателей) есть такое же $E—B$; и поскольку $E—B$ должно быть заключеніемъ, то тутъ дано требованіе, чтобы и эта посылка имѣла такой же характеръ. Это умозаключеніе есть тѣмъ самымъ заключающееся въ немъ самомъ требованіе вопреки содержащейся въ немъ непосредственности; или иначе оно предполагаетъ свое заключеніе. Одно умозаключеніе существованія имѣетъ свое предположеніе въ другихъ умозаключеніяхъ существованія; въ только что разсмотрѣнныхъ умозаключеніяхъ это предположеніе входитъ внутрь ихъ, такъ какъ они суть умозаключенія рефлексіи. Поэтому такъ какъ умозаключеніе аналогіи есть требованіе его опосредованія вопреки его непосредственности, которая присуща его опосредованію, то оно требуетъ снятія момента единичности. Такимъ образомъ на долю средняго термина приходится объективно-общее, родъ, очищенный отъ непосредственности. Родъ въ умозаключеніи аналогіи былъ моментомъ средняго термина, лишь какъ непосредственное предположеніе; такъ какъ самое умозаключеніе требуетъ снятія предположенной непосредственности, то отрицаніе единичности и тѣмъ самымъ общее уже есть не непосредственное, а положенное. Умозаключеніе рефлексіи содержитъ въ себѣ лишь первое отрицаніе непосредственности; теперь получается второе, и тѣмъ самымъ внѣшняя общность рефлексіи опредѣляется, какъ сущая въ себѣ и для себя. Разсматриваемое съ положительной стороны заключеніе оказывается тожественнымъ съ посылкою, опосредованіе—совпадающимъ съ его предположеніемъ, и тѣмъ самымъ получается тожество общности рефлексіи, въ силу чего она становится высшею общностью.

Обозрѣвая ходъ умозаключеній рефлексіи, находимъ, что опосредованіе есть вообще положенное или конкретное единство опредѣленій формы крайнихъ терминовъ; рефлексія состоитъ въ этомъ положеніи одного опредѣленія въ другомъ; опосредывающее есть такимъ образомъ совокупность. Для общности же единичному существенно, чтобы оно было приводящимъ къ заключенію среднимъ терминомъ; поэтому оно должно быть признаваемо за сущее въ себѣ общее. Но единичное соединено съ общностью не только этимъ просто положительнымъ образомъ, а снято въ ней и есть отрицательный моментъ; та-

кимъ образомъ общее есть сущее въ себѣ и для себя, положенный родъ, и единичное, какъ непосредственное, есть скорѣе внѣшность послѣдняго или крайній терминъ. Умозаключеніе аналогіи, вообще говоря, подчинено схемѣ $B—E—A$, единичное есть въ немъ еще такое существенное опредѣленіе средняго термина; но такъ какъ его непосредственность сняла себя, и средній терминъ опредѣлился, какъ сущая въ себѣ и для себя общность, то умозаключеніе подчинилось схемѣ $E—A—B$, и умозаключеніе рефлексіи перешло въ умозаключеніе необходимости.

C.

Умозаключеніе необходимости.

Опосредывающее опредѣлилось теперь, 1. какъ простая опредѣленная общность, каковою бываетъ частность въ умозаключеніи существованія; но 2. какъ объективная общность, т.-е. такая, которая содержитъ въ себѣ всю опредѣленность различенныхъ крайнихъ терминовъ, какъ это свойственно совокупности въ умозаключеніи рефлексіи; наполненная, но простая общность, общая природа вещи, родъ.

Это умозаключеніе содержательно, такъ какъ, хотя отвлеченный средній терминъ умозаключенія существованія положилъ себя, какъ опредѣленное различіе, каковымъ бываетъ средній терминъ умозаключенія рефлексіи, но это различіе вновь рефлектировало себя въ простое тожество. Это умозаключеніе есть поэтому умозаключеніе необходимости, такъ какъ его средній терминъ есть не какое либо иное непосредственное содержаніе, а рефлексія въ себя опредѣленности крайнихъ терминовъ. Послѣдніе имѣютъ въ среднемъ терминъ свое внутреннее тожество, опредѣленія содержанія котораго суть опредѣленія формы крайнихъ терминовъ. Тѣмъ самымъ то, чѣмъ различаются термины, есть внѣшняя и несущественная форма, и они суть моменты нѣкотораго необходимаго существованія.

Ближайшимъ образомъ это умозаключеніе есть непосредственное и потому столь формальное, что связь терминовъ есть существенная природа, какъ содержаніе, и послѣднее имѣетъ въ различенныхъ терминахъ лишь различенную форму, крайніе же термины имѣютъ для себя лишь несущественное существованіе. Осуществленіе этого умозаключенія должно опредѣлить его такъ, чтобы крайніе термины были положены какъ эта полнота, которая есть ближайшимъ образомъ средній терминъ, а необходимость отношенія, которое ближайшимъ образомъ есть лишь субстанціальное содержаніе, была отношеніемъ положенной формы.

a. Категорическое умозаключеніе.

1. Категорическое умозаключеніе имѣетъ одною или обѣими своими посылками категорическое сужденіе. Здѣсь съ этимъ умозаключеніемъ, какъ и съ сужденіемъ, связывается то опредѣленное значеніе, что его средній терминъ есть

объективная общность. При поверхностномъ разсмотрѣніи и категорическое умозаключеніе считается не болѣе, какъ только умозаключеніемъ включенія.

Категорическое умозаключеніе по своему содержательному значенію есть первое умозаключеніе необходимости, въ которомъ субъектъ связывается съ нѣкоторымъ предикатомъ черезъ свою субстанцію. Но субстанція, повышенная въ сферу понятія, есть общее, положенное въ такое бытіе въ себѣ и для себя, что форма ея бытія есть не акцидентальность, какъ въ ея своеобразномъ отношеніи, а опредѣленіе понятія. Ея различенія суть поэтому крайніе термины умозаключенія, опредѣленнѣе—общность и единичность. Первая есть въ противоположность роду, какъ былъ ближайше опредѣленъ средній терминъ, отвлеченная общность или общая опредѣленность; акцидентальность субстанціи есть простая опредѣленность, но объемлющая собою существенное различеніе, специфическую разницу. Единичность же есть дѣйствительное, есть въ себѣ конкретное единство рода и опредѣленности, но здѣсь, какъ и въ непосредственномъ умозаключеніи, ближайшимъ образомъ непосредственная единичность, сосредоточенная въ форму сущаго для себя существованія акцидентальность. Отношеніе этого крайняго термина къ среднему образуетъ нѣкоторое категорическое сужденіе; но поскольку и другой крайній терминъ согласно вышеприведенному опредѣленію выражаетъ специфическую разницу рода или ея опредѣленный принципъ, то и эта посылка категорична.

2. Это умозаключеніе, какъ первое и тѣмъ самымъ непосредственное умозаключеніе необходимости, подчинено схемѣ перваго формальнаго умозаключенія $E—B—A$. Но такъ какъ средній терминъ есть существенная природа единичнаго, а не какое-либо изъ его опредѣленій или свойствъ, и равнымъ образомъ крайній терминъ общности есть не какое-либо отвлеченное общее или опять-таки лишь нѣкоторое опредѣленное качество, а общая опредѣленность, специфическое различіе рода, то упраздняется та случайность, въ силу коей къ какому-либо качеству субъекта заключается лишь черезъ посредство какого-либо средняго термина. Такъ какъ тѣмъ самымъ и отношеніямъ крайнихъ терминовъ къ среднему свойственна не такая внѣшняя непосредственность, какъ умозаключенію существованія, то и требованіе доказательства не имѣетъ того смысла, какой имѣлъ тамъ мѣсто и приводилъ къ безконечному прогрессу.

Далѣе это умозаключеніе не предполагаетъ, какъ нѣкоторое умозаключеніе рефлексіи, для истины посылокъ истину заключенія. Вслѣдствіе субстанціальнаго содержанія термины находятся въ тожественномъ, въ себѣ и для себя сущемъ взаимномъ отношеніи; дана одна проникающая три термина сущность, въ которой опредѣленія единичности, частности и общности суть лишь формальные моменты.

Поэтому категорическое умозаключеніе уже не субъективно; вмѣстѣ съ указаннымъ выше тожествомъ возникаетъ объективность; средній терминъ есть содержательное тожество своихъ крайнихъ терминовъ, которые содержатся въ немъ, какъ самостоятельные, ибо ихъ самостоятельность и есть эта субстанціальная общность, родъ. Субъективность же умозаключенія состоитъ въ безразличномъ отношеніи крайнихъ терминовъ къ понятію или къ среднему термину.

3. Въ этомъ умозаключеніи однако субъективно еще то, что это тожество есть еще субстанціальное или тожество содержанія, а не тожество вмѣстѣ съ тѣмъ формы. Поэтому тожество понятія есть еще внутренняя связь и тѣмъ самымъ еще отношеніе необходимости; общность средняго термина есть упроченное, положительное содержаніе, а не есть также отрицательность его крайнихъ терминовъ.

Ближайшимъ образомъ непосредственность этого умозаключенія, которое еще не положено, какъ то, что оно есть въ себѣ, такова. Непосредственное въ умозаключеніи есть собственно единичное. Послѣднее подчинено своему роду, какъ средній терминъ; но роду подчинены также еще другія неопредѣленно многія единичныя; поэтому оказывается случайнымъ, что лишь это единичное положено, какъ подчиненное роду. Но эта случайность свойственна далѣе нетолько внѣшней рефлексіи, которая находитъ случайнымъ входящее въ составъ умозаключенія единичное по сравненію съ другими; напротивъ, такъ какъ оно само отнесено къ среднему термину, какъ къ своей объективной общности, оно положено, какъ случайное, какъ субъективная дѣйствительность. Съ другой стороны, такъ какъ субъектъ есть нѣкоторое непосредственное единичное, то онъ содержитъ въ себѣ опредѣленія, которыя не содержатся въ среднемъ терминѣ, какъ въ общей природѣ; тѣмъ самымъ субъектъ имѣетъ нѣкоторое безразличное къ послѣднему, опредѣленное для себя осуществленіе, обладающее своеобразнымъ содержаніемъ. Поэтому и наоборотъ, этотъ другой терминъ имѣетъ относительно перваго безразличную непосредственность и отдѣльное осуществленіе. Это же отношеніе имѣетъ также мѣсто между среднимъ и другимъ крайнимъ терминомъ; ибо послѣднему также свойственно опредѣленіе непосредственности, стало-быть, нѣкотораго случайнаго бытія относительно своего средняго термина.

То, что тѣмъ самымъ положено въ категорическомъ умозаключеніи, суть съ одной стороны крайніе термины въ такомъ отношеніи къ среднему, что они въ себѣ обладаютъ объективною общностью или самостоятельною природою и вмѣстѣ съ тѣмъ суть непосредственныя, слѣдовательно, взаимно безразличныя дѣйствительности. Съ другой же стороны они также случайны, или иначе ихъ непосредственность опредѣлена, какъ снятая въ ихъ тожествѣ. Но послѣднее въ силу сказанной самостоятельности и полноты дѣйствительности есть лишь формальное, внутреннее; тѣмъ самымъ умозаключеніе необходимости опредѣлило себя, какъ условное (гипотетическое).

b. Условное умозаключеніе.

1. Условное сужденіе содержитъ въ себѣ лишь необходимое отношеніе безъ непосредственности того, что соотносится. Если есть *A*, то есть *B*; или иначе бытіе *A* есть таже бытіе нѣкотораго другого, *B*; тѣмъ самымъ еще не сказано, есть ли *A* и есть ли *B*. Условное умозаключеніе присоединяетъ къ сужденію эту непосредственность бытія:

Если есть *A*, то есть *B*,

A есть,

Слѣдовательно есть *B*.

Меньшая посылка для себя высказываетъ непосредственное бытіе *A*.

Но нетолько это присоединилось къ сужденію. Умозаключеніе содержитъ въ себѣ отношеніе между субъектомъ и предикатомъ, не какъ отвлеченную связку, но какъ полное содержаніемъ опосредывающее единство. Бытіе *A* должно быть признаваемо поэтому не за простую непосредственность, а по существу за средній терминъ умозаключенія. Это должно быть разсмотрѣно ближе.

2. Ближайшимъ образомъ отношеніе условнаго сужденія есть необходимость или внутреннее субстанціальное тожество при внѣшнемъ различіи осуществленія, или же взаимное безразличіе являющагося бытія; тожественное содержаніе, внутренне лежащее въ основаніи. Обѣ стороны сужденія суть поэтому не непосредственное, но заключенное въ необходимость бытіе, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ снятое или лишь являющееся бытіе. Далѣе какъ стороны сужденія, онѣ относятся между собою, какъ общность и единичность; поэтому одна изъ нихъ есть сказанное содержаніе, какъ полнота условій, а другая—какъ дѣйствительность. Впрочемъ, безразлично, какая изъ сторонъ принимается за общность, и какая за единичность. Именно поскольку условія суть еще внутреннее, отвлеченное относительно нѣкоторой дѣйствительности, они суть общее, и то, черезъ что они выступаютъ въ дѣйствительность, есть сочетаніе ихъ въ нѣкоторую единичность. Наоборотъ, условія суть также отдѣльное, порозненное явленіе, которое пріобрѣтаетъ единство и значеніе, а также имѣющее общую силу существованія лишь въ дѣйствительности.

Ближайшее отношеніе, которое должно быть признано здѣсь между обѣими сторонами за отношеніе условія къ обусловленному, можетъ, однако, также считаться отношеніемъ причины и дѣйствія, основанія и слѣдствія; это здѣсь безразлично; но отношеніе обусловленности потому ближе соотвѣтствуетъ отношенію, присущему условному сужденію и умозаключенію, что условіе есть по существу безразличное осуществленіе, основаніе же и причина есть, напротивъ, нѣчто переходящее черезъ само себя; равнымъ образомъ, условіе есть болѣе общее опредѣленіе, такъ какъ оно обнимаетъ обѣ стороны этого отношенія, ибо дѣйствіе, слѣдствіе и т. д. суть столь же условія причины, основанія, сколько вторыя суть условія первыхъ.

A есть обусловливающее бытіе, поскольку оно, во-первыхъ, есть нѣкоторое непосредственное бытіе, безразличная дѣйствительность, а, во-вторыхъ, поскольку оно есть также въ себѣ самомъ случайное, снимающее себя бытіе. То, что переводитъ условія въ дѣйствительность новаго образа, условія которой они суть, состоитъ въ томъ, что они суть небытіе, какъ отвлеченное непосредственное, бытіе въ его понятіи, ближайшимъ образомъ становленіе; но такъ какъ понятіе уже не есть переходъ, то они суть опредѣленнѣе единичность, относящееся къ себѣ отрицательное единство. Условія суть порозненный, ожидающій и требующій своего употребленія мате-

ріалъ; эта отрицательность есть опосредывающее, свободное единство понятія. Оно опредѣляетъ себя, какъ дѣятельность, такъ какъ этотъ средній терминъ есть противорѣчіе объективной общности или полноты тожественнаго содержанія и безразличной непосредственности. Поэтому этотъ средній терминъ есть уже нетолько внутренняя, но сущая необходимость; объективная общность содержитъ въ себѣ отношеніе къ себѣ самой, какъ простую непосредственность, какъ бытіе; въ категорическомъ умозаключеніи этотъ моментъ есть ближайшимъ образомъ опредѣленіе крайнихъ терминовъ, но въ противоположность объективной общности средняго термина онъ опредѣляетъ себя, какъ случайность и тѣмъ самымъ какъ нѣчто лишь положенное и также снятое, т.-е. возвратившееся въ понятіе или въ средній терминъ, какъ единство, которое само въ своей объективности есть также бытіе.

Заключеніе слѣдовательно *В* есть выражаетъ собою то же противорѣчіе, что *В* есть нѣчто непосредственно сущее, но также сущее черезъ другое или опосредованное. По своей формѣ оно есть поэтому то же самое понятіе, какъ и средній терминъ; они отличаются, лишь какъ необходимое отъ необходимости, въ совершенно поверхностномъ противоположеніи единичности къ общности. Абсолютное содержаніе *А* и *В* одно и то же; это лишь два различныхъ названія одной и той же основы для представленія, поскольку послѣднее сохраняетъ явленіе различнаго образа существованія и различаетъ необходимое отъ его необходимости; но если послѣдняя должна бы была отдѣлиться отъ *В*, то оно не было бы необходимымъ. Тѣмъ самымъ тутъ дано тожество опосредывающаго и опосредованнаго.

3. Условное умозаключеніе представляетъ собою ближайшимъ образомъ необходимое отношеніе, какъ связь посредствомъ формы или отрицательнаго единства, между тѣмъ какъ категорическое умозаключеніе есть упроченное черезъ положительное единство содержаніе, объективная общность. Но необходимость совпадаетъ съ необходимымъ; формальная дѣятельность перехода обусловливающей дѣйствительности въ обусловленную есть въ себѣ единство, въ коемъ сняты ранѣе того освобожденныя въ безразличное существованіе опредѣленности, и различеніе *А* и *В* стало пустымъ словомъ. Оно есть поэтому рефлектированное въ себя единство и тѣмъ самымъ нѣкоторое тожественное содержаніе, и оно таково нетолько въ себѣ, но оно черезъ это умозаключеніе также положено, такъ какъ бытіе *А* есть также не свое собственное, а бытіе *В*, и наоборотъ, вообще бытіе одного есть бытіе другого, и именно въ заключеніи непосредственное бытіе или безразличная опредѣленность есть нѣчто опосредованное, слѣдовательно внѣшность сняла себя, и положено ея возвратившееся въ себя единство.

Опосредованіе умозаключенія опредѣлило себя тѣмъ самымъ, какъ единичность, непосредственность и относящаяся къ себѣ отрицательность или различающее себя и изъ этого различенія совпадающее съ собою тожество,—какъ абсолютная форма и именно потому объективная общность, тожественное себѣ содержаніе. Въ этомъ опредѣленіи умозаключеніе есть раздѣлительное умозаключеніе.

c. Раздѣлительное умозаключеніе.

Какъ условное умозаключеніе подводится вообще подъ схему второй фигуры $A—E—B$, такъ раздѣлительное подводится подъ схему третьей фигуры формальнаго умозаключенія $E—A—B$. Но средній терминъ есть наполненная формою общность; она опредѣлила себя, какъ полноту, какъ развитую объективную общность. Средній терминъ есть поэтому столько же общность, какъ и частность и единичность. Какъ первая, оно есть, во-первыхъ субстанціальное тожество рода, а во-вторыхъ, такое тожество, въ которое принята частность, но какъ равная общности; стало быть, она есть общая сфера, содержащая полноту своихъ частностей, родъ, раздѣленный на свои виды: A, которое есть и B, и C, и D. Но раздѣленіе на частности есть также различеніе или—или, B, C и D, отрицательное единство, взаимное исключеніе опредѣленій. Далѣе это исключеніе есть нетолько взаимное, и опредѣленіе есть нетолько относительное, но равнымъ образомъ по существу относящееся къ себѣ опредѣленіе; частное, какъ единичность, съ исключеніемъ другихъ.

A есть или B, или C, или D,
но A есть B,
слѣдовательно A не есть ни C, ни D.
Или также:
A есть или B, или C, или D,
но A не есть ни C, ни D,
слѣдовательно оно есть B.

A есть субъектъ нетолько въ обѣихъ посылкахъ, но и въ заключеніи. Въ первой посылкѣ онъ есть общая и раздѣленная въ своемъ предикатѣ на полноту своихъ видовъ сфера; во второй онъ положенъ, какъ опредѣленное или нѣкоторый видъ; въ заключеніи, какъ исключающая единичная опредѣленность. Или иначе онъ положенъ положительно уже въ нижней посылкѣ, какъ исключающая единичность, а въ заключеніи, какъ то опредѣленное, что онъ есть.

То, что тѣмъ самымъ является вообще, какъ опосредованное, есть общность A, соединенная съ единичностью. Опосредывающее же есть то A, которое составляетъ общую сферу своихъ частностей, и нѣчто опредѣленное, какъ единичное. То, что есть истина условнаго умозаключенія, единство опосредывающаго и опосредованнаго, положено тѣмъ самымъ въ раздѣлительномъ умозаключеніи, которое поэтому уже не есть болѣе умозаключеніе. А именно средній терминъ, который положенъ въ немъ, какъ полнота понятія, самъ содержитъ въ себѣ оба крайнихъ термина въ ихъ полной опредѣленности. Крайніе термины въ отличіе отъ этого средняго термина суть лишь положеніе, коему не присуща никакая собственная опредѣленность относительно средняго термина.

Если разсматривать сказанное съ принятіемъ въ болѣе опредѣленное соображеніе условнаго умозаключенія, то оказывается, что ему было присуще нѣ-

которое субстанціальное тожество, какъ внутренняя связь необходимости, и нѣкоторое отличенное отъ послѣдняго отрицательное единство, именно дѣятельность или форма, переводившая одно существованіе въ другое. Раздѣлительному же умозаключенію свойственно вообще опредѣленіе общности, его средній терминъ есть *А*, какъ родъ и какъ нѣчто вполнѣ опредѣленное; черезъ это единство то прежде бывшее внутреннимъ содержаніе теперь положено, и наоборотъ, положеніе или форма есть не внѣшнее отрицательное единство въ противоположность нѣкоторому безразличному существованію, но тожественно съ тѣмъ вполнѣ опредѣлившимся содержаніемъ. Все формальное опредѣленіе понятія положено въ его опредѣленномъ различеніи и вмѣстѣ въ простомъ тожествѣ понятія.

Тѣмъ самымъ сняты теперь какъ формализмъ умозаключенія, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и субъективность умозаключенія и понятія вообще. Это формальное или субъективное состояло въ томъ, что опосредывающее средніе термины есть понятіе, какъ отвлеченное опредѣленіе, и потому отлично отъ тѣхъ, чье единство оно составляетъ. Напротивъ, при полномъ развитіи умозаключенія, при которомъ положены какъ объективная общность, такъ и полнота формальныхъ опредѣленій, отличеніе опосредывающаго и опосредованнаго отпало. То, что опосредовано, само есть существенный моментъ своего опосредывающаго, и каждый моментъ есть полнота опосредованнаго.

Фигуры умозаключенія представляютъ собою каждую опредѣленность понятія въ отдѣльности, какъ средній терминъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть понятіе, какъ долженствованіе, какъ требованіе того, чтобы опосредывающее было своею полнотою. Различные же роды умозаключеній представляютъ собою ступени наполненія содержаніемъ или увеличенія конкретности средняго термина. Въ формальномъ умозаключеніи средній терминъ положенъ, какъ полнота, лишь черезъ то, что всѣ опредѣленности, но каждая въ отдѣльности, проходятъ функцію опосредованія. Въ умозаключеніяхъ рефлексіи средній терминъ есть единство, внѣшнимъ образомъ связующее опредѣленія крайнихъ терминовъ. Въ умозаключеніи необходимости онъ опредѣлилъ себя также, какъ развитый и цѣлостный, какъ простое единство, и вслѣдствіе того форма умозаключенія, состоявшаго въ различеніи средняго термина отъ его крайнихъ, снята.

Тѣмъ самымъ понятіе вообще реализовалось; выражаясь опредѣленнѣе, оно пріобрѣло ту реальность, которая есть объективность. Ближайшая реальность состояла въ томъ, что понятіе, раздѣленное, какъ отрицательное внутри себя единство и какъ сужденіе, полагаетъ свои опредѣленія въ опредѣленныхъ и безразличныхъ различеніяхъ, а въ умозаключеніи противопоставляетъ имъ само себя. Такъ какъ оно такимъ образомъ есть лишь внутреннее этой своей внѣшности, то черезъ развитіе умозаключеній эта внѣшность совпадаетъ съ внутреннимъ единствомъ; различныя опредѣленія черезъ опосредованіе, въ коемъ они ближайшимъ образомъ объединяются лишь въ нѣкоторомъ третьемъ, возвращаются въ это единство, и внѣшность тѣмъ самымъ представляетъ собою понятіе въ ней самой, понятіе, которое поэтому также уже не отличается отъ нея, какъ внутреннее единство.

Но опредѣленіе понятія, разсматриваемое, какъ реальность, есть, наоборотъ, также нѣкоторое положеніе. Ибо нетолько этотъ результатъ представляетъ собою, какъ истину понятія, тожество его внутренности и внѣшности, но уже моменты понятія въ сужденіи остаются также въ ихъ взаимномъ безразличіи, опредѣленіями, имѣющими значеніе лишь въ ихъ отношеніи. Умозаключеніе есть опосредованіе, полное понятіе въ своемъ положеніи. Его движеніе есть снятіе этого опосредованія, въ коемъ нѣтъ ничего въ себѣ и для себя, а каждое есть лишь черезъ посредство другого. Поэтому результатъ есть нѣкоторая непосредственность, возникшая черезъ снятіе опосредованія, бытіе, которое равнымъ образомъ тожественно съ опосредованіемъ, которое есть понятіе, возстановившее само себя изъ своего инобытія и въ своемъ инобытіи. Это бытіе есть поэтому нѣкоторая вещь (Sache), сущая въ себѣ и для себя,—объективность.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Объективность.

Въ первой книгѣ объективной логики отвлеченное бытіе было изображено, какъ переходящее въ существованіе, но также возвращающееся въ сущность. Во второй сущность оказывается опредѣленною, какъ основаніе, тѣмъ самымъ переходящее въ осуществленіе и реализуемое въ субстанцію, опять-таки возвращающуюся въ понятіе. Теперь относительно понятія ближайшимъ образомъ показано, что оно опредѣляетъ себя, какъ объективность. Само собою ясно, что этотъ послѣдній переходъ по своему опредѣленію тожественъ тому, что въ прежнее время допускалось въ метафизикѣ, какъ умозаключеніе отъ понятія, именно отъ понятія Бога къ его существованію, или какъ такъ называемое онтологическое доказательство бытія Бога. Извѣстно также, что возвышеннѣйшая мысль Декарта, что Богъ есть то, понятіе чего включаетъ въ себя Его бытіе, послѣ того, какъ она понизилась до плохой формы формальнаго умозаключенія, именно до формы этого доказательства, была побѣждена критикою разума и тою мыслію, что существованія нельзя выколупать изъ понятія. Нѣчто касающееся этого доказательства было объяснено уже ранѣе въ первой книгѣ; такъ какъ бытіе исчезло въ своей ближайшей противоположности — небытіи, и истиною обоихъ оказалось становленіе, то было обращено вниманіе на смѣшеніе, возникающее въ томъ случаѣ, если при нѣкоторомъ опредѣленномъ существованіи имѣютъ въ виду не его бытіе, а его опредѣленное содержаніе, и потому полагаютъ, что при сравненіи этого опредѣленнаго содержанія, напр., ста талеровъ, съ нѣкоторымъ другимъ опредѣленнымъ содержаніемъ, напр., съ контекстомъ моего воспріятія, состояніемъ моего имущества, можетъ быть различено, совпадаетъ или нѣтъ первое содержаніе

съ вторымъ; какъ будто въ этомъ случаѣ говорится о различеніи бытія и небытія или даже о различеніи бытія и понятія. Далѣе тамъ же и во второй книгѣ было объяснено входящее въ онтологическое доказательство опредѣленіе совокупности всѣхъ реальностей. Но существеннаго предмета этого доказательства, связи понятія и существованія, касается только-что законченное разсмотрѣніе понятія и всего развитія, черезъ которое оно опредѣлило себя, какъ объективность. Понятіе, какъ абсолютно тожественная себѣ отрицательность, есть опредѣляющее само себя; было замѣчено, что уже поскольку оно рѣшается быть единичностью сужденія, оно полагаетъ себя, какъ реальное, сущее; эта еще отвлеченная реальность завершаетъ себя въ объективности.

Если бы могло показаться, что переходъ понятія въ объективность есть нѣчто иное, чѣмъ переходъ понятія Бога въ Его существованіе, то надлежало бы съ одной стороны сообразить, что опредѣленное содержаніе, Богъ, ни въ чемъ не измѣняетъ хода логическаго развитія, и что онтологическое доказательство есть лишь примѣненія этого хода логическаго развитія къ тому частному содержанію. Съ другой стороны, существенно важно припомнить сдѣланное выше замѣчаніе о томъ, что субъектъ лишь въ своемъ предикатѣ пріобрѣтаетъ опредѣленность и содержаніе, а ранѣе того, чѣмъ бы первый ни былъ для чувства, воззрѣнія и представленія, онъ есть для познанія черезъ понятіе лишь одно названіе; въ предикатѣ же вмѣстѣ съ опредѣленностью возникаетъ и реализація вообще. Предикаты же должны быть понимаемы, какъ сами еще заключенные въ понятіи, стало-быть, какъ нѣчто субъективное, съ коимъ еще не совершается выхода къ существованію; поэтому съ одной стороны конечно реализація понятія еще не завершена въ сужденіи. Но, съ другой стороны, и опредѣленіе нѣкотораго предмета только черезъ предикаты, безъ того, чтобы оно было вмѣстѣ съ тѣмъ реализаціею и объективированіемъ понятія, есть нѣчто столь субъективное, что оно также еще не есть истинное познаніе и опредѣленіе понятія предмета; нѣчто субъективное въ смыслѣ отвлеченной рефлексіи и чуждыхъ пониманію представленій. Богъ, какъ живой Богъ и еще болѣе какъ абсолютный духъ, познается лишь въ Его дѣяніи. Человѣку уже рано дано указаніе познать Его въ Его дѣлахъ; изъ нихъ лишь могутъ проистекать тѣ опредѣленія, которыя именуются Его свойствами, равно какъ также лишь въ нихъ содержится Его бытіе. Такимъ образомъ понимающее познаніе Его дѣйствія, т.-е. Его самого, схватываетъ понятіе Бога въ Его бытіи и Его бытіе въ Его понятіи. Бытіе для себя или даже существованіе есть столь бѣдное и ограниченное опредѣленіе, что трудность найти послѣднее въ понятіи можетъ произойти лишь отъ того, что не принимается въ соображеніе, что же такое есть само бытіе или существованіе. Бытіе, какъ вполнѣ отвлеченное, непосредственное отношеніе къ себѣ самому, есть не что иное, какъ отвлеченный моментъ понятія, который есть отвлеченная общность, приводящая къ тому, что и то, что требуется отъ бытія, находится внѣ понятія; ибо хотя она есть моментъ понятія, но она есть также отличеніе, отвлеченное сужденіе о немъ, какъ противопоставленномъ самому себѣ. Понятіе, даже формальное, уже непосредственно содержитъ въ себѣ

бытіе въ истинной и болѣе богатой содержаніемъ формѣ, поскольку понятіе есть относящаяся къ себѣ отрицательность, единичность.

Но конечно непреодолима трудность найти въ понятіи вообще и равнымъ образомъ въ понятіи Бога бытіе, если послѣднее должны быть такимъ, какое должно быть чѣмъ-то присущимъ контексту внѣшняго опыта или формѣ чувственнаго воспріятія. какъ сто талеровъ въ составѣ моего имущества, чѣмъ-то схватываемымъ рукою, а не духомъ, видимымъ по существу внѣшнему, а не внутреннему оку; если именуется бытіемъ, реальностью, истиною то, что свойственно вещамъ, какъ чувственнымъ, временнымъ и преходящимъ. Если философствованіе о бытіи не возвышается надъ чувственностью, то оно осложняется тѣмъ, что и въ понятіи оно не освобождается отъ мысли лишь отвлеченной, которая противоположна бытію.

Уже привычка принимать понятіе за нѣчто столь одностороннее, какъ отвлеченная мысль, можетъ служить препятствіемъ къ признанію того, что предположено ранѣе, именно къ переходу отъ понятія Бога къ Его бытію, какъ приложенію изложеннаго логическаго процесса объективированія. Но если, какъ дѣлается обыкновенно, согласиться съ тѣмъ, что логическое, какъ формальное, составляетъ форму для познанія всякаго опредѣленнаго содержанія, то слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ допустить это отношеніе, если только вообще не остановиться, какъ на чемъ-то окончательномъ, на противоположеніи понятія объективности, на ложномъ понятіи и столь же ложной реальности. Однако, при изложеніи чистаго понятія было еще далѣе указано, что оно есть само абсолютное, Божеское понятіе, такъ что поистинѣ тутъ имѣло бы мѣсто не отношеніе нѣкотораго приложенія, но сказанный логическій процессъ былъ бы непосредственнымъ изображеніемъ самоопредѣленія Бога къ бытію. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что поскольку понятіе должно быть изображено, какъ понятіе Бога, оно должно быть понимаемо, уже какъ принятое въ идею. Это чистое понятіе протекаетъ конечныя формы сужденія и умозаключенія потому, что оно въ себѣ и для себя еще не положено, какъ единое съ объективностью, но понимается еще, какъ становленіе послѣдней. Такимъ образомъ и эта объективность не есть еще осуществленіе Бога, показывающаяся въ идеѣ реальность. Но все же объективность настолько же содержательнѣе и выше бытія или существованія въ онтологическомъ доказательствѣ, насколько чистое понятіе содержательнѣе и выше, чѣмъ та метафизическая пустота совокупности всѣхъ реальностей. Однако я оставляю до другого раза ближайшее разсмотрѣніе того многообразнаго недоразумѣнія, которое внесено логическимъ формализмомъ въ онтологическое, равно какъ и въ другія такъ называемыя доказательства существованія Бога, также какъ и кантовой критики ихъ, равно какъ возстановленіе цѣнности и важности ея основныхъ мыслей черезъ обнаруженіе ея истиннаго значенія.

Какъ было упомянуто, уже имѣли мѣсто многія формы непосредственности, но въ различныхъ опредѣленіяхъ. Въ сферѣ бытія она есть самое бытіе и существованіе; въ сферѣ сущности — осуществленіе и затѣмъ дѣйствительность и субстанціальность, въ сферѣ же понятія, кромѣ непосредственности,

какъ отвлеченной общности, она оказывается теперь объективностью. Эти выраженія могли бы, если бы не имѣлась въ виду точность философскаго различенія понятій, быть употребляемы, какъ синонимы; сказанныя опредѣленія вытекаютъ изъ необходимости понятія. Бытіе есть вообще первая непосредственность, а существованіе—она же съ первою опредѣленностью. Осуществленіе и вещь есть непосредственность, возникающая изъ основанія, изъ снимающаго себя опосредованія простой рефлексіи сущности. Дѣйствительность же и субстанціальность есть непосредственность, происходящая изъ снятаго различенія еще несущественнаго осуществленія, какъ явленія, и его существенности. Наконецъ, объективность есть непосредственность, къ коей понятіе опредѣляетъ себя черезъ снятіе своей отвлеченности и опосредованія. Философія имѣетъ право выбирать изъ языка повседневной жизни, созданнаго для міра представленій, такія выраженія, которыя кажутся близко подходящими къ опредѣленіямъ понятія. Нѣтъ надобности стремиться къ доказательству того, что съ выбраннымъ изъ языка повседневной жизни словомъ въ этой же жизни связано то же понятіе, для коего его употребляетъ философія, ибо повседневная жизнь имѣетъ не понятія, а представленія, и сама философія должна познать понятіе того, что внѣ ея есть только представленіе. Поэтому должно довольствоваться тѣмъ, если для представленія при тѣхъ его выраженіяхъ, которыя употребляются для философскихъ опредѣленій, предносится нѣчто приблизительно означающее различенія послѣднихъ, ибо при такихъ выраженіяхъ можетъ имѣть мѣсто то, что въ ихъ оттѣнкахъ узнаются представленія, болѣе близко относящіяся къ соотвѣтствующимъ имъ понятіямъ. Быть можетъ многимъ труднѣе допустить, что нѣчто можетъ быть безъ того, чтобы осуществляться; но по меньшей мѣрѣ не станутъ, напр., смѣшивать бытіе, какъ связку сужденія, съ выраженіемъ осуществляться и говорить: этотъ товаръ осуществляется, какъ дорогой, пригодный и т. д., деньги осуществляются, какъ металлъ [1]); а бытіе и явленіе, явленіе и дѣйствительность, равно какъ простое бытіе въ противоположность дѣйствительности, также конечно различаются, а еще болѣе всѣ эти выраженія отличаются отъ объективности. Но если слѣдуетъ также употреблять синонимы, то философія и помимо того должна имѣть право пользоваться такимъ пустымъ избыткомъ языка для своихъ различеній.

По поводу аподиктическаго сужденія, въ которомъ, какъ въ завершеніи развитія сужденія, субъектъ утрачиваетъ свою противоположную предикату опредѣленность, было упомянуто о вытекающемъ изъ того двоякомъ значеніи субъективности, именно какъ понятія, а также какъ противоположныхъ ему внѣшности и случайности. Такимъ же образомъ и для объективности является двоякое значеніе—противостатъ самостоятельному понятію, но быть

[1]) Въ одномъ французскомъ отчетѣ, въ которомъ начальникъ сообщаетъ, что онъ ожидалъ обычно около утра поднимающагося у острова вѣтра для того, чтобы пристать къ берегу, является выраженіе: le vent ayant été longtemps sans exister; здѣсь это различіе возникло по примѣру прочихъ оборотовъ рѣчи, напр. il a été longtemps sans m'écrire.

также сущею въ себѣ и для себя. Такъ какъ объектъ въ этомъ смыслѣ слова противостоитъ высказываемому въ субъективномъ идеализмѣ, какъ абсолютная истина, я = я, то объектъ есть многообразный міръ въ его непосредственномъ существованіи, съ коимъ я или понятіе полагаетъ себя лишь въ безконечной борьбѣ, дабы черезъ отрицаніе этого ничтожнаго въ себѣ другого первой очевидности себя самого достигнуть дѣйствительной истины своего равенства съ собою. Такимъ образомъ въ болѣе неопредѣленномъ смыслѣ слова объектъ означаетъ вообще предметъ для какого-либо интереса и дѣятельности субъекта.

Но въ противоположномъ смыслѣ слова объективное означаетъ такое сущее въ себѣ и для себя, которое свободно отъ ограниченія и противоположности. Разумныя основоначала, совершенныя произведенія искусства и т. д. называются объективными постольку, поскольку они свободны и выше всякой случайности. Хотя разумныя теоретическія или нравственныя основоначала принадлежатъ лишь субъективному сознанію, тѣмъ не менѣе то, что въ нихъ есть въ себѣ и для себя, именуется объективнымъ; познаніе истины полагается въ познаніи объекта свободнымъ отъ примѣси субъективной рефлексіи, а праведное дѣйствіе въ слѣдованіи объективнымъ законамъ, которые способны вліять безъ субъективнаго происхожденія и безъ воздѣйствія, связаннаго съ произволомъ и его необходимостью.

Съ теперешней точки зрѣнія нашего изложенія объективность имѣетъ ближайшимъ образомъ значеніе въ себѣ и для себя сущаго бытія понятія, понятія, которое въ своемъ самоопредѣленіи сняло положенное опосредованіе въ непосредственномъ отношеніи къ самому себѣ. Тѣмъ самымъ эта непосредственность сама непосредственна и совершенно проникнута понятіемъ, равно какъ ея полнота непосредственно тожественна его бытію. Но такъ какъ далѣе понятіе также должно возстановить свободное бытіе въ себѣ своей субъективности, то нѣкоторое отношеніе послѣдней привходитъ къ объективности, какъ цѣль, при чемъ непосредственность объективности становится относительно послѣдней отрицательною и опредѣляемою черезъ ея дѣятельность и тѣмъ самымъ получаетъ иное значенія—бытія, само по себѣ ничтожное, поскольку оно противостоитъ понятію.

Теперь, во-первыхъ, объективность есть въ ея непосредственности, моменты коей ради полноты всѣхъ моментовъ находятся въ самостоятельномъ безразличіи, какъ объекты одинъ внѣ другого и въ ея отношеніи обладаютъ субъективнымъ единствомъ понятія, лишь какъ внутреннимъ или какъ внѣшнимъ: механизмъ. Но такъ какъ въ немъ

во-вторыхъ, это единство оказывается имманентнымъ закономъ самихъ объектовъ, то его отношеніе становится его своеобразнымъ основаннымъ черезъ его законъ различіемъ и отношеніемъ, въ коемъ снимаетъ себя его опредѣленная самостоятельность; химизмъ.

Въ-третьихъ, это существенное единство объектовъ положено именно, какъ отличенное отъ ихъ самостоятельности; оно есть субъективное понятіе, но положенное, какъ относящееся въ самомъ себѣ и для себя къ объективности, какъ цѣль; телеологія.

Такъ какъ цѣль есть понятіе, положенное, какъ относящееся въ немъ самомъ къ объективности и снимающее черезъ себя свой недостатокъ субъективности, то ближайшимъ образомъ внѣшняя цѣлесообразность черезъ реализацію цѣли становится внутреннею или идеею.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Механизмъ.

Такъ какъ объективность есть возвратившаяся въ свое единство полнота понятія, то тѣмъ самымъ положено нѣчто непосредственное, которое есть въ себѣ и для себя такая полнота, а также положено, какъ такая, но въ которомъ отрицательное единство понятія еще не отдѣлилось отъ непосредственности этой полноты; или иначе въ которомъ объективность еще не положена, какъ сужденіе. Поскольку она имѣетъ имманентно внутри себя понятіе, то ей присуще и различеніе послѣдняго; но ради объективной полноты различенное составляетъ полные и самостоятельные объекты, которые поэтому въ ихъ взаимоотношеніи относятся, какъ самостоятельные и остаются во всякомъ соединены внѣшними одинъ относительно другого. Характеръ механизма составляетъ то, что какое бы отношеніе ни имѣло мѣста между тѣмъ, что соединено, это отношеніе ему внѣшне, не соотвѣтствуетъ его природѣ, и если оно даже связано съ видимостью нѣкотораго единства, оно остается лишь сочетаніемъ, смѣсью, кучею и т. д. Какъ матеріальный механизмъ, такъ и духовный состоитъ въ томъ, что соотносящееся въ духѣ остается и взаимно и относительно него самого внѣшнимъ. Механическій образъ представленія, механическая память, привычка, механическій образъ дѣйствія означаютъ, что тому, кто что-либо воспринимаетъ или дѣлаетъ, недостаетъ своеобразнаго духовнаго проникновенія и участія. Правда, хотя его теоретическій или практическій механизмъ не можетъ имѣть мѣста безъ его самодѣятельности, безъ нѣкотораго стремленія и сознанія, но имъ однако не хватаетъ свободы индивидуальности, и такъ какъ она тутъ не обнаруживается, то такое дѣйствіе является лишь внѣшнимъ.

A.

Механическій объектъ.

Объектъ, какъ выяснилось, есть умозаключеніе, опосредованіе котораго разрѣшено и потому стало непосредственнымъ тожествомъ. Онъ есть въ себѣ и для себя общее; общее не въ смыслѣ нѣкоторой совмѣстности качествъ, но такое, которое проникаетъ собою частность и есть въ послѣдней непосредственная единичность.

1. Поэтому, прежде всего въ объектѣ не различены матерія и форма, такъ чтобы первая была самостоятельнымъ общимъ объекта, а вторая — его частностью и единичностью; такого отвлеченнаго различенія единичности и общности въ немъ по его понятію не существуетъ; если онъ разсматривается, какъ матерія, то онъ долженъ считаться матеріею, оформленною въ себѣ и для себя. Равнымъ образомъ онъ можетъ быть опредѣленъ, какъ вещь съ ея свойствами, какъ цѣлое, состоящее изъ частей, какъ субстанція съ акциденціями, и по прочимъ отношеніямъ, вообще отношеніямъ рефлексіи; но эти отношенія уже слились въ понятіе; поэтому объектъ не имѣетъ ни свойствъ, ни акциденцій, ибо онѣ отдѣлимы отъ вещи или субстанціи, въ объектѣ же частность совершенно рефлектирована въ полноту. Частямъ нѣкотораго цѣлаго, правда, присуща та самостоятельность, которая свойственна различеніямъ объекта, но эти различенія сами по существу суть объекты, полноты, не имѣющіе относительно цѣлаго такой опредѣленности, какъ части.

Поэтому объектъ ближайшимъ образомъ есть неопредѣленное, поскольку въ немъ нѣтъ никакой опредѣленной противоположности; ибо онъ есть возвратившееся въ непосредственное тожество опосредованіе. Поскольку понятіе есть по существу опредѣленное, объектъ имѣетъ въ немъ хотя полную, но все же неопредѣленную, т.-е. безотносительную множественность, образующую собою ближайшимъ образомъ столь же неопредѣлимую далѣе полноту; стороны, части, могущія быть въ немъ различенными, принадлежатъ нѣкоторой внѣшней рефлексіи. Поэтому то совершенно неопредѣленное различеніе состоитъ лишь въ томъ, что даны многіе объекты, изъ коихъ каждый содержитъ въ себѣ свою опредѣленность, лишь какъ рефлектированную въ своей общности, а не показывающуюся во внѣ. Такъ какъ для объекта существенна эта неопредѣленная опредѣленность, то онъ внутри себя самого есть такая множественность и долженъ считаться сложнымъ, аггрегатомъ. Но онъ не состоитъ изъ атомовъ, ибо послѣдніе, не будучи полнотами, не суть объекты. Лейбницева монада скорѣе заслуживаетъ названіе объекта, такъ какъ ей присуща полнота представленія міра, но замкнутая въ своей интенсивной субъективности она должна быть по существу по меньшей мѣрѣ единымъ внутри себя. Однако, монада, опредѣленная, какъ исключающее единое, есть лишь почерпнутый изъ рефлексіи принципъ. Но она есть объектъ отчасти постольку, поскольку основаніе ея многообразныхъ представленій, развитыхъ, т.-е. положенныхъ опредѣленій ея лишь въ себѣ сущей полноты лежитъ внѣ ея, отчасти постольку, поскольку для монады также безразлично образовать вмѣстѣ съ другими монадами нѣкоторый объектъ; тѣмъ самымъ она въ дѣйствительности не есть нѣчто исключающее, опредѣленное для самого себя.

2. А такъ какъ объектъ есть полнота опредѣленности, но въ силу своей неопредѣленности и непосредственности не есть ея отрицательное единство, то объекты безразличны къ опредѣленіямъ, какъ единичные, опредѣленные въ себѣ и для себя, равно какъ одинъ къ другому. Изъ одного объекта поэтому не могутъ быть поняты другіе, равно какъ одинъ изъ дру-

гого; его полнота есть форма общаго рефлективнаго бытія его многообразія въ неопредѣленной въ самой себѣ единичности вообще. Правда, ему присущи опредѣленности, которыя онъ имѣетъ въ немъ; но форма, образующая различеніе объектовъ и соединяющая ихъ въ нѣкоторое единство, есть внѣшняя, безразличная; она есть нѣкоторое опосредованіе, или далѣе нѣкоторый порядокъ, извѣстное распредѣленіе (Arrangement) частей и сторонъ; это сочетанія, безразличныя для того, что соотносится.

Тѣмъ самымъ объектъ, какъ нѣкоторое существованіе вообще, имѣетъ опредѣленность своей полноты внѣ его, въ другихъ объектахъ, эти послѣдніе опять-таки внѣ ихъ и т. д. до безконечности. Возвратъ въ себя этого движенія въ безконечность правда, также долженъ быть признанъ и представленъ, какъ нѣкоторая цѣлостность, какъ міръ, который однако есть не что иное, какъ замкнутая въ себя посредствомъ неопредѣленной единичности общность, нѣкоторая вселенная.

Поскольку такимъ образомъ объектъ въ своей опредѣленности равнымъ образомъ безразличенъ относительно нея, онъ черезъ самого себя указываетъ на свое опредѣленное бытіе внѣ себя, дабы быть опредѣляющимъ для объектовъ, относительно коихъ онъ однако точно также безразличенъ. Поэтому, здѣсь нигдѣ не имѣетъ мѣста принципъ самоопредѣленія; детерминизмъ—точка зрѣнія, на которой стоитъ познаніе, поскольку для него истинное есть объектъ, какимъ онъ тутъ ближайшимъ образомъ оказался,—даетъ для каждаго его опредѣленія опредѣленіе нѣкотораго другого объекта, но это другое также безразлично какъ относительно своей опредѣленности, такъ и относительно своей активности. Поэтому самъ детерминизмъ также столь же неопредѣленъ въ своемъ движеніи въ безконечность; онъ можетъ быть по произволу остановленъ на любомъ пунктѣ и удовлетвориться этимъ, такъ какъ объектъ, къ коему онъ перешелъ, замкнутъ въ себѣ, какъ формальная цѣлостность, и безразличенъ относительно своей опредѣлимости чѣмъ-либо другимъ. Вслѣдствіе того объясненіе опредѣленія нѣкотораго объекта и совершаемое для этой цѣли движеніе впередъ этого представленія есть лишь пустое слово, такъ какъ въ другомъ объектѣ, къ коему оно переходитъ, нѣтъ никакого самоопредѣленія.

3. Поскольку же опредѣленность нѣкотораго объекта заключается въ нѣкоторомъ другомъ, то между ними не существуетъ никакого опредѣленнаго различія; опредѣленность есть лишь двойная, сначала въ одномъ, затѣмъ въ другомъ объектѣ, нѣчто просто лишь тожественное, и объясненіе или пониманіе тѣмъ самымъ тавтологическое. Эта тавтологія есть внѣшнее, пустое движеніе туда и сюда; такъ какъ опредѣленность не получаетъ отъ взаимно безразличныхъ объектомъ никакого своеобразнаго различенія и потому лишь тожественна, то существуетъ лишь одна опредѣленность; и въ томъ, что она двойная, именно и выражается эта внѣшность или ничтожество различенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ объекты самостоятельно противостоятъ одинъ другому, поэтому они остаются въ этомъ тожествѣ просто внѣшними. Тѣмъ самымъ дано противорѣчіе между полнымъ взаимнымъ безразличіемъ объектовъ и между

тожествомъ ихъ опредѣленности или ихъ полною внѣшностью въ тожествѣ ихъ опредѣленности. Это противорѣчіе есть такимъ образомъ отрицательное единство многихъ просто отталкивающихся въ немъ объектовъ,— механическій процессъ.

B.

Механическій процессъ.

Если объекты разсматриваются, лишь какъ замкнутыя въ себя цѣлыя, то они не могутъ воздѣйствовать одинъ на другой. Въ этомъ опредѣленіи они то же, что монады, которыя именно потому мыслятся, какъ лишенныя какого-либо взаимодѣйствія. Но именно вслѣдствіе того понятіе монады есть ошибочная рефлексія. Ибо, во-первыхъ, она есть опредѣленное представленіе ея лишь въ себѣ сущей цѣлостности; какъ извѣстная степень развитія и какъ положеніе своего міровоззрѣнія, она есть нѣчто опредѣленное; но такъ какъ она есть замкнутая въ себя цѣлостность, то она равнымъ образомъ безразлична къ этой опредѣленности; эта опредѣленность есть поэтому не ея собственная, а положенная черезъ другой объектъ. Во-вторыхъ, она есть вообще непосредственное, поскольку она должна быть чѣмъ-то лишь представляющимъ; ея отношеніе къ себѣ есть поэтому отвлеченная общность; тѣмъ самымъ она есть нѣкоторое открытое для другихъ существованіе. Для достиженія свободы субстанціи недостаточно представлять ее, какъ цѣлостность, какъ полную внутри себя, ничего не получающую извнѣ. Напротивъ, именно чуждое понятію, только представляющее отношеніе къ себѣ самой, есть пассивность относительно другого. Равнымъ образомъ и опредѣленность, понимается ли она, какъ опредѣленность нѣкотораго сущаго или представляющаго, какъ степень собственнаго изнутри возникающаго развитія, есть нѣчто внѣшнее; степень, достигаемая развитіемъ, имѣетъ свою границу въ нѣкоторомъ другомъ. Далѣе перенесеніе взаимодѣйствія субстанцій въ нѣкоторую предуставленную гармонію сводится лишь къ тому, чтобы превращать его въ нѣкоторое предположеніе, т.-е. въ нѣчто лишенное понятія. Потребность уклониться отъ признанія воздѣйствія на субстанціи основывалась на моментѣ абсолютной самостоятельности или первоначальности, положенной въ основаніе. Но такъ какъ этому бытію въ себѣ не соотвѣтствуетъ положеніе, степень развитія, то именно потому оно имѣетъ свое основаніе въ нѣкоторомъ другомъ.

Объ отношеніи субстанціальности было въ свое время сказано, что оно переходитъ въ отношеніе причинности. Но сущее имѣетъ здѣсь опредѣленіе уже не нѣкоторой субстанціи, а нѣкотораго объекта; отношеніе причинности перешло въ понятіе; первоначальность одной субстанціи относительно другой обнаружилась, какъ нѣкоторая видимость, ея дѣйствіе, — какъ переходъ въ противоположное ей. Вслѣдствіе того это отношеніе не имѣетъ никакой объективности. Поэтому поскольку нѣкоторый объектъ положенъ въ формѣ субъективнаго единства, какъ дѣйствующая причина, то это должно считаться

уже не первоначальнымъ опредѣленіемъ, а чѣмъ-то опосредованнымъ, дѣйствующій объектъ имѣетъ это свое опредѣленіе лишь черезъ посредство нѣкотораго другого объекта. Механизмъ, такъ какъ онъ принадлежитъ къ сферѣ понятія, положилъ въ немъ то, что оказалось истиною причиннаго отношенія, именно что причина, долженствующая быть сущею въ себѣ и для себя, есть по существу также дѣйствіе, положеніе. Поэтому въ механизмѣ причинность объекта есть непосредственно непервоначальность; онъ безразличенъ относительно этого своего опредѣленія; что онъ есть причина, есть поэтому для него нѣчто случайное. Въ силу того можно бы было также сказать, что причинность субстанціи есть лишь нѣчто представляемое. Но именно эта представляемая причинность и есть механизмъ, такъ какъ онъ состоитъ въ томъ, что причинность, какъ тожественная опредѣленность различныхъ субстанцій и тѣмъ самымъ какъ переходъ ихъ самостоятельности въ это тожество, есть простое положеніе; объекты безразличны относительно этого единства и сохраняются вопреки ему. Но и эта ихъ безразличная самостоятельность есть также простое положеніе; поэтому они способны смѣшиваться и образовать агрегаты и, какъ агрегаты, становиться однимъ объектомъ. Черезъ это безразличіе какъ къ ихъ переходу, такъ и къ ихъ самостоятельности, субстанціи именно и суть объекты.

a. Формальный механическій процессъ.

Механическій процессъ есть положеніе того, что содержится въ понятіи механизма, стало-быть, ближайшимъ образомъ противорѣчія.

1. Дѣйствіе объектовъ на основаніи вышеуказаннаго понятія оказывается такимъ, что оно есть положеніе тожественнаго отношенія объектовъ. Это отношеніе состоитъ лишь въ томъ, что той опредѣленности, которая опредѣлена, дается форма общности; это образуетъ собою сообщеніе (Mittheilung) безъ перехода въ противоположное. Духовное сообщеніе, совершающееся независимо отъ того въ элементѣ, который есть общее въ формѣ общности, есть для себя самого нѣкоторое идеализованное отношеніе, въ коемъ нѣкоторая опредѣленноость продолжается непрерывно отъ одного лица въ другія, и становится общею безъ всякаго измѣненія подобно тому, какъ благоуханіе свободно распространяется въ неоказывающей сопротивленія атмосферѣ. Но и при сообщеніи между матеріальными объектами ихъ опредѣленность также распространяется, такъ сказать, столь же идеализованнымъ способомъ; личность обладаетъ безконечно болѣе интенсивною твердостью, чѣмъ объекты. Формальная цѣлостность объекта, которая вообще безразлична къ опредѣленности и потому не есть самоопредѣленіе, дѣлаетъ его неотличимымъ отъ другого и потому его воздѣйствіе ближайшимъ образомъ—безпрепятственнымъ непрерывнымъ продолженіемъ опредѣленности одного въ другомъ.

Въ духовной же области способно къ сообщенію безконечно разнообразное содержаніе, которое, принятое въ интеллектъ, получаетъ ту форму общности, въ коей оно становится сообщаемымъ. Но общее не только по формѣ, а также

въ себѣ и для себя, есть объективное, какъ таковое, какъ въ духовной, такъ и въ тѣлесной области, въ противоположность коему единичность какъ внѣшнихъ объектовъ, такъ и лицъ, есть несущественное, не могущее оказать ему никакого сопротивленія. Законы, нравы, разумныя представленія вообще суть въ духовной области такое сообщаемое, которое проникаетъ недѣлимыхъ сознательнымъ путемъ и оказываетъ на нихъ воздѣйствіе. Въ тѣлесной же области таковы движеніе, теплота, магнетизмъ, электричество и т. под., которые, если ихъ даже желаютъ представлять себѣ, какъ вещества или матеріи, должны быть опредѣляемы, какъ невѣсомые дѣятели, — дѣятели, не обладающіе тѣмъ свойствомъ матеріальности, которое обосновываетъ ея порозненность.

2. Но если во взаимодѣйствіи объектовъ прежде всего положена ихъ тожественная общность, то равно необходимо положить и другой моментъ понятія, частность; поэтому объекты доказываютъ также свою самостоятельность, сохраняютъ себя, какъ взаимно внѣшніе, и возстановляютъ въ этой общности единичность. Это возстановленіе есть противодѣйствіе (реакція) вообще. Во-первыхъ, ея не слѣдуетъ понимать, какъ простое снятіе дѣйствія и сообщенной опредѣленности; сообщенное, какъ общее, есть положительное въ частныхъ объектахъ и становится частнымъ лишь въ ихъ различіи. Такимъ образомъ, сообщенное остается тѣмъ, что оно есть; только оно распредѣляется между объектами или опредѣляется ихъ частностями. Причина переходитъ въ свое другое, въ дѣйствіе, дѣятельность причиняющей субстанціи теряется въ своемъ дѣйствіи; но дѣйствующій объектъ становится лишь нѣкоторымъ общимъ; его дѣйствіе есть ближайшимъ образомъ не потеря его опредѣленности, а нѣкоторая партикуляризація, черезъ которую оно, бывшее первоначально цѣлою, единичною въ немъ опредѣленностью, положено теперь нѣкоторымъ ея видомъ, и лишь тѣмъ самымъ опредѣленность положена нѣкоторымъ общимъ. То и другое, повышеніе единичной опредѣленности въ общность путемъ сообщенія и партикуляризація или пониженіе ея, бывшей до того лишь единою, въ нѣкоторый видъ, въ распредѣленіе, есть одно и то же.

Противодѣйствіе же равно дѣйствію. Это является прежде всего такъ, что другой объектъ принялъ внутрь себя все общее и есть теперь дѣятельное относительно перваго. Такимъ образомъ, его противодѣйствіе есть то же, что дѣйствіе, — взаимное отталкиваніе толчка. Во-вторыхъ, сообщенное есть объективное; оно остается такимъ образомъ субстанціальнымъ опредѣленіемъ объектовъ при предположеніи ихъ различія; общее тѣмъ самымъ вмѣстѣ съ тѣмъ специфируется въ нихъ, и каждый объектъ нетолько отдаетъ поэтому обратно все дѣйствіе, а имѣетъ и свое специфическое участіе. Но, въ-третьихъ, противодѣйствіе есть постольку совершенно отрицательное дѣйствіе, поскольку каждый объектъ черезъ эластичность своей самостоятельности отталкиваетъ положеніе въ немъ другого и сохраняетъ свое отношеніе къ себѣ. Та специфическая частность сообщенной опредѣленности въ объектахъ, которая ранѣе была названа видомъ, переходитъ обратно въ

единичность, и объектъ сохраняетъ свою внѣшность противъ сообщенной ему общности. Дѣйствіе переходитъ черезъ то въ покой. Оно обнаруживается, какъ нѣкоторое лишь поверхностное, преходящее измѣненіе въ замкнутой въ себя безразличной цѣлостности объекта.

3. Этотъ возвратъ образуетъ собою продуктъ механическаго процесса. Непосредственно объектъ предположенъ, какъ единичный, далѣе какъ частный относительно другихъ, а въ-третьихъ, какъ безразличный къ своей частности, какъ общій. Продуктъ есть эта предположенная цѣлостность понятія, теперь уже какъ положенная. Онъ есть заключеніе, въ коемъ сообщенное общее связывается съ единичностью черезъ посредство частности объекта; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ покоѣ положено опосредованіе, какъ снявшее себя, или какъ состоящее въ томъ, что продуктъ безразличенъ къ этой своей опредѣлимости, и полученная въ немъ опредѣленность есть внѣшняя.

Такимъ образомъ продуктъ есть то же, что входящій въ процессъ объектъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опредѣленъ лишь черезъ это движеніе; механическій объектъ есть вообще объектъ, лишь какъ продуктъ, ибо то, что онъ есть, есть въ немъ лишь черезъ опосредованіе нѣкоторымъ другимъ. Итакъ, какъ продуктъ, онъ есть то, чѣмъ долженъ былъ быть въ себѣ и для себя, нѣчто связанное, смѣшанное, извѣстный порядокъ и аррангжировка частей, вообще нѣчто такое, опредѣленность котораго есть не самоопредѣленіе, а нѣчто положенное.

Съ другой стороны результатъ механическаго процесса равнымъ образомъ не данъ уже передъ нимъ самимъ; его конца нѣтъ въ его началѣ, какъ то имѣетъ мѣсто при цѣли. Продуктъ есть нѣкоторая опредѣленность въ объектѣ, какъ положенная внѣшнимъ образомъ. Поэтому по понятію этотъ продуктъ, правда, есть то же, что есть объектъ уже сначала. Но въ началѣ есть лишь внѣшняя, еще не положенная опредѣленность. Тѣмъ самымъ результатъ есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ первое существованіе объекта, есть нѣчто для него совсѣмъ случайное.

b. Реальный механическій процессъ.

Механическій процессъ переходитъ въ покой. А именно опредѣленность, получаемая отъ него объектомъ, есть лишь внѣшняя. Столь же внѣшенъ для него и самый этотъ покой, такъ какъ эта опредѣленность, хотя и противоположна дѣйствію объекта, но обѣ эти опредѣленности для объекта безразличны; на покой можно поэтому смотрѣть также, какъ на произведенный нѣкоторою внѣшнею причиною, поскольку для объекта безразлично быть дѣйствующимъ.

А такъ какъ далѣе опредѣленность есть положенная, и понятіе объекта возвратилось къ себѣ самому черезъ опосредованіе, то объектъ имѣетъ опредѣленность, какъ рефлектированную въ немъ въ себя. Поэтому теперь объекты въ механическомъ процессѣ и онъ самъ имѣютъ ближе опредѣленное отношеніе. Они не только просто различны, но опредѣленно различены одинъ отъ другого. Результатъ формальнаго процесса, который есть съ одной сто-

роны лишенный опредѣленія покой, есть тѣмъ самымъ съ другой стороны рефлектированная въ себя опредѣленность, распредѣленіе противоположности, которую вообще объектъ имѣетъ въ немъ, между многими механически соотносящимися объектами.

Объектъ, съ одной стороны, лишенный опредѣленія, относящійся, какъ не—эластическій и несамостоятельный, съ другой стороны обладаетъ непроницаемою для другихъ самостоятельностью. Объекты имѣютъ также и одинъ противъ другого эту болѣе опредѣленную противоположность самостоятельной единичности и несамостоятельной общности. Ближайшее различіе можетъ быть понято, какъ просто количественное различныхъ величинъ массы тѣлъ, или напряженности, или разнообразнымъ другимъ образомъ. Но вообще оно не удерживается прочно только въ этой отвлеченности; какъ объекты, они суть также положительное самостоятельное.

Первый моментъ этого реальнаго процесса есть, какъ и ранѣе того, сообщеніе. Слабѣйшее можетъ быть охвачено и проникнуто сильнѣйшимъ, лишь поскольку первое воспринимаетъ въ себя то же самое и образуетъ съ нимъ одну сферу. Какъ въ матеріальной области слабое обезпечено противъ несоразмѣрно сильнаго (какъ, напр., свободно висящая въ воздухѣ простыня не пробивается ружейною пулею, или слабая органическая воспріимчивость не возбуждается въ той же мѣрѣ сильными, какъ и слабыми возбудительными средствами), также и вполнѣ слабый духъ болѣе обезпеченъ противъ сильнаго, чѣмъ такой, который ближе къ послѣднему; если представить себѣ нѣчто совсѣмъ глупое, неблагородное, то высшій разсудокъ или благородство не могутъ произвести на него никакого впечатлѣнія; единственно дѣйствительное средство противъ разума состоитъ въ томъ, чтобы совсѣмъ не связываться съ нимъ. Поскольку несамостоятельное не можетъ идти вмѣстѣ съ самостоятельнымъ, и между ними не можетъ быть никакого сообщенія, послѣднее не можетъ оказывать первому и никакого сопротивленія, т.-е. специфировать для себя сообщенное общее. Если бы они не находились въ одной сферѣ, то отношеніе между ними было бы безконечнымъ сужденіемъ, и никакой процессъ между ними не былъ бы возможенъ.

Сопротивленіе есть ближайшій моментъ преодолѣнія одного объекта другимъ, при чемъ оно есть начальный моментъ распредѣленія сообщеннаго общаго и положенія относящейся къ себѣ отрицательности, возстановляющей единичности. Сопротивленіе преодолѣвается, поскольку его опредѣленность несоразмѣрна сообщаемому общему, воспринимаемому объектомъ и долженствующему сингуляризоваться въ послѣднемъ. Его относительная несамостоятельность проявляется въ томъ, что его единичность не обладаетъ вмѣстимостью для сообщаемаго и потому разрывается послѣднимъ, такъ какъ оно не можетъ продолжаться въ этомъ общемъ, какъ субъектъ, сдѣлать оное своимъ предикатомъ. Насиліе надъ объектомъ лишь съ этой другой стороны есть нѣчто чуждое ему. Сила становится насиліемъ такимъ путемъ, что она, какъ нѣкоторая объективная общность, тожественна природѣ объекта, а ея опредѣленность или отрицательность не есть та его собственная отрицательная

рефлексія въ себя, по которой онъ есть нѣчто единичное. Поскольку отрицательность объекта не рефлектируетъ себя въ себя въ силѣ, и сила не есть его собственное отношеніе къ себѣ, она есть относительно него лишь отвлеченная отрицательность, проявленіе коей есть уничтоженіе.

Сила, какъ объективная общность и насиліе противъ объекта есть то, что именуется судьбою;—понятіе, которое относится къ сферѣ механизма, поскольку судьба именуется слѣпою, т.-е. поскольку ея объективная общность не познается субъектомъ въ ея специфическомъ своеобразіи. Чтобы сообщить кое что по этому предмету, должно сказать, что судьба живущаго вообще есть родъ, который проявляется черезъ прехожденіе живущихъ недѣлимыхъ, свойственно имъ въ ихъ дѣйствительной единичности, какъ отличной отъ рода. Просто какъ объекты, живыя существа, какъ и прочія вещи, находящіяся на низшихъ ступеняхъ, не имѣютъ судьбы; то, что имъ противодѣйствуетъ, есть случайность; но они въ ихъ понятіи, какъ объекты, внѣшни; поэтому чуждая имъ сила судьбы есть вполнѣ лишь ихъ собственная непосредственная природа, внѣшность и случайность, какъ таковая. Собственно судьбу имѣетъ лишь самосознаніе, такъ какъ оно свободно и потому въ единичности своего я есть просто въ себѣ и для себя и можетъ противостать своей объективной общности и стать чуждымъ ей. Но чрезъ самое это отдѣленіе оно вызываетъ противъ себя механическое отношеніе нѣкоторой судьбы. Поэтому для того, чтобы послѣдняя могла оказать надъ нимъ насиліе, должна имѣть мѣсто нѣкоторая опредѣленность противъ существенной общности, совершиться нѣкоторое дѣйствіе. Тѣмъ самымъ самосознаніе сдѣлало себя чѣмъ-то частнымъ, и это его существованіе, какъ отвлеченная общность, представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ открытую сторону для сообщенія ему своего отчужденнаго отъ него существа; по этой сторонѣ оно увлекается въ процессъ. Бездѣятельный народъ свободенъ отъ порицанія; онъ погруженъ въ объективную, нравственную общность и разрѣшенъ въ ней безъ того, чтобы индивидуальность, движущая неподвижнымъ, сообщила себѣ нѣкоторую опредѣленность во внѣ и нѣкоторую отдѣленную отъ объективной отвлеченности общность, въ силу чего однако и субъектъ становится чѣмъ-то отчужденнымъ отъ своего существа, нѣкоторымъ объектомъ, и вступаетъ въ отношеніе внѣшности противъ своей природы и въ отношеніе механизма.

c. Продуктъ механическаго процесса.

Продуктъ формальнаго механизма суть объектъ вообще, безразличная цѣлостность, въ которой опредѣленность положена. Такъ какъ тѣмъ самымъ объектъ вступилъ въ процессъ, какъ опредѣленное, то съ одной стороны съ прекращеніемъ послѣдняго результатъ есть покой, какъ первоначальный формализмъ объекта, отрицательность его опредѣленности для себя. Но съ другой стороны оказывается снятія опредѣленности, какъ ея положительная рефлексія въ себя, возвратившаяся въ себя опредѣленность или положенная цѣлостность понятія и истинная единичность объекта. Объектъ, сна-

чала въ своей неопредѣленной общности, далѣе какъ частное, опредѣленъ теперь, какъ объективно единичное, такъ что въ немъ снята та видимость единичности, которая есть лишь нѣкоторая противополагающая себя субстанціальной общности самостоятельность.

Эта рефлексія въ себя есть теперь, какъ оказалось, объективное бытіе объекта, какъ одного, которое есть индивидуальная самостоятельность,—центръ. Во-вторыхъ, рефлексія отрицательности есть общность, которая не есть нѣчто противостоящее опредѣленности, а опредѣленная внутри себя разумная судьба,—общность, которая порозниваетъ себя въ ней самой, спокойное въ несамостоятельномъ порозниваніи объекта и устойчивое въ его процессѣ различеніе, законъ. Этотъ результатъ есть истина и тѣмъ самымъ также основа механическаго процесса.

C.

Абсолютный механизмъ.

a. Центръ.

Пустое многообразіе объекта теперь, во-первыхъ, собрано въ объективную единичность, въ простое самоопредѣляющее средоточіе. Поскольку, во-вторыхъ объектъ, какъ непосредственная цѣлостность, удерживаетъ свое безразличіе противъ опредѣленности, то послѣдняя дана въ немъ, какъ несущественная или какъ взаимная внѣшность многихъ объектовъ. Первая, существенная опредѣленность образуетъ собою, напротивъ, реальную средину между многими механически взаимодѣйствующими объектами, чрезъ которую они замкнуты вмѣстѣ въ себѣ и для себя; она есть ихъ объективная общность. Общность оказалась сначала въ отношеніи сообщенія, какъ данная лишь черезъ положеніе; но какъ объетивная, она есть проникающая, имманентная сущность объектовъ.

Въ матеріальномъ мірѣ таково центральное тѣло, которое есть и родъ, и индивидуальная общность единичныхъ объектовъ и ихъ механическаго процесса. Несущественныя единичныя тѣла относятся между собою, какъ сталкивающіяся и давящія; такого отношенія нѣтъ между центральнымъ тѣломъ и объектами, сущность которыхъ оно составляетъ; ибо ихъ внѣшность уже не образуетъ ихъ основного опредѣленія. Ихъ тожество съ нимъ есть, слѣдовательно, скорѣе покой, именно бытіе въ ихъ центрѣ; это единство есть ихъ въ себѣ и для себя сущее понятіе. Оно (единство) остается однако лишь нѣкоторымъ долженствованіемъ, такъ какъ положенная вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшность объектовъ не соотвѣтствуетъ этому единству. Стремленіе ихъ къ центру есть поэтому ихъ абсолютная не положенная черезъ сообщеніе общность, оно образуетъ собою истинный, подлинно конкретный, не извнѣ положенный покой, въ который долженъ возвратиться процессъ несамостоятельности. Поэтому слѣдуетъ считать пустою отвлеченностью, когда въ механикѣ принимаютъ, что приведенное въ движеніе тѣло вообще двигалось бы по прямой линіи въ безконечность, если бы оно не утрачивало своего движенія вслѣд-

ствіе внѣшняго сопротивленія. Треніе или какая-либо иная форма сопротивленія есть лишь явленіе центральности, послѣднее абсолютно возвращаетъ къ себѣ тѣло; ибо то, обо что трется движущееся тѣло, имѣетъ силу сопротивленія исключительно черезъ свое единеніе съ центромъ. Въ духовной области центръ и единеніе съ нимъ принимаютъ высшія формы; но единство понятія и его реальности, составляющее здѣсь ближайшимъ образомъ механическую центральность, должно тамъ считаться основнымъ опредѣленіемъ.

Такимъ образомъ центральное тѣло перестало быть простымъ объектомъ, такъ какъ въ послѣднемъ опредѣленность есть несущественное; ибо это тѣло обладаетъ уже нетолько бытіемъ въ себѣ, но и бытіемъ для себя объективной цѣлостности. Оно можетъ поэтому считаться недѣлимымъ. Его опредѣленность по существу отлична отъ простого порядка или аранжировки и внѣшняго сочетанія частей; какъ опредѣленность, сущая въ себѣ и для себя, она есть нѣкоторая имманентная форма, самоопредѣляющій принципъ, коему присущи объекты, и черезъ который они связаны въ нѣкоторое истинное одно.

Но это центральное недѣлимо еесть лишь такой средній терминъ, который еще не имѣетъ никакого истинно крайняго; но какъ отрицательное единство цѣлаго понятія, оно раздѣляется на такіе крайніе. Или иначе: первоначально несамостоятельные, внѣшніе себѣ объекты черезъ возвратъ понятія опредѣляются также къ тому, чтобы быть недѣлимыми; тожество центральнаго тѣла съ собою, которое есть еще стремленіе, поражено внѣшностью, которой, такъ какъ оно принимается въ своей объективной единичности, сообщено это тожество. Черезъ эту собственную центральность объекты, поставленные внѣ этого перваго центра, суть сами центры для несамостоятельныхъ объектовъ. Эти вторые центры и несамостоятельные объекты связаны вмѣстѣ черезъ этотъ абсолютный средній терминъ.

Но и относительныя центральныя недѣлимыя сами образуютъ средній терминъ нѣкотораго второго умозаключенія, который съ одной стороны подчиненъ высшему крайнему термину, объективной общности и силѣ абсолютнаго центра, а съ другой стороны подчиняетъ несамостоятельные объекты, сосредоточивая въ себѣ ихъ поверхностное или формальное порозненіе. Эти несамостоятельные объекты также суть средній терминъ третьяго, формальнаго умозаключенія, такъ какъ они образуютъ связь между абсолютною и относительною центральною индивидуальностью постольку, поскольку послѣдняя имѣетъ въ нихъ свою внѣшность, въ силу коей отношеніе къ себѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ нѣкоторому абсолютному средоточію. Формальные объекты обладаютъ въ своей сущности тожественнымъ тяготѣніемъ своего непосредственнаго центральнаго тѣла, коему они причастны, какъ ихъ субъекту и крайнему термину ихъ единичности; черезъ образуемую имъ внѣшность онъ подчиненъ абсолютному центральному тѣлу; они суть поэтому формальный средній терминъ частности. Абсолютное же недѣлимое есть объективно-общій средній терминъ, сосредоточивающій и сохраняющій въ себѣ внутри—бытіе относительнаго недѣлимаго и его внѣшность. Такъ напримѣръ правительство, гражданскія недѣлимыя и потребности или внѣшняя жизнь единичныхъ людей суть

три термина, изъ коихъ каждый есть средній терминъ двухъ прочихъ. Правительство есть абсолютный центръ, въ коемъ сосредоточиваются крайніе термины единичныхъ недѣлимыхъ и ихъ внѣшнія существованія; равнымъ образомъ единичныя недѣлимыя суть средніе термины, которые осуществляютъ внѣшнее существованіе этого общаго недѣлимаго и переводятъ свою нравственную сущность въ дѣйствительность. Третье умозаключеніе есть формальное, умозаключеніе видимости того, что единичныя недѣлимыя черезъ свои потребности и свое внѣшнее существованіе связаны съ этою общею абсолютною индивидуальностью; умозаключеніе, которое, какъ только субъективное, переходитъ въ другія и находитъ въ нихъ свою истину.

Эта цѣлостность, моменты которой сами суть полныя отношенія понятій, умозаключенія, въ коихъ каждый изъ трехъ различенныхъ объектовъ протекаетъ опредѣленіе средняго и крайняго термина, образуетъ собою свободный механизмъ. Въ немъ различенные объекты имѣютъ своимъ основнымъ опредѣленіемъ объективную общность, проникающее въ порозненіе и остающееся тожественнымъ тяготѣніе. Отношенія давленія, толчка, притяженія и т. под. также, какъ аггрегированія или смѣшенія, принадлежатъ отношенію внѣшности, обосновывающему третій изъ составленныхъ выше умозаключеній. Порядокъ, который есть чисто внѣшняя опредѣленность объектовъ, перешелъ въ ихъ имманентное и объективное опредѣленіе; послѣднее есть законъ.

b. Законъ.

Въ законѣ проявляется болѣе опредѣленное различеніе идеализованной объективной реальности въ противоположность внѣшней. Объектъ, какъ непосредственная цѣлостность понятія, обладаетъ внѣшностью, еще не отличенною отъ понятія, которое еще не положено для себя. Такъ какъ объектъ черезъ понятіе вошелъ внутрь себя, то возникла противоположность простой центральности и нѣкоторой внѣшности, которая опредѣлена, какъ внѣшность, т.-е. не положена, какъ сущее въ себѣ и для себя. Это присущее индивидуальности тожество идеализаціи въ силу отношенія къ внѣшности есть нѣкоторое долженствованіе. Но индивидуальность въ себѣ и для себя есть конкретный принципъ отрицательнаго единства, и, какъ таковая, сама есть цѣлостность; единство, которое раздѣляется на опредѣленныя различенія понятія и остается въ нихъ равною самой себѣ общностью, а тѣмъ самымъ въ своей чистой идеализаціи расширеннымъ черезъ различеніе средоточіемъ. Эта реальность, соотвѣтствующая понятію, идеализована, отличена отъ другой, только стремящейся; отличеніе, которое есть ближайшимъ образомъ нѣкоторое множество объектовъ, принятое въ свою существенность и въ чистую общность. Эта реальная идеализація есть душа развитой выше объективной цѣлостности, въ себѣ и для себя опредѣленное тожество системы.

Объективное бытіе въ себѣ и для себя оказывается поэтому въ своей цѣлостности опредѣленнѣе, какъ отрицательное единство центра, которое раздѣляется на субъективную индивидуальность и внѣшнюю объектив-

ность, содержитъ въ послѣдней первую и опредѣляетъ ее въ идеализованномъ различеніи. Это самоопредѣляющее, абсолютно возвращая внѣшнюю объективность въ идеализацію единства, есть принципъ самодвиженія; опредѣленность этого одушевляющаго, которое есть различеніе самого понятія, есть законъ. Мертвый механизмъ былъ выше разсмотрѣннымъ механическимъ процессомъ объектовъ, которые непосредственно являлись самостоятельными и имѣли свой центръ внѣ себя; этотъ процессъ, переходящій въ покой, проявляетъ или случайность и неопредѣленное неравенство, или формальное единообразіе. Это единообразіе есть, пожалуй, правило, но не законъ. Лишь свободный механизмъ обладаетъ закономъ, собственнымъ опредѣленіемъ чистой индивидуальности или сущаго для себя понятія; какъ различеніе въ себѣ самомъ, законъ есть настоящій источникъ самого себя возбуждающаго движенія; и такъ какъ онъ относится въ идеализаціи своего различенія только къ себѣ, — свободная необходимость.

c. Переходъ механизма.

Однако, душа еще погружена въ свое тѣло; опредѣленное отнынѣ, но внутреннее понятіе объективной цѣлостности есть свободная необходимость въ томъ смыслѣ, что законъ еще не выступилъ противъ своего объекта; законъ есть конкретная центральность, какъ непосредственно въ ея объективности распространенная общность. Эта идеализація не различается поэтому опредѣленно на самые объекты; они суть самостоятельныя недѣлимыя этой цѣлостности или иначе, если мы бросимъ обратный взоръ на формальную ступень, еще не индивидуальные, внѣшніе объекты. Законъ, правда, иммапентенъ имъ и образуетъ ихъ природу и силу; но его различеніе замкнуто въ его идеализацію, и объекты сами не различены въ идеализованномъ различіи закона. Но объектъ имѣетъ свою существенную самостоятельность исключительно въ идеализованной центральности и ея законѣ; объектъ не обладаетъ поэтому силою оказывать сопротивленіе сужденію понятія и самосохраняться въ отвлеченной, неопредѣленной самостоятельности и замкнутости. Вслѣдствіе идеализованнаго имманентнаго ему различенія его существованіе есть положенная черезъ понятіе опредѣленность. Такимъ образомъ его несамостоятельность есть уже стремленіе не къ центральному пункту, относительно котораго онъ, поскольку его отношеніе есть лишь стремленіе, есть еще явленіе нѣкотораго самостоятельнаго внѣшняго объекта, но къ опредѣленно противоположному ему объекту; равно какъ и центръ тѣмъ самымъ сталъ внѣположнымъ и его отрицательное единство перешло въ объективированную противоположность.

Центральность есть поэтому теперь отношеніе этихъ одна относительно другихъ отрицательныхъ и напряженныхъ объективностей. Такимъ образомъ, свободный механизмъ опредѣляетъ себя, какъ химизмъ.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Химизмъ.

Химизмъ въ общемъ составѣ объективности образуетъ собою моментъ сужденія ставшей объективною разницы и процесса. Такъ какъ уже его началомъ служитъ опредѣленность и положеніе, и такъ какъ химическій объектъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ объективная цѣлостность, то его ближайшій ходъ развитія простъ и вполнѣ опредѣленъ своимъ предположеніемъ.

А.

Химическій объектъ.

Химическій объектъ отличается отъ механическаго тѣмъ, что послѣдній есть нѣкоторая цѣлостность, безразличная относительно опредѣленности; напротивъ, природѣ химическаго процесса свойственна опредѣленность, тѣмъ самымъ отношеніе къ другому и родъ и способъ этого отношенія. Эта опредѣленность есть вмѣстѣ съ тѣмъ по существу порозненіе, т.-е. принята въ общность; такимъ образомъ, она есть принципъ,—общая опредѣленность не только нѣкотораго единичнаго объекта, но также и другого. Въ немъ отличается поэтому его понятіе, какъ внутренняя цѣлостность обѣихъ опредѣленностей, отъ той опредѣленности, которая составляетъ природу единичнаго объекта въ его внѣшности и существованіи. Такъ какъ онъ такимъ образомъ въ себѣ есть цѣлое понятіе, то онъ обладаетъ въ немъ самомъ необходимостью и стремленіемъ снять противоположное ему одностороннее существованіе и сдѣлаться тѣмъ реальнымъ цѣлымъ въ существованіи, каковъ онъ по своему понятію.

Объ употребленіи выраженія химизмъ для обозначенія отношенія различія объективности, какъ оказалось, можно кромѣ того замѣтить, что здѣсь оно не должно быть понимаемо такъ, какъ будто это отношеніе проявляется лишь въ той формѣ природы элементовъ, которая именуется собственно такъ называемымъ химизмомъ. Уже на метеорологическое отношеніе слѣдуетъ смотрѣть, какъ на процессъ, части котораго имѣютъ болѣе природу физическихъ, тѣмъ химическихъ элементовъ. Въ живыхъ существахъ подъ эту схему подходитъ отношеніе половъ, равно какъ она составляетъ формальную основу для духовныхъ отношеній любви, дружбы и т. д.

При ближайшемъ разсмотрѣніи химическій объектъ, какъ нѣкоторая самостоятельная цѣлостность, есть нѣчто рефлектированное въ себя и тѣмъ самымъ отличенное отъ своего рефлектированія во внѣ,—какъ нѣкоторое безразличное основаніе, которое не есть еще различно опредѣленное недѣлимое; и личность есть также такое лишь къ себѣ относящееся основаніе. Имманентная же

опредѣленность, образующая различіе химическаго объекта, во-первыхъ, такъ рефлектирована въ себя, что это снятіе отношенія во внѣ есть лишь формальная отвлеченная общность; такимъ образомъ это отношеніе къ внѣшнему есть опредѣленіе его непосредственности и осуществленія. Съ этой стороны онъ не возвращается въ немъ самомъ въ индивидуальную цѣлостность, и отрицательное единство содержитъ оба момента его противоположенія въ двухъ отдѣльныхъ объектахъ. Поэтому нѣкоторый химическій объектъ не можетъ быть понятъ изъ себя самого, и бытіе одного есть бытіе нѣкотораго другого. Но, во-вторыхъ, опредѣленность абсолютно рефлектирована въ себя и есть конкретный моментъ индивидуальнаго понятія цѣлаго, которое (понятіе) есть общая сущность, реальный родъ частнаго объекта. Химическій объектъ, будучи тѣмъ самымъ противорѣчіемъ своего непосредственнаго положенія и своего имманентнаго индивидуальнаго понятія, есть нѣкоторое стремленіе снять опредѣленность своего существованія и осуществить объективную цѣлостность понятія. Хотя онъ есть также нѣчто несамостоятельное, но такъ, что онъ противится тому своею собственною природою и самоопредѣляющимъ образомъ начинаетъ процессъ.

B.

Процессъ.

1. Онъ начинаетъ съ того предположенія, что напряженные объекты, поскольку они противоположны себѣ самимъ, ближайшимъ образомъ тѣмъ самымъ противоположны одинъ другому; отношеніе, именуемое ихъ сродствомъ. Такъ какъ каждый изъ нихъ по своему понятію находится въ противорѣчіи съ собственною односторонностью своего осуществленія и потому стремится снять ее, то тѣмъ самымъ непосредственно положено стремленіе снять и односторонность другого и черезъ это взаимное приравненіе и соединеніе положить реальность соотвѣтственно тому понятію, которое содержатъ въ себѣ оба момента.

Поскольку каждый объектъ положенъ, какъ въ немъ самомъ противорѣчащій себѣ и снимающій себя, то они удерживаются лишь внѣшнею силою во взаимномъ отдѣленіи и отъ ихъ взаимнаго восполненія. Средній терминъ, черезъ который связуются эти крайніе термины, есть, во-первыхъ, сущая въ себѣ природа обоихъ, цѣлостное держащее ихъ внутри себя понятіе. Но, во-вторыхъ, такъ какъ они противостоятъ одинъ другому въ ихъ осуществленіи, то ихъ абсолютное единство есть также отличенный отъ нихъ, какъ осуществленный, еще формальный элементъ,—элементъ того сообщенія, въ которомъ они вступаютъ между собою во внѣшній союзъ. Такъ какъ реальное различеніе свойственно крайнимъ терминамъ, то этотъ средній терминъ есть лишь отвлеченная нейтральность, реальная ихъ возможность; какъ бы теоретическій элементъ осуществленія химическихъ объектовъ, ихъ процесса и его результата; въ тѣлахъ функцію этого посредника исполняетъ вода; въ духовной области, поскольку въ ней имѣетъ мѣсто подобіе такого отношенія, имъ считается вообще знакъ и ближайшимъ образомъ языкъ.

Отношеніе объектовъ, какъ простое сообщеніе черезъ этотъ элементъ, есть съ одной стороны спокойное совпаденіе, а съ другой въ той же мѣрѣ отрицательное отношеніе, при чемъ составляющее ихъ природу конкретное понятіе полагается черезъ сообщеніе, какъ реальное, и тѣмъ самымъ реальное различеніе объектовъ сводится къ единству ихъ понятія. Ихъ предшествовавшая самостоятельная опредѣленность тѣмъ самымъ снимается въ соединеніи, соотвѣтствующемъ тому понятію, которое въ обоихъ нихъ одно и то же, при чемъ ихъ противоположность и напряженіе притупляются; вслѣдствіе того ихъ стремленіе достигаетъ въ этомъ взаимномъ восполненіи своей спокойной нейтральности.

Процессъ этимъ путемъ угаснулъ; такъ какъ противорѣчіе понятія и реальности приравнено, то крайніе термины умозаключенія утратили свою противоположность и тѣмъ самымъ перестали быть крайними, какъ одинъ относительно другого, такъ и относительно средняго термина. Продуктъ есть нѣчто нейтральное, т.-е. такое, въ чемъ составныя части, уже не могущія быть названными объектами, уже не обладаютъ своею напряженностью, а стало-быть и свойствами, которыя были имъ присущи, какъ напряженнымъ, при чемъ въ нихъ, однако, сохранилась способность ихъ прежней самостоятельности и напряженности. А именно, отрицательное единство нейтральнаго (продукта) исходитъ отъ нѣкотораго предположеннаго различія; опредѣленность химическаго объекта тожественна съ его объективностью, она первоначальна. Черезъ вышеразсмотрѣнный процессъ это различие снято лишь непосредственно; поэтому опредѣленность еще не рефлектирована въ себя абсолютно, и вслѣдствіе того продуктъ процесса есть лишь формальное единство.

2. Въ этомъ продуктѣ, правда, угасли напряженность противоположности и отрицательное единство, какъ дѣятельность процесса. Но такъ какъ это единство существенно для понятія и вмѣстѣ съ тѣмъ само достигло осуществленія, то оно еще имѣетъ мѣсто, хотя выступило внѣ нейтральнаго объекта. Процессъ не возбуждается вновь самъ собою, такъ какъ онъ имѣлъ различіе лишь своимъ предположеніемъ, а не полагалъ его самъ. Эта внѣшняя объекту самостоятельная отрицательность, осуществленіе отвлеченной единичности, бытіе для себя которой имѣетъ свою реальность въ безразличномъ объектѣ, сама внутри себя напрягается противъ своей отвлеченности, есть внутри себя безпокойная дѣятельность, разрушающая себя въ своемъ направленіи во внѣ. Она относится непосредственно къ объекту, спокойная нейтральность котораго есть реальная возможность ея противоположности; послѣдняя есть теперь средній терминъ бывшей ранѣе того только формальною нейтральности, самъ внутри себя конкретный и опредѣленный.

Ближайшее непосредственное отношеніе крайняго термина отрицательнаго единства къ объекту состоитъ въ томъ, что послѣдній имъ опредѣляется и вслѣдствіе того раздѣляется. Это раздѣленіе можетъ ближайшимъ образомъ признаваться за возстановленіе той противоположности напряженнаго объекта, съ которой начался химизмъ. Но это опредѣленіе не образуетъ собою другого крайняго термина умозаключенія, а входитъ въ непосредственное отно-

шеніе порозниваюшаго принципа къ среднему термину, которому оно сообщаетъ эту свою непосредственную реальность; это та опредѣленность, которою вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ въ раздѣлительномъ умозаключеніи средній терминъ независимо отъ того, что онъ выражаетъ собою общую природу предмета, черезъ что послѣдній есть столько же объективная общность, сколько и опредѣленная частность. Другой крайній терминъ умозаключенія противостоитъ внѣшнему самостоятельному среднему термину единичности; онъ есть поэтому также самостоятельный средній терминъ общности; раздѣленіе, испытываемое въ немъ поэтому реальною нейтральностью средняго термина, состоитъ въ томъ, что оно разложено не на взаимно различные, но на безразличные моменты. Эти моменты суть тѣмъ самымъ съ одной стороны, отвлеченное, безразличное основаніе, а съ другой—его одухотворяющій принципъ, пріобрѣтающій черезъ свое отдѣленіе отъ основанія также форму безразличной объективности.

Это раздѣлительное умозаключеніе есть полнота химизма, въ которой изображено то же самое объективное цѣлое, какъ самостоятельное отрицательное единство, далѣе въ среднемъ терминѣ, какъ реальное единство, наконецъ и химическая реальность, разложенная на ея отвлеченные моменты. Въ послѣднихъ опредѣленность не такъ, какъ въ нейтральномъ, достигла въ нѣкоторомъ другомъ своей рефлексіи въ себя, но возвратилась въ себѣ къ своей отвлеченности, къ первоначально опредѣленному элементу.

3. Тѣмъ самымъ эти элементарные объекты освобождены отъ химической напряженности; въ нихъ черезъ реальный процессъ положены первоначальныя основы того предположенія, съ котораго начался химизмъ. А поскольку далѣе, съ одной стороны, его внутренняя опредѣленность, какъ таковая, есть по существу противорѣчіе его простому безразличному существованію и есть его опредѣленность и стремленіе во внѣ, которое раздѣляется, полагая напраженность въ его объектѣ и въ нѣкоторомъ другомъ, дабы имѣть нѣчто такое, къ чему онъ могъ бы относиться какъ къ различному, чѣмъ онъ могъ бы нейтрализоваться и тѣмъ самымъ сообщить своей простой опредѣленности существующую реальность, то, вслѣдствіе того, химизмъ возвратился къ своему началу, въ коемъ противоположно-напряженные объекты ищутъ одинъ другой и затѣмъ соединяются черезъ формальный, внѣшній средній терминъ въ нѣчто нейтральное. Съ другой стороны химизмъ снимаетъ себя черезъ этотъ возвратъ въ свое понятіе и перешелъ въ нѣкоторую высшую сферу.

C.

Переходъ химизма.

Уже обычная химія обнаруживаетъ примѣры такихъ химическимъ измѣненій, при которыхъ, напр., нѣкоторое тѣло сообщаетъ части своей массы болѣе высокую степень окисленія и тѣмъ самымъ понижаетъ степень окисленія другой ея части, которая можетъ затѣмъ войти въ нейтральное соединеніе съ приближеннымъ къ ней другимъ отличнымъ отъ нея тѣломъ, что было бы невозможно при сохраненіи первой непосредственной степени окисленія. То, что здѣсь про-

исходитъ, состоитъ въ томъ, что объектъ относится къ нѣкоторому другому не по непосредственной, односторонней опредѣленности, но по внутренней цѣлостности нѣкотораго первоначальнаго отношенія полагаетъ предположеніе, потребное для осуществленія имъ нѣкотораго реальнаго отношенія, и тѣмъ самымъ образуетъ для себя нѣкоторый средній терминъ, черезъ который связываетъ свое понятіе со своею реальностью; это въ себѣ и для себя опредѣленная единичность, конкретное понятіе, какъ принципъ раздѣленія на крайніе термины, обратное соединеніе коихъ ихъ есть дѣйствіе того же самого отрицательнаго принципа, который тѣмъ самымъ возвращается къ своему первому опредѣленію, но уже какъ объективированный.

Самъ химизмъ есть первое отрицаніе безразличной объективности и внѣшней опредѣленности; такимъ образомъ, ему еще присущи непосредственная самостоятельность объекта и внѣшность. Поэтому онъ еще не есть для себя та полнота самоопредѣленія, которая проистекаетъ изъ него, и въ которой онъ собственно снимается. Три полученныя выше умозаключенія образуютъ собою его полноту; первое имѣетъ среднимъ терминомъ формальную нейтральность и крайними—напряженные объекты; второе имѣетъ среднимъ терминомъ продуктъ перваго, реальную нейтральность, крайними — раздѣляющую дѣятельность и ея продуктъ, безразличный элементъ; третье же есть реализующее себя понятіе, то полагающее себѣ предположеніе, которое обусловливаетъ процессъ его реализаціи,—умозаключеніе, сущность котораго есть общее. Но въ виду непосредственности и внѣшности, кои въ этомъ опредѣленіи свойственны химической объективности, эти умозаключенія еще остаются взаимно внѣшними. Первый процессъ, продуктъ котораго есть нейтральность напряженныхъ объектовъ, угасаетъ въ своемъ продуктѣ и есть извнѣ привходящее дифференцированіе, вновь прекращающее его; будучи обусловленъ нѣкоторымъ непосредственнымъ предположеніемъ, онъ исчерпывается послѣднимъ. Равнымъ образомъ выдѣленіе различныхъ крайнихъ терминовъ изъ нейтральной среды, а также ихъ разложеніе на ихъ отвлеченные элементы, исходитъ отъ извнѣ привходящихъ условій и возбужденій къ дѣятельности. Но поскольку оба существенныхъ момента процесса, съ одной стороны нейтрализація, а съ другой—раздѣленіе и редукція, связаны въ одномъ и томъ же процессѣ, а соединеніе и ослабленіе напряженныхъ среднихъ терминовъ есть также раздѣленіе въ нихъ, то въ силу лежащей еще въ основѣ внѣшности они образуютъ собою двѣ стороны; крайніе термины, которые выдѣляются въ одномъ и томъ же процессѣ, суть иные объекты или матеріи, чѣмъ тѣ, которые въ немъ соединяются; и поскольку первые опять таки выходяхъ изъ него различными, они должны обращаться во внѣ; ихъ новая нейтрализація есть иной процессъ, чѣмъ та, которая имѣла мѣсто въ первомъ процессѣ.

Но эти различные процессы, оказавшіеся необходимыми, составляютъ столько же ступеней, черезъ которыя снимаются внѣшность и обусловленность, вслѣдствіе чего понятіе выступаетъ, какъ опредѣленное въ себѣ и для себя и какъ не обусловленная внѣшностью цѣлостность. Въ первомъ процессѣ снимается внѣшность образующихъ собою всю реальность различныхъ проти-

воположныхъ крайнихъ терминовъ или различеніе сущаго въ себѣ опредѣленнаго понятія отъ его существующей опредѣленности; во второмъ снимается внѣшность реальнаго единства, соединеніе, какъ только нейтральное; ближайшимъ образомъ формальная дѣятельность снимается въ столь же формальныхъ основаніяхъ или безразличныхъ опредѣленностяхъ, внутреннее понятіе которыхъ есть теперь возвратившаяся въ себя, абсолютная дѣятельность, реализующая себя въ ней самой, т.-е. полагающая въ себѣ опредѣленныя различенія и строющая себя черезъ это опосредованіе, какъ реальное единство,—опосредованіе, которое тѣмъ самымъ есть собственное опосредованіе понятія, его самоопредѣленіе и въ виду его рефлексіи въ себя имманентное предположеніе. Третье умозаключеніе, которое, съ одной стороны, есть возстановленіе предшествовавшаго процесса, съ другой, снимаетъ еще остающійся послѣдній моментъ безразличныхъ основаній,—вполнѣ отвлеченную внѣшнюю непосредственность, которая, такимъ образомъ, становится собственнымъ моментомъ опосредованія понятія самимъ собою. Понятіе, которое тѣмъ самымъ сняло всѣ моменты своего объективнаго существованія, какъ внѣшніе, и положило ихъ въ свое простое единство, вслѣдствіе того совершенно освободилось отъ объективной внѣшности, къ коей оно относится, лишь какъ къ несущественной реальности; это объективное свободное понятіе есть цѣль.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Телеологія.

Тамъ, гдѣ воспринимается цѣлесообразность, признается, какъ ея источникъ, разсудокъ, т.-е. для цѣли требуется субъективное, свободное осуществленіе понятія. Телеологія противопоставляется, главнымъ образомъ, механизму, при которомъ положенная въ объектѣ опредѣленность, какъ внѣшняя, по существу есть такая, въ коей не обнаруживается никакого самоопредѣленія. Противоположность causarum efficientium и causarus finalium, только дѣйствующихъ и конечныхъ причинъ, относится къ тому различенію, къ которому, взятому въ конкретной формѣ, сводится также изслѣдованіе того, слѣдуетъ ли понимать абсолютную сущность міра, какъ слѣпой природный механизмъ или какъ самоопредѣляющійся по цѣлямъ разсудокъ. Антиномія фатализма вмѣстѣ съ детерминизмомъ и свободы также касается противоположности механизма и телеологіи; ибо свободное есть понятіе въ своемъ осуществленіи.

Прежняя метафизика обращалась съ этими понятіями также, какъ и съ прочими; она отчасти предполагала нѣкоторое представленіе міра и пыталась доказать, что ему соотвѣтствуетъ то или другое изъ этихъ понятій, противоположное же ему неудовлетворительно, такъ какъ изъ послѣдняго онъ необъяснимъ; отчасти же не изслѣдовала при этомъ, какое изъ понятій, механической ли причинности или цѣли, содержитъ истину въ себѣ и для себя. Если это установлено для себя, то пусть объективный міръ представляетъ собою и ме-

ханическія, и конечныя причины; ихъ осуществленіе не есть мѣрило истины, но напротивъ, истинное есть критерій того, какое изъ этихъ осуществленій по истинѣ принадлежитъ міру. Какъ и субъективный разсудокъ обнаруживаетъ въ немъ (разсудкѣ) заблужденія, такъ и объективный міръ обнаруживаетъ такія стороны и ступени истины, которыя для себя лишь односторонни, неполны и суть только отношенія явленій. Если механизмъ и цѣлесообразность противоположны, то именно потому ихъ нельзя считать равноцѣнными, каждое понятіе правильнымъ для себя, имѣющимъ такую же цѣнность, какъ и другое, при чемъ все дѣло сводилось бы лишь къ тому, къ чему можетъ быть примѣнено то или другое изъ нихъ. Эта равноцѣнность обоихъ понятій зависитъ лишь отъ того, что они суть, что мы имѣемъ ихъ оба. Но такъ какъ они противоположны, то необходимый первый вопросъ состоитъ въ томъ, которое изъ нихъ есть истинное; а настоящій высшій вопросъ состоитъ въ томъ, не есть ли ихъ истина нѣчто третье, или одно изъ нихъ есть истина другого. Но отношеніе цѣли оказалось истиною механизма. То, что представлялъ собою химизмъ, совпадаетъ съ механизмомъ постольку, поскольку цѣль есть понятіе въ свободномъ осуществленіи, и поскольку вообще послѣднему противостоитъ несвобода химизма, его погруженіе во внѣшность; оба, механизмъ и химизмъ объемлются природною необходимостью, такъ какъ въ первой не осуществляется объектъ, ибо въ немъ, какъ въ механическомъ, нѣтъ самоопредѣленія, а во второмъ понятіе или достигаетъ лишь напряженнаго, одностороннаго осуществленія, или, поскольку оно выступаетъ, какъ единство, напрягающее нейтральный объектъ къ осуществленію, оно, снимая себя въ этомъ раздѣленіи, внѣшне себѣ самому.

Чѣмъ тѣснѣе телеологическій принципъ связывается съ понятіемъ нѣкотораго внѣмірового разсудка и поэтому вызываетъ благопріятное отношеніе къ себѣ со стороны благочестія, тѣмъ болѣе онъ, повидимому, отклоняется отъ истиннаго изслѣдованія природы, стремящагося познать свойства природы, не какъ чуждыя ей, но какъ имманентныя ей опредѣленности, и признающему лишь такое познаніе пониманіемъ. Но такъ какъ цѣль есть само понятіе въ своемъ осуществленіи, то можетъ показаться страннымъ, что познаніе объектовъ изъ ихъ понятія является незаконнымъ выходомъ въ нѣкоторый инородный элементъ, а напротивъ, механизмъ, для котораго опредѣленность объекта есть опредѣленность, положенная въ немъ внѣшнимъ образомъ и черезъ другое, считается болѣе имманентнымъ взглядомъ, чѣмъ телеологія. Механизмъ, по крайней мѣрѣ обычный, несвободный, равно какъ и химизмъ, правда, должны считаться нѣкоторымъ имманентнымъ принципомъ, поскольку опредѣляющее внѣшнее есть само опять-таки лишь такой объектъ, нѣчто внѣшнимъ образомъ опредѣленное и безразличное къ такой опредѣленности, или въ химизмѣ другой объектъ есть нѣчто также химически опредѣленное, вообще, поскольку существенный моментъ цѣлостности всегда лежитъ въ нѣкоторомъ внѣшнемъ. Поэтому эти принципы остаются въ границахъ той же самой природной формы конечности; но хотя они, разнымъ образомъ, не хотятъ превзойти конечнаго и приводятъ явленія лишь къ конечнымъ причинамъ, ко-

торыя сами требуютъ дальнѣйшаго движенія (мысли), но они, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширяются въ формальную цѣлостность отчасти въ понятіяхъ силы, причины и т. под. опредѣленіяхъ рефлексіи, при чемъ послѣднія должны выражать собою первоначальность; отчасти же черезъ отвлеченную общность — во всеобщности силы, въ полнотѣ взаимодѣйствующихъ причинъ. Тѣмъ самымъ механизмъ самъ проявляетъ себя, какъ стремленіе къ цѣлостности, которое старается понять природу для себя, какъ нѣкоторое цѣлое, не требующее для своего понятія ничего другого, кромѣ цѣлостности, не находящей себя въ цѣли и въ связанномъ съ нею внѣміровомъ разсудкѣ.

Итакъ, цѣлесообразность проявляется прежде всего, какъ высшее вообще; какъ разсудокъ, который опредѣляетъ, внѣшнимъ образомъ, многообразіе объектовъ посредствомъ нѣкотораго въ себѣ и для себя сущаго единства, такъ что безразличныя опредѣленности объектовъ становятся черезъ это отношеніе существенными. Въ механизмѣ онѣ становятся такими черезъ простую форму необходимости, при чемъ ихъ содержаніе безразлично, ибо онѣ должны оставаться внѣшними и ими удовлетворяется лишь разсудокъ, какъ таковой, познавая такимъ путемъ свою связь, отвлеченное тожество. Напротивъ, въ телеологіи становится важнымъ содержаніе, такъ какъ она предполагаетъ нѣкоторое понятіе, нѣчто опредѣленное въ себѣ и для себя и тѣмъ самымъ самоопредѣляющее и, слѣдовательно, отличаетъ отъ отношенія различенія и ихъ взаимнаго опредѣленія, отъ формы, рефлектированное въ себя единство, нѣчто опредѣленное въ себѣ и для себя и, стало быть, нѣкоторое содержаніе. Но если послѣднее конечно и незначительно, то оно противорѣчитъ тому, чѣмъ оно должно быть, ибо цѣль по своей формѣ есть внутри себя безконечная дѣятельность, въ особенности, если совершающееся по цѣлямъ дѣйствіе признается за абсолютные волю и разсудокъ. Телеологія потому навлекала на себя столь многіе упреки въ нелѣпости, что цѣли, которыя она указывала, были то значительнѣе, то ничтожнѣе, и отношеніе цѣлей объектовъ должно было часто представляться игрою, ибо это отношеніе являлось столь внѣшнимъ и потому случайнымъ. Напротивъ, механизмъ оставляетъ за опредѣленностями объектовъ по ихъ содержанію значеніе случайностей, къ которымъ объекты безразличны, и которыя ни для самихъ себя, ни для субъективнаго разсудка не должны имѣть болѣе высокаго значенія. Потому этотъ принципъ, связывая собою внѣшнюю необходимость, сообщаетъ сознаніе безконечной свободы въ противоположность телеологіи, которая выдвигаетъ, какъ нѣчто абсолютное, маловажное и даже презрѣнное, только безконечно стѣсняя тѣмъ самымъ общую мысль, которая можетъ даже вызывать отвращеніе.

Формальный недостатокъ, ближайшимъ образомъ свойственный этой телеологіи, состоитъ въ томъ, что она приводитъ лишь къ внѣшней цѣлесообразности. Такъ какъ понятіе тѣмъ самымъ полагается, какъ нѣчто формальное, то ея содержаніе есть также нѣчто внѣшнимъ образомъ данное въ многообразіи объективнаго міра, данное въ тѣхъ же опредѣленностяхъ, которыя составляютъ содержаніе и механизма, но какъ нѣчто внѣшнее, случайное.

Вслѣдствіе такой общности содержанія форма цѣлесообразности составляетъ для себя исключительно существенное въ телеологіи. Въ виду сего, даже если не принимать еще во вниманіе различенія внѣшней и внутренней цѣлесообразности, отношеніе цѣли оказалось вообще въ себѣ и для себя истиною механизма. Телеологіи свойственъ вообще болѣе высокій принципъ — понятіе въ своемъ осуществленіи, которое въ себѣ и для себя есть безконечное и абсолютное; принципъ свободы, совершенно увѣренный въ своемъ самоопредѣленіи и абсолютно освобожденный отъ механизма.

Одна изъ величайшихъ заслугъ Канта въ философіи состоитъ въ различеніи, которое онъ установилъ между относительною или внѣшнею и внутреннею цѣлесообразностью; къ послѣдней онъ отнесъ понятіе жизни, идею, и тѣмъ самымъ положительно возвысилъ философію надъ опредѣленіями рефлексіи и относительнымъ міромъ метафизики, что̀ критика разума сдѣлала лишь несовершенно, въ весьма превратномъ направленіи и только отрицательно. Уже было упомянуто, что противоположность телеологіи и механизма есть ближайшимъ образомъ болѣе общая противоположность свободы и необходимости. Кантъ провелъ противоположность въ этой формѣ при изложеніи антиномій разума и именно, какъ третье противорѣчіе трансцендентальныхъ идей. Я приведу его изложеніе, на которое было уже указано ранѣе, совершенно кратко, такъ какъ существенное въ немъ столь просто, что не требуетъ подробнаго изложенія, и такъ какъ видъ и способъ кантовыхъ антиномій подробнѣе разъясненъ въ другомъ мѣстѣ.

Тезисъ разсматриваемой здѣсь антиноміи гласитъ: причинность по законамъ природы не есть единственная, изъ коей могутъ быть выведены всѣ явленія міра. Необходимо еще для ихъ объясненія признавать причинность, дѣйствующую посредствомъ свободы.

Антитезисъ: нѣтъ никакой свободы, но все въ мірѣ совершается исключительно по законамъ природы.

Доказательство, какъ и при прочихъ антиноміяхъ, происходитъ, во-первыхъ, апагогически, черезъ допущенія противоположности каждаго тезиса; во-вторыхъ для обнаруженія противорѣчивости этого допущенія принимается наоборотъ и предполагается правильнымъ противоположное ему, т.-е. доказуемое предложеніе. Безъ всего обхода доказательства можно бы было поэтому обойтись; оно состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ ассерторическомъ утвержденіи обоихъ противоположныхъ предложеній.

А именно для доказательства тезиса надлежитъ прежде всего предположить: нѣтъ никакой иной причинности, кромѣ дѣйствующей по законамъ природы, т.-е. по механической необходимости вообще, включая въ нее и химизмъ. Это предложеніе противорѣчитъ себѣ, такъ какъ законъ природы состоитъ именно въ томъ, что ничто не происходитъ безъ достаточной a priori опредѣленной причины, которой поэтому свойственна абсолютная самодѣятельность; т.-е. противоположное тезису допущеніе противорѣчиво потому, что оно противорѣчитъ тезису.

Для доказательства антитезиса слѣдуетъ предположить: существуетъ

свобода, какъ нѣкоторый особый видъ причинности, такое состояніе, съ котораго просто начинается рядъ его послѣдствій. Но такъ какъ такое начало предполагаетъ состояніе, не имѣющее со своимъ предшествовавшимъ никакой причинной связи, то оно противорѣчитъ закону причинности, который дѣлаетъ единственно возможными единство опыта а самый опытъ; т.-е. допущеніе свободы, противорѣчащее антитезису, невозможно потому, что оно противорѣчитъ антитезису.

Та же самая антиномія возвращается по существу въ критикѣ телеологической силы сужденія, какъ противоположность того взгляда, по коему всякое произведеніе матеріальныхъ вещей совершается по чисто механическимъ законамъ, и того, по которому нѣкоторое ихъ произведеніе по этимъ законамъ невозможно. Кантово разрѣшеніе этой антиноміи таково же, какъ и общее разрѣшеніе прочихъ антиномій; а именно оно состоитъ въ томъ, что разумъ не можетъ доказать ни того ни другого предложенія, такъ какъ мы по чисто эмпирическимъ законамъ природы не можемъ имѣть никакого опредѣляющаго принципа a priori о возможности вещей; что поэтому далѣе оба они должны считаться не объективными предложеніями, а субъективными правилами; что я, съ одной стороны, долженъ постоянно рефлектировать о всѣхъ событіяхъ природы по принципу чистаго механизма природы, но что это не препятствуетъ по случайному поводу обсуждать нѣкоторыя природныя формы по другому правилу, именно по принципу конечныхъ причинъ; какъ будто эти два правила, долженствующія служить при томъ лишь для человѣческаго разума, не состоятъ между собою въ той же противоположности, какъ и вышеупомянутыя предложенія. При такой точкѣ зрѣнія, какъ указано выше, совсѣмъ не изслѣдуется именно то, что единственно представляетъ собою философскій интересъ, именно какому изъ обоихъ принциповъ въ себѣ и для себя присуща истина; а при такомъ взглядѣ на дѣло нѣтъ никакой разницы въ томъ, должны ли эти принципы считаться объективными, что значитъ здѣсь— внѣшне осуществляющимися опредѣленіями природы, или просто правилами субъективнаго познанія; все это познаніе собственно говоря субъективно, т.-е. случайно, такъ какъ оно по случайному поводу пробѣгаетъ то къ одному, то къ другому правилу, смотря по тому, какое изъ нихъ считается подходящимъ для даннаго объекта, вообще же не спрашиваетъ объ истинѣ самыхъ этихъ опредѣленій, все равно суть ли они опредѣленія объектовъ или познанія.

Но какъ ни неудовлетворительно по своей существенной точкѣ зрѣнія кантово разсмотрѣніе телеологическаго принципа, во всякомъ случаѣ достойно вниманіе то положеніе, какое Кантъ отводитъ этому принципу. Приписывая его рефлектирующей силѣ сужденія, онъ дѣлаетъ его нѣкоторымъ связующимъ среднимъ членомъ между общностью разума и единичностью воззрѣнія; далѣе онъ различаетъ эту рефлектирующую силу сужденія отъ опредѣляющей, которая просто подчиняетъ частное общему. Такое общее, которое есть только подчиняющее, есть отвлеченное, становящееся конкретнымъ лишь въ нѣкоторомъ другомъ, въ частномъ. Напротивъ цѣль есть

конкретное общее, имѣющее въ немъ самомъ моментъ частности и внѣшности, и которое поэтому есть дѣятельность, стремленіе отталкивать себя отъ самого себя. Понятіе, какъ цѣль, есть, конечно, нѣкоторое объективное сужденіе, одно опредѣленіе котораго есть субъектъ, т.-е. конкретное понятіе, опредѣленное черезъ себя самого, а другое—не только предикатъ, но и внѣшняя объективность. Но отношеніе цѣли не есть еще потому нѣкоторое рефлектирующее сужденіе, разсматривающее внѣшніе объекты лишь съ точки зрѣнія нѣкотораго единства, какъ будто какой-то разсудокъ далъ ихъ на потребу нашей познавательной способности; оно есть въ себѣ и для себя сущее истинное, судящее объективно и абсолютно опредѣляющее внѣшнюю объективность. Отношеніе цѣли есть тѣмъ самымъ нѣчто большее, чѣмъ сужденіе, оно есть умозаключеніе самостоятельнаго свободнаго понятія, совпадающаго съ самимъ собою черезъ объективность.

Цѣль оказалась третьимъ относительно механизма и химизма; она есть ихъ истина. Такъ какъ она сама находится еще внутри сферы объективности или непосредственности цѣлостнаго понятія, то она еще причастна внѣшности, какъ таковой, и ей противостоитъ нѣкоторый объективный міръ, съ коимъ она соотносится. Съ этой стороны механическая причинность, объемлющая собою вообще и химизмъ, является передъ этимъ отношеніемъ цѣли, которое внѣшне, но подчиняетъ себѣ ее (причинность), снятою въ себѣ и для себя. Что касается ближайшаго за симъ отношенія, то механическій объектъ, какъ непосредственная цѣлостность, безразличенъ къ своему опредѣленію, а тѣмъ самымъ и къ тому, чтобы быть опредѣляющимъ. Эта внѣшняя опредѣленность теперь доразвилась до самоопредѣленія, и тѣмъ самымъ отнынѣ положено въ объектѣ лишь внутреннее или, что то же самое, лишь внѣшнее понятіе; цѣль есть ближайшимъ образомъ само это внѣшнее относительно механизма понятіе. Такимъ образомъ и относительно химизма цѣль есть самоопредѣляющее, которое возвращаетъ обусловливающее его внѣшнее становленіе опредѣленія къ единству понятія. Отсюда явствуетъ природа подчиненія обѣихъ предыдущихъ формъ объективнаго процесса; то другое, которое было для нихъ безконечнымъ прогрессомъ, есть ближайше внѣшнимъ образомъ положенное для нихъ понятіе, которое и есть цѣль; субстанція есть не только понятіе, но и внѣшность есть существенный для нихъ, составляющій ихъ опредѣленность моментъ. Механическая или химическая техника по характеру своему—быть опредѣленною извнѣ—сама предлагаетъ себя на службу отношенію цѣли, которое теперь и должно быть разсмотрѣно ближе.

A.

Субъективная цѣль.

Въ центральности объективной сферы, которая есть безразличіе къ опредѣленности, субъективное понятіе ближайшимъ образомъ вновь нашло и положило отрицательный объединяющій пунктъ; въ химизмѣ же—объективность опредѣленій понятія, только черезъ которую оно положено,

какъ конкретное объективное понятіе. Отнынѣ его опредѣленность и его простое различеніе имѣетъ въ немъ самомъ опредѣленность внѣшности, и его простое единство есть тѣмъ самымъ единство, отталкивающее себя отъ самого себя и тѣмъ самымъ сохраняющееся. Поэтому цѣль есть субъективное понятіе, въ смыслѣ существеннаго стремленія и побужденія положитъ себя внѣшнимъ образомъ. Тѣмъ самымъ она избавлена отъ погибели. Она не есть ни самообнаруживающаяся сила, ни нѣкоторая субстанція и причина, проявляющая себя въ акциденціяхъ и дѣйствіяхъ.

Сила есть лишь нѣчто отвлеченно-внутреннее, пока она не обнаружила себя; иначе сказать, она имѣетъ существованіе лишь въ томъ обнаруженіи, къ которому она должна быть возбуждена. То же справедливо о причинѣ и субстанціи; такъ какъ онѣ имѣютъ дѣйствительность лишь въ акциденціяхъ и въ дѣйствіи, то ихъ дѣятельность есть переходъ, противъ котораго онѣ не сохраняютъ своей свободы. Правда цѣль можетъ также быть опредѣлена, какъ сила и причина, но эти выраженія сохраняютъ здѣсь лишь небольшую часть своего значенія; если они высказываются о ней по своей истинѣ, то это можетъ быть сдѣлано лишь такимъ способомъ, который снимаетъ ихъ понятіе; она есть нѣкоторая сила, которая сама возбуждаетъ себя къ обнаруженію, нѣкоторая причина, которая есть причина самой себя, или дѣйствіе которой есть непосредственно причина.

Если цѣлесообразное приписывается нѣкоторому разсудку, какъ было упомянуто выше, то при этомъ принимается во вниманіе опредѣленность содержанія. Но послѣднее должно быть вообще понимаемо, какъ разумное въ своемъ осуществленіи. Оно потому обнаруживаетъ разумность, что оно есть конкретное понятіе, удерживающее объективное различеніе въ своемъ абсолютномъ единствѣ. Поэтому оно есть по существу умозаключеніе въ немъ самомъ. Оно есть равное себѣ общее, и именно какъ содержащее отталкивающую себя отъ себя отрицательность, ближайшимъ образомъ оно есть общая и тѣмъ самымъ еще неопредѣленная дѣятельность; но такъ какъ послѣдняя есть отрицательное отношеніе къ себѣ самой, то она непосредственно опредѣляетъ себя и сообщаетъ себѣ моментъ частности, который, какъ равнымъ образомъ рефлектированная въ себя полнота формы, есть содержаніе въ противоположность къ положенному различенію формы. Также непосредственно эта отрицательность черезъ свое отношеніе къ самой себѣ есть абсолютная рефлексія формы въ себя и единичность. Съ одной стороны, эта рефлексія есть внутренняя общность субъекта, а съ другой стороны — рефлексія во внѣ; и тѣмъ самымъ цѣль есть еще нѣчто субъективное, и дѣятельность ея направлена къ внѣшней объективности.

А именно цѣль есть въ объективности возвратившееся къ себѣ самому понятіе; опредѣленность, которую она даетъ себѣ въ ней, есть опредѣленность объективнаго безразличія и внѣшности опредѣленія; ея отталкивающая себя отъ себя отрицательность поэтому такова, что моменты ея, поскольку они суть лишь опредѣленія самого понятія, имѣютъ также форму взаимнаго объективнаго безразличія. Въ формальномъ сужденіи субъектъ и предикатъ

уже опредѣлились одинъ относительно другого, какъ самостоятельные; но ихъ самостоятельность была пока лишь отвлеченною общностью; теперь же она достигла опредѣленія объективности; но какъ моментъ понятія, это совершенное различіе включено въ простое единство понятія. Поскольку же цѣль есть эта полная рефлексія объективности въ себя и при томъ непосредственно, то, во-первыхъ, отличается самоопредѣленіе или частность, какъ простая рефлексія въ себя отъ конкретной формы, и образуетъ собою нѣкоторое опредѣленное содержаніе. Цѣль поэтому конечна, хотя она по своей формѣ есть также безконечная субъективность. Во-вторыхъ, такъ какъ ея опредѣленность имѣетъ форму объективнаго безразличія, этой опредѣленности свойственъ видъ нѣкотораго предположенія, и конечность цѣли съ этой стороны состоитъ въ томъ, что она имѣетъ передъ собою нѣкоторый объективный механическій и химическій міръ, къ которому ея дѣятельность относится, какъ къ данному; такимъ образомъ ея самоопредѣляющая дѣятельность въ своемъ тожествѣ непосредственно внѣшня самой себѣ и есть столько же рефлексія въ себя, сколько и рефлексія во внѣ. Поэтому ей свойственно еще нѣкоторое по истинѣ внѣміровое осуществленіе, именно поскольку ей противостоитъ эта объективность, также какъ послѣдняя, напротивъ, противостоитъ цѣли, какъ мехоническое и химическое, еще не опредѣленное и не проникнутое цѣлью цѣлое.

Поэтому движеніе цѣли можетъ теперь быть выражено такъ, что оно направляется къ снятію ея предположенія, т.-е. непосредственности объекта, и опредѣляетъ его къ положенію черезъ понятіе. Это отрицательное отношеніе къ объекту есть равнымъ образомъ отрицательное отношеніе и къ себѣ, снятіе субъективности цѣли. Положительная реализація цѣли, именно соединеніе съ нею объективнаго бытія, такъ что послѣднее, которое, какъ моментъ цѣли, есть непосредственно тожественная ей опредѣленность, оказывается внѣшнею, и наоборотъ, объективность полагается скорѣе, какъ предположеніе, чѣмъ какъ опредѣленная черезъ понятіе. Цѣль есть внутри ея самой стремленіе къ своей реализаціи; опредѣленность моментовъ понятія есть внѣшность; ихъ простота въ единствѣ понятія не соотвѣтствуетъ, однако, тому, что есть это единство, и потому понятіе отталкиваетъ себя отъ себя самого. Это отталкиваніе есть рѣшеніе вообще, отношеніе отрицательнаго единства къ себѣ, въ силу коего оно есть исключающая частность; но черезъ это исключеніе оно рѣшается или включаетъ себя въ себя, такъ какъ самоопредѣленіе есть положеніе себя самого. Съ одной стороны, такъ какъ субъективность опредѣляетъ себя, она обращаетъ себя въ частность, даетъ себѣ содержаніе, которое, будучи включено въ единство понятія, есть еще внутреннее; но это положеніе, эта простая рефлексія въ себя, есть, какъ оказалось, вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственно нѣкоторое предположеніе; и въ томъ моментѣ, въ коемъ опредѣляетъ себя субъектъ цѣли, онъ вошелъ въ отношеніе къ безразличной внѣшней объективности, которая сдѣлана имъ равною этой внутренней опредѣленности, т.-е. должна быть положена, какъ нѣчто опредѣленное черезъ понятіе, ближайшимъ образомъ какъ средство.

B.

Средство.

Въ цѣли первое непосредственное положеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе чего-то внутреннаго, т.-е. опредѣленнаго, какъ положенное, и вмѣстѣ съ тѣмъ предположеніе нѣкотораго объективнаго міра, безразличнаго относительно опредѣленія цѣли. Но субъективность цѣли есть абсолютно отрицательное единство; поэтому ея второе опредѣленіе есть вообще снятіе этого предположенія; это снятіе есть возвратъ внутрь себя, поскольку имъ снимается тотъ моментъ перваго отрицанія, положеніе противоположнаго субъекту отрицательнаго, т.-е. внѣшняго объекта. Но противоположно предположенію или непосредственности опредѣленія, объективному міру, только первое, само непосредственное и потому внѣшнее отрицаніе. Это положеніе есть еще поэтому не сама выполненная цѣль, но лишь ея начало. Такъ опредѣленный объектъ есть пока средство.

Цѣль черезъ средство соединяется съ объективностью и въ послѣдней съ самой собою. Средство есть средній терминъ умозаключенія. Цѣль для своего выполненія нуждается въ нѣкоторомъ средствѣ, такъ какъ она конечна; въ средствѣ, т.-е. въ среднемъ терминѣ, имѣющемъ вмѣстѣ съ тѣмъ относительно самой цѣли видъ чего-то внѣшняго, а относительно ея выполненія — видъ безразличнаго существованія. Абсолютное понятіе имѣетъ въ себѣ самомъ опосредованіе такимъ образомъ, что его первое положеніе не есть предположеніе, основнымъ опредѣленіемъ объекта котораго была бы безразличная внѣшность; но міръ, какъ твореніе, имѣетъ лишь форму такой внѣшности, отрицательность и положенность которой составляютъ собственно его основное опредѣленіе. Конечность цѣль состоитъ поэтому въ томъ, что ея опредѣленіе вообще внѣшне себѣ самому и тѣмъ самымъ его первое, какъ мы видѣли, распадается на нѣкоторое положеніе и нѣкоторое предположеніе; поэтому отрицаніе этого опредѣленія есть, съ одной стороны, уже рефлексія въ себя, а съ другой, оно есть скорѣе лишь первое отрицаніе; или, иначе, рефлексія въ себя сама также внѣшня себѣ и есть рефлексія во внѣ.

Средство есть поэтому формальный средній терминъ нѣкотораго формальнаго умозаключенія; оно есть нѣчто внѣшнее относительно крайняго термина субъективной цѣли, равно какъ также въ силу того относительно крайняго термина объективной цѣли; какъ частность въ формальномъ умозаключеніи есть безразличный medius terminus, мѣсто коего могутъ заступить и другіе. Какъ далѣе послѣдній есть средній терминъ лишь вслѣдствіе того, что онъ относительно одного крайняго термина есть опредѣленность, а относительно другого — общее, и слѣдовательно, его опосредывающее опредѣленіе есть лишь относительное, черезъ другое, такъ и средство есть опосредывающій средній терминъ, во-первыхъ, лишь потому, что онъ есть нѣкоторый непосредственный объектъ, а, во-вторыхъ, потому, что онъ есть средство въ силу

внѣшняго ему отношенія къ крайнему термину цѣли; каковое отношеніе есть для него нѣкоторая форма, къ коей онъ безразличенъ.

Понятіе и объективность связаны поэтому въ средствѣ лишь внѣшнимъ образомъ; постольку оно есть просто механическій объектъ. Отношеніе объекта къ цѣли есть нѣкоторая посылка или непосредственное отношеніе, которое въ разсужденіи цѣли, какъ было указано, есть рефлексія въ самого себя; средство есть присущій цѣли предикатъ; его объективность подчинена опредѣленію цѣли, которая ради ея конкретности есть общность. Черезъ это опредѣленіе цѣли, которое есть въ ней, цѣль имѣетъ подчиняющее положеніе и относительно другого крайняго члена,—первоначально еще неопредѣленной объективности. Наоборотъ, средству, какъ непосредственной объективности принадлежитъ относительно субъективной цѣли общность существованія, которое еще чуждо субъективной единичности цѣли. Такъ какъ поэтому цѣль ближайшимъ образомъ есть лишь внѣшняя опредѣленность для средства, то она сама, какъ внѣшнее единство, находится внѣ средства, поскольку средство есть механическій объектъ, которому цѣль присуща, лишь какъ нѣкоторая опредѣленность, а не какъ простая конкретность въ ней полноты. Но какъ объединяющее, средство должно само быть полнотою цѣли. Было указано, что опредѣленіе цѣли въ средствѣ есть вмѣстѣ и рефлексія въ себя само; постольку средство есть формальное отношеніе въ себѣ, такъ какъ опредѣленность положена, какъ реальное безразличіе, какъ объективность средства. Но именно потому эта, съ одной стороны, чистая субъективность есть вмѣстѣ съ тѣмъ также дѣятельность. Въ субъективной цѣли отрицательное отношеніе къ себѣ самой еще тожественно съ опредѣленностью, какъ таковою, съ содержаніемъ и внѣшностью. Но въ возникающемъ объективированіи цѣли, въ становленіи простого понятія другимъ, выступаютъ отдѣльно эти моменты, или, наоборотъ, именно въ этомъ и состоитъ это становленіе другимъ или самая внѣшность.

Этотъ средній терминъ въ его цѣлости есть тѣмъ самымъ самъ полнота умозаключенія, въ коемъ отвлеченная дѣятельность и внѣшне средство составляютъ крайніе термины, а средній терминъ есть та опредѣленность объекта цѣлью, черезъ которую (опредѣленность) онъ есть средство. Но далѣе общность есть отношеніе цѣлесообразной дѣятельности и средства. Средство есть объектъ, онъ есть въ себѣ полнота понятія; средство не имѣетъ противъ цѣли никакой силы сопротивленія, какую оно ближайшимъ образомъ имѣетъ противъ какого-либо другого непосредственнаго объекта. Относительно цѣли, которая есть положенное понятіе, оно поэтому совершенно проницаемо и воспріимчиво къ ея усвоенію, такъ какъ оно въ себѣ тожественно ей. Но отнынѣ оно также положено, какъ проницаемое для понятія, ибо въ центральности (въ механизмѣ) оно есть (лишь) стремящееся къ отрицательному единству; равнымъ образомъ въ химизмѣ оно стало, какъ нейтральное, а также какъ различное, чѣмъ-то несамостоятельнымъ. Его несамостоятельность состоитъ именно въ томъ, что оно лишь въ себѣ есть полнота понятія; послѣднее же есть бытіе для себя. Поэтому характеръ объекта относительно цѣли состоитъ въ томъ, чтобы

быть безсильнымъ и служить ей; она есть его субъективность или душа, имѣющая въ немъ свою внѣшнюю сторону.

Объектъ, непосредственно такимъ образомъ подвластный цѣли, не есть одинъ изъ крайнихъ терминовъ умозаключенія, но это отношеніе составляетъ одну изъ посылокъ послѣдняго. Но средство имѣетъ также одну сторону, по которой оно обладаетъ еще самостоятельностью относительно цѣли. Связанная съ послѣднею въ средствѣ объективность, такъ какъ она только непосредственная, еще внѣшня относительно цѣли; и поэтому предположеніе еще остается въ силѣ. Дѣятельность цѣли черезъ средство поэтому еще направлено противъ этого предположенія, и цѣль есть именно потому дѣятельность, а не только побужденіе или стремленіе, что въ средствѣ моментъ объективности положенъ въ своей опредѣленности, какъ общее, и простое единство понятія имѣетъ ее, какъ таковую, лишь въ себѣ.

C.

Выполненная цѣль.

1. Въ своемъ отношеніи къ средству цѣль уже рефлектирована въ себя; но ея объективный возвратъ въ себя еще не положенъ. Дѣятельность цѣли черезъ средство еще направлена противъ объективности, какъ первоначальнаго предположенія; она именно въ томъ и состоитъ, чтобы быть безразличною къ опредѣленности. Поскольку дѣятельность состояла бы опять только въ томъ, чтобы опредѣлять непосредственную объективность, то продуктъ снова былъ бы лишь средствомъ и т. д. въ безконечность; отсюда получалось бы лишь цѣлесообразное средство, но не объективность самой цѣли. Поэтому дѣйствующая черезъ свое средство цѣль должна опредѣлять непосредственный объектъ, не какъ нѣчто внѣшнее, и, стало быть, совпадать съ нимъ черезъ себя саму въ единствѣ понятія; или, иначе, эта внѣшняя дѣятельность цѣли черезъ ея средство должна опредѣлить себя, какъ опосредованіе, и снять саму себя.

Отношеніе дѣятельности цѣли черезъ средство къ внѣшнему объекту есть ближайшимъ образомъ вторая посылка умозаключенія,—непосредственное отношеніе средняго термина къ другому крайнему. Оно непосредственно, такъ какъ средній терминъ имѣетъ въ немъ внѣшній объектъ, а другой крайній терминъ есть такой же объектъ. Средство дѣйствительно и сильно надъ послѣднимъ, такъ какъ его объектъ связанъ съ самоопредѣляющею дѣятельностью, а для этого послѣдняго объекта присущая ему непосредственная опредѣленность безразлична. Процессъ въ этомъ отношеніи не иной, чѣмъ механическій или химическій; въ этой объективной внѣшности выступаютъ предыдущія отношенія, но подъ владычествомъ цѣли. Но эти процессы сами собою, какъ то указано по поводу ихъ, возвращаются къ цѣли. Поэтому если ближайшимъ образомъ отношеніе средства къ обработываемому имъ внѣшнему объекту есть непосредственное, то оно уже ранѣе было изображено, какъ нѣкоторое умозаключеніе, такъ какъ цѣль оказалась его истиннымъ среднимъ терминомъ и единствомъ. Слѣдовательно, такъ какъ средство есть объектъ, стоящій на сто-

ронѣ цѣли и имѣющій внутри себя ея дѣятельность, то имѣющій здѣсь мѣсто механизмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ возвратъ объективности въ себя саму, въ понятіе, предположенное уже, однако, какъ цѣль; отрицательное отношеніе цѣлесообразной дѣятельности къ объекту тѣмъ самымъ не внѣшнее, но есть измѣненіе и переходъ объективности внутрь его въ ней самой.

То, что цѣль непосредственно относится къ объекту и обращаетъ его въ средство, а также то, что она черезъ него опредѣляетъ нѣчто другое, можетъ считаться насиліемъ (Gewalt), поскольку цѣль является совсѣмъ другою природой, чѣмъ объектъ, и каждый изъ объектовъ есть равнымъ образомъ относительно другого самостоятельная полнота. А то, что цѣль полагаетъ себя въ посредствующемъ отношеніи къ объекту и вставляетъ между собою и имъ нѣкоторый другой объектъ, можетъ считаться хитростью (List) разума. Конечность разумности имѣетъ, какъ упомянуто, ту сторону, что цѣль относится къ предположенію, т.-е. къ внѣшности объекта. Въ непосредственномъ отношеніи къ нему она сама входила бы въ составъ механизма или химизма и тѣмъ самымъ была бы подвержена случайности и нарушенію ея опредѣленія—быть понятіемъ, сущимъ въ себѣ и для себя. А такимъ путемъ она выставляетъ объектъ, какъ средство, допускаетъ внѣшнюю обработку его вмѣсто себя, предоставляетъ его уничтоженію и сохраняетъ себя за нимъ отъ механическаго насилія.

Такъ какъ цѣль конечна, то она далѣе имѣетъ конечное содержаніе; тѣмъ самымъ она не есть нѣчто абсолютное или совершенно разумное въ себѣ и для себя. Средство же есть внѣшній средній терминъ умозаключенія, каковымъ служитъ выполненіе цѣли; въ послѣднемъ проявляется поэтому разумное внутри ея, какъ такое, которая сохраняетъ себя въ этомъ внѣшнемъ другомъ и именно черезъ эту внѣшность. Постольку средство есть нѣчто высшее, чѣмъ конечныя цѣли внѣшней цѣлесообразности; плугъ почтеннѣе, чѣмъ тѣ непосредственныя наслажденія, которыя подготовляются имъ и служатъ цѣлями. Орудіе сохраняется, между тѣмъ какъ непосредственныя наслажденія преходятъ и забываются. Въ своихъ орудіяхъ человѣкъ обладаетъ силою надъ внѣшнею природой, тогда какъ въ своихъ цѣляхъ онъ скорѣе подчиненъ ей.

Но цѣль не только стоитъ внѣ механическаго процесса, а также сохраняется въ немъ и есть его назначеніе. Цѣль, какъ понятіе, которое осуществляется свободно вопреки объекту и его процессу и представляетъ собою самоопредѣляющуюся дѣятельность, совпадаетъ въ немъ лишь сама съ собою, такъ какъ она есть также въ себѣ и для себя сущая истина механизма. Власть цѣли надъ объектомъ есть это сущее для себя тожество, и ея дѣятельность есть обнаруженіе послѣдняго. Цѣль, какъ содержаніе, есть въ себѣ и для себя сущая опредѣленность, которая въ объектѣ безразлична и внѣшня, а дѣятельность ея есть, съ одной стороны, истина процесса и, какъ отрицательное единство, снятіе видимости внѣшности. Послѣ отвлеченія безразличная опредѣленность объекта также внѣшне замѣняется другою; но простая отвлеченность опредѣленности есть въ ея истинѣ полнота отрицанія, конкретное и полагающее внѣшность внутри себя понятіе.

Содержаніе цѣли есть ея отрицательность, какъ простая рефлектированная въ себя частность, отличенная отъ его полноты, какъ форма. Въ силу этой простоты, опредѣленность которой есть въ себѣ и для себя полнота понятія, содержаніе является, какъ тожественно сохраняющееся въ реализаціи цѣли. Телеологическій процессъ есть переводъ въ объективность понятія, отчетливо осуществленнаго, какъ понятіе. Оказывается, что этотъ переводъ въ предположенное другое есть совпаденіе понятія черезъ себя само съ самимъ собою. Содержаніе цѣли есть именно это въ формѣ тожественнаго осуществленное тожество. При всякомъ переводѣ понятіе сохраняется, напр., когда причина становится дѣйствіемъ, то причина лишь совпадаетъ съ собою въ дѣйствіи; при телеологическомъ же переводѣ понятіе какъ таковое уже осуществленное въ причинѣ, есть абсолютное относительно объективности и ея внѣшней опредѣляемости свободное конкретное единство. Внѣшность, въ которую переводитъ себя цѣль, какъ мы видѣли, сама уже положена, какъ моментъ понятія, какъ форма своего отличенія. Поэтому цѣль имѣетъ во внѣшности свой собственный моментъ; а содержаніе, какъ содержаніе конкретнаго единства, есть ея простая форма, которая не только въ себѣ остается равною себѣ въ различенныхъ моментахъ цѣли, какъ субъективная цѣль, какъ средство и опосредованная дѣятельность, и какъ объективная, но и осуществляется, какъ саморавная.

О телеологической дѣятельности можно поэтому сказать, что въ ней конецъ есть начало, слѣдствіе — основаніе, дѣйствіе—причина, что она есть становленіе становящагося, что въ ней приходитъ къ осуществленію лишь то, что уже осуществлено, и т. д.; т.-е. что вообще всѣ опредѣленія отношеній, принадлежащія къ сферѣ рефлексіи или непосредственнаго бытія, утратили здѣсь свои различенія, и что то, что высказывается, какъ другое, какъ-то конецъ, слѣдствіе, дѣйствіе и т. п., въ отношеніи цѣли не имѣетъ уже опредѣленія нѣкотораго другого, но скорѣе положено, какъ тожественное съ простымъ понятіемъ.

2. При ближайшемъ же разсмотрѣніи продукта телеологической дѣятельности оказывается, что въ немъ цѣль внѣшня, поскольку она есть абсолютное предположеніе въ противоположность субъективной цѣли, поскольку именно останавливаются на томъ, что цѣлесообразная дѣятельность относится къ объекту черезъ средство лишь механически и вмѣсто безразличной опредѣленности объекта полагаетъ другую, столь же внѣшнюю ему. Такая опредѣленность, какую сообщаетъ какому-либо объекту цѣль, отличается отъ другой, просто механической, тѣмъ, что тотъ моментъ единства, хотя оно для объекта и внѣшне, внутри самого себя все же не просто внѣшенъ. Объектъ, обнаруживающій такое единство, есть нѣкоторое цѣлое, относительно коего его части, его собственная внѣшность, безразличны; это опредѣленное, конкретное единство, объединяющее внутри себя различенныя отношенія и опредѣленности. Это единство, не могущее быть понятымъ изъ специфической природы объекта, и по опредѣленному содержанію нѣчто иное, чѣмъ своеобразное содержаніе объекта, для самого себя есть не механическая опредѣленность, но въ

объектѣ оно еще носитъ механическій характеръ. Какъ въ этомъ продуктѣ цѣлесообразной дѣятельности содержаніе цѣли и содержаніе объекта внѣшни одно другому, также относятся взаимно и въ другихъ моментахъ умозаключенія его опредѣленія,—въ приводящемъ къ умозаключенію среднемъ терминѣ цѣлесообразная дѣятельность и объектъ, служащій средствомъ, а въ субъективной цѣли, другомъ крайнемъ терминѣ, безконечная форма, какъ полнота понятія, и его содержаніе. По тому отношенію, которое связываетъ субъективную цѣль и объективность въ умозаключеніе, какъ одна посылка, именно отношеніе опредѣленнаго, какъ средство, объекта къ еще внѣшнему объекту, такъ и другая— именно отношеніе субъективной цѣли къ объекту, ставшему средствомъ, есть отношеніе непосредственное. Это умозаключеніе страдаетъ поэтому тѣмъ недостаткомъ формальнаго умозаключенія вообще, что отношенія, изъ коихъ оно состоитъ, не суть сами посылки или опосредованія, но что они скорѣе уже предполагаютъ то заключеніе, средствами полученія котораго они должны служить.

Если мы разсмотримъ одну изъ посылокъ, непосредственное отношеніе субъективной цѣли къ объекту, становящемуся черезъ то средствомъ, то окажется, что цѣль не можетъ непосредственно относиться къ объекту; ибо послѣдній есть нѣчто столь же непосредственное, какъ непосредственное другого крайняго термина, въ которомъ цѣль должна быть выполнена черезъ опосредованіе. Поскольку они такимъ образомъ положены, какъ различные, между этою объективностью и субъективною цѣлью должно быть вставлено средство ихъ отношенія; но это средство есть также уже опредѣленный цѣлью объектъ, между объективностью котораго и телеологическимъ опредѣленіемъ должно быть вставлено новое средство и т. д. до безконечности. Тѣмъ самымъ положенъ безконечный прогрессъ опосредованія.

То же самое имѣетъ мѣсто относительно другой посылки, отношенія средства къ еще неопредѣленному объекту. Такъ какъ они совершенно самостоятельны, то они могутъ быть соединены лишь въ нѣкоторомъ третьемъ и т. д. до безконечности. Или, наоборотъ, такъ какъ посылки уже предполагаютъ заключеніе, то послѣднее, будучи таковымъ, черезъ эти лишь непосредственныя посылки можетъ быть лишь несовершеннымъ. Заключеніе или продуктъ цѣлесообразнаго дѣйствія есть не что иное, какъ нѣкоторый опредѣленный какою-то внѣшнею ему цѣлью объектъ; оно есть тѣмъ самымъ то же, что средство. Поэтому въ такомъ продуктѣ самомъ получилось лишь нѣкоторое средство, а не нѣкоторая выполненная цѣль; или иначе— цѣль не достигла въ немъ никакой истинной объективности. Поэтому совершенно безразлично, смотрѣть ли на опредѣленный внѣшнею цѣлью объектъ, какъ на выполненную цѣль или лишь какъ на средство; это есть лишь относительное, внѣшнее самому объекту, не объективное опредѣленіе. Такимъ образомъ всѣ объекты, въ коихъ выполняется нѣкоторая внѣшняя цѣль, суть также лишь средства для цѣли. То, что должно быть употреблено для выполненія цѣли и по существу считаться средствомъ, есть средство, которое по своему опредѣленію подлежитъ тратѣ. Но и объектъ, содержащій въ себѣ выполненную цѣль и долженствующій изображать собою ея объективность, есть нѣчто

преходящее; онъ также выполняетъ свою цѣль не путемъ спокойнаго самосохраняющагося существованія, но лишь поскольку онъ тратится, ибо лишь постольку онъ соотвѣтствуетъ единству понятія, въ коемъ онъ снимаетъ свою внѣшность, т.-е. свою объективность. Домъ, часы могутъ являться цѣлями относительно употребленныхъ для ихъ произведенія орудій; но камни, балки, или колеса, оси и т. п. образующіе собою дѣйствительность цѣли, выполняютъ ее лишь черезъ претерпѣваемое имъ давленіе, черезъ химическіе процессы, происходящіе въ нихъ дѣйствіемъ воздуха, свѣта, воды или черезъ отнятіе послѣднихъ отъ человѣка путемъ тренія и т. п. Они выполняютъ такимъ образомъ свое назначеніе лишь черезъ ихъ употребленіе и использованіе и соотвѣтствуютъ тому, чѣмъ они должны быть, лишь черезъ ихъ отрицаніе. Они не соединены съ цѣлью положительно, такъ какъ они имѣютъ въ нихъ самоопредѣленіе лишь внѣшнимъ образомъ и суть лишь относительныя цѣли или собственно лишь средства.

Эти цѣли, какъ указано, имѣютъ вообще лишь ограниченное содержаніе; ихъ форма есть безконечное самоопредѣленіе понятія, которое черезъ это содержаніе ограничивается, какъ внѣшняя единичность. Ограниченное содержаніе дѣлаетъ эти цѣли не соотвѣтствующими безконечности понятія и нарушаетъ его истину; такая опредѣленность предана становленію и измѣненію и есть нѣчто преходящее уже черезъ причастіе сферѣ необходимости и бытія.

3. Тѣмъ самымъ получается тотъ результатъ, что внѣшняя цѣлесообразность, будучи лишь формою телеологіи, достигаетъ собственно лишь средствъ, а не нѣкоторой объективной цѣли,—такъ какъ субъективная цѣль остается внѣшнимъ субъективнымъ опредѣленіемъ,—или, иначе, поскольку эта цѣль дѣятельна и выполняетъ себя, хотя бы лишь въ видѣ нѣкотораго средства, она еще *непосредственно* связана съ объективностью, погружена въ нее; она сама есть объектъ, и можно сказать, что цѣль постольку не достигаетъ средства, поскольку послѣднее уже заранѣе требуетъ выполненія цѣли прежде, чѣмъ она осуществится черезъ нѣкоторое средство.

Въ дѣйствительности же результатъ есть не только нѣкоторое внѣшнее отношеніе цѣли, но его истина, внутреннее отношеніе цѣли и нѣкоторая объективная цѣль. Самостоятельная относительно понятія внѣшность объекта, которая предполагается цѣлью, *положена* въ этомъ предположеніи, какъ несущественная видимость, а также уже снята въ себѣ и для себя; дѣятельность цѣли есть поэтому собственно лишь изображеніе этой видимости и снятіе ея. Какъ выяснилось чрезъ понятіе, первый объектъ черезъ сообщеніе становится средствомъ, такъ какъ оно есть въ себѣ полнота понятія и его опредѣленность, которая есть не что иное, какъ ея внѣшность, лишь положенная, *какъ* внѣшнее, несущественное, и потому составляющая въ самой цѣли ея собственный моментъ, а не нѣчто самостоятельное относительно него. Вслѣдствіе того опредѣленіе объекта, какъ средства, совершенно непосредственно. Поэтому субъективная цѣль не нуждается ни въ какомъ насиліи или иномъ усиленіи противъ его, кромѣ усиленія себя самой, чтобы онъ сталъ средствомъ. *Рѣшеніе*, обнаруженіе, это опредѣленіе себя самого есть лишь *положенная* внѣшность

объекта, который тѣмъ самымъ непосредственно подчиненъ цѣли и не имѣетъ относительно нея никакого иного опредѣленія, кромѣ ничтожества его бытія въ себѣ и для себя.

Второе снятіе объективности черезъ объективность отличается отъ перваго тѣмъ, что первое, какъ первое, есть цѣль въ объективной непосредственности, и поэтому второе есть снятіе не только первой непосредственности, но и того, и другого—объективнаго, какъ чего-то только положеннаго, и непосредственнаго. Отрицательность возвращается такимъ путемъ въ себѣ саму такъ, что она есть равнымъ образомъ возстановленіе объективности, но какъ тожественной съ нею, и тѣмъ самымъ вмѣстѣ положеніе объективности, какъ опредѣленной лишь цѣлью, внѣшней. Чрезъ послѣднее этотъ продуктъ остается, какъ былъ ранѣе, также средствомъ; чрезъ первое онъ есть тожественная понятію объективность, реализованная цѣль, въ которой та сторона, по коей она есть средство, есть реальность самой цѣли. Въ выполненной цѣли средство исчезаетъ, потому что оно было лишь непосредственно подчиненная цѣли объективность, которая въ реализованной цѣли есть возвратъ цѣли въ саму себя; при этомъ далѣе и самое опосредованіе, которое есть нѣкоторое отношеніе внѣшняго, исчезаетъ отчасти въ конкретномъ тожествѣ объективной цѣли, отчасти въ немъ же, какъ отвлеченномъ тожествѣ и непосредственности существованія.

Тутъ также содержится опосредованіе, которое требуется для первой посылки, для непосредственнаго отношенія цѣли къ объекту. Выполненная цѣль есть также средство, и наоборотъ, истина средства состоитъ равнымъ образомъ въ томъ, чтобы быть самою реальною цѣлью, и первое снятіе объективности есть также уже и второе, какъ обнаружилось, что второе содержитъ въ себѣ также первое. А именно, понятіе опредѣляетъ себя, его опредѣленность есть внѣшнее безразличіе, которое въ рѣшеніи опредѣлено непосредственно, какъ снятое, именно какъ внутреннее, субъективное и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ предположенный объектъ. Дальнѣйшій выходъ изъ себя, явившійся именно, какъ непосредственное сообщеніе и подчиненіе подъ него предположеннаго объекта, есть вмѣстѣ съ тѣмъ снятіе той внутренней, заключенной въ понятіе, т.-е. положенной, какъ снятая, опредѣленности внѣшности, а равнымъ образомъ, предположенія объекта; тѣмъ самымъ это, повидимому, первое снятіе безразличной объективности есть также уже и второе, нѣкоторая прошедшая черезъ опосредованіе рефлексія въ себя и выполненная цѣль.

Такъ какъ понятіе тутъ въ сферѣ объективности, въ которой его опредѣленность имѣетъ форму безразличной внѣшности, находится во взаимодѣйствіи съ самимъ собою, то изложеніе его развитія становится здѣсь вдвойнѣ труднымъ и запутаннымъ, такъ какъ оно непосредственно есть само двоякое, и первое всегда есть также второе. Понятіе для себя, т.-е. въ своей субъективности, есть различеніе себя отъ себя, какъ непосредственной цѣлостности для себя; но такъ какъ здѣсь его опредѣленность есть безразличная внѣшность, то тѣмъ самымъ тожество съ самимъ собою есть также непосредственно опять-таки отталкиваніе отъ себя, такъ что опредѣленное, какъ внѣшнее и безразличное относительно него, есть скорѣе оно само, и оно, какъ оно само, какъ

рефлектированное въ себя, есть скорѣе его другое. Лишь поскольку это установлено, можетъ быть понятъ объективный возвратъ понятія въ себя, т.-е. его истинное объективированіе, можетъ быть понято, что каждый изъ единичныхъ моментовъ, черезъ которые протекаетъ это опосредованіе, есть самъ полное умозаключеніе послѣдняго. Такимъ образомъ, возстановляется первоначальная внутренняя внѣшность понятія, черезъ которую оно есть отталкивающее себя отъ себя единство, цѣль и стремленіе послѣдней къ объективированію, непосредственное положеніе или предположеніе нѣкотораго внѣшняго объекта; самоопредѣленіе есть также опредѣленіе нѣкотораго не опредѣленнаго черезъ понятіе внѣшняго объекта; и наоборотъ, оно есть самоопредѣленіе, т.-е. снятая, положенная, какъ внутренняя, внѣшность, или увѣренность въ несущественности внѣшняго объекта. О второмъ отношеніи, объ опредѣленіи объекта, какъ средства, уже было указано, какимъ образомъ оно въ немъ самомъ есть опосредованіе цѣли съ собою въ объектѣ. Равнымъ образомъ третье, механизмъ, протекающій подъ господствомъ цѣли и снимающій объектъ черезъ объектъ, есть съ одной стороны снятіе средства, объекта, положеннаго, уже какъ снятый, и тѣмъ самымъ второе снятіе и рефлексія въ себя, а съ другой стороны первое опредѣленіе внѣшняго объекта. Послѣдній, какъ было замѣчено, есть въ выполненной цѣли снова лишь произведеніе средства; такъ какъ субъективность конечнаго понятія презрительно отбрасываетъ средство, то она въ своей цѣли не достигаетъ ничего лучшаго. Но та рефлексія, черезъ которую цѣль достигнута въ средствѣ, и въ выполненной цѣли сохранены средство и опосредованіе, есть послѣдній результатъ внѣшняго отношенія цѣли, въ коемъ оно само себя сняло, и которое оно изобразило, какъ свою истину. Разсмотрѣнное напослѣдокъ третье умозаключеніе отличается тѣмъ, что оно есть, во-первыхъ, субъективная цѣлесообразная дѣятельность предшествовавшаго умозаключенія, но равнымъ образомъ и снятіе внѣшней объективности, а потому и внѣшности вообще, черезъ себя само, стало быть, цѣлостность въ ея положеніи.

Послѣ того, какъ мы теперь усмотрѣли, что субъективность, бытіе для себя понятія, перешла въ его бытіе въ себѣ, въ объективность, то далѣе въ послѣдней вновь возникла отрицательность его бытія для себя; понятіе такъ опредѣлило себя въ ней, что его частность есть внѣшняя объективность или простое конкретное единство, внѣшность коего есть ея самоопредѣленіе. Движеніе цѣли достигло теперь того, что моментъ внѣшности уже не положенъ только въ понятіи, что оно есть не только долженствованіе и стремленіе, но, какъ конкретная цѣлостность, тожественна съ непосредственною объективностью. Это тожество есть, съ одной стороны, простое понятіе и, равнымъ образомъ, непосредственная объективность, а съ другой, по существу также опосредованіе и лишь черезъ послѣднее, какъ снимающее само себя опосредованіе, эта простая непосредственность; такимъ образомъ, понятіе состоитъ въ томъ, чтобы быть отличеннымъ, какъ сущее для себя тожество, отъ своей сущей въ себѣ объективности и тѣмъ самымъ имѣть внѣшность, но въ этой внѣшней цѣлостности быть ея самоопредѣляющимъ тожествомъ. Такимъ образомъ, понятіе есть теперь идея.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Идея.

Идея есть адекватное понятіе, объективно-истинное или истинное, какъ таковое. Если нѣчто имѣетъ истину, то имѣетъ ее черезъ свою идею, или, иначе, нѣчто имѣетъ истину, лишь поскольку оно есть идея. Впрочемъ, выраженіе идея часто употреблялось въ философіи, какъ и въ обычной жизни, въ смыслѣ понятія, даже въ смыслѣ простого представленія; „я еще не имѣю никакой идеи объ этомъ судопроизводствѣ, зданіи, объ этой странѣ“ имѣетъ въ виду выразить лишь представленіе. Кантъ снова закрѣпилъ за выраженіемъ идея смыслъ понятія разума. Понятіе разума должно по Канту быть понятіемъ безусловнаго, въ отношеніи же явленія — трансцендентнаго, такъ какъ оно не имѣетъ никакого адекватнаго ему эмпирическаго употребленія. Понятія разума должны служить для разумнаго пониманія (Begreifen), понятія разсудка—для разсудочнаго пониманія (Verstehen) воспріятій. Въ дѣйствительности, однако, если послѣднія суть дѣйствительно понятія, то они суть понятія, черезъ нихъ совершается разумное пониманіе, и разсудочное пониманіе воспріятія черезъ понятія разсудка становится разумнымъ пониманіемъ. Но если разсудочное пониманіе есть лишь опредѣленіе воспріятій черезъ, напр., цѣлое, силу, причину и т. п., то оно означаетъ лишь опредѣленіе черезъ рефлексію, равно какъ подъ разсудочнымъ пониманіемъ можетъ быть подразумѣваемо лишь опредѣленное представленіе совершенно опредѣленнаго чувственнаго содержанія; такъ, если кто-либо, кому указываютъ, что дорога въ концѣ лѣса поворачиваетъ влѣво, отвѣчаетъ: я понимаю, то это пониманіе не означаетъ ничего бо́льшаго, какъ усвоеніе представленіемъ и памятью. Но и понятіе разума есть нѣсколько неловкое выраженіе, ибо понятіе есть вообще нѣчто разумное; и поскольку отличаютъ разумъ отъ разсудка и понятія, какъ такового, онъ (разумъ) есть полнота понятія и объективности. Въ этомъ смыслѣ идея есть разумное; она есть безусловное, такъ какъ лишь то имѣетъ условія, что существенно относится къ нѣкоторой объективности, но не такой, которая опредѣлена имъ самимъ, а такой, которая еще противорѣчитъ ему въ формѣ безразличія и внѣшности, свойственной еще внѣшней цѣли.

Такъ какъ выраженіе идея сохраняется для обозначенія объективнаго или реальнаго понятія, и идея отличается отъ самого понятія, а тѣмъ болѣе отъ простого представленія, то далѣе, тѣмъ болѣе должна быть отброшена та оцѣнка идеи, по которой идея признается чѣмъ-то лишь недѣйствительнымъ, и объ истинныхъ мысляхъ говорится, что онѣ только идеи. Если мысли суть нѣчто объективное и случайное, то, конечно, онѣ не имѣютъ никакой дальнѣйшей цѣны, но вслѣдствіе того онѣ не становятся ниже вре-

менныхъ и случайныхъ дѣйствительностей, которыя также не имѣютъ иной дальнѣйшей цѣны, кромѣ цѣны случайностей и явленій. Если же, напротивъ, идея, наоборотъ, не должна цѣниться за истинную потому, что она по отношенію къ явленіямъ трансцендентна, что въ чувственномъ мірѣ не можетъ быть дано никакого совпадающаго съ нею предмета, то это должно считаться страннымъ недоразумѣніемъ, такъ какъ отъ идеи отрицается объективное значеніе потому, что ей не хватаетъ именно того, что образуетъ собою явленіе, неистинное бытіе объективнаго міра. По отношенію къ практическимъ идеямъ Кантъ признаетъ, что „нельзя найти ничего болѣе вреднаго и недостойнаго философа, чѣмъ свойственная черни ссылка на яко бы противорѣчащій идеѣ опытъ. Этой ссылки даже не существовало бы, если бы напр., государственныя учрежденія были своевременно устроены по идеямъ, и всякое доброе намѣреніе не было пресѣчено замѣною ихъ грубыми понятіями именно потому, что они почерпнуты изъ опыта". Кантъ смотритъ на идею, какъ на нѣчто необходимое, какъ на цѣль, которую должно стремиться установить, какъ на прообразъ для нѣкотораго максимума, къ которому должно постоянно стремиться какъ можно болѣе приблизиться состояніе дѣйствительности.

Но такъ какъ получился тотъ результатъ, что идея есть единство понятія и объективности, истинное, то на нее нельзя смотрѣть, только какъ на цѣль, къ которой должно приближаться, но которая сама постоянно остается нѣкоторымъ видомъ потусторонности, а слѣдуетъ признать, что все дѣйствительное лишь постольку есть, поскольку оно имѣетъ внутри себя и выражаетъ идею. Предметъ, объективный и субъективный міръ, не только долженъ совпадать съ идеею, но онъ самъ есть совпаденіе понятія и реальности; та реальность, которая не соотвѣтствуетъ понятію, есть просто явленіе, субъективное, случайное, произвольное, не истина. Если говорится, что на опытѣ нѣтъ предмета, вполнѣ совпадающаго съ идеею, то послѣдняя противоставляется дѣйствительному, какъ нѣкоторое субъективное мѣрило; но чѣмъ бы должно было поистинѣ быть нѣчто дѣйствительное, если бы его понятія не было въ немъ, и его объективность совсѣмъ не соотвѣтствовала этому понятію, это нельзя выразить словомъ; ибо это было бы ничто. Механическій и химическій объектъ, равно какъ бездушный субъектъ и сознающій лишь конечное, а не свою сущность, духъ, правда, по своей различной природѣ, имѣютъ свое понятіе осуществленнымъ не въ своей собственной формѣ. Но они могутъ вообще быть чѣмъ-либо истиннымъ лишь постольку, постольку они суть соединеніе ихъ понятія и реальности, ихъ души и тѣла. Цѣлыя, какъ государство, церковь, перестаютъ существовать, если разрушается единство ихъ понятія и ихъ реальности; человѣкъ, живое, мертвъ, если душа и тѣло разъединяются въ немъ; мертвая природа, механическій и химическій міръ, если именно мертвое принимается за неорганическій міръ, ибо иначе оно не имѣло бы никакого положительнаго значенія,—мертвая природа, если она раздѣлена на свое понятіе и свою реальность, есть не что иное, какъ субъективная отвлеченность нѣкоторой мыслимой формы и нѣкоторой безформенной матеріи. Духъ, который не былъ бы идеею, единствомъ самого понятія съ

собою, понятіе, которое имѣло бы своею реальностью самое понятіе, были бы мертвымъ, бездушнымъ духомъ, матеріальнымъ объектомъ.

Бытіе достигло значенія истины, такъ какъ идея есть единство понятія и реальности; бытіе есть отнынѣ лишь то, что есть идея. Конечныя вещи постольку конечны, поскольку онѣ невполнѣ имѣютъ въ нихъ самихъ реальность ихъ понятія, но нуждаются для того въ другихъ; или наоборотъ, поскольку онѣ предположены, какъ объекты и тѣмъ самымъ имѣютъ понятіе, какъ внѣшнее въ нихъ опредѣленіе. Высшее, до чего онѣ достигаютъ по сторонѣ этой конечности, есть внѣшняя цѣлесообразность. Что дѣйствительныя вещи не совпадаютъ съ идеею,— это сторона ихъ конечности, не-истины, по которой объекты, каждый въ своей различной сферѣ и въ отношеніяхъ объективности, опредѣлены механически, химически или черезъ нѣкоторую внѣшнюю цѣль. Что идея невполнѣ перерабатываетъ свою реальность, невполнѣ подчиняетъ ее понятію,—отъ этого зависитъ возможность того, что идея сама имѣетъ ограниченное содержаніе, что она, будучи по существу единствомъ понятія и реальности, столь же по существу есть также ихъ различіе; ибо лишь объектъ есть непосредственное, т.-е. лишь въ себѣ сущее единство. Но если бы нѣкоторый предметъ, напр., государство, совсѣмъ не соотвѣтствовало своей идеѣ, т.-е. если бы идеи государства вовсе не было, если бы его реальность—самосознательныя недѣлимыя—совсѣмъ не соотвѣтствовала понятію, то его душа и тѣло раздѣлились бы; первая отошла бы въ отдѣленныя области мысли, а послѣднее распалось бы на единичныхъ недѣлимыхъ; но такъ какъ понятіе государства составляетъ столь существенно ихъ природу, то это понятіе составляетъ въ нихъ столь сильное стремленіе, что они вынуждаются перевести его въ реальность или дать ему осуществиться хотя бы лишь въ формѣ внѣшней цѣлесообразности, ибо иначе они должны бы были погибнуть. Даже худшее изъ государствъ, реальность котораго наименѣе соотвѣтствуетъ понятію, есть, поскольку оно еще осуществляется, еще идея, недѣлимыя подчиняются еще въ немъ властвующему понятію.

Но идея имѣетъ не только общій смыслъ истиннаго бытія, единства понятія и реальности, но и болѣе опредѣленный смыслъ субъективнаго понятія и объективности. А именно понятіе, какъ таковое, есть само уже тожество себя и реальности, ибо неопредѣленное выраженіе реальность означаетъ вообще не что иное, какъ опредѣленное бытіе; послѣднему же присуще понятіе въ его частности и единичности. Равнымъ образомъ далѣе объективность есть возвратившееся изъ своей опредѣленности въ тожество съ собою цѣлостное понятіе. Въ той субъективности опредѣленность или различеніе понятія, присущій ему предикатъ, есть нѣкоторая видимость, которая непосредственно снята и возвратилась въ бытіе для себя или въ отрицательное единство. А въ этой объективности опредѣленность положена, какъ непосредственная цѣлостность, какъ внѣшнее цѣлое. Идея обнаружила себя теперь, какъ вновь освобожденное изъ субъективности отъ непосредственности, въ которую оно было погружено въ объектѣ, понятіе, которое отличаетъ себя отъ своей объективности, но при этомъ равнымъ образомъ опредѣлено ею и имѣетъ свою субстанціальность лишь въ этомъ понятіи.

Это тожество правильно опредѣлено, какъ субъектъ—объектъ; оно есть столь же формальное или субъективное понятіе, сколь и объектъ, какъ таковой. Но это должно быть постигнуто опредѣленнѣе. Понятіе, такъ какъ оно по истинѣ достигло своей реальности, есть то абсолютное сужденіе, субъектъ котораго отличается, какъ относящееся къ себѣ отрицательное единство, отъ своей объективности, и есть ея бытіе въ себѣ и для себя или по существу относится къ ней черезъ себя самого, — есть самоцѣль или побужденіе; объективность же именно потому не имѣетъ непосредственно субъекта въ немъ, такъ какъ иначе онъ былъ бы лишь утраченная въ ней цѣлостность объекта, какъ таковаго, но она есть реализація цѣли, нѣкоторая черезъ дѣятельность цѣли положенная объективность, которая, какъ бытіе въ положеніи, имѣетъ свое существованіе и свою форму; лишь какъ проникнутыя ея субъектомъ. Какъ объективность, она имѣетъ въ ней моментъ внѣшности понятія и есть поэтому вообще сторона конечности, измѣнчивости и явленія, находящая, однако, свое уничтоженіе въ обратномъ переходѣ въ отрицательное единство понятія; отрицательность, черезъ которую ея безразличное внѣбытіе обнаруживается, какъ несущественное и положенное, и есть само понятіе. Поэтому идея, несмотря на эту объективность, совершенно проста и нематеріальна, такъ какъ внѣшность опредѣлена лишь черезъ понятіе и принята въ свое отрицательное единство; поскольку она существуетъ, лишь какъ безразличная внѣшность, она вообще не только предана на жертву механизма, но есть лишь преходящее и неистинное. Имѣетъ ли идея, такимъ образомъ, также свою реальность въ нѣкоторой матеріальности, —послѣдняя все же не есть нѣкоторое отвлеченное, противоположное понятію бытіе для себя, а лишь становленіе черезъ отрицательность безразличнаго бытія, какъ простая опредѣленность понятія.

Отсюда вытекаютъ слѣдующія ближайшія опредѣленія идеи. Она есть, во-первыхъ, простая истина, тожество понятія и объективности, какъ общее, въ коемъ противоположность и существованіе частнаго разрѣшено въ свою тожественную себѣ отрицательность и есть равенство съ самимъ собою. Во-вторыхъ, она есть отношеніе сущей для себя субъективности простого понятія и отличенной отъ него объективности; первая есть по существу побужденіе снять это раздѣленіе, а вторая—безразличное положенное бытіе, въ себѣ и для себя уничтоженное существованіе. Какъ это отношеніе, идея есть процессъ, направленный къ раздѣленію на индивидуальность и на ея неорганическую природу, къ подчиненію послѣдней вновь власти субъекта и къ возврату къ первой простой общности. Тожество идеи съ самой собою есть едно съ процессомъ; мысль, освобождающая дѣйствительность отъ видимости безцѣльной измѣнчивости и просвѣтляющая ее въ идею, должна представлять эту истину дѣйствительности, не какъ мертвый покой, не какъ простой образъ, тусклый, безъ побужденія и движенія, не какъ нѣкотораго генія, или число, или отвлеченную мысль; идея, въ силу свободы, которой достигаетъ въ ней понятіе, имѣетъ въ себѣ также упорнѣйшую противоположность; ея покой состоитъ въ незыблемости и увѣренности, съ коими она вѣчно производитъ и вѣчно преодолѣваетъ и совпадаетъ въ ней (противоположности) съ самой собою.

Но ближайшимъ образомъ идея опять-таки лишь непосредственна или есть въ ея понятіи; объективная реальность хотя и соотвѣтствуетъ понятію, но еще не освободилась въ понятіе, и послѣднее еще не осуществлено для себя, какъ понятіе. Такимъ образомъ, понятіе, правда, есть душа, но душа въ образѣ нѣкотораго непосредственнаго, т.-е. ея опредѣленность еще не есть она сама, она еще не постигла себя, какъ душу, не есть еще въ ней самой ея объективная реальность; понятіе есть нѣкоторая душа, которая еще не полна душою.

Такимъ образомъ, идея есть, во-первыхъ, жизнь, — понятіе, которое, отличенное отъ своей объективности, просто проникаетъ внутри себя свою объективность, и, какъ самоцѣль, имѣетъ въ ней свое средство и полагаетъ ее, какъ свое средство, но въ этомъ средствѣ имманентно и образуетъ въ ней реализованную тожественную себѣ цѣль. Въ силу своей непосредственности идея имѣетъ тутъ формою своего осуществленія единичность. Но рефлексія ея абсолютнаго процесса въ себя самого есть снятіе этой непосредственной единичности; тѣмъ самымъ понятіе, которое въ ней, какъ общность, есть внутреннее, обращаетъ внѣшность въ общность или полагаетъ свою объективность, какъ равенство съ самимъ собою. Такимъ образомъ, идея есть,

во-вторыхъ, идея истиннаго и добраго, какъ познанія и воли. Ближайшимъ образомъ она есть конечное познаніе и конечная воля, въ которыхъ истинное и доброе еще различены, и оба суть цѣль. Понятіе ближайшимъ образомъ освободило себя въ себя само и установило, какъ реальность, отвлеченную объективность. Но процессъ этихъ конечныхъ познанія и дѣйствія обращаетъ первоначально отвлеченную общность въ цѣлостность, вслѣдствіе чего она становится полною объективностью. Или иначе разсматриваемый съ другой стороны конечный, т.-е. субъективный духъ образуетъ предположеніе нѣкотораго объективнаго міра, каковое уже имѣетъ жизнь; но дѣятельность духа состоитъ въ томъ, чтобы снять это предположеніе и сдѣлать его положеннымъ. Такимъ образомъ, реальность духа есть для него объективный міръ, или, наоборотъ, объективный міръ есть идеальность, въ которой духъ познаетъ самъ себя.

Въ-третьихъ, духъ познаетъ идею, какъ свою абсолютную истину, сущую въ себѣ и для себя, — безконечную идею, въ коей познаніе и дѣйствіе приравнялись, и которая есть абсолютное знаніе ея самой.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Жизнь.

Идея жизни касается столь конкретнаго и, если угодно, реальнаго предмета, что по обычному представленію о логикѣ можетъ показаться, будто, вступая въ эту область, логика выходитъ за свои границы. Конечно, если бы логика должна была содержать въ себѣ лишь пустыя, мертвыя формы мысли,

то въ ней вообще не могло бы итти рѣчи ни о какомъ такомъ содержаніи, какъ идея или жизнь. Но если предметъ логики есть абсолютная истина, а истина, какъ таковая, по существу заключается въ познаніи, то по крайней мѣрѣ познаніе должно бы было быть разсматриваемо въ логикѣ. Поэтому обыкновенно за такъ называемой чистою логикою даютъ слѣдовать нѣкоторой прикладной логикѣ, — логикѣ, имѣющей дѣло съ конкретнымъ познаніемъ; не говоря уже о большомъ количествѣ психологіи и антропологіи, вплетеніе котораго въ логику часто признается нужнымъ. Но антропологическая и психологическая сторона познанія касается его явленія, въ которомъ понятіе для себя самого еще не таково, чтобы имѣть равную ему объективность, т.-е. имѣть объектомъ само себя. Та часть логики, которая его разсматриваетъ, не принадлежитъ къ прикладной логикѣ, какъ таковой; такимъ путемъ можно бы было включить въ логику всякую науку, ибо каждая наука есть постольку прикладная логика, поскольку она (наука) состоитъ въ томъ, чтобы усвоить свой предметъ въ формахъ мысли и понятія. Субъективному понятію свойственны предположенія, изображаемыя въ психологической, антропологической или иной формѣ. Логикѣ же принадлежатъ лишь предположенія чистаго понятія, поскольку они имѣютъ форму чистой мысли, отвлеченныхъ существенностей, опредѣленій бытія и сущности. Равнымъ образомъ изъ состава познанія, самопониманія понятія, должны быть разсматриваемы въ логикѣ не какіе бы то ни было виды его предположенія, а лишь то, которое составляетъ самую идею; послѣднее же разсматривается въ ней необходимо. А это предположеніе есть непосредственная идея; ибо хотя познаніе есть понятіе, но поскольку оно для самого себя, какъ субъективное, находится въ отношеніи къ объективному, то оно относится къ идеѣ, какъ предположенной или непосредственной. Непосредственная же идея есть жизнь.

По силѣ сказаннаго необходимость разсматривать въ логикѣ идею жизни основывалась бы на также признанной уже необходимости разсматривать здѣсь конкретное понятіе познанія. Но эта идея выдвигаетъ себя и по внутренней необходимости понятія; идея, истинное въ себѣ и для себя, есть по существу предметъ логики; но такъ какъ она прежде всего должна быть разсматриваема въ своей непосредственности, то она должна быть понята и познана въ той опредѣленности, въ коей она есть жизнь, дабы ея разсмотрѣніе не было чѣмъ-то пустымъ и лишеннымъ опредѣленія. Можно только обратить вниманіе на то, насколько взглядъ логики на жизнь долженъ отличаться отъ взгляда на послѣднюю другихъ наукъ; однако, здѣсь должно говорить не о томъ, какъ разсматривается жизнь нефилософскими науками, а лишь о томъ, какъ должна быть отличена жизнь въ логикѣ, какъ чистая идея, отъ природной жизни, составляющей предметъ философіи природы, и отъ жизни, поскольку она связана съ духомъ. Первая, какъ жизнь природы, есть жизнь, поскольку она выброшена во внѣшность существованія, имѣетъ свое условіе въ неорганической природѣ и, какъ моментъ идеи, есть многообразіе дѣйствительныхъ образованій. Жизнь въ идеѣ свободна отъ такихъ предположеній, которыя суть образы дѣйствительности; ея предположеніе есть по-

нятіе, разсматриваемое, съ одной стороны, какъ субъективное, съ другой—какъ объективное. Въ природѣ жизнь является, какъ высшая ступень, которой, исходя отъ своей внѣшности, природа достигаетъ тѣмъ, что она переходитъ въ себя и снимаетъ себя въ субъективности. Въ логикѣ же простое бытіе внутри себя достигло въ идеѣ жизни своей по истинѣ соотвѣтствующей ему внѣшности; понятіе, выступавшее ранѣе, какъ субъективное, есть душа самой жизни; оно есть побужденіе, опосредывающее свою реальность черезъ объективность. Такъ какъ природа достигаетъ этой идеи изъ своей внѣшности, то она переходитъ за себя, ея конецъ не есть ея начало, но ея граница, въ коей она снимаетъ себя саму. Точно также и въ идеѣ жизни моменты ея реальности не сохраняютъ образа внѣшней дѣйствительности, но остаются заключенными въ форму понятія.

Въ духѣ же жизнь является отчасти его противоположностью, отчасти, какъ положенная въ единствѣ съ нимъ, и это единство вновь порождено чисто имъ. А именно, здѣсь жизнь должна быть вообще понимаема въ собственномъ ея смыслѣ, какъ природная жизнь, ибо то, что именуется жизнью духа, какъ духа, есть его особенность, противостоящая жизни просто; подобно тому, какъ говорится „по природѣ духа", хотя духъ есть не природное, а скорѣе противоположность природѣ. Стало быть жизнь, какъ таковая, есть для духа лишь средство, и такимъ образомъ онъ противопоставляетъ ее себѣ; онъ есть отчасти живое недѣлимое, и жизнь—его тѣло, отчасти же это единство его съ его живою тѣлесностью порождается изъ него самого, какъ идеалъ. Ни одно изъ этихъ отношеній къ духу не касается жизни въ логикѣ, гдѣ она не должна быть разсматриваема ни какъ средство нѣкотораго духа, ни какъ его живое тѣло, ни какъ моментъ идеала и красоты. Въ обоихъ случаяхъ, какъ природная и какъ состоящая въ отношеніи съ духомъ, жизнь обладаетъ нѣкоторою опредѣленностью своей внѣшности, тамъ вслѣдствіе предположеній, которыя суть другія образованія природы, здѣсь же вслѣдствіе цѣлей и дѣятельности духа. Идея жизни для себя свободна отъ той предположенной и обусловливающей объективности также, какъ отъ отношенія къ этой субъективности.

Жизнь, разсматриваемая ближе въ ея идеѣ, есть въ себѣ и для себя абсолютная общность; объективность, которую она имѣетъ въ ней, вполнѣ проникнута понятіемъ, имѣетъ субстанціею лишь его. То, что отличается, какъ часть, или на основаніи иной внѣшней рефлексіи, принадлежитъ всему понятію внутри себя самого; понятіе есть тутъ вездѣприсущая душа, остающаяся простымъ отношеніемъ къ себѣ самой и единою въ многообразіи, присущемъ объективному бытію. Это многообразіе, какъ внѣшняя себѣ объективность, обладаетъ безразличнымъ существованіемъ, которое въ пространствѣ и во времени, если здѣсь можно уже упоминать о нихъ, совершенно внѣшне во взаимномъ отношеніи своихъ частей. Но внѣшность есть въ жизни вмѣстѣ съ тѣмъ простая опредѣленность понятія послѣдней такъ, что душа, какъ вездѣприсущая, изливается въ это многообразіе и при томъ остается совершенно простымъ единствомъ конкретнаго понятія съ самимъ собою. Въ жизни, въ этомъ единствѣ ея понятія, въ объективной внѣшности, въ абсолютномъ множествѣ атомистической матеріи, мышленіе, которое держится за опредѣленія

отношеній рефлексіи и формальнаго понятія, совершенно теряетъ всѣ свои мысли; вездѣприсутствіе простого въ многообразной внѣшности есть для рефлексіи абсолютное противорѣчіе, и поскольку она вмѣстѣ съ тѣмъ должна усвоить его изъ воспріятія жизни и, стало быть, признать дѣйствительность этой идеи,—непонятная тайна, ибо рефлексія не схватываетъ понятія, и для нея понятіе не есть субстанція жизни. Но простая жизнь не только вездѣприсуща, а есть совершенно существованіе и имманентная субстанція своей объективности, однако, какъ субъективная субстанція,—побужденіе и при томъ специфическое побужденіе частнаго различенія, а также по существу единое и общее побужденіе того специфическаго, которое возвращаетъ эти частности къ единству и сохраняетъ ихъ въ немъ. Жизнь есть относящаяся къ себѣ, сущая для себя жизнь, душа, лишь какъ это отрицательное единство своей объективности и своего порозненія. Тѣмъ самымъ она есть по существу единичное, относящееся къ объективности, какъ къ нѣкоторому другому, къ нѣкоторой неживой матеріи. Первоначальное сужденіе жизни состоитъ поэтому въ томъ, что она отдѣляетъ себя, какъ индивидуальный субъектъ, отъ объективности, и заявляя себя, какъ отрицательное единство понятія, образуетъ предположеніе нѣкоторой непосредственной объективности.

Поэтому жизнь должна быть разсматриваема, во-первыхъ, какъ живое недѣлимое, сущая для себя субъективная цѣлостность, предположенная безразличною относительно противостоящей ей, какъ безразличная, объективности.

Во-вторыхъ, она есть жизненный процессъ, направленный къ тому, чтобы снять свое предположеніе, положить противостоящую ей безразличную объективность, какъ отрицательную, и осуществить себя, какъ ея мощь и отрицательное единство. Тѣмъ самымъ жизнь обращаетъ себя въ общее, которое есть единство ея самой и ея другого. Жизнь есть поэтому,

въ-третьихъ, процессъ рода, направленный къ тому, чтобы снять свою единичность и относиться къ своему объективному существованію, какъ къ себѣ самому. Этотъ процессъ есть тѣмъ самымъ, съ одной стороны, возвратъ къ своему понятію и повтореніе перваго раздѣленія, становленіе нѣкоторой новой и смерть первой непосредственной индивидуальности; а съ другой стороны, возвратившееся внутрь себя понятіе жизни есть становленіе относящаго къ себѣ самому, осуществленнаго для себя, какъ общее и свободное понятіе, переходъ къ познанію.

A.

Живое недѣлимое.

1. Понятіе жизни или общая жизнь есть непосредственная идея, понятіе, которому соотвѣтствуетъ его объективность; но она соотвѣтствуетъ ему лишь постольку, поскольку оно есть отрицательное единство этой внѣшности, т.-е. поскольку оно полагаетъ себя, какъ соотвѣтствующее. Безконечное отношеніе понятія къ самому себѣ, какъ отрицательность, есть самоопредѣленіе, раздѣленіе себя внутри себя, какъ субъективная единичность, и внутри себя,

какъ безразличная общность. Лишь идея жизни въ ея непосредственности есть творческая общая душа. Въ силу этой непосредственности первое непосредственное отношеніе идеи внутри себя самой, самоопредѣленіе ея, какъ понятія, есть положеніе въ себѣ, которое и есть, какъ возвратъ въ себя, бытіе для себя, творческое предположеніе. Черезъ это самоопредѣленіе общая жизнь есть нѣчто частное; тѣмъ самымъ она раздвоилась на два крайнихъ термина сужденія, ставшаго непосредственнымъ умозаключеніемъ.

Опредѣленія противоположности суть общія опредѣленія понятія, ибо именно понятію присуще раздвоеніе; но восполненіе послѣдняго есть идея. Одно единство есть единство понятія и реальности, которое есть идея, какъ непосредственная, ранѣе того обнаружившая себя, какъ объективность. Но здѣсь это единство имѣетъ иное опредѣленіе. Тамъ оно было единствомъ понятія и реальности, поскольку понятіе перешло въ послѣднюю и существуетъ, лишь какъ потерянное въ ней; оно не было ей противоположно, или, иначе, такъ какъ оно есть въ ней лишь внутреннее, оно есть для нея лишь нѣкоторая внѣшняя рефлексія. Поэтому эта объективность есть непосредственнымъ образомъ само непосредственное. Напротивъ, здѣсь оно есть лишь возникшее изъ понятія такъ, что его сущность есть бытіе въ положеніи, что оно есть отрицательное. На него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на сторону общности понятія, а тѣмъ самымъ какъ на отвлеченную общность, присущую по существу лишь субъекту и безразличную относительно него въ той формѣ непосредственнаго бытія, которое положено для себя. Полнота понятія, свойственная объективности, есть тѣмъ самымъ какъ бы заимствованная; остатокъ самостоятельности, сохраняющійся въ ней относительно субъекта, есть то бытіе, составляющее по своей истинѣ лишь моментъ понятія, которое есть предполагающее, въ первой опредѣленности нѣкотораго сущаго въ себѣ положенія, не имѣющаго еще характера положенія рефлектированнаго въ себя единства. Возникая такимъ образомъ изъ идеи, самостоятельная объективность есть непосредственное бытіе, лишь какъ предикатъ сужденія, коимъ самоопредѣляется понятіе, бытіе, хотя отличное отъ субъекта, но вмѣстѣ съ тѣмъ по существу положенное, какъ моментъ понятія.

По содержанію эта объективность есть полнота понятія, которая однако противопоставила себя его субъективности или отрицательному единству, составляющему истинную центральность, свое свободное единство съ самимъ собою. Этотъ субъектъ есть идея въ формѣ единичности, какъ простое, но отрицательное тожество съ собою,—живое недѣлимое.

Послѣднее есть во-первыхъ жизнь, какъ душа, какъ понятіе себя самой, вполнѣ опредѣленное внутри себя, какъ дающій начало, самодвижущій принципъ. Понятіе въ своей простотѣ содержитъ заключенную внутри себя опредѣленную внѣшность, какъ простой моментъ. Но далѣе эта душа въ ея непосредственности непосредственно внѣшня и имѣетъ нѣкоторое объективное бытіе въ себѣ самой; подчиненная цѣли реальность, непосредственное средство есть ближайшимъ образомъ объективность, какъ предикатъ субъекта, но далѣе она есть также средній терминъ умозаключенія; тѣлесность души

есть то, чѣмъ она вводится въ умозаключеніе съ внѣшнею объективностью. Живое имѣетъ тѣлесность, ближайшимъ образомъ, какъ непосредственно тожественную понятію реальность, т.-е. вообще по природѣ.

А такъ какъ эта объективность есть предикатъ недѣлимаго и принята въ субъективное единство, то ей не присущи прежнія опредѣленія объекта, механическое и химическое отношенія, и тѣмъ болѣе отвлеченныя рефлективныя отношенія цѣлаго и частей и т. п. Какъ внѣшность, она, правда, способна къ этимъ отношеніямъ, но лишь постольку, поскольку она не есть живое существованіе; если живое понимается, какъ цѣлое, состоящее изъ частей, какъ такое, на которое вліяютъ механическія или химическія причины, какъ механическій или химическій продуктъ, или просто какъ таковой, или опредѣленный внѣшнею цѣлью, то понятіе ему внѣшне, оно (живое) признается за мертвое. Такъ какъ понятіе ему имманентно, то цѣлесообразность живого должна быть понимаема, какъ внутренняя; понятіе есть въ живомъ, понятіе опредѣленное, отличенное отъ своей внѣшности и въ своемъ отличеніи проникающее его и тожественное себѣ. Эта объективность живого есть организмъ; она есть средство и орудіе цѣли, вполнѣ цѣлесообразное, такъ какъ понятіе составляетъ ее субстанцію; но именно потому это средство и орудіе есть сама выполненная цѣль, въ коей, поэтому, субъективная цѣль включена вмѣстѣ съ самою собою. По вмѣшности организма онъ есть многообразіе не частей, а членовъ, которые, какъ таковые, a., существуютъ лишь въ индивидуальности; они отдѣлимы одинъ отъ другого, поскольку они внѣшни и могутъ быть поняты въ этой внѣшности; но поскольку они отдѣлимы, они возвращаются въ механическія и химическія отношенія обычной объективности. b., Ихъ внѣшность противоположна отрицательному единству живой индивидуальности; поэтому послѣдняя есть побужденіе къ тому, чтобы полагать отвлеченный моментъ опредѣленности понятія, какъ реальное отличеніе; такъ какъ это отличеніе непосредственно, то это есть побужденіе каждаго единичнаго, специфическаго момента производить его, а равнымъ образомъ, повышать свою частность въ общность, снимать другіе внѣшніе ему моменты, осуществлять себя на ихъ счетъ, но также снимать самого себя и дѣлать себя средствомъ для другихъ.

2. Этотъ процессъ живой индивидуальности ограниченъ ею самою и заключенъ совершенно внутри нея. Въ умозаключеніи внѣшней цѣлесообразности первая его посылка, относящаяся къ объективности и дѣлающая ее средствомъ, разсматривалась ранѣе такъ, что хотя въ ней цѣль остается равною себѣ и возвратилась въ себя, но объективность въ ней самой еще не сняла себя, и поэтому цѣль въ ней не есть въ себѣ и для себя, а это достигается лишь въ заключеніи. Процессъ, совершающійся въ живомъ самъ съ собою, есть эта посылка, но поскольку она есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключеніе, постольку непосредственное отношеніе субъекта къ объективности, которая тѣмъ самымъ становится средствомъ и орудіемъ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательное единство понятія въ немъ самомъ; цѣль въ этой своей внѣшности осуществляетъ себя такимъ образомъ, что цѣль есть ея субъективная мощь и тотъ процессъ, въ которомъ она (внѣшность) обнаруживаетъ свое саморазложеніе и свой воз-

вратъ въ это свое отрицательное единство. Безпокойство и измѣнчивость внѣшней стороны живого есть проявленіе понятія въ немъ, понятія, которое имѣетъ объективность, лишь какъ отрицательность въ себѣ самой, поскольку ея безразличное существованіе обнаруживается, какъ снимающее себя. Такимъ образомъ, понятіе черезъ свое побужденіе производитъ себя такъ, что продуктъ, будучи его сущностью, есть самъ производящее, именно, что онъ есть продуктъ, лишь какъ полагающая себя также отрицательною внѣшность или какъ процессъ произведенія.

3. Только что разсмотрѣнная идея есть понятіе живого субъекта и его процесса; опредѣленія, находящіяся здѣсь во взаимномъ отношеніи, суть относящееся къ себѣ отрицательное единство понятія и объективность, которая есть его средство, но въ которой оно возвратилось въ само себя. Но такъ какъ это суть моменты идеи жизни внутри ея понятія, то они не суть опредѣленные моменты понятія живого недѣлимаго въ его реальности. Его объективность или тѣлесность есть конкретная полнота; ея моменты суть тѣ стороны, изъ коихъ образуется тѣлесность; поэтому, они не суть моменты этой уже черезъ идею образованной жизненности. Тѣлесная же объективность недѣлимаго, какъ таковая, такъ какъ она одушевлена понятіемъ и имѣетъ его своею субстанціею, имѣетъ въ ней такія существенныя отличенія, которыя суть ея опредѣленія,—общность, частность и единичность; тотъ видъ, въ коемъ она различена внѣшнимъ образомъ, раздѣленъ поэтому или разсѣченъ (insectum) сообразно имъ.

Тѣмъ самымъ она есть, во-первыхъ, общность, лишь въ себѣ самомъ совершающееся содроганіе жизненности, чувствительность. Понятіе общности, какъ оно выяснилось выше, есть простая непосредственность, которая есть однако таковая, лишь какъ абсолютная отрицательность въ себѣ. Это понятіе абсолютнаго различенія, поскольку его отрицательность разложилась въ простоту и равна самой себѣ, дана воззрѣнію въ чувствительности. Она есть бытіе внутри себя, не какъ отвлеченная простота, но какъ безконечная опредѣлимая воспріимчивость, которая въ своей опредѣленности не становится чѣмъ-то многообразнымъ и внѣшнимъ, но просто рефлектирована въ себя. Опредѣленность есть въ этой общности простой принципъ; единичная внѣшняя опредѣленность, т. наз. впечатлѣніе, возвращается изъ своего внѣшняго и многообразнаго опредѣленія въ эту простоту самочувствія. Чувствительность можетъ тѣмъ самымъ быть разсматриваема, какъ существованіе сущей внутри себя души, такъ какъ первая принимаетъ въ себя всю внѣшность, но возвращаетъ ее въ полную простоту равной себѣ общности.

Второе опредѣленіе понятія есть частность, моментъ положеннаго отличенія, раскрытіе отрицательности, которая замкнута въ простомъ самочувствіи или, иначе, есть въ немъ идеализованная, еще не реальная опредѣленность,—раздражительность. Чувство есть побужденіе въ силу отвлеченности своей отрицательности; оно опредѣляетъ себя; самоопредѣленіе живого есть его сужденіе или обращеніе его въ конечное, вслѣдствіе чего оно относится къ внѣшнему, какъ къ нѣкоторой предположенной объективности, и находится во взаимодѣйствіи съ нею. По своей частности оно есть отчасти видъ на-ряду

съ другими видами живого; формальная рефлексія въ себя этого безразличнаго различія есть формальный родъ и его систематизація; но индивидуальная рефлексія состоитъ въ томъ, что частность есть отрицательность ея опредѣленности, какъ нѣкотораго направленія во внѣ, которое есть относящаяся къ себѣ отрицательность понятія.

По этому третьему опредѣленію живое есть единичное. Ближайше эта рефлексія въ себя опредѣляетъ себя такъ, что живое въ раздражительности есть внѣшность себя относительно себя самой, относительно объективности, которою оно обладаетъ непосредственно въ немъ, и которая опредѣлима внѣшнимъ образомъ. Рефлексія въ себя снимаетъ эту непосредственность,—съ одной стороны, какъ теоретическая рефлексія, поскольку именно отрицательность есть простой моментъ чувствительности, разсматриваемый въ ней и составляющій чувство; съ другой же стороны, какъ реальная (рефлексія), такъ какъ единство понятія въ своей внѣшней объективности полагаетъ себя, какъ отрицательное единство, воспроизведеніе. Оба первыхъ момента, чувствительность и раздражительность, суть отвлеченныя опредѣленія; въ воспроизведеніи же жизнь есть конкретное, жизненность, она имѣетъ въ ней, какъ свою истину, лишь теперь, также чувство и силу сопротивленія. Воспроизведеніе есть отрицательность, какъ простой моментъ чувствительности, а раздражительность есть лишь живая сила сопротивленія, находящаяся въ отношеніи къ внѣшнему воспроизведенію и индивидуальному тожеству съ собою. Каждый изъ единичныхъ моментовъ есть по существу полнота всѣхъ ихъ, ихъ различеніе образуетъ собою идеализованную опредѣленность формы, которая положена въ воспроизведеніи, какъ конкретная полнота цѣлаго. Это цѣлое есть, поэтому, съ одной стороны, третье, именно противоположено этимъ опредѣленнымъ полнотамъ, какъ реальная полнота, а съ другой стороны, оно есть ихъ сущая въ себѣ существенность и вмѣстѣ съ тѣмъ то, въ чемъ соединяются онѣ, какъ моменты, и въ чемъ онѣ имѣютъ свой субъектъ и свою устойчивость.

Вмѣстѣ съ воспроизведеніемъ, какъ моментомъ единичности, живое полагаетъ себя, какъ дѣйствительную индивидуальность, какъ относящееся къ себѣ бытіе для себя; но воспроизведеніе есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, реальное отношеніе къ внѣшнему, рефлексія частности или раздражительности въ противоположность нѣкоторому другому, объективному міру. Замкнутый внутри недѣлимаго процессъ жизни переходитъ въ отношеніе къ предположенной объективности, какъ таковой, такимъ путемъ, что такъ какъ недѣлимое полагаетъ себя, какъ субъективную полноту, то моментъ его опредѣленности, какъ отношеніе къ внѣшности, становится также полнотою.

B.

Процессъ жизни.

Образуя себя внутри себя самого, живое недѣлимое тѣмъ самымъ противоставляетъ себя своему первоначальному предположенію и, какъ въ себѣ и для себя сущій объектъ,—предположенному объективному міру. Субъектъ есть

самъ себѣ цѣль, понятіе, имѣющее свое средство и субъективную реальность въ подчиненной ему объективности; тѣмъ самымъ онъ образованъ, какъ въ себѣ и для себя сущая идея и какъ по существу самостоятельное, относительно котораго предположенный внѣшній міръ имѣетъ значеніе лишь отрицательнаго и несамостоятельнаго. Въ своемъ самочувствіи живое обладаетъ этою увѣренностью въ сущемъ для себя ничтожествѣ противостоящаго живому инобытія. Побужденіе живого есть потребность снять это инобытіе и сообщить себѣ истину сказанной увѣренности. Недѣлимое, лишь какъ субъектъ, есть прежде всего понятіе идеи жизни; его субъективный процессъ внутри себя, въ коемъ оно пожираетъ самъ себя, и непосредственная объективность, которую оно полагаетъ, какъ естественное средство сообразно своему понятію, опосредованы процессомъ, относящимся къ вполнѣ положенной внѣшности, къ безразлично стоящей на-ряду съ нимъ объективной полнотѣ.

Этотъ процессъ начинается съ потребности, т.-е. съ того момента, въ коемъ живое, во-первыхъ, опредѣляетъ себя, тѣмъ самымъ полагаетъ себя, какъ объективность, подлежащую отрицанію, и тѣмъ самымъ, относящуюся къ нѣкоторой другой, безразличной объективности; но, во-вторыхъ, оно не теряется въ этой потерѣ себя, сохраняется въ ней и остается тожествомъ равного самому себѣ понятія; тѣмъ самымъ оно есть побужденіе положить равнымъ себѣ и снять тотъ иной ему міръ для себя и объективировать себя. Вслѣдствіе того его самоопредѣленіе имѣетъ форму объективной внѣшности и то, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ тожественно себѣ, есть абсолютное противорѣчіе. Непосредственное образованіе есть идея въ ея простомъ понятіи, соотвѣтственная понятію объективность; такимъ образомъ, она по природѣ добра. Но такъ какъ ея отрицательный моментъ реализованъ въ объективную частность, т.-е. существенные моменты ея единства каждый для себя — въ полноту, то понятіе раздваивается въ абсолютное неравенство себя съ собою; и такъ какъ оно, равнымъ образомъ, есть въ этомъ раздвоеніи абсолютное единство, то живое есть для самого себя это раздвоеніе и имѣетъ чувство этого противорѣчія, которое (чувство) есть боль. Поэтому, боль есть преимущество живыхъ существъ, ибо они суть осуществленное понятіе, нѣкоторая дѣйствительность той безконечной силы, отрицательность ихъ самихъ внутри себя и эта ихъ отрицательность состояній для нихъ, состоящая въ томъ, что они сохраняютъ себя въ ихъ инобытіи. Если говорятъ, что противорѣчіе немыслимо, то именно въ боли живого оно имѣетъ даже дѣйствительное осуществленіе.

Это раздвоеніе живого внутри себя есть чувство, при чемъ оно принято въ простую общность понятія, въ чувствительность. Съ боли начинаются потребность и побужденіе, составляющія переходъ, который состоитъ въ томъ, что недѣлимое, будучи отрицаніемъ себя для себя, становится также тожествомъ для себя, — тожествомъ, которое есть лишь отрицаніе этого отрицанія. Тожество, присущее побужденію, какъ таковому, есть субъективная достовѣрность себя самого, согласно которой недѣлимое относится къ своему внѣшнему, безразлично осуществленному міру, какъ къ явленію, къ чуждой въ себѣ понятію и несущественной дѣйствительности. Оно должна получить понятіе

внутри себя лишь черезъ субъектъ, который есть имманентная цѣль. Безразличіе объективнаго міра къ опредѣленности, а тѣмъ самымъ и къ цѣли, и составляетъ его внѣшнюю способность быть соотвѣтствующимъ субъекту; какія бы прочія спецификаціи онъ ни имѣлъ въ немъ, его механическая опредѣлимость, недостатокъ свободы имманентнаго понятія составляетъ его безсиліе сохранять себя вопреки живому. Поскольку объектъ есть въ противоположность живому ближайшимъ образомъ нѣкоторое безразличное внѣшнее, онъ можетъ дѣйствовать на живое механически; но онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, не какъ на нѣчто живое; поскольку онъ относится къ послѣднему, онъ дѣйствуетъ не какъ причина, а возбуждаетъ оное. Такъ какъ живое есть побужденіе, то внѣшность привходитъ въ него и внутрь его, лишь поскольку она уже есть внутри его въ себѣ и для себя; воздѣйствіе на субъектъ состоитъ поэтому лишь въ томъ, что онъ соотвѣтствующимъ образомъ находитъ представляющуюся ему внѣшность; — если она и не соотвѣтствуетъ его полнотѣ, то по крайней мѣрѣ она должна соотвѣтствовать нѣкоторой частной его сторонѣ, и возможность этого заключается въ томъ, что онъ, какъ относящійся внѣшнимъ образомъ, есть нѣчто частное.

Итакъ, субъектъ, поскольку онъ, какъ опредѣленный въ своей потребности, относится къ внѣшнему и потому самъ есть внѣшнее или орудіе, оказываетъ насиліе надъ объектомъ. Частный характеръ субъекта, его конечность вообще, обнаруживается въ болѣе опредѣленномъ явленіи этого отношенія. Внѣшнее въ послѣднемъ есть вообще процессъ объективности, механизмъ и химизмъ. Но этотъ процессъ непосредственно прерывается, и внѣшность превращается во внутреннее. Внѣшняя цѣлесообразность, возникающая ближайшимъ образомъ черезъ дѣятельность субъекта въ безразличномъ объектѣ, снимается тѣмъ, что объектъ по отношенію къ понятію не есть субстанція, и что поэтому понятіе не можетъ быть его внѣшнею формою, но должно положить себя, какъ его сущность и имманентное, проникающее опредѣленіе, сообразно своему первоначальному тожеству.

Вмѣстѣ съ подчиненіемъ объекта механическій процессъ переходитъ поэтому во внутренній, черезъ который недѣлимое усвоиваетъ себѣ объектъ такъ, что оно лишаетъ его своеобразнаго состоянія, дѣлаетъ его своимъ средствомъ и сообщаетъ ему, какъ субстанцію, свою субъективность. Эта ассимиляція совпадаетъ тѣмъ самымъ съ вышеразсмотрѣннымъ процессомъ воспроизведенія недѣлимаго; въ этомъ процессѣ оно ближайшимъ образомъ пожираетъ себя, дѣлая себѣ объектомъ свою собственную объективность; механическій и химическій конфликтъ его членовъ съ внѣшними вещами есть одинъ изъ его объективныхъ моментовъ. Механическое и химическое въ процессѣ есть начало разложенія живого. Такъ какъ жизнь есть истина этихъ процессовъ, и тѣмъ самымъ живое есть осуществленіе этой истины и ея мощь, то жизнь захватываетъ ихъ, проникаетъ ихъ, какъ ихъ общность, и ихъ продуктъ вполнѣ ею опредѣляется. Это ихъ превращеніе въ живую индивидуальность составляетъ возвратъ ихъ въ себя самихъ, такъ что произведеніе, которое, какъ таковое, было бы переходомъ въ нѣчто другое, становится воспроизведеніемъ, въ коемъ живое для себя полагаетъ себя тожественнымъ съ собою.

Непосредственная идея есть также непосредственное, не для себя сущее тожество понятія и реальности; черезъ объективный процессъ живое сообщаетъ себѣ свое самочувствіе; ибо оно полагаетъ себя въ послѣднемъ, какъ то, что есть въ себѣ и для себя, въ своемъ положенномъ, какъ безразличное инобытіе, тожествѣ съ самимъ собою, отрицательнымъ единствомъ отрицательнаго. Въ этомъ совпаденіи недѣлимаго со своею первоначально предположенною, какъ безразличная ему, объективностью, равнымъ образомъ съ одной стороны въ образованіи изъ себя дѣйствительной единичности, оно снимаетъ свою частность и повышается до общности. Его частность состояла въ раздвоеніи, черезъ которое жизнь полагала, какъ свои виды, индивидуальную жизнь и внѣшнюю ей объективность. Черезъ внѣшній процессъ жизни жизнь тѣмъ самымъ положила себя, какъ реальную, общую жизнь, какъ родъ.

C.

Родъ.

Живое недѣлимое, выдѣленное ранѣе того изъ общаго понятія жизни, есть нѣкоторое предположеніе, еще не оправданное черезъ себя само. Черезъ процессъ съ предположеннымъ вмѣстѣ съ тѣмъ міромъ недѣлимое положило само себя для себя, какъ отрицательное единство своего инобытія, какъ основу себя самого; оно есть такимъ образомъ дѣйствительность идеи такъ, что недѣлимое производитъ себя теперь изъ дѣйствительности, какъ ранѣе оно происходило лишь изъ понятія, и что его происхожденіе, которое было нѣкоторымъ предположеніемъ, теперь есть его собственное произведеніе.

Но дальнѣйшее опредѣленіе, коего оно достигло черезъ снятіе противоположности, состоитъ въ томъ, чтобы быть родомъ, какъ тожествомъ себя со своимъ прежнимъ безразличнымъ инобытіемъ. Такъ какъ эта идея недѣлимаго есть это существенное тожество, то она есть по существу порозненіе себя самой. Это ея раздѣленіе въ силу полноты, изъ которой оно возникаетъ, есть раздвоеніе недѣлимаго,—предположеніе нѣкоторой объективности, тожественной съ нимъ, и отношеніе живого къ себѣ самому, какъ нѣкоторому другому живому.

Это общее есть третья ступень, истина жизни, поскольку она еще замѣтна внутри своей сферы. Эта ступень есть относящійся къ себѣ процессъ недѣлимаго, въ коемъ (процессѣ) внѣшность есть его имманентный моментъ; во-вторыхъ эта внѣшность, какъ живая полнота, есть сама нѣкоторая объективность, какою для недѣлимаго служитъ оно само, и въ которой процессъ имѣетъ достовѣрность самого себя не какъ снятый, но какъ существующій (bestehender).

А такъ какъ отношеніе рода есть тожество индивидуальнаго самочувствія въ томъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ есть другое самостоятельное недѣлимое, то это отношеніе есть противорѣчіе; тѣмъ самымъ живое есть вновь побужденіе. Родъ есть, правда, завершеніе идеи жизни, но ближайшимъ образомъ онъ находится еще внутри сферы непосредственности; поэтому эта общность имѣетъ дѣйствительность въ единичномъ образѣ; это понятіе, реальность котораго имѣетъ форму непосредственной объективности. Поэтому хотя недѣлимое

есть въ себѣ родъ, но оно не есть для себя родъ; то, что есть для него, есть лишь другое живое недѣлимое; отличенное отъ себя понятіе имѣетъ тожественнымъ себѣ предметомъ не себя, какъ понятіе, а нѣкоторое понятіе, которое, какъ живое, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшнюю объективность для него, нѣкоторую форму, которая поэтому непосредственно противоположна ему.

Тожество съ другимъ, общность недѣлимаго, есть тѣмъ самымъ лишь внутренняя или субъективная; недѣлимое имѣетъ поэтому стремленіе положить ее и реализовать себя, какъ общее. Но это побужденіе къ роду можетъ реализовать себя лишь черезъ снятіе еще взаимно различныхъ, единичныхъ индивидуальностей. Поскольку ближайшимъ образомъ онѣ въ себѣ вообще удовлетворяютъ напряженность своего стремленія и разлагаются въ общность своего рода, то ихъ реализованное тожество есть отрицательное единство рефлектирующагося въ себя изъ своего раздвоенія рода. Онѣ суть въ силу того индивидуальность самой жизни, порожденная не изъ ея понятія, а изъ дѣйствительной идеи. Ближайшимъ образомъ она есть сама лишь понятіе, которое еще должно себя объективировать, но дѣйствительное понятіе,—зародышъ нѣкотораго живого недѣлимаго. Въ этомъ зародышѣ дано обычному воспріятію то, что есть понятіе, и то, что субъективное понятіе имѣетъ внѣшнюю дѣйствительность. Ибо зародышъ живого есть полная конкретность индивидуальности, содержащая всѣ свои различныя стороны, свойства и членораздѣльныя различенія въ ихъ полной опредѣленности, которая ближайшимъ образомъ просто и нечувственно есть нематеріальная, субъективная полнота; такимъ образомъ зародышъ есть все живое во внутренней формѣ понятія.

Рефлексія рода въ себя есть съ этой стороны то, чѣмъ сохраняется дѣйствительность, такъ какъ въ ней полагается моментъ отрицательнаго единства и индивидуальности,—размноженіе живыхъ существъ. Идея, которая, какъ жизнь, имѣетъ еще форму непосредственности, возвращается тѣмъ самымъ въ дѣйствительность, и эта ея рефлексія есть лишь повтореніе и безконечный прогрессъ, въ коемъ она не освобождается отъ конечности своей непосредственности. Но это возвращеніе идеи къ ея первоначальному понятію имѣетъ и ту болѣе высокую сторону, что идея нетолько прошла опосредованіе своего процесса, погруженная въ непосредственность, а также сняла при этомъ послѣднюю и тѣмъ самымъ повысилась въ болѣе высокую форму своего существованія.

А именно процессъ рода, въ коемъ отдѣльныя недѣлимыя взаимно снимаютъ свое безразличное, непосредственное осуществленіе и уничтожаются въ этомъ отрицательномъ единствѣ, имѣетъ далѣе другою стороною своего продукта реализованный родъ, положившій себя тожественнымъ съ понятіемъ. Въ процессѣ рода исчезаютъ отдѣльныя единичности индивидуальной жизни; отрицательное тожество, въ которомъ родъ возвращается внутрь себя, съ одной стороны порождаетъ единичность, а съ другой снимаетъ ее, и стало быть есть совпавшій съ собою родъ, ставшая сущею для себя общность идеи. Въ оплодотвореніи уничтожается непосредственность живой индивидуальности; смерть этой жизни есть возникновеніе духа. Идея, которая, какъ родъ, есть въ себѣ, есть для себя, такъ какъ она сняла свою частность, присущую

живымъ существамъ, и тѣмъ самымъ сообщила себѣ нѣкоторую реальность, которая есть сама простая общность; такимъ образомъ она есть идея, которая относится къ себѣ, какъ идея, общее, имѣющее общность своею опредѣленностью и существованіемъ;—идея познанія.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Идея познанія.

Жизнь есть непосредственная идея или идея, какъ ея еще не реализованное въ самомъ себѣ понятіе. Въ ея сужденіи она есть познаніе вообще.

Понятіе есть, какъ понятіе, для себя, поскольку оно осуществляется свободно, какъ отвлеченная общность или какъ родъ. Такимъ образомъ оно есть свое чистое тожество съ собою, которое такъ различаетъ себя въ себѣ самомъ, что различенное не есть нѣкоторая объективность, но равнымъ образомъ освобождено въ субъективность или форму простого равенства съ собою, и тѣмъ самымъ есть предметъ понятія, самое понятіе. Его реальность вообще есть форма его существованія; вся суть состоитъ въ опредѣленіи этой формы; на ней основывается различеніе того, что понятіе есть въ себѣ или какъ субъективное, что оно есть, какъ погруженное въ объективность, и затѣмъ въ идеѣ жизни. Въ послѣдней оно, правда, отличено отъ своей внѣшней реальности и положено для себя, но имѣетъ это бытіе для себя, лишь какъ тожество, которое есть отношеніе къ себѣ, какъ погруженному въ свою подчиненную ему объективность, или къ себѣ, какъ присущей ему субстанціальной формѣ. Возвышеніе понятія надъ жизнью состоитъ въ томъ, что его реальность есть освобожденная въ общность форма понятія. Черезъ это сужденіе идея раздваивается на субъективное понятіе, реальность котораго есть оно само, и на объективное, которое есть жизнь. Мышленіе, духъ, самосознаніе суть опредѣленія идеи, поскольку она имѣетъ предметомъ саму себя, и поскольку ея существованіе, т.-е. опредѣленность ея бытія, есть ея собственное отличеніе отъ себя самой.

Метафизика духа или, какъ говорится часто иначе, души вращалась около опредѣленій субстанціи, простоты, нематеріальности; опредѣленій, для которыхъ было принимаемо въ основу представленіе духа, какъ субъекта, почерпнутое изъ эмпирическаго сознанія, и затѣмъ спрашивалось, какіе предикаты согласуются съ воспріятіями; пріемъ, который не могъ идти далѣе, чѣмъ пріемъ физики—подвести міръ явленій подъ общіе законы и опредѣленія рефлексіи, такъ какъ въ основаніи этого пріема лежалъ духъ также лишь въ его явленіи; этотъ пріемъ приводилъ даже къ еще меньшей научности, чѣмъ въ физикѣ, такъ какъ духъ нетолько безконечно богаче, чѣмъ природа, но и такъ какъ абсолютное единство противоположнаго въ понятіи составляетъ также сущность духа; такимъ образомъ въ своемъ явленіи и отношеніи къ внѣшности онъ проявляетъ противорѣчіе въ его высшей опредѣленности, и поэтому для каждаго изъ противоположныхъ опредѣленій рефлексіи долженъ быть

произведенъ опытъ, или отъ опытовъ должны быть сдѣланы выводы къ противоположнымъ опредѣленіямъ путемъ формальнаго умозаключенія. Такъ какъ непосредственно присущіе явленію предикаты ближайшимъ образомъ принадлежатъ еще опытной психологіи, то для метафизическаго соображенія остаются собственно лишь совершенно скудныя опредѣленія рефлексіи. Кантъ въ своей критикѣ умозрительной психологіи признаетъ эту метафизику прочно стоящею на томъ, что, поскольку она должна быть умозрительною наукой, то малѣйшая почерпнутая изъ воспріятія прибавка къ общему представленію самосознанія превратила бы эту науку въ опытную и погубила бы ея умозрительную чистоту и независимость отъ всякаго опыта. Поэтому не остается ничего кромѣ простого, совершенно пустого для себя по содержанію представленія *я*, о которомъ нельзя даже сказать, что оно есть понятіе, но которое есть простое сознаніе, сопровождающее всѣ понятія. Черезъ это *я* или черезъ то (ту вещь), что мыслитъ, по дальнѣйшимъ выводамъ Канта представляется лишь трансцендентальный субъектъ мыслей$=x$, который познается только черезъ мысли, составляющіе его предикаты, и о которомъ въ его отдѣльности мы никогда не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія; при томъ это *я* по собственному выраженію Канта имѣетъ то неудобство, что для какого-либо сужденія о немъ мы постоянно должны уже пользоваться имъ; ибо оно не есть нѣкоторое представленіе, служащее для отличенія какого-либо особаго объекта, а форма послѣдняго вообще, поскольку оно должно быть названо познаніемъ. Такимъ образомъ паралогизмъ, въ который впадаетъ раціональная психологія, состоитъ въ томъ, что модусы самосознанія въ мышленіи обращаются въ понятія разсудка о нѣкоторомъ объектѣ, что это я мыслю принимается за нѣкоторое мыслящее существо, за нѣкоторую вещь въ себѣ; такимъ путемъ изъ того, что *я* въ сознаніи всегда присутствуетъ, какъ субъектъ, и именно какъ единичный, при всемъ многообразіи представленія тожественный и отличающій меня отъ этого многообразія, какъ внѣшняго ему, неправильно выводится, что *я* есть нѣкоторая субстанція, далѣе—нѣчто качественно простое, единое и существующее независимо отъ пространственныхъ и временныхъ вещей.

Я привелъ и это изложеніе болѣе подробно потому, что оно опредѣленно знакомитъ съ природою прежней метафизики души, а также въ частности уничтожившей эту метафизику критики. Первая направлялась къ опредѣленію отвлеченной сущности души; она исходила при этомъ первоначально отъ воспріятія и превращала его эмпирическую общность и вообще внѣшнее рефлективное опредѣленіе единичности дѣйствительнаго въ форму завершенныхъ опредѣленій сущности. Кантъ вообще имѣлъ при этомъ въ виду лишь состояніе современной ему метафизики, которая останавливалась, главнымъ образомъ, на такихъ отвлеченныхъ, одностороннихъ опредѣленіяхъ безъ какой-либо діалектики; истинно умозрительныхъ идей болѣе старыхъ философовъ о понятіи духа онъ не принималъ во вниманіе и не изслѣдовалъ. Въ своей критикѣ этихъ опредѣленій онъ просто слѣдовалъ юмовой скептической манерѣ, а именно, твердо стоялъ на томъ, какимъ является *я* въ самосознаніи, отбрасывая

изъ него, такъ какъ надлежало познать его, какъ сущность, какъ вещь въ себѣ, все эмпирическое; такимъ образомъ, не оставалось ничего, кромѣ этого явленія я мыслю, которое сопровождаетъ всѣ представленія, и о которомъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что ни о *я*, ни о чемъ бы то ни было, даже о понятіи не имѣется ни малѣйшаго понятія, покуда люди не понимаютъ, а останавливаются на простомъ, неподвижномъ представленіи и названіи. Странна мысль — если только ее можно назвать мыслью,—что *я* уже долженъ пользоваться *я*, чтобы судить о *я*; *я*, которое пользуется самосознаніемъ, какъ нѣкоторымъ средствомъ сужденія, есть конечно нѣкоторый x, о коемъ, равно какъ объ отношеніи такого пользованія, нельзя имѣть ни малѣйшаго понятія. Но безъ сомнѣнія смѣшно называть неудобствомъ и, какъ нѣчто ошибочное, кругомъ то свойство самосознанія, что *я* мыслитъ само себя, что нельзя мыслить *я*, если нѣтъ *я*, которое мыслитъ; отношеніе, черезъ которое въ непосредственномъ эмпирическомъ самосознаніи обнаруживается абсолютная, вѣчная природа *я* и его понятія, обнаруживается въ силу того, что самосознаніе именно и есть существующее, слѣдовательно, эмпирически воспринимаемое чистое понятіе, абсолютное отношеніе къ себѣ самому, которое, какъ раздѣляющее сужденіе, дѣлаетъ себя своимъ предметомъ и одно способно тѣмъ самымъ обратить себя въ кругъ. Камню не свойственно это неудобство; если о немъ думаютъ, или если нужно судить о немъ, то онъ при этомъ не преграждаетъ самъ себѣ пути; ему чуждо затрудненіе пользоваться для этого самимъ собою; этотъ трудъ должно принять на себя нѣчто другое, находящееся внѣ его.

Недостатокъ, находимый этими заслуживающими названіе варварскихъ представленіями, въ томъ, что при мысли о *я* послѣднее не можетъ быть опущено, какъ субъектъ, является за симъ въ такомъ видѣ, что *я* дано лишь, какъ субъектъ сознанія, или что *я* можетъ употреблять себя лишь въ качествѣ субъекта сужденія, и что нѣтъ такого воззрѣнія, черезъ которое оно было бы дано, какъ объектъ; между тѣмъ понятіе вещи, которая можетъ существовать, лишь какъ субъектъ, не приводитъ еще за собою никакой объективной реальности. Но если для объективности требуется внѣшнее, опредѣленное во времени и пространствѣ воззрѣніе, и оно однако отсутствуетъ, то ясно, что подъ объективностью разумѣется лишь та чувственная реальность, возвышеніе надъ которою есть условіе мышленія и истины. Но конечно если *я* при отсутствіи понятія признается только простымъ представленіемъ, такъ, какъ мы высказываемъ *я* въ обыденномъ сознаніи, то оно есть отвлеченное опредѣленіе, а не имѣющее само себя предметомъ отношеніе себя самого; оно есть, такимъ образомъ, лишь одинъ изъ крайнихъ терминовъ, односторонній субъектъ безъ своей объективности и было бы также лишь объектомъ безъ субъективности, если бы тутъ не встрѣчалось именно упомянутаго неудобства— неотдѣлимости отъ я, какъ объекта, мыслящаго субъекта. Но въ дѣйствительности то же самое неудобство имѣетъ мѣсто и при первомъ опредѣленіи, опредѣленіи *я*, какъ субъекта; ибо *я* мыслитъ нѣчто, себя или что-либо другое. Эта нераздѣльность двухъ формъ, въ которыхъ оно противополагаетъ себя себѣ

самому, составляетъ собственную природу его понятія и понятія, какъ таковаго; она есть именно то, что желаетъ удержать Кантъ, дабы прочно сохранить неразличающее себя въ себѣ и потому лишь чуждое понятію представленіе. Такое чуждое понятію представленіе, правда, можетъ смѣло быть противопоставлено отвлеченнымъ опредѣленіямъ рефлексіи или категоріямъ прежней метафизики; ибо оно стоитъ съ ними наравнѣ по односторонности, хотя онѣ выше его по мысли. Напротивъ, тѣмъ болѣе скуднымъ и пустымъ является оно сравнительно съ болѣе глубокими идеями древней философіи о понятіи души или мышленія, напримѣръ съ истинно-умозрительными идеями Аристотеля. Если философія Канта изслѣдовала эти опредѣленія рефлексіи, то тѣмъ болѣе она должна бы была изслѣдовать прочно укоренившуюся отвлеченность пустого *я*, лишая идею вещи въ себѣ, которая оказывается совершенно ложною именно вслѣдствіе ея отвлеченности; опытъ этого вызывающаго жалобу неудобства самъ есть эмпирическій фактъ, въ чемъ и высказывается неистинность этой отвлеченности.

Кантова критика умозрительной психологіи упоминаетъ лишь мендельсоново доказательство безсмертія души; и я привожу здѣсь его опроверженіе еще въ виду достопримѣчательности того, что ему противопоставляется. Это доказательство основывается на простотѣ души, вслѣдствіе которой (простоты) душа неспособна къ измѣненію, къ переходу въ нѣчто другое во времени. Качественная простота есть выше разсмотрѣнная форма отвлеченія вообще; какъ качественная опредѣленность, она изслѣдовано въ сферѣ бытія, и тамъ было доказано, что качественное, какъ таковое, есть отвлеченно относящаяся къ себѣ опредѣленность и именно потому діалектично и есть лишь переходъ въ нѣчто другое. Относительно же понятія было показано, что разсматриваемое съ точки зрѣнія постоянства, неистребимости и неуничтожаемости оно, напротивъ, потому есть сущее въ себѣ и для себя и вѣчное, что оно есть не отвлеченная, а конкретная простота, не отвлеченно относящееся къ себѣ опредѣленное бытіе, но единство себя самого и своего другого, въ которое оно, стало быть, не можетъ перейти такъ, чтобы оно въ немъ измѣнилось, именно потому что другое, опредѣленное бытіе есть оно само, и поэтому въ такомъ переходѣ оно приходитъ лишь къ себѣ самому. Между тѣмъ Кантова критика противополагаетъ этому качественному опредѣленію единства понятія количественное. Хотя душа не есть де внѣшнее многообразное, не имѣетъ протяженной величины, тѣмъ не менѣе, сознаніе имѣетъ нѣкоторую степень, и душа, какъ все существующее, есть интенсивная величина; тѣмъ самымъ положена возможность перехода въ ничто черезъ постепенное исчезновеніе. Но что же такое это опроверженіе, какъ не примѣненіе къ духу категоріи бытія, интенсивной величины?—опредѣленіе, лишенное въ себѣ всякой истины и уже снятое въ понятіи.

Метафизика, даже та, которая ограничивалась неподвижными понятіями разсудка и не возвышалась до умозрѣнія и до природы понятія и идеи, имѣла своею цѣлью познаніе истины и изслѣдовала свои предметы въ видахъ обнаруженія того, суть ли они нѣчто истинное или нѣтъ, субстанціи или явленія. Побѣда же надъ нею кантовой критики сводится, напротивъ, къ тому, чтобы устранить изслѣдованіе, имѣющее цѣлью истинное и самую эту цѣль; она

(критика) вовсе не задаетъ того единственно интереснаго вопроса, имѣетъ ли нѣкоторый опредѣленный субъектъ, въ данномъ случаѣ отвлеченное *я* представленія, въ себѣ и для себя истину. Но останавливаться на явленіяхъ и на томъ, что въ послѣдовательномъ сознаніи оказывается просто представленіемъ, значитъ отказываться отъ понятія и отъ философіи. То, что превосходитъ это представленіе, признается кантовою критикою за нѣчто превышающее наше познаніе, за нѣчто такое, къ чему нашъ разумъ вовсе не уполномоченъ. Дѣйствительно, понятіе возвышается надъ лишеннымъ понятія, и ближайшимъ оправданіемъ такого превышенія служатъ, съ одной стороны, оно само, а съ другой, отрицательной стороны,—неистинность явленія и представленія, а также и такихъ отвлеченностей, какъ вещи въ себѣ и то *я*, которое не должно быть объектомъ себѣ.

По совокупности этого логическаго изложенія идея жизни оказалась тѣмъ, изъ чего проистекла идея духа, или что то же самое, изъ истины котораго послѣдняя доказала себя. Какъ такой результатъ, эта послѣдняя идея имѣетъ въ себѣ и для себя самой свою истину, съ коею затѣмъ можетъ быть сравнено эмпирическое или явленіе духа, въ видахъ выясненія, согласуется ли оно съ нею; само же эмпирическое можетъ быть постигнуто лишь черезъ идею и изъ нея. Относительно жизни мы видѣли, что она есть идея, но при этомъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что жизнь еще не есть истинное изображеніе или истинный родъ и способъ существованія идеи. Ибо въ жизни реальность идеи есть единичное, а общность или родъ есть внутреннее; истина жизни, какъ абсолютное отрицательное единство, состоитъ поэтому въ томъ, чтобы снять отвлеченную, или что то же самое, непосредственную единичность и, какъ тожественное, быть тожественнымъ себѣ, какъ родъ, быть равнымъ самому себѣ. Эта идея и есть духъ. Но при этомъ можно еще замѣтить, что онъ разсматривается здѣсь въ той формѣ, какая присуща идеѣ, какъ логической. А именно, она имѣетъ еще другіе виды, которые могутъ быть здѣсь упомянуты лишь попутно и въ коихъ ее должны разсматривать конкретныя науки о духѣ,—души, сознанія и духа, какъ таковаго.

Названіе душа примѣнялось собственно вообще къ единичнымъ, конечнымъ духамъ, и умозрительная или опытная наука о душѣ должна была означать то же, что наука о духѣ. При выраженіи душа намъ предносится представленіе, будто она есть нѣкоторая вещь, какъ другія вещи; спрашивается о ея мѣстопребываніи, о пространственномъ опредѣленіи дѣйствія ея силъ; еще болѣе о томъ, какимъ образомъ эта вещь неуничтожима, подвержена условіямъ временности и, однако, неизмѣнна. Система монадъ повышаетъ матерію въ нѣчто подобное душѣ, душа есть по этому представленію нѣкоторый атомъ, какъ и атомы матеріи вообще; атомъ, выходящій, какъ паръ, изъ чашки кофе, по счастливому стеченію обстоятельствъ былъ бы способенъ развиться въ душу, и лишь бо̀льшая смутность его представленія отличаетъ его отъ нѣкоторой такой вещи, которая является душою. Сущему для самого себя понятію необходимо причастно и непосредственное существованіе; въ этомъ субстанціальномъ тожествѣ съ жизнью, въ своемъ погруженіи въ свою внѣшность оно должно быть разсматриваемо въ

антропологіи. Но и здѣсь должно чуждаться той метафизики, по которой эта форма непосредственности приравнивается душѣ, какъ вещи, нѣкоторому атому, атомамъ матеріи. Антропологіи должна быть предоставлена лишь та темная область, въ которой духъ, какъ это говорилось ранѣе, находится подъ звѣздными и земными вліяніями, живетъ, какъ природный духъ, въ симпатіи съ природою, узнаетъ ея измѣненія въ грезахъ и чаяніяхъ, присущъ мозгу, сердцу, нервнымъ узламъ, печени и т. п., которымъ по Платону Богъ, дабы и неразумная часть пользовалась его милостью и была причастна высшему, даровалъ даръ предсказанія, надъ коимъ самосознательный человѣкъ возвышается. Къ этой неразумной сторонѣ принадлежитъ далѣе отношеніе представленія и высшихъ духовныхъ дѣятельностей, поскольку онѣ въ единичномъ субъектѣ преданы игрѣ совершенно случайныхъ тѣлесныхъ состояній, внѣшнихъ вліяній и единичныхъ обстоятельствъ.

Это низшее изъ конкретныхъ образованій, въ коемъ духъ погруженъ въ матеріальность, имѣетъ свое непосредственно высшее въ сознаніи. Въ этой формѣ свободное понятіе, какъ сущее для себя *я*, удаляется изъ объективности, относясь къ ней, однако, какъ къ своему другому, какъ къ противостоящему ему предмету. Такъ какъ духъ здѣсь есть уже не душа, но въ достовѣрности его самого непосредственность бытія имѣетъ скорѣе значеніе чего-то для него отрицательнаго, то тожество, въ коемъ онъ состоитъ въ предметности съ самимъ собою, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь видимость, такъ какъ предметное имѣетъ также еще форму сущаго въ себѣ. Эта ступень есть предметъ феноменологіи духа, науки, которая стоитъ между наукою о природномъ духѣ и духѣ, какъ таковомъ, и разсматриваетъ сущій для себя духъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его отношеніи къ его другому, которое тѣмъ самымъ, какъ упомянуто, опредѣляется, и какъ сущій въ себѣ объектъ, и какъ отрицательное, а духъ, такимъ образомъ, изображается, какъ являющійся въ противоположности себѣ самому.

Но высшая истина этой формы есть духъ для себя, для котораго данный сознанію сущій въ себѣ предметъ имѣетъ форму собственнаго опредѣленія духа, представленія вообще; этотъ духъ, дѣйствующій на опредѣленія, какъ на свои собственныя, на чувства, представленія и мысли, тѣмъ самымъ внутри себя и въ своей формѣ безконеченъ. Разсмотрѣніе этой ступени принадлежитъ ученію о духѣ въ собственномъ значеніи этого слова, которое обнимало бы то, что составляетъ предметъ обычной опытной психологіи, но которое, дабы быть наукою о духѣ, должно исполнять свое дѣло не эмпирически, а быть понимаемо научно. Духъ на этой ступени есть конечный духъ, поскольку содержаніе его опредѣленности есть непосредственно данное; наука о немъ должна указать путь, который освобождаетъ его отъ этой его опредѣленности и ведетъ къ постиженію его истины, безконечнаго духа.

Напротивъ, идея духа, составляющая предметъ логики, находится уже внутри чистой науки; поэтому она не должна разсматривать его, какъ проходящій тотъ путь, на которомъ онъ смѣшанъ съ природою, съ непосредственною опредѣленностью или съ своимъ матеріаломъ или представленіемъ, — это раз-

сматривается въ упомянутыхъ трехъ наукахъ; она имѣетъ этотъ путь уже за собою или, что то же самое, скорѣе передъ собою,—первое поскольку логика признается послѣднею наукою, второе поскольку она признается первою, изъ коей идея только переходитъ въ природу. Поэтому въ логической идеѣ духа я есть тотчасъ же, что обнаружилось изъ понятія природы, какъ ея истины, свободное понятіе, которое въ своемъ сужденіи есть предметъ для самого себя, понятіе, какъ его идея. Но и въ этомъ видѣ идея еще не завершена.

Такъ какъ хотя она есть свободное, имѣющее себя само предметомъ понятіе и, стало быть непосредственна, но именно потому, что она непосредственна, она есть идея еще въ своей субъективности и потому вообще въ своей конечности. Она есть цѣль, которая должна реализовать себя, или сама абсолютная идея еще въ своемъ явленіи. То, чего она ищетъ, есть истинное, тожество самого понятія и реальности, но она только ищетъ его, ибо здѣсь, будучи еще во-первыхъ, она есть еще нѣчто субъективное. Предметъ, сущій для понятія, есть здѣсь поэтому хотя также данный, но онъ не выступаетъ, какъ воздѣйствующій объектъ или какъ такой предметъ, который, какъ таковой, существуетъ для себя или какъ представленіе въ субъектѣ, но послѣдній преобразуетъ его въ нѣкоторое опредѣленіе понятія; въ предметѣ осуществляется понятіе, относится въ предметѣ къ себѣ и тѣмъ самымъ, что оно сообщаетъ себѣ въ объектѣ свою реальность, находитъ истину.

Идея есть слѣдовательно ближайшимъ образомъ одинъ изъ крайнихъ терминовъ нѣкотораго умозаключенія, какъ понятіе, которое, какъ цѣль, ближайшимъ образомъ, имѣетъ само себя субъективною реальностью; другой крайній терминъ есть предѣлъ субъективнаго, объективный міръ. Оба крайнихъ термина тожественны въ томъ, что они суть идея; ихъ единство есть, во-первыхъ, единство понятія, которое въ одномъ изъ нихъ есть лишь для себя, въ другомъ—лишь въ себѣ; во-вторыхъ, реальность въ одномъ отвлеченна, въ другомъ имѣетъ конкретную внѣшность. Это единство положено черезъ познаніе; оно есть, ибо оно субъективная идея, исходящая отъ себя, какъ цѣль, ближайшимъ образомъ средній терминъ. Познающее черезъ опредѣленность своего понятія и именно отвлеченное бытіе для себя правда относится къ внѣшнему міру, но въ абсолютной достовѣрности себя самого для того, чтобы возвысить свою реальность въ себѣ самомъ, эту формальную истину, въ истину реальную. Оно имѣетъ въ своемъ понятіи всю существенность объективнаго міра; его процессъ состоитъ въ томъ, чтобы положить ея конкретное содержаніе для себя, какъ тожественное съ понятіемъ, и наоборотъ—послѣднее, какъ тожественное съ объективностью.

Непосредственно идея явленія есть теоретическая идея, познаніе, какъ таковое. Ибо непосредственно объективный міръ имѣетъ форму непосредственности или бытія для сущаго въ себѣ понятія, равно какъ послѣднее есть прежде всего лишь отвлеченное, еще замкнутое въ немъ понятіе себя самого; оно есть поэтому лишь форма; его реальность, которую оно имѣетъ въ немъ самомъ, составляютъ лишь его простыя опредѣленія общности и частности; единичность же или опредѣленную опредѣленность, содержаніе, эта форма получаетъ извнѣ.

А.

Идея истиннаго.

Субъективная идея есть ближайшимъ образомъ побужденіе. Ибо она есть противорѣчіе понятія—имѣть себя предметомъ и быть своею реальностью безъ того, чтобы предметъ былъ все же другимъ противоположнымъ понятію самостоятельнымъ, или чтобы различеніе себя самого отъ себя имѣло вмѣстѣ съ тѣмъ существенное опредѣленіе различія и безразличнаго существованія. Поэтому побужденіе состоитъ въ опредѣленности — снять свою собственную субъективность, сдѣлать свою еще отвлеченную реальность конкретною и наполнить ее содержаніемъ предположеннаго своею субъективностью міра. Съ другой стороны, побужденіе тѣмъ самымъ опредѣляетъ себя такъ: понятіе есть, правда, абсолютная достовѣрность себя самого; но его бытію для себя противостоитъ предположеніе имъ нѣкотораго сущаго въ себѣ міра, безразличное инобытіе котораго для самодостовѣрности понятія имѣетъ значеніе лишь чего-то несущественнаго; такимъ образомъ оно есть побужденіе снять это инобытіе и созерцать въ объектѣ тожество съ самимъ собою. Поскольку эта рефлексія въ себя есть снятая противоположность и положенная, осуществленная для субъекта единичность, которая является ближайшимъ образомъ, какъ предположенное бытіе въ себѣ, послѣднее есть возстановленное изъ противоположности тожество формы съ самой собою,—тожество, которое тѣмъ самымъ опредѣлено, какъ безразличное относительно формы въ ея различимости, и которое есть содержаніе.

Это побужденіе есть поэтому побужденіе къ истинѣ, поскольку она есть въ познаніи, стало быть къ истинѣ, какъ теоретической идеѣ, въ ея собственномъ смыслѣ. Если объективная истина есть сама идея, какъ соотвѣтствующая понятію реальность, и предметъ въ этомъ смыслѣ въ немъ самомъ имѣетъ истину или не имѣетъ ея, то, наоборотъ, болѣе опредѣленный смыслъ истины состоитъ въ томъ, что она такова для субъективнаго понятія или въ немъ, въ знаніи. Она есть отношеніе сужденія понятія, обнаружившагося, какъ формальное сужденіе истины; а именно въ этомъ сужденіи предикатъ есть нетолько объективность понятія, но относительное сравненіе понятія вещи и ея дѣйствительности. Эта реализація понятія теоретична, поскольку оно, какъ форма, имѣетъ опредѣленіе чего то субъективнаго или опредѣленіе быть для субъекта его опредѣленіемъ. Такъ какъ познаніе есть идея, какъ цѣль или какъ субъективная, то отрицаніе предположеннаго сущимъ въ себѣ міра есть первое отрицаніе; поэтому заключеніе, коимъ объективное положено въ субъективное, имѣетъ ближайшимъ образомъ лишь то значеніе, что сущее въ себѣ есть лишь субъективное, или что оно лишь положено въ опредѣленіи понятія, а потому не таково въ себѣ и для себя. Тѣмъ самымъ заключеніе приводитъ лишь къ нѣкоторому нейтральному единству или нѣкоторому синтезу, т.-е. къ единству того, что первоначально

раздѣлено и кажется соединеннымъ лишь внѣшнимъ образомъ. Такъ какъ поэтому въ этомъ познанiи понятiе полагаетъ объектъ, какъ свой, то идея ближайшимъ образомъ даетъ себѣ лишь то же содержанiе, основа котораго дана, и въ которомъ снята лишь форма внѣшности. Такимъ образомъ это познанiе еще сохраняетъ конечность въ своей выполненной цѣли, оно не достигло еще вмѣстѣ съ тѣмъ ея въ ней и въ своей истинѣ еще не пришло къ истинѣ. Ибо поскольку въ результатѣ содержанiе имѣетъ еще опредѣленiе чего-то даннаго, то предположенное въ противоположность понятiю бытiе въ себѣ еще не снято; тѣмъ самымъ равнымъ образомъ въ этомъ результатѣ еще не содержится единства понятiя и реальности, истины. Страннымъ образомъ въ новое время эта сторона конечности сохранена и признана за абсолютное отношенiе познанiя, какъ будто конечное, какъ таковое, должно было быть абсолютнымъ. Съ этой точки зрѣнiя объекту приписывается нѣкоторая невѣдомая вещность въ себѣ за предѣлами познанiя, и послѣднее, равно какъ и истина, разсматриваются, какъ нѣчто абсолютно потустороннее для познанiя. Опредѣленiя мысли вообще, категорiи, опредѣленiя рефлексiи, а также формальное понятiе и его моменты, получили въ немъ не такое положенiе, какъ будто онѣ въ себѣ и для себя суть конечныя опредѣленiя, а такое, будто онѣ таковы въ томъ смыслѣ, что онѣ суть нѣчто субъективное въ противоположности этой пустой вещности въ себѣ; признанiе этого отношенiя неистины познанiя за истину есть ставшее общимъ мнѣнiемъ новаго времени заблужденiе.

Изъ этого опредѣленiя конечнаго познанiя непосредственно явствуетъ, что оно есть нѣкоторое противорѣчiе, которое само себя снимаетъ; противорѣчiе нѣкоторой истины, которая вмѣстѣ съ тѣмъ не должна быть истиною; нѣкотораго познанiя того, что есть, которое (познанiе) вмѣстѣ съ тѣмъ не познаетъ вещи въ себѣ. Въ совпаденiи этого противорѣчiя его содержанiе, субъективное познанiе и вещь въ себѣ, также совпадаетъ, т.-е. оказывается не-истиннымъ. Но познанiе должно собственнымъ движенiемъ разрѣшить свою конечность и съ тѣмъ вмѣстѣ свое противорѣчiе; то соображенiе, въ которое мы о немъ вдаемся, есть нѣкоторая внѣшняя рефлексiя; оно же само есть понятiе, имѣющее себя цѣлью, которое стало быть осуществляетъ себя черезъ свою реализацiю и именно въ этомъ осуществленiи снимаетъ свою субъективность и предположенное бытiе въ себѣ. Надлежитъ поэтому разсмотрѣть его въ немъ самомъ въ его положительной дѣятельности. Такъ какъ эта идея есть, какъ показано, побужденiе понятiя реализовать себя для самого себя, то его дѣятельность состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить объектъ и черезъ это опредѣленiе отнестись въ немъ къ себѣ, какъ тожественное съ нимъ. Объектъ есть вообще просто опредѣляемое, и въ идеѣ онъ имѣетъ ту существенную сторону, чтобы не быть въ себѣ и для себя противоположнымъ понятiю. Такъ какъ это познанiе еще, конечно, не умозрительно, то предположенная объективность не имѣетъ еще для него такого вида, будто она есть въ ней самой просто понятiе и не содержитъ ничего особаго для себя въ противоположность ему. Но тѣмъ самымъ, что она признается за сущую въ себѣ потусторонность, для нея существенно то опредѣленiе опредѣлимости черезъ понятiе, что

идея есть сущее для себя понятіе и просто безконечное въ себѣ, въ чемъ объектъ въ себѣ снимается, и цѣль состоитъ только еще въ томъ, чтобы снять его для себя; поэтому хотя объектъ предполагается идеею познанія, какъ сущій въ себѣ, но по существу въ такомъ отношеніи, что увѣренная въ самой себѣ и въ ничтожествѣ этой противоположности она приходитъ къ реализаціи своего понятія въ немъ.

Въ умозаключеніи, связывающемъ субъективную идею съ объективностью, первая посылка есть та же форма непосредственнаго овладѣнія объекта понятіемъ и отношенія къ нему понятія, какую мы видѣли въ отношеніи цѣли. Опредѣляющее воздѣйствіе понятія на объектъ есть непосредственное сообщеніе и свободное отъ сопротивленія распространеніе перваго на второй. Понятіе остается тутъ въ чистомъ единствѣ съ самимъ собою; но эта его непосредственная рефлексія въ себя имѣетъ равнымъ образомъ опредѣленіе объективной непосредственности; то, что для понятія есть его собственное опредѣленіе, есть также нѣкоторое бытіе, ибо оно есть первое отрицаніе предположенія. Положенное опредѣленіе считается поэтому также лишь найденнымъ предположеніемъ, высказываніемъ нѣкотораго даннаго, въ которомъ дѣятельность понятія проявляется скорѣе лишь въ томъ, чтобы быть отрицательнымъ относительно самого себя, воздерживать себя и дѣлать себя пассивнымъ относительно даннаго, дабы послѣднее могло показать себя, не какъ опредѣленное субъектомъ, но каково оно внутри себя самого.

Это познаніе является поэтому въ этихъ посылкахъ, не какъ нѣкоторое приложеніе логическихъ опредѣленій, но какъ воспріятіе и высказыванія ихъ, какъ преднайденныхъ, и его дѣятельность является ограниченною тѣмъ, чтобы удалять лишь субъективное препятствіе, нѣкоторую оболочку предмета. Это познаніе есть аналитическое.

a. Аналитическое познаніе.

Различеніе аналитическаго и синтетическаго познанія иногда сводится къ тому, что первое движется отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а второе— отъ неизвѣстнаго къ извѣстному. Но если ближе разсмотрѣть это различеніе, то трудно обнаружить въ немъ нѣкоторую опредѣленную мысль, а тѣмъ болѣе— нѣкоторое понятіе. Можно сказать, что познаніе вообще начинается съ неизвѣстнаго, ибо того, что уже извѣстно, нечего познавать. Но, наоборотъ, оно начинается и съ извѣстнаго; это тожественное предложеніе; то, съ чего познаніе начинаетъ, стало быть то, что оно дѣйствительно познаетъ, есть именно тѣмъ самымъ извѣстное; то, что еще не познано и лишь впослѣдствіи должно быть познано, есть еще неизвѣстное. Должно такимъ образомъ сказать, что познаніе, разъ оно началось, всегда движется отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.

Отличительный признакъ аналитическаго познанія опредѣлился такъ, что ему еще не свойственно опосредованіе, какъ первая посылка всего умозаключенія, но что оно есть непосредственное, еще не содержащее въ себѣ инобытія сообщеніе понятія, въ которомъ дѣятельность познанія совлекается своего отри-

цанія. Но эта непосредственность отношенія есть сама опосредованіе въ силу того, что она есть отрицательное отношеніе понятія къ объекту, которое однако само себя уничтожаетъ и тѣмъ самымъ дѣлаетъ себя простымъ и тожественнымъ. Эта рефлексія въ себя есть лишь нѣчто субъективное, такъ какъ въ опосредованіи различеніе дано еще только, какъ предположенное сущее въ себѣ, какъ различіе объекта внутри себя самого. Опредѣленіе, которое поэтому возникаетъ черезъ это отношеніе, есть форма нѣкотораго тожества, отвлеченной общности. Поэтому аналитическое познаніе имѣетъ вообще это тожество своимъ принципомъ, и переходъ въ другое, связь различнаго, исключены изъ него самого, изъ его дѣятельности.

При ближайшемъ же разсмотрѣніи аналитическаго познанія оказывается, что оно начинаетъ съ нѣкотораго предполагаемаго, тѣмъ самымъ единичнаго, конкретнаго предмета, все равно, есть ли онъ уже готовый для представленія, или нѣкоторая задача, т.-е. данъ лишь въ своихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, еще не извлеченъ изъ нихъ для себя и не представленъ въ простой самостоятельности. Его анализъ не можетъ состоять въ томъ, что онъ разрѣшается въ тѣ отдѣльныя представленія, которыя могутъ въ немъ содержаться; такое разрѣшеніе и его усвоеніе есть занятіе, которое не относится къ познанію, но касается лишь нѣкотораго ближайшаго ознакомленія, нѣкотораго опредѣленія внутри сферы представленія. Такъ какъ анализъ имѣетъ въ основаніи понятіе, то для осуществленія анализа существенны опредѣленія понятій, и именно такія, которыя содержатся непосредственно въ предметѣ. Изъ природы идеи познанія выяснилось, что на дѣятельность субъективнаго понятія съ одной стороны слѣдуетъ смотрѣть, какъ на развитіе того, что уже есть въ объектѣ, такъ какъ самъ объектъ есть не что иное, какъ полнота понятія. Столь же односторонне представлять себѣ анализъ такъ, какъ будто въ предметѣ нѣтъ ничего, что не вложено въ него, сколь односторонне полагать, будто получающіяся опредѣленія его берутся лишь изъ него. Первое представленіе высказывается, какъ извѣстно, субъективнымъ идеализмомъ, который признаетъ дѣятельность познанія въ анализѣ исключительно за одностороннее положеніе, за которымъ скрывается вещь въ себѣ; второе представленіе принадлежитъ т. наз. реализму, который понимаетъ субъективное понятіе, какъ пустое тожество, принимающее въ себѣ мысленныя опредѣленія извнѣ. Такъ какъ аналитическое познаніе, превращеніе данной матеріи въ логическія опредѣленія, какъ оказалось, есть вмѣстѣ и то, и другое, нѣкоторое положеніе, опредѣляющее себя также непосредственнно, какъ предположеніе, то въ виду послѣдняго логическое можетъ являться чѣмъ-то готовымъ въ предметѣ, равно какъ въ виду перваго — продуктомъ нѣкоторой чисто-субъективной дѣятельности. Но эти два момента не должны быть раздѣляемы; въ своей отвлеченной формѣ, въ коей оно проявляется въ анализѣ, логическое, конечно, дано лишь въ познаніи, равно какъ, наоборотъ, оно есть нетолько нѣчто положенное, но и нѣчто сущее въ себѣ.

Поскольку аналитическое познаніе есть вышеуказанное превращеніе, оно не требуетъ никакого дальнѣйшаго средняго термина, но его опредѣленіе

непосредственно, и потому смыслъ его состоитъ именно въ томъ, чтобы принадлежать собственно предмету въ себѣ и, стало быть, быть понимаемому изъ него безъ субъективнаго опосредованія. Но познаніе должно быть далѣе также движеніемъ впередъ, нѣкоторымъ развитіемъ различаемаго. Такъ какъ оно, однако, по присущему ему здѣсь опредѣленію чуждо понятію и не-діалектично, то ему свойственно нѣкоторое данное различеніе, и его движеніе впередъ совершается только черезъ опредѣленія его матеріи. Оно кажется лишь постольку имѣющимъ нѣкоторое имманентное движеніе впередъ, поскольку выводимыя мысленныя опредѣленія могутъ стать анализируемыми вновь, поскольку они суть еще нѣчто конкретное; высшій и послѣдній результатъ этого анализированія есть отвлеченная высшая сущность или отвлеченное субъективное тожество и въ противоположность ему—различіе. Это движеніе впередъ есть, однако, не что иное, какъ только повтореніе одного первоначальнаго дѣйствія анализа, именно повторное опредѣленіе того, что уже принято въ отвлеченную форму понятія, какъ чего-то конкретнаго, и затѣмъ его анализъ, а потомъ снова опредѣленіе вытекающаго изъ него отвлеченнаго, какъ конкретнаго и т. д. Но мысленныя опредѣленія кажутся содержащими въ нихъ самихъ также нѣкоторый переходъ. Если предметъ опредѣляется, какъ цѣлое, то, конечно, отсюда совершается переходъ къ другому опредѣленію, части, отъ причины—къ другому опредѣленію, дѣйствію и т. д. Но здѣсь нѣтъ движенія впередъ, такъ какъ цѣлое и часть, причина и дѣйствіе суть отношенія и при томъ для этого формальнаго познанія столь готовыя отношенія, что одно опредѣленіе преднаходится, какъ существенно связанное съ другимъ. Предметъ, опредѣляемый, какъ причина или какъ часть, тѣмъ самымъ опредѣляется уже всѣмъ отношеніемъ, уже обѣими его сторонами. Хотя бы эта связь въ себѣ была чѣмъ-то синтетическимъ, все же она для аналитическаго познанія есть также лишь нѣчто данное, какъ и всякая другая связь его матеріи, и поэтому не есть его собственное произведеніе. Есть ли эта связь вообще нѣчто апріорное или апостеріорное, это безразлично, такъ какъ она понимается, какъ нѣчто преднайденное, или, какъ говорится также, какъ фактъ сознанія, состоящій въ томъ, что съ опредѣленіемъ цѣлаго связано опредѣленіе части и т. д. Установимъ глубокое замѣчаніе о синтетическихъ основоположеніяхъ a priori и открывъ ихъ корень въ единствѣ самосознанія, въ тожествѣ понятія съ собою, Кантъ тѣмъ не менѣе признаетъ, что опредѣленная связь, понятія отношеній и сами синтетическія основоположенія для формальной логики даны; выводъ ихъ долженъ былъ бы быть изображеніемъ перехода этого простого единства самосознанія въ такія ихъ опредѣленія и различенія; но отъ указанія этого по истинѣ синтетическаго движенія впередъ, этого производящаго само себя понятія, Кантъ уклонился.

Какъ извѣстно, ариѳметика и болѣе общія науки о дискретной величинѣ носятъ по преимуществу названіе аналитической науки и анализа. Способъ ихъ познанія дѣйствительно наиболѣе имманентно аналитиченъ, и надлежитъ посмотрѣть вкратцѣ, на чемъ это основывается. Прочее аналитическое познаніе начинаетъ съ нѣкоторой конкретной матеріи, имѣющей въ себѣ слу-

чайное многообразіе; все различеніе содержанія и движеніе впередъ къ дальнѣйшему содержанію зависитъ отъ него. Напротивъ, ариѳметическая и алгебраическая матерія есть совершенно отвлеченно и неопредѣленно нѣчто уже сдѣланное, въ коемъ погашено всякое своеобразіе отношенія, и для коего тѣмъ самымъ всякое опредѣленіе и связь суть нѣчто внѣшнее. Таковъ принципъ дискретной величины, одно. Изъ этого безотносительнаго атома можетъ быть образовано нѣкоторое множество, онъ можетъ быть внѣшнимъ образомъ опредѣленъ и соединенъ въ нѣкоторое опредѣленное число, но такое размноженіе и ограниченіе есть пустое движеніе впередъ и дѣйствіе опредѣленія, остающагося при томъ же принципѣ отвлеченнаго одного. Какимъ образомъ числа сочетаются и отдѣляются далѣе, это зависитъ исключительно отъ совершаемаго познающимъ положенія. Величина есть вообще та категорія, внутри коей совершаются эти опредѣленія; что представляетъ собою ставшею безразличною опредѣленность, такъ что предметъ не имѣетъ никакой опредѣленности, которая была бы ему имманентна, т.-е. была бы дана познанію. Поскольку познаніе ближайшимъ образомъ установило въ себѣ случайное различіе чиселъ, они и образуютъ матерію для дальнѣйшей обработки и разнообразныхъ отношеній. Такія отношенія, ихъ изобрѣтеніе и обработка, правда, кажутся неимманентными аналитическому познанію, но случайными и данными ему, равно какъ эти отношенія и относящіяся къ нимъ дѣйствія обыкновенно излагаются послѣдовательно, какъ различныя, безъ указанія какой-либо внутренней связи. Тѣмъ не менѣе легко указать тутъ руководящій принципъ; и именно онъ состоитъ въ имманентности аналитическаго тожества, которое является въ различномъ, какъ равенство; чтобы дать примѣръ изъ основныхъ дѣйствій, укажу, что сложеніе есть сочетаніе случайно совершенно неравныхъ чиселъ, умноженіе напротивъ — равныхъ, при чемъ за симъ слѣдуетъ еще отношеніе равенства опредѣленнаго числа и единицы и отношеніе степенное.

А такъ какъ опредѣленность предмета и отношеній (ариѳметики) есть положенная, то дальнѣйшія дѣйствія надъ ними совершенно аналитичны, и этой аналитической наукѣ свойственны, поэтому, нестолько теоремы, сколько задачи. Аналитическая теорема содержитъ въ себѣ задачу, уже какъ рѣшенную для себя, и совершенно внѣшнее различеніе, привходящее къ обѣимъ сторонамъ, которыя полагаются имъ равными, тѣмъ самымъ несущественно, такъ что такая теорема была бы лишь нѣкоторымъ тривіальнымъ тожествомъ. Кантъ, правда, призналъ предложеніе $5+7=12$ за синтетическое, такъ какъ одна сторона равенства изображаетъ то же самое въ формѣ множества, 5 и 7, а другая въ формѣ одного, 12. Но если только аналитическое должно означать не совершенно отвлеченно—тожественное и тожесловное $12=12$, и если въ немъ вообще должно быть нѣкоторое движеніе впередъ, то между этими двумя сторонами должно быть какое-либо различеніе, но только такое, которое основывается не на качествѣ, не на опредѣленности рефлексіи и тѣмъ болѣе не на опредѣленности понятія. $5+7$ и 12 суть совершенно одно и то же содержаніе; первая сторона равенства также выражаетъ требованіе, чтобы 5 и 7 были сочетаны въ одномъ выраженіи, т.-е. чтобы, какъ пять есть

нѣчто сосчитанное, остановка на коемъ была совершенно произвольна и вполнѣ допускаетъ дальнѣйшій счетъ, то такимъ же образомъ должно считать далѣе съ тѣмъ опредѣленіемъ, чтобы число прибавленныхъ однихъ было семь. 12 есть, стало быть, результатъ 5 и 7 и нѣкотораго дѣйствія, которое, положенное уже по своей природѣ, есть дѣйствіе совершенно внѣшнее, чуждое мысли, и потому могущее быть исполненнымъ даже машиною. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго перехода въ какое-либо другое; это простое продолженіе, т.-е. повтореніе того же дѣйствія, черезъ которое произошли 5 и 7.

Доказательство такой теоремы—его требовалъ онъ, если бы это было синтетическое предложеніе—состояло бы лишь въ дѣйствіи опредѣленнаго черезъ 7 дальнѣйшаго счета, начиная отъ 5-ти, и въ познаніи совпаденія результата этого дальнѣйшаго счета съ тѣмъ, что̀ вообще называется 12-ю, и что̀ опять-таки есть не что иное, какъ именно этотъ опредѣленный дальнѣйшій счетъ. Поэтому вмѣсто формы теоремы избирается сейчасъ же форма задачи, требованіе дѣйствія, т.-е. высказывается лишь одна сторона уравненія, долженствовавшаго будто бы составить теорему, другая сторона коего должна быть найдена. Задача имѣетъ содержаніе и приводитъ къ опредѣленному дѣйствію, которое должно быть произведено надъ этимъ содержаніемъ. Это дѣйствіе не ограничено никакою рѣзко очерченною, обладающею специфическими отношеніями матеріею, но есть внѣшнее, субъективное дѣйствіе, опредѣленія котораго матерія, въ которой они положены, принимаетъ безразлично. Все различеніе поставленныхъ въ задачѣ условій и результата ея рѣшенія состоитъ лишь въ томъ, что въ этомъ результатѣ дѣйствительно опредѣленнымъ образомъ соединено или раздѣлено то, что дано въ условіяхъ.

Поэтому оказывается въ высшей степени излишнимъ примѣнять здѣсь форму геометрическаго метода, относящагося къ синтетическимъ предложеніямъ, и кромѣ рѣшенія задачи присоединять къ нему еще какое-либо доказательство. Послѣднимъ можетъ быть высказано лишь то тожесловіе, что рѣшеніе вѣрно, такъ какъ дѣйствіе было произведено такъ, какъ было задано. Если задана задача, то должно сложить нѣсколько цифръ; таково рѣшеніе; ихъ складываютъ; доказательство указываетъ, что рѣшеніе вѣрно, такъ какъ вслѣдствіе того, что было задано сложить, было произведено сложеніе. Если задача содержитъ въ себѣ болѣе сложныя опредѣленія и дѣйствія, напр. если нужно перемножить десятичныя дроби, а рѣшеніе не даетъ ничего, кромѣ механическаго пріема, то, правда, требуется доказательство; но послѣднее состоитъ лишь въ анализѣ этихъ опредѣленій и дѣйствія, изъ которыхъ само собою вытекаетъ рѣшеніе. Черезъ это отдѣленіе рѣшенія, какъ механическаго пріема, отъ доказательства, какъ припоминанія природы подлежащаго дѣйствію предмета и самого дѣйствія, именно и утрачивается то преимущество аналитической задачи, по которому построеніе непосредственно выводится изъ задачи и потому можетъ быть изображено, какъ понятное для разсудка въ себѣ и для себя; а съ другой стороны, построенію явно сообщается нѣкоторый недостатокъ, свойственный синтетическому методу. Въ высшемъ анализѣ, въ коемъ выступаютъ вмѣстѣ съ отношеніями степеней, главнымъ образомъ, каче-

ственныя и зависящія отъ опредѣленностей понятій отношенія дискретныхъ величинъ, задачи и теоремы, правда, содержатъ въ себѣ синтетическія опредѣленія; тамъ должны быть принимаемы за средніе термины другія опредѣленія и отношенія, чѣмъ тѣ, которыя непосредственно даны задачами и теоремами. Сверхъ того и эти вспомогательныя опредѣленія должны быть таковы, чтобы быть обоснованными черезъ соображеніе и развитіе одной стороны задачи или теоремы; синтетическій видъ возникаетъ лишь оттого, что въ задачѣ или теоремѣ эта сторона сама уже не упоминается. Напр., задача — найти сумму степеней корней какого-либо уравненія рѣшается черезъ разсмотрѣніе и затѣмъ соединеніе функцій, служащихъ въ уравненіи коефиціентами корней. Здѣсь вспомогательное опредѣленіе функцій коефиціентовъ и ихъ соединеній не выражено въ самой задачѣ; въ прочихъ же отношеніяхъ самое рѣшеніе совершенно аналитично. Такъ рѣшеніе уравненія $x^m - 1 = 0$ при помощи синуса, а также имманентное, какъ извѣстно, найденное Гаусомъ алгебраическое рѣшеніе черезъ разсмотрѣніе остатка отъ дѣленія $x^{m-1} - 1$ на m и т. наз. первоначальныхъ корней—одно изъ важнѣйшихъ расширеній анализа новаго времени, есть синтетическое рѣшеніе, такъ какъ вспомогательныя опредѣленія, синусъ и разсмотрѣніе остатковъ, не суть опредѣленія самой задачи.

О природѣ того анализа, который разсматриваетъ т.-наз. безконечныя разности перемѣнныхъ величинъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, было болѣе подробно сказано въ первой части этой логики. Тамъ было показано, что здѣсь лежитъ въ основѣ качественное опредѣленіе величинъ, которое одно можетъ быть постигнуто понятіемъ. Переходъ къ этому опредѣленію отъ величинъ, какъ таковыхъ, уже не аналитиченъ; поэтому математикѣ до сего времени не удалось оправдать черезъ себя саму, т.-е. математически, тѣ дѣйствія, которыя основываются на этомъ переходѣ, такъ какъ онъ не математической природы. Лейбницъ, которому приписывается слава обратить исчисленіе съ конечными разностями въ вычисленіе, произвелъ этотъ переходъ, какъ показано тамъ же, самымъ недопустимымъ, столь же совершенно чуждымъ понятію, сколь и нематематическимъ способомъ; но разъ предположенъ этотъ переходъ,—а при современномъ состояніи науки онъ есть не болѣе, какъ нѣкоторое предположеніе, — то дальнѣйшій путь есть лишь рядъ обычныхъ аналитическихъ дѣйствій.

Было упомянуто, что анализъ становится синтетическимъ, поскольку онъ пользуется опредѣленіями, которыя уже не положены самыми задачами. Общій же переходъ отъ аналитическаго къ синтетическому познанію состоитъ въ необходимомъ переходѣ отъ формы непосредственности къ опосредованію, отъ отвлеченнаго тожества къ различенію. Аналитическое останавливается въ своей дѣятельности вообще на опредѣленіяхъ, поскольку они относятся къ себѣ самимъ; но черезъ свою опредѣленность они по существу имѣютъ также то свойство, что они относятся къ нѣкоторому другому. Уже было упомянуто, что, доходя даже до отношеній, которыя суть не данная, внѣшнимъ образомъ, матерія, а мысленныя опредѣленія, аналитическое познаніе остается все же аналитическимъ, поскольку для него самыя эти отношенія суть данныя.

Но такъ какъ отвлеченное тожество, которое одно признаетъ это познаніе за свое, есть по существу тожество различеннаго, то и для послѣдняго это познаніе, какъ таковое, должно быть своимъ, и для субъективнаго понятія также должно положить связь и стать тожественнымъ съ нею.

b. Синтетическое познаніе.

Аналитическое познаніе есть первая посылка всего умозаключенія,—непосредственное отношеніе понятія къ объекту; поэтому тожество есть опредѣленіе, признаваемое этимъ познаніемъ за свое, и это познаніе есть лишь усвоеніе того, что есть. Синтетическое же познаніе направляется къ пониманію того, что есть, т.-е. къ охватыванію многообразія опредѣленій въ его единствѣ. Оно есть поэтому вторая посылка умозаключенія, которое направлено къ приведенію въ отношеніе различнаго, какъ таковаго. Его цѣль есть такимъ образомъ необходимость вообще. Соединенныя различныя отчасти соединены въ нѣкоторомъ отношеніи, въ коемъ они столь же соотносительны, сколь и взаимно безразличны и самостоятельны; отчасти же связаны въ понятіи, которое есть ихъ простое, но опредѣленное единство. Поскольку же синтетическое познаніе есть ближайшимъ образомъ переходъ отъ отвлеченнаго тожества къ отношенію или отъ бытія къ рефлексіи, то то, что понятіе познаетъ въ своемъ предметѣ, не есть абсолютная рефлексія понятія; сообщаемая имъ себѣ реальность есть ближайшая ступень, именно выставляемое тожество различныхъ, какъ таковыхъ, которое поэтому вмѣстѣ съ тѣмъ есть еще внутреннее и только необходимое, а не субъективное, сущее для себя, поэтому еще не понятіе, какъ таковое. Поэтому, хотя синтетическое познаніе имѣетъ своимъ содержаніемъ также и опредѣленія понятія, и хотя объектъ въ нихъ положенъ, но они находятся еще во взаимномъ отношеніи или въ непосредственномъ единствѣ, однако при этомъ не въ томъ, черезъ которое понятіе есть субъектъ.

Отсюда проистекаетъ конечность этого познанія; такъ какъ эта реальная сторона идеи имѣетъ въ немъ тожество, еще какъ внутреннее, то ея опредѣленія еще внѣшни себѣ; такъ какъ она не есть субъективность, то тому своеобразію, которое составляетъ предметъ понятія, еще не хватаетъ единичности, и хотя ему соотвѣтствуетъ въ объектѣ уже не отвлеченная, а опредѣленная форма, т.-е. частное понятіе, но единичное познанія есть еще нѣкоторое данное содержаніе. Поэтому хотя это познаніе превращаетъ объективный міръ въ понятія, но оно сообщаетъ ему лишь соотвѣтствующую опредѣленіямъ понятія форму и должно еще найти объектъ въ его единичности, опредѣленной опредѣленности; оно само еще не есть опредѣляющее. Равнымъ образомъ оно находитъ предложенія и законы и доказываетъ необходимость, но необходимость не вещи въ себѣ и для себя самой, а познанія, которое движется въ данныхъ опредѣленіяхъ, въ различеніяхъ явленія и признаетъ для себя единство и отношеніе или изъ явленій—ихъ основаніе.

Теперь должны быть разсмотрѣны ближайшіе моменты синтетическаго познанія.

1. Опредѣленіе (Definitio) [1].

Еще данная объективность прежде всего превращается въ простую или первую форму, тѣмъ самымъ въ форму понятія; моменты этого усвоенія суть поэтому не что иное, какъ моменты понятія: общность, частность и единичность. Единичное есть самъ объектъ, какъ непосредственное представленіе, то, что должно быть опредѣлено (definirt). Общее этого объекта въ опредѣленіи объективнаго сужденія или сужденія необходимости оказалось родомъ и при томъ ближайшимъ, именно общее съ тою опредѣленностью, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ различенія частнаго. Это различеніе предметъ имѣетъ въ видовой особенности, которая дѣлаетъ его опредѣленнымъ видомъ и обосновываетъ его отдѣленіе отъ прочихъ видовъ.

Опредѣленіе, которое такимъ образомъ возвращаетъ предметъ къ его понятію, касается его внѣшности, необходимой для его осуществленія; оно отвлекаетъ отъ того, что привходитъ къ понятію при его реализаціи, черезъ что онъ выступаетъ, во-первыхъ, какъ идея, а во-вторыхъ, какъ внѣшнее осуществленіе. Описаніе имѣетъ значеніе для представленія и принимаетъ въ себя это дальнѣйшее принадлежащее реальности содержаніе. Опредѣленіе же сводитъ это богатство многообразныхъ опредѣленій нагляднаго существованія къ простѣйшимъ моментамъ; какова форма этихъ простыхъ элементовъ, и какъ они взаимно опредѣлены, это содержится въ понятіи. Тѣмъ самымъ предметъ, какъ указано, понимается, какъ общее, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ по существу опредѣленное. Самый предметъ есть третье, единичное, въ которомъ родъ и частность положены въ одно, и нѣчто непосредственное, положенное внѣ понятія, такъ какъ послѣднее еще не есть самоопредѣляющее.

Въ этихъ опредѣленіяхъ, въ различіи формы опредѣленія, понятіе находитъ само себя и имѣетъ въ нихъ соотвѣтствующую ему реальность. Но такъ какъ рефлексія моментовъ понятія въ самихъ себя, единичность, еще не содержится въ этой реальности, такъ какъ при этомъ объектъ, поскольку онъ находится въ познаніи, еще не опредѣленъ, какъ субъективный, то наоборотъ, познаніе есть нѣчто субъективное и имѣетъ нѣкоторое внѣшнее начало, или иначе есть нѣчто субъективное въ силу своего внѣшняго начала въ единичномъ. Содержаніе понятія поэтому есть нѣчто данное и случайное. Конкретное понятіе само есть тѣмъ самымъ нѣчто случайное въ двухъ отношеніяхъ, во-первыхъ, по своему содержанію вообще, а во-вторыхъ, смотря потому, какія опредѣленія содержанія разнообразныхъ качествъ, свойственныхъ предмету въ его внѣшнемъ существованіи, избираются для понятія и должны составить его моменты.

Въ послѣднемъ отношеніи требуется ближайшее разсмотрѣніе. А именно такъ какъ единичность, какъ опредѣленное бытіе въ себѣ и для себя, ле-

---

[1]) Уже въ первой части логики была категорія опредѣленія (Bestimmung); перевести слово definitio какимъ-либо другимъ русскимъ словомъ невозможно и потому приходится снова пользоваться имъ, но только въ другомъ значеніи. *Прим. перев.*

житъ внѣ своеобразнаго опредѣленія понятія синтетическаго познанія, то нѣтъ никакого принципа, рѣшающаго вопросъ о томъ, какія стороны предмета должны разсматриваться, какъ принадлежащія къ опредѣленію его понятія, и какія, какъ принадлежащія лишь внѣшней реальности. Въ этомъ заключается нѣкоторая трудность при опредѣленіяхъ, неустранимая для сказаннаго познанія. Но при этомъ слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторое различеніе. Во-первыхъ, для продуктовъ самосознательной цѣлесообразности легко найти опредѣленіе, такъ какъ цѣль, которой они должны служить, есть нѣкоторое опредѣленіе, проистекающее изъ субъективнаго рѣшенія и составляющая существенную частность, ту форму осуществляющагося, о которой тутъ единственно идетъ рѣчь. Прочая природа ихъ матеріала или другія внѣшнія свойства, поскольку они соотвѣтствуютъ цѣли, содержатся въ его опредѣленіяхъ, остальныя же несущественны.

Во-вторыхъ, геометрическіе предметы суть отвлеченныя пространственныя опредѣленія; лежащая въ основѣ ихъ отвлеченность, такъ называемое абсолютное пространство, утратила всѣ дальнѣйшія конкретныя опредѣленія и содержитъ въ себѣ далѣе лишь такіе образы и фигуры, какіе въ ней положены; поэтому они по существу есть то, чѣмъ они должны быть; опредѣленія ихъ понятій вообще и ближайшимъ образомъ видовая особенность есть въ нихъ ихъ простая неискаженная реальность; въ этомъ отношеніи они таковы же, какъ и продукты внѣшней цѣлесообразности, равно какъ сходны въ этомъ съ предметами ариѳметики, основаніе коихъ составляетъ также лишь то опредѣленіе, которое въ нихъ положено. Пространство имѣетъ, правда, еще дальнѣйшія опредѣленія, тройственность своихъ измѣреній, свою непрерывность и дѣлимость, которыя полагаются въ немъ не черезъ внѣшнее опредѣленіе. Но они принадлежатъ къ заранѣе принятому матеріалу и суть непосредственныя предположенія; лишь связь и сплетеніе этихъ субъективныхъ опредѣленій съ этою своеобразною природою той почвы, на которую они перенесены, порождаютъ синтетическіе отношенія и законы. Такъ какъ въ основаніи опредѣленій чиселъ лежитъ простой принципъ одного, то ихъ связь и дальнѣйшее опредѣленіе есть совершенно только нѣчто положенное; напротивъ, опредѣленія пространства, которое есть для себя непрерывная внѣшность, протекаютъ далѣе и имѣютъ отличную отъ ихъ понятія реальность, уже не принадлежащую однако къ непосредственному опредѣленію.

Но, въ-третьихъ, съ опредѣленіями конкретныхъ объектовъ какъ природы, такъ и духа, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Такіе предметы суть вообще для представленія вещи со многими свойствами. Здѣсь ближайшимъ образомъ вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы обнаружить ихъ ближайшій родъ и видовую особенность. Поэтому надлежитъ опредѣлить, какое изъ многихъ свойствъ принадлежитъ предмету, какъ родъ, и какое, какъ видъ, далѣе какое изъ этихъ свойствъ существенное; а для послѣдняго требуется познать, въ какой связи они состоятъ одно съ другимъ, положено ли уже одно изъ нихъ вмѣстѣ съ другими. Но для этого еще нѣтъ никакого иного критерія, кромѣ самого существованія. Существенность свойства для опредѣленія, въ коемъ оно должно быть положено, какъ простая неразвитая опредѣленность, есть его

общность. Но послѣдняя въ существованіи вполнѣ эмпирична, общность во времени, если данное свойство сохраняется, между тѣмъ какъ прочія обнаруживаются какъ преходящія, при устойчивости цѣлаго; или общность, проистекающая изъ сравненія съ другими конкретными цѣлыми и тѣмъ самымъ не идущая далѣе того, что присуще имъ всѣмъ. Если сравненіе всего общаго характера, какъ онъ представляется эмпирически, и даетъ для того общую основу, то все же рефлексія должна объединить его въ одно простое мысленное опредѣленіе и усвоить простой характеръ такого цѣлаго. Но удостовѣреніе въ томъ, что нѣкоторое мысленное опредѣленіе или нѣкоторое единичное непосредственное свойство составляетъ простую и опредѣленную сущность предмета, можетъ состоять лишь въ нѣкоторомъ выводѣ такого опредѣленія изъ конкретнаго состава. А это требовало бы нѣкотораго анализа, превращающаго непосредственный составъ въ мысли и сводящій его конкретность къ чему-либо простому; анализа, который выше только что разсмотрѣннаго, такъ какъ первый долженъ бы былъ быть не отвлекающимъ, но еще сохранять въ общемъ опредѣленность конкретнаго, объединять ея и указывать ее зависимость отъ простого мысленнаго опредѣленія.

Но отношенія разнообразныхъ опредѣленій непосредственнаго существованія къ простому понятію были бы теоремами, которыя требовали бы доказательства. Опредѣленіе же, какъ первое, еще не развитое понятіе, поскольку оно (опредѣленіе) должно усвоить простую опредѣленность предмета, и это усвоеніе должно быть чѣмъ-то непосредственнымъ, можетъ воспользоваться для того лишь однимъ изъ своихъ непосредственныхъ такъ называемыхъ свойствъ,—опредѣленіемъ чувственнаго существованія или представленія; ихъ выдѣленіе посредствомъ отвлеченія и образуетъ простоту, а для пріобрѣтенія понятіемъ общности и существенности его отсылаютъ къ эмпирической общности, къ сохраненію при измѣненіи условій, и къ рефлексіи, которая ищетъ опредѣленія понятія во внѣшнемъ существованіи и въ представленіи, т.-е. тамъ, гдѣ понятія нельзя найти. Поэтому опредѣленіе тѣмъ самымъ отказывается отъ настоящихъ опредѣленій понятія, которыя были бы по существу принципами предметовъ, и довольствуется **признаками**, т.-е. опредѣленіями, въ которыхъ **существенность** для самого предмета безразлична, и которыя имѣютъ лишь цѣлью быть **значками** для нѣкоторой внѣшней рефлексіи. Такая единичная внѣшняя опредѣленность слишкомъ не соотвѣтствуетъ конкретной цѣлостности и природѣ ея понятія, для того, чтобы быть избранною для себя и принятою съ тою цѣлью, чтобы конкретное цѣлое нашло въ ней свое истинное выраженіе и опредѣленіе. Наприм., по замѣчанію **Блуменбаха** мочка уха есть нѣчто, отсутствующее въ прочихъ животныхъ, и потому согласно обычному способу рѣчи объ общихъ и отличительныхъ признакахъ могущее считаться съ полнымъ правомъ отличительнымъ признакомъ при опредѣленіи физическаго человѣка. Но насколько такое чисто внѣшнее опредѣленіе оказывается сейчасъ же несоотвѣтственнымъ представленію всего общаго характера физическаго человѣка и тому требованію, чтобы опредѣленіемъ понятія было нѣчто существенное! Дѣло чистаго случая, бываютъ ли принятые въ

опредѣленіе признаки такими чисто вспомогательными прибавками или болѣе приближаются къ природѣ нѣкотораго принципа. Вслѣдствіе ихъ внѣшности усматривается также, что съ ихъ помощью ничего нельзя начать въ познаніи понятія; напротивъ, нахожденію родовъ въ природѣ и духѣ предшествуетъ смутное чувство, неопредѣленное, но глубокое мнѣніе, чаяніе существеннаго, и затѣмъ уже ищется для разсудка опредѣленная внѣшность. Понятіе, выступая въ существованіи во внѣшность, раскрывается въ своихъ различеніяхъ и не можетъ быть совершенно связано съ такими отдѣльными свойствами. Свойства, какъ внѣшность вещи, внѣшни самимъ себѣ; въ сферѣ явленія по поводу вещи съ многими свойствами было показано, что именно потому они по существу становятся даже самостоятельными матеріями; разсматриваемый съ точки зрѣнія явленія духъ становится аггрегатомъ многихъ самостоятельныхъ силъ. Отдѣльное свойство или сила сами собою перестаютъ при этой точкѣ зрѣнія, которая полагаетъ ихъ безразлично къ другимъ, быть характеризующимъ принципомъ, причемъ вообще исчезаетъ и опредѣленность, какъ опредѣленность понятія.

Въ конкретныхъ вещахъ выступаетъ еще наряду съ взаимнымъ различіемъ свойствъ и различеніе между понятіемъ и его осуществленіемъ. Понятіе находитъ себѣ въ природѣ и духѣ внѣшнее изображеніе, въ которомъ его опредѣленность проявляетъ себя, какъ зависимость отъ внѣшняго, какъ преходимость и несоотвѣтствіе. При этомъ, правда, обнаруживается нѣчто дѣйствительное въ себѣ, какимъ оно должно быть, но согласно отрицательному сужденію понятія можетъ также показаться, что дѣйствительность лишь невполнѣ соотвѣтствуетъ этому понятію, что она дурна. А такъ какъ опредѣленіе должно выражать опредѣленность понятія въ одномъ непосредственномъ свойствѣ, то нѣтъ такого свойства, противъ котораго нельзя бы было привести никакой инстанціи, въ которомъ весь общій характеръ, хотя и даетъ познать опредѣляемое конкретное, но которое, будучи выбрано для указанія этого характера, оказывается незрѣлымъ или искаженнымъ. Въ плохомъ растеніи, плохомъ родѣ животныхъ, въ достойномъ презрѣнія человѣкѣ, въ плохомъ государствѣ осуществлены недостаточно или совершенно заглушены тѣ стороны, которыя иначе могли бы быть взяты для опредѣленія, какъ различающія и какъ существенная опредѣленность осуществленія такого конкретнаго. Но плохое растеніе, животное и т. д. все же остается растеніемъ, животнымъ и т. д. Поэтому если и дурное должно быть принято въ опредѣленіе, то отъ эмпирическихъ поисковъ ускользаютъ всѣ свойства, которые они считали существенными, вслѣдствіе инстанцій лишенныхъ ихъ уродствъ, напр., существенность мозга для физическаго человѣка вслѣдствіе инстанціи безголовыхъ, существенность для государства защиты жизни и имущества вслѣдствіе инстанціи деспотическихъ государствъ и тиранническихъ правительствъ. Если понятіе удерживается противъ этихъ инстанцій и на его основаніи онѣ считаются плохими экземплярами, то удостовѣреніемъ понятія служитъ уже не явленіе. Но самостоятельность понятія противорѣчитъ смыслу опредѣленія, которое должно быть непосредственнымъ понятіемъ, а потому можетъ почерпать признаки предметовъ лишь изъ непосредственности существованія и оправды-

вать себя лишь тѣмъ, что преднайдено (въ предметѣ). Есть ли его содержаніе въ себѣ и для себя истина или случайность, это лежитъ внѣ его сферы; но формальною истиною, согласіемъ субъективно положеннаго въ опредѣленіи понятія и нѣкотораго внѣ его дѣйствительнаго предмета нельзя поэтому пренебречь, такъ какъ единичный предметъ можетъ быть и дуренъ.

Содержаніе опредѣленія берется вообще изъ непосредственнаго существованія, и такъ какъ оно непосредственно, то оно не имѣетъ оправданія; вопросъ о его необходимости устраняется его происхожденіемъ; тѣмъ, что оно высказываетъ понятіе, какъ нѣчто просто непосредственное, отказываются понять его само. Оно представляетъ собою поэтому не что иное, какъ опредѣленіе формы понятія при нѣкоторомъ данномъ содержаніи, безъ рефлексіи понятія въ себя само, т.-е. безъ его бытія для себя.

Но непосредственность вообще возникаетъ лишь изъ опосредованія и потому должна перейти въ послѣднее. Или, иначе, опредѣленность содержанія, содержащаяся въ опредѣленіи, есть поэтому, такъ какъ она есть опредѣленность, не только нѣчто непосредственное, но и опосредованное своимъ другимъ; вслѣдствіе того опредѣленіе можетъ схватить свой предметъ лишь черезъ противоположное опредѣленіе и потому должно перейти въ раздѣленіе.

2. Раздѣленіе.

Общее должно раздѣляться на частности; тѣмъ самымъ въ общемъ заключена необходимость раздѣленія. Но такъ какъ опредѣленіе само уже начинаетъ съ частнаго, то необходимость перехода къ раздѣленію заключается въ частномъ, которое для себя указываетъ на нѣкоторое другое частное. Наоборотъ, тѣмъ самымъ частное отдѣляется отъ общаго, такъ какъ потребность въ различеніи его опредѣленности поддерживается другимъ, именно общимъ; послѣднее такимъ образомъ предполагается для раздѣленія. Поэтому, хотя движеніе получается тутъ такое, что единичное содержаніе опредѣленія восходитъ черезъ частное къ крайнему термину общности, но послѣдняя должна теперь быть принятою, какъ объективная основа, и отъ нея исходитъ изображеніе раздѣленія, какъ расчлененія общаго, въ смыслѣ перваго.

Тѣмъ самымъ наступаетъ переходъ, который, совершаясь отъ общаго къ частному, опредѣленъ формою понятія. Опредѣленіе для себя есть нѣчто единичное; какая-либо множественность опредѣленій принадлежитъ многимъ предметамъ. Присущее понятію движеніе отъ общаго къ частному есть основа и возможность синтетической науки, системы и систематическаго познанія.

Первое требованіе, какъ указано, состоитъ тутъ въ томъ, чтобы начинать съ предмета въ формѣ нѣкотораго общаго. Если въ дѣйствительности, будь то въ природѣ или въ духѣ, субъективному, естественному познанію дана, какъ первая, конкретная единичность, то, напротивъ, въ познаніи, которое есть по меньшей мѣрѣ постольку нѣкоторое пониманіе, поскольку оно имѣетъ основою форму понятія, первымъ должно быть простое, выдѣленное изъ конкретнаго, ибо предметъ лишь въ этой формѣ имѣетъ форму относя-

щагося къ себѣ общаго и по понятію непосредственнаго. Противъ этого научнаго пути можно, правда, возразить, что, такъ какъ воззрѣніе легче познанія, то и воззрительное, т.-е. конкретная дѣйствительность, должно быть сдѣлано началомъ науки, и что этотъ путь сообразнѣе съ природою, чѣмъ тотъ, который начинаетъ съ предмета въ его отвлеченности и движется отъ нея обратно къ ея частностямъ и конкретной единичности. Но такъ какъ должно быть познано, то сравненіе съ воззрѣніемъ должно быть рѣшительно оставлено; можно лишь задать вопросъ, что должно быть первымъ въ предѣлахъ познанія, и каково его слѣдствіе; требуется путь сообразный уже не съ природою, а съ познаніемъ. Если же спрашивается только о легкости, то независимо сего само собою явствуетъ, что познанію легче схватывать отвлеченное простое мысленное опредѣленіе, чѣмъ конкретное, которое есть многообразное сочетаніе такихъ мысленныхъ опредѣленій и ихъ отношеній; и что познаніе должно схватывать такимъ образомъ, а уже не такъ, какъ дано воззрѣнію. Въ себѣ и для себя общее есть первый моментъ понятія, ибо оно есть простое, а частное лишь послѣдующій моментъ, ибо оно есть опосредованное; и обратно простое есть болѣе общее, а конкретное, какъ различенное въ себѣ, стало быть опосредованное, есть то, что уже предполагаетъ переходъ отъ нѣкотораго перваго. Это замѣчаніе касается не только порядка движенія опредѣленныхъ формъ опредѣленій, раздѣленій и предложеній, но также порядка познанія вообще, и вообще имѣетъ силу просто въ зависимости отъ различенія отвлеченнаго отъ конкретнаго. Поэтому напр. при обученіи чтенію разумнымъ образомъ начинаютъ не съ чтенія цѣлыхъ словъ или даже слоговъ, но съ элементовъ словъ и слоговъ и съ обозначенія отвлеченныхъ звуковъ; по отношенію къ буквенному шрифту анализъ конкретнаго слова на его отвлеченные звуки и ихъ обозначеніе уже оказывается произведеннымъ, и тѣмъ самымъ обученіе чтенію является первымъ занятіемъ отвлеченными предметами. Въ геометріи слѣдуетъ начинать не съ нѣкотораго конкретнаго пространственнаго образа, а съ точки или линіи и затѣмъ съ плоскихъ фигуръ, а изъ послѣднихъ не съ многоугольниковъ, а съ треугольниковъ, изъ кривыхъ же линій—съ круга. Въ физикѣ нужно освободить отдѣльныя свойства природы или матеріи изъ ихъ многообразныхъ сочетаній, въ коихъ онѣ находятся въ конкретной дѣйствительности, и представить ихъ въ простыхъ необходимыхъ условіяхъ; они также, какъ и пространственныя фигуры, суть нѣчто воззрительное, но ихъ воззрѣніе должно быть подготовлено такъ, чтобы они сначала явились освобожденными отъ всякихъ видоизмѣненій тѣми обстоятельствами, которыя внѣшни ихъ собственнымъ опредѣленіямъ, и были прочно установлены. Магнетизмъ, электричество, виды газовъ и т. д. суть такіе предметы, познаніе коихъ пріобрѣтаетъ опредѣленность лишь такимъ образомъ, чтобы они были усвоены выдѣленными изъ тѣхъ конкретныхъ состояній, въ которыхъ они являются въ дѣйствительности. Опытъ конечно представляетъ ихъ воззрѣнію въ нѣкоторомъ конкретномъ случаѣ; но чтобы быть научнымъ, опытъ долженъ отчасти брать для того лишь необходимыя условія, отчасти разнообразиться, дабы показать несущественный харак-

теръ неотдѣлимой конкретной стороны этихъ условій, обнаруживъ, что въ нѣкоторомъ другомъ и вновь другомъ конкретномъ видѣ они опять являются, и чтобы такимъ образомъ для познанія сохранилась лишь ихъ отвлеченная форма. Еще для примѣра можно упомянуть, что могло казаться естественнымъ и разумнымъ разсматривать цвѣтъ, прежде всего какъ конкретное явленіе животнаго субъективнаго чувства, за тѣмъ внѣ субъекта, какъ нѣкоторое призракообразное, носящееся явленіе и наконецъ, какъ фиксированный въ объектахъ внѣшней дѣйствительности. Но для познанія общая и тѣмъ самымъ поистинѣ первая форма есть средняя изъ названныхъ, по которой цвѣтъ стоитъ на порогѣ между субъективностью и объективностью, какъ извѣстный призракъ, еще безъ всякаго смѣшенія съ субъективными и объективными обстоятельствами. Эти обстоятельства ближайшимъ образомъ лишь нарушаютъ чистое разсмотрѣніе природы этого предмета, такъ какъ они относятся къ нему, какъ дѣйствующія причины, и потому оставляютъ нерѣшеннымъ, чему надлежитъ приписать тѣ опредѣленныя измѣненія, переходы и отношенія цвѣта, собственной ли его специфической природѣ, или скорѣе болѣзненнымъ специфическимъ свойствамъ этихъ обстоятельствъ, здоровымъ или болѣзненнымъ особеннымъ аффектамъ и дѣйствіямъ органовъ субъекта, или же химическимъ, растительнымъ, животнымъ силамъ объекта. Можно привести много и другихъ примѣровъ изъ области познанія органической природы и духа; повсюду отвлеченное должно составлять начало и элементъ, въ которомъ и отъ котораго распространяются частности и богатые образы конкретнаго.

При раздѣленіи или при частномъ, правда, выступаетъ собственно различеніе его отъ общаго, но общее само есть уже опредѣленное и тѣмъ самымъ членъ нѣкотораго раздѣленія. Поэтому для него существуетъ высшее общее, для этого опять высшее и т. д. до безконечности. Для разсматриваемаго здѣсь познанія нѣтъ никакой имманентной границы, такъ какъ оно исходитъ отъ даннаго, а форма отвлеченной общности свойственна его началу. Слѣдовательно, какой-либо предметъ, обладающій повидимому элементарною общностью, дѣлается предметомъ нѣкоторой опредѣленной науки и составляетъ нѣкоторое абсолютное начало постольку, поскольку предполагается знакомство съ нимъ представленія, и онъ признается для себя не нуждающимся ни въ какомъ выводѣ. Опредѣленіе принимаетъ его за нѣчто непосредственное.

Дальнѣйшее движеніе отъ него есть ближайшимъ образомъ раздѣленіе. Только для этого движенія требуется нѣкоторый имманентный принципъ, т.-е. начало отъ общаго и отъ понятія; между тѣмъ разсматриваемое здѣсь познаніе лишено таковаго принципа, такъ какъ оно слѣдуетъ лишь за опредѣленіемъ формы понятія безъ его рефлексіи въ себя и потому беретъ опредѣленность содержанія изъ того, что дано. Для частнаго, входящаго въ составъ раздѣленія, нѣтъ никакого собственнаго основанія ни въ разсужденіи того, что составляетъ основаніе самого раздѣленія, ни въ разсужденіи того опредѣленнаго взаимнаго отношенія, которое должно быть свойственно членамъ раздѣленія. Дѣло познанія можетъ поэтому состоять здѣсь лишь въ томъ, чтобы отчасти приводить въ порядокъ найденныя въ эмпирическомъ матеріалѣ част-

ности, отчасти же находить ихъ общія опредѣленія путемъ сравненія. Эти опредѣленія и считаются затѣмъ основаніями раздѣленія, которыя могутъ быть разнообразны также, какъ могутъ имѣть мѣсто столь же разнообразныя раздѣленія по этимъ основаніямъ. Взаимное отношеніе членовъ нѣкотораго раздѣленія, видовъ, имѣетъ лишь то общее опредѣленіе, что они опредѣлены одинъ относительно другого по принятому основанію раздѣленія; если бы ихъ различіе основывалось на иномъ соображеніи, то они не были бы координированы въ этомъ порядкѣ.

Въ виду отсутствія принципа опредѣленности для самого себя законы этого раздѣленія могутъ состоять лишь въ формальныхъ, пустыхъ правилахъ, не приводящихъ ни къ чему. Такъ мы находимъ установленнымъ за правило, что раздѣленіе должно исчерпывать понятіе; но въ дѣйствительности каждый отдѣльный членъ раздѣленія долженъ исчерпывать понятіе. Имѣется собственно въ виду опредѣленность послѣдняго, которая должна быть исчерпана; но при эмпирическомъ, самомъ по себѣ безразличномъ многообразіи видовъ исчерпываніе понятія не достигается тѣмъ, найдено ли ихъ болѣе или менѣе; напр. прибавилась ли къ 67-ми видамъ попугая еще дюжина, для исчерпыванія понятія безразлично. Требованіе исчерпыванія можетъ выражать собою лишь то тожесловное предложеніе, что всѣ виды должны быть перечислены вполнѣ. Но при расширеніи опытныхъ знаній легко можетъ случиться, что окажутся виды, не подходящіе подъ принятое опредѣленіе рода, такъ какъ послѣдній часто установляется болѣе на основаніи смутнаго представленія всего общаго характера, чѣмъ на основаніи тѣхъ или иныхъ единичныхъ признаковъ, долженствующихъ служить для опредѣленія рода. Въ такомъ случаѣ родъ долженъ бы былъ быть измѣненъ, и было бы оправдано признаніе нѣкотораго другого числа видовъ видами нѣкотораго другого рода, т.-е. нѣкоторый родъ опредѣлился бы тѣмъ, что̀ по какому-либо соображенію было бы соединено вмѣстѣ по признанію его за единство; это соображеніе само стало бы тогда основаніемъ раздѣленія. Наоборотъ, если держаться за ранѣе принятую опредѣленность, какъ за особенность рода, то исключается тотъ матеріалъ, который желали включить въ родъ, какъ виды, вмѣстѣ съ прежними видами. Это колебаніе понятія, которое то принимаетъ нѣкоторую опредѣленность за существенный моментъ рода и сообразно тому то включаетъ частное въ родъ или исключаетъ изъ послѣдняго, то начинаетъ съ частнаго и въ его сопоставленіи опять такъ руководствуется какою-либо иною опредѣленностью, кажется игрою произвола, отъ котораго зависитъ удержать ту или другую сторону конкретнаго и руководствоваться ею. Физическая природа сама собою представляетъ такую случайность въ принципахъ раздѣленія; вслѣдствіе ея зависимой, внѣшней дѣйствительности она находится въ разнообразной одинаково данной ей связи; оттого-то оказывается множество принциповъ, съ которыми она можетъ согласоваться, при чемъ въ одномъ ряду формъ она слѣдуетъ одному, въ другихъ—другимъ принципамъ, ровно какъ производитъ и смѣшанныя промежуточныя образованія, одновременно представляющія разныя стороны. Отсюда происходитъ то, что въ одномъ ряду природныхъ вещей вы-

ступаютъ, какъ весьма характерные и существенные, такіе признаки, которые въ другихъ оказываются неявственными и безцѣльными, вслѣдствіе чего становится невозможнымъ слѣдовать одному принципу дѣленія этого вида.

Общая опредѣленность эмпирическихъ видовъ можетъ состоять лишь въ томъ, что они вообще различаются одинъ отъ другого, не будучи противоположными. Раздѣленіе понятій было ранѣе того найдено въ его опредѣленности; если частность принимается, какъ непосредственная и данная, безъ отрицательнаго единства понятія, то различеніе остается лишь при ранѣе разсмотрѣнной рефлексивной формѣ различія. Внѣшность, которая преобладаетъ въ понятіи природы, приводитъ за собою полное безразличіе различенія; для раздѣленія избирается поэтому часто опредѣленіе числа.

Такъ какъ вообще частное относительно общаго, а потому и раздѣленіе, здѣсь случайны, то можно приписать нѣкоторому инстинкту разума, если это познаніе находитъ такія основанія раздѣленій и самыя раздѣленія, которыя, насколько то допускается чувственными свойствами, болѣе соотвѣтствуютъ понятію. Напр. относительно животныхъ, широко распространеннымъ основаніемъ раздѣленія служатъ въ системахъ органы принятія пищи, зубы и когти; они прежде всего принимаются лишь за такія стороны, признаки которыхъ всего легче обозначаются для субъективной цѣли познанія. Но въ дѣйствительности въ этихъ органахъ заключается не только такое различеніе, которое свойственно внѣшней рефлексіи, а они составляютъ жизненный пунктъ животной индивидуальности, въ коемъ она полагаетъ сама себя передъ инобытіемъ внѣшней для нея природы, какъ относящаяся къ себѣ и выдѣляющаяся изъ непрерывности съ другимъ единичность. Въ растеніяхъ органы оплодотворенія образуютъ тотъ высшій пунктъ растительной жизни, которымъ она указываетъ на переходъ къ половому различію и тѣмъ самымъ въ индивидуальную единичность. Поэтому система съ полнымъ правомъ обращается къ этому пункту, какъ, хотя не исключительному, но широко захватывающему основанію раздѣленія, и тѣмъ самымъ кладетъ въ основаніе такую опредѣленность, которая есть нетолько опредѣленность для сравненія путемъ внѣшней рефлексіи, но есть въ себѣ и для себя высшая изъ всѣхъ, къ какимъ способно растеніе.

3. Теорема (Lehrsatz).

1. Третья ступень этого направляющагося къ опредѣленіямъ понятія познанія есть переходъ отъ частности къ единичности; эта ступень составляетъ содержаніе теоремы. Слѣдовательно то, что здѣсь подлежитъ разсмотрѣнію, есть относящаяся къ себѣ опредѣленность, различеніе предмета въ себѣ самомъ и взаимное отношеніе различенныхъ опредѣленностей. Опредѣленіе содержитъ въ себѣ лишь одну опредѣленность, раздѣленіе—опредѣленность противъ другой; въ переходѣ къ единичности предметъ вошелъ въ отношеніе извнѣ внутрь себя самого. Между тѣмъ какъ опредѣленіе останавливается на общемъ понятіи, въ теоремахъ предметъ познается напротивъ въ своей реальности, въ условіяхъ и формахъ своего реальнаго существованія. По-

этому онъ вмѣстѣ съ опредѣленіемъ изображаетъ собою идею, которая есть единство понятія и реальности. Но разсматриваемое здѣсь, еще погруженное въ исканіе познаніе не доходитъ до этого изображенія постольку, поскольку реальность при немъ не проистекаетъ изъ понятія, и стало быть ея зависимость отъ послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ самое ихъ единство еще не познается.

По только что приведенному опредѣленію теорема есть въ собственномъ смыслѣ слова синтетическое въ предметѣ, поскольку отношеніе ея опредѣленности необходимо, т.-е. обосновано на внутреннемъ тожествѣ понятія. Синтетическое въ опредѣленіи и раздѣленіи есть нѣкоторая внѣшнимъ образомъ принимаемая связь; то, что найдено, приводится въ форму понятія, но, какъ найденное, все содержаніе только показывается; теорема же должна быть доказана. Такъ какъ это познаніе не выводитъ содержанія своего опредѣленія и основанія раздѣленія, то, казалось бы, что оно можетъ обойтись и безъ доказательства тѣхъ отношеній, которыя выражаются теоремою, и въ этомъ смыслѣ также довольствоваться воспріятіемъ. Но то, что отличаетъ познаніе отъ простого воспріятія и представленія, есть форма понятія вообще, сообщаемая имъ содержанію; это достигается опредѣленіемъ и раздѣленіемъ; но такъ какъ содержаніе теоремы проистекаетъ изъ момента понятія единичности, то оно состоитъ въ опредѣленіяхъ реальности, отношенія которыхъ уже не принадлежатъ простымъ и непосредственнымъ опредѣленіямъ понятія; въ единичности понятіе перешло въ инобытіе, въ реальность, въ силу чего стало идеею. Синтезъ, заключающійся въ теоремѣ, тѣмъ самымъ уже не оправдывается формою понятія; онъ есть связываніе различныхъ; еще не положенное при этомъ единство должно быть еще указано, и потому доказательство необходимо тутъ для самого сказаннаго познанія.

Ближайшимъ образомъ при этомъ возникаетъ затрудненіе опредѣленно различить, какія изъ опредѣленій предмета должны быть приняты въ опредѣленія, и какія отнесены въ теорему. Здѣсь не можетъ быть установлено никакого принципа; онъ кажется заключающимся лишь въ томъ, что то, что непосредственно присуще нѣкоторому предмету, входитъ въ составъ опредѣленія; для прочаго же, какъ опосредованнаго, должно быть сначала найдено опосредованіе. Но содержаніе опредѣленія есть вообще опредѣленное и тѣмъ самымъ само по существу опосредованное; содержаніе имѣетъ лишь нѣкоторую субъективную непосредственность, т.-е. субъектъ совершаетъ произвольное начало и сообщаетъ предмету значеніе предположенія. А поскольку предметъ конкретенъ внутри себя и долженъ быть также раздѣленъ, то получается множество опредѣленій, по своей природѣ опосредованныхъ и признаваемыхъ за непосредственныя и недоказываемыя не по принципу, а лишь по субъективному рѣшенію. И у Эвклида, который искони справедливо признанъ мастеромъ въ этомъ синтетическомъ видѣ познанія, подъ названіемъ аксіомы встрѣчается нѣкоторое предположеніе о параллельныхъ линіяхъ, которое считалось требующимъ доказательства, и недостаточность котораго пробовали различными способами восполнять. Во многихъ другихъ теоремахъ думали находить предположенія, которыя должны быть не признаваемыми непосредственно, а доказы-

ваемыми. Что касается той аксіомы о параллельныхъ линіяхъ, то по этому поводу можно замѣтить, что именно тутъ Эвклидъ обнаруживаетъ правильное пониманіе дѣла, точно оцѣнивъ и элементъ и природу своей науки; доказательство этой аксіомы должно бы было быть ведено изъ понятія параллельныхъ линій; но такое доказательство столь же мало относится на долю своей науки, какъ и выводъ ея опредѣленій, аксіомъ и вообще ея предмета, самого пространства и его ближайшихъ опредѣленій, измѣреній; ибо такой выводъ можетъ быть сдѣланъ только изъ понятія; а такъ какъ послѣднее лежитъ внѣ своеобразія эвклидовой науки, то это для нея есть необходимо предположеніе, т.-е. относительно первое.

Аксіомы,—чтобы упомянуть о нихъ по этому поводу,—принадлежатъ къ тому же классу. Неправильно считаютъ ихъ обычно за абсолютно-первое, не требующее въ себѣ и для себя никакого доказательства. Если бы такъ было въ дѣйствительности, то онѣ были бы просто тожесловіями, такъ какъ лишь въ отвлеченномъ тожествѣ нѣтъ никакого различія, стало быть для него не требуется никакого опосредованія. Если же аксіомы суть нѣчто большее, чѣмъ тожесловія, то онѣ суть предложенія изъ какой-либо другой науки, такъ какъ для той науки, которой онѣ служатъ аксіомами, онѣ должны быть предположеніями. Поэтому онѣ суть собственно теоремы и при томъ по большей части относящіяся къ логикѣ. Аксіомы геометріи суть также леммы, логическія предложенія, которыя впрочемъ потому приближаются къ тожесловіямъ, что онѣ касаются лишь величинъ, и поэтому качественныя различенія въ нихъ упразднены; о главной аксіомѣ, о чисто-количественномъ умозаключеніи, была рѣчь уже выше. Поэтому аксіомы также, какъ опредѣленія и раздѣленія, разсматриваемыя въ себѣ и для себя, требуютъ нѣкотораго доказательства и лишь потому не превращаются въ теоремы, что, какъ относительно первыя, для извѣстной точки зрѣнія признаются предположеніями.

По поводу содержанія теоремъ слѣдуетъ сдѣлать то ближайшее различеніе, что такъ какъ оно состоитъ въ нѣкоторомъ отношеніи опредѣленностей реальности понятія, то эти отношенія могутъ быть какъ болѣе или менѣе неполными и единичными отношеніями предмета, такъ и такимъ отношеніемъ, которое охватываетъ все содержаніе реальности и выражаетъ собою его опредѣленное отношеніе. Но единство полныхъ опредѣленностей содержанія тожественно понятію; содержащее его предложеніе есть само поэтому опять таки опредѣленіе, которое однако выражаетъ собою нетолько непосредственно усвоенное, но и развитое въ его опредѣленныхъ, реальныхъ различеніяхъ понятіе или полное существованіе послѣдняго. То и другое вмѣстѣ представляетъ собою идею.

При ближайшемъ сравненіи теоремъ какой-либо синтетической науки, и именно геометріи, получается то различеніе, что нѣкоторыя изъ ея теоремъ содержатъ въ себѣ лишь единичныя отношенія предмета; другія же—такія отношенія, въ коихъ выражается полная опредѣленность предмета. Очень поверхностенъ тотъ взглядъ, по которому всѣ эти предложенія считаются равноцѣнными на томъ основаніи, что каждое вообще содержитъ въ себѣ нѣкоторую

истину и въ формальномъ ходѣ изложенія, въ связи доказательства, равно существенно. Различеніе содержанія теоремъ само тѣснѣйшимъ образомъ связано съ этимъ ходомъ; нѣкоторыя дальнѣйшія замѣчанія о нихъ послужатъ къ тому, чтобы ближе освѣтить какъ это различеніе, такъ и природу синтетическаго познанія. Прежде всего уже искони прославляется порядокъ расположенія теоремъ въ эвклидовой геометріи, которая должна служить представительницею синтетическаго метода, представляющая самый совершенный его образецъ; въ ней каждой теоремѣ всегда предпосылаются, какъ ранѣе доказанныя, тѣ предложенія, которыя требуются для построенія и доказательства этой теоремы. Но это обстоятельство касается формальной послѣдовательности; какъ ни важна послѣдняя, оно все же касается болѣе внѣшняго расположенія и сама по себѣ не имѣетъ отношенія къ существенному различенію понятія и идеи, въ коемъ заключается болѣе высокій принципъ необходимаго движенія впередъ. А именно опредѣленія, съ которыхъ начинаютъ, берутъ чувственный предметъ, какъ непосредственно данный, и опредѣляютъ его по его ближайшему роду и видовой особенности, которые также суть простыя непосредственныя опредѣленности понятія, общность и частность, отношеніе коихъ далѣе не развивается. Теоремы, служащія началомъ, сами по себѣ и не могутъ опираться ни на что иное, кромѣ такихъ непосредственныхъ данныхъ, какія заключаются въ опредѣленіяхъ; равнымъ образомъ ихъ взаимная зависимость ближайшимъ образомъ можетъ состоять лишь въ томъ общемъ, что одна вообще опредѣлена другою. Такимъ образомъ первыя предложенія Эвклида о треугольникахъ касаются лишь совпаденія, т.-е. вопроса о томъ, сколько частей какого бы то ни было треугольника должно быть опредѣлено, чтобы вообще были опредѣлены прочія части одного и того же треугольника или иначе весь треугольникъ. Что два треугольника сравниваются одинъ съ другимъ, и совпаденіе полагается въ покрытіи одного другимъ,—это окольный путь, котораго требуетъ методъ, долженствующій пользоваться чувственнымъ покрытіемъ вмѣсто мысли: опредѣленность. Независимо сего, разсматриваемыя для себя, эти теоремы содержатъ сами двѣ части, изъ коихъ одна должна считаться понятіемъ, а другая — реальностью, восполняющею первую въ реальность. А именно полное опредѣленіе, напр., двѣ стороны и заключенный между ними уголъ, есть уже для разсудка цѣлый треугольникъ; оно ни въ чемъ не нуждается далѣе для полной опредѣленности треугольника; прочіе два угла и третья сторона есть избытокъ реальности надъ опредѣленностью понятія. Поэтому послѣдствіе этихъ теоремъ состоитъ собственно въ томъ, что онѣ сводятъ чувственный треугольникъ, требующій во всякомъ случаѣ трехъ сторонъ и трехъ угловъ, къ его простѣйшимъ условіямъ; опредѣленіе (definitio) вообще упоминаетъ лишь о трехъ линіяхъ, замыкающихъ плоскую фигуру и образующихъ изъ нея треугольникъ; и эта теорема содержитъ въ себѣ выраженіе опредѣленности угловъ въ силу опредѣленности сторонъ, прочія же теоремы— зависимость остальныхъ трехъ частей отъ упомянутыхъ трехъ частей. Но полная опредѣленность величины треугольника по его сторонамъ содержитъ внутри себя самой пиѳагорову теорему; лишь послѣдняя есть уравненіе

сторонъ треугольника, такъ какъ разсмотрѣніе двухъ вышеуказанныхъ сторонъ треугольника приводитъ за собою вообще только взаимную опредѣленность его сторонъ, а не какое-либо уравненіе. Поэтому пиѳагорова теорема есть полное реальное опредѣленіе треугольника, именно ближайшимъ образомъ прямоугольнаго, простѣйшаго въ своихъ различеніяхъ и потому наиболѣе правильнаго. Эвклидъ заканчиваетъ этою теоремою первую книгу, такъ какъ она (теорема) есть дѣйствительно достигнутая полная опредѣленность. Также точно послѣ того, какъ онъ передъ тѣмъ сводитъ непрямоугольные треугольника, коимъ присущая бо̀льшая неправильность, къ равномѣрнымъ, прямоугольнымъ, онъ заканчиваетъ вторую книгу сведеніемъ прямоугольника къ квадрату, — уравненіемъ между саморавнымъ, квадратомъ, и несаморавнымъ, прямоугольникомъ; такимъ же образомъ гипотенуза, соотвѣтствующая прямому углу, саморавному, составляетъ въ пиѳагоровой теоремѣ одну часть уравненія, а два катета, несаморавное, — другую. Сказанное уравненіе между квадратомъ и прямоугольникомъ ложится въ основаніе второго опредѣленія круга, — которое опять таки есть пиѳагорова теорема, поскольку катеты принимаются за перемѣнныя величины; первое уравненіе круга находится въ томъ же отношеніи чувственной опредѣленности къ уравненію, въ какомъ вообще находятся между собою два различныхъ опредѣленія коническаго сѣченія.

Это по-истинѣ синтетическое движеніе впередъ есть переходъ отъ общаго къ единичности, именно къ опредѣленному въ себѣ и для себя или къ единству предмета внутри себя самого, поскольку предметъ въ своихъ существенныхъ реальныхъ опредѣленностяхъ выходитъ изъ себя и различается. Но вполнѣ несовершенное, обычное движеніе въ другихъ наукахъ допускается тогда, когда началомъ, правда, служитъ общее, но переходъ отъ него къ единичному и конкретному есть лишь приложеніе общаго къ приходящему откуда-то извнѣ матеріалу; собственное единичное идеи есть такимъ образомъ нѣкоторая эмпирическая прибавка.

Но какое бы, несовершенное или совершенное, содержаніе ни имѣла теорема, она должна быть доказана. Она есть отношеніе реальныхъ опредѣленій, не обладающихъ отношеніемъ опредѣленій понятій; если они и имѣютъ послѣднія (опредѣленія), какъ можетъ быть указано относительно предложеній, которыя мы назвали вторыми или реальными опредѣленіями, то послѣднія именно потому суть съ одной стороны тѣ опредѣленія, которыя именуются definitiones; но такъ какъ ихъ содержаніе вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ изъ отношеній реальныхъ опредѣленій, а не просто изъ отношеній нѣкотораго общаго и простой опредѣленности, то они по сравненію съ первымъ такимъ definitio также требуютъ доказательства и допускаютъ его. Какъ реальныя опредѣленія, они имѣютъ форму существующихъ безразлично и различныхъ; поэтому они не суть непосредственно одно; надлежитъ вслѣдствіе того указать ихъ опосредованіе. Непосредственное единство въ первомъ опредѣленіи есть то, въ силу котораго частное включается въ общее.

2. Опосредованіе, которое должно теперь быть разсмотрѣно ближе, можетъ быть или простымъ, или проходить черезъ многія опосредованія.

Опосредывающіе члены связаны съ опосредываемыми; но такъ какъ то, изъ чего вытекаютъ въ этомъ познаніи опосредованіе и теорема, и чему вообще чуждъ переходъ въ противоположное, не есть понятіе, то опосредывающія опредѣленія, безъ понятія связи, должны быть заимствованы откуда то извнѣ, какъ предварительный матеріалъ для остова доказательства. Эта подготовка есть построеніе.

Изъ числа отношеній содержанія теоремы, которыя могутъ быть весьма разнообразны, должны быть выбраны и сдѣланы наглядными тѣ, которыя служатъ понятію. Этотъ выборъ матеріала имѣетъ свой смыслъ лишь при такой цѣли; самъ по себѣ онъ является слѣпымъ и лишеннымъ понятія. За симъ при доказательствѣ, правда, усматривается, что цѣлесообразно провести въ геометрической фигурѣ такую наприм. прибавочную линію, какая дана въ построеніи, но само послѣднее должно быть выполняемо слѣпо; поэтому для себя это дѣйствіе чуждо разсудка, такъ какъ руководящая имъ цѣль еще не высказана. Безразлично, предпринимается ли оно ради теоремы въ собственномъ смыслѣ этого слова или ради задачи; какимъ оно является ближайшимъ образомъ до доказательства, оно не есть нѣчто, выводимое изъ данныхъ въ теоремѣ или задачѣ опредѣленій, и потому есть безсмысленное дѣйствіе для того, кто еще не знаетъ его цѣли; оно есть всегда нѣчто руководимое только нѣкоторою внѣшнею цѣлью.

Это первоначально скрытое проявляется въ доказательствѣ. Послѣднее, какъ указано, содержитъ въ себѣ опосредованіе того, что связно высказывается въ теоремѣ; лишь черезъ это опосредованіе сказанная связь является необходимою. Какъ построеніе для себя лишено субъективности понятія, такъ доказательство есть нѣкоторое субъективное дѣйствіе безъ объективности. А именно такъ какъ опредѣленія содержанія теоремы положены вмѣстѣ съ тѣмъ, не какъ опредѣленія понятія, а какъ данныя безразличныя части, состоящія въ разнообразныхъ внѣшнихъ взаимныхъ отношеніяхъ, то необходимость присуща лишь формальному, внѣшнему понятію. Доказательство не есть нѣкоторый генезисъ отношенія, составляющаго содержаніе теоремы; его необходимость существуетъ лишь для нашего разумѣнія, а все доказательство— для субъективной надобности познанія. Доказательство есть поэтому вообще нѣкоторая внѣшняя рефлексія, идущая извнѣ внутрь, т.-е. заключающая отъ внѣшнихъ обстоятельствъ къ внутреннему составу отношенія. Обстоятельства, изображенныя построеніемъ, суть слѣдствія природы предмета; здѣсь же они наоборотъ обращаются въ основаніе и въ опосредывающія отношенія. Средній терминъ, третье, чѣмъ связанное въ теоремѣ представляется въ своемъ единствѣ, и что составляетъ нервъ доказательства, поэтому лишь таково, что въ немъ эта связь является и оказывается внѣшнею. Такъ какъ слѣдствіе, проистекающее изъ этого доказательства, есть скорѣе обратное природѣ вещи, то то, что въ доказательство принимается за основаніе, есть субъективное основаніе, изъ котораго природа вещи проистекаетъ только для познанія.

Изъ сказаннаго явствуетъ необходимая граница этого познанія, часто понимаемая неправильно. Блестящій примѣръ синтетическаго метода есть наука

геометріи,—но несоотвѣтственнымъ образомъ онъ примѣняется и къ другимъ наукамъ, даже къ философіи. Геометрія есть наука о величинахъ, и потому для нея всего пригоднѣе формальное умозаключеніе; такъ какъ въ ней разсматривается только количественное опредѣленіе, и отвлекается отъ качественнаго, то она можетъ держаться въ границахъ формальнаго тожества, чуждаго понятію единства, которое есть равенство и принадлежитъ внѣшней отвлекающей рефлексіи. Ея предметъ, пространственныя опредѣленія, уже настолько отвлеченъ, что подготовленъ для цѣли—имѣть вполнѣ конечную, внѣшнюю опредѣленность. Вслѣдствіе отвлеченности ея предмета этой наукѣ съ одной стороны свойственна та возвышенность, въ силу которой въ этомъ пустомъ безмолвномъ пространствѣ погасаетъ цвѣтъ, а также исчезаютъ и другія чувственныя свойства, а равно смолкаетъ и всякій иной интересъ, связанный съ живою индивидуальностью. Съ другой стороны, этотъ отвлеченный предметъ все же есть еще пространство, — нѣчто нечувственно чувственное; воззрѣніе возвышается въ своей отвлеченности, пространство есть нѣкоторая форма воззрѣнія, но само воззрѣніе, — еще чувственное, внѣположность самой чувственности, ея чистое отсутствіе понятія. Въ послѣднее время достаточно говорили о превосходствѣ геометріи въ этомъ отношеніи; то обстоятельство, что въ ея основаніи лежитъ чувственное воззрѣніе, объявляли ея высшимъ преимуществомъ и полагали даже, что ея высокая научность основывается именно на этомъ, и что ея доказательства покоятся на воззрѣніи. Противъ этой плоскости необходимо прибѣгнуть къ столь же плоскому напоминанію, что всякая наука осуществляется не черезъ воззрѣніе, а только черезъ мышленіе. Только наглядность, свойственная геометріи въ силу остающагося еще въ ней чувственнаго матеріала, сообщаетъ ей ту сторону очевидности, которую вообще имѣетъ чувственное для немыслящаго духа. Заслуживаетъ порицанія поэтому, что эту чувственность матеріала, которая знаменуетъ собою скорѣе низменность точки зрѣнія геометріи, считаютъ ея преимуществомъ. Лишь отвлеченности ея чувственнаго предмета обязана она своею способностью къ болѣе высокой научности и большимъ преимуществомъ передъ тѣми собраніями свѣдѣній, которыя также склонны называть науками, и которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ конкретное, ощутимое чувственное, и лишь путемъ порядка, который они пытаются туда внести, обнаруживаютъ отдаленное чаяніе требованій понятія и намекъ на нихъ.

Лишь вслѣдствіе того, что геометрическое пространство есть отвлеченность и пустота внѣбытія, становится возможнымъ такое начертаніе фигуръ въ его неопредѣленности, что ихъ опредѣленія остаются одни внѣ другихъ въ устойчивомъ покоѣ и не имѣютъ никакого перехода въ свою противоположность. Эта наука есть тѣмъ самымъ наука конечнаго, которое сравнивается по величинѣ, и единство котораго есть внѣшнее, равенство. Но такъ какъ при этомъ начертаніи фигуръ вмѣстѣ съ тѣмъ исходятъ отъ различныхъ сторонъ и принциповъ, и различныя фигуры возникаютъ для себя, то при ихъ сравненіи обнаруживается также качественное неравенство и несоизмѣримость. Ими геометрія выводится изъ конечности, въ которой она движется столь пра-

вильно и увѣренно, въ безконечность, къ приравненію того, что качественно различно. Здѣсь прекращается ея очевидность, такъ какъ въ основѣ ея вообще лежитъ устойчивая конечность, и ея нечего дѣлать съ понятіемъ и его явленіемъ, сказаннымъ переходомъ. Конечная наука достигаетъ здѣсь своей границы, такъ какъ необходимость и опосредованіе синтетическаго основываются тутъ уже не только на положительномъ, но и на отрицательномъ тожествѣ.

Если геометрія, какъ и алгебра, скоро останавливается при своихъ отвлеченныхъ, чисто разсудочныхъ предметахъ у своей границы, то въ другихъ наукахъ синтетическій методъ уже съ самаго начала обнаруживаетъ себя недостаточнымъ, всего же недостаточнѣе онъ въ философіи. Относительно опредѣленія и раздѣленія это уже обнаружено; здѣсь слѣдовало бы говорить только о теоремахъ и доказательствахъ, но независимо отъ того, что само доказательство уже требуетъ опредѣленій и раздѣленій и предполагаетъ ихъ, самое положеніе ихъ относительно теоремъ вообще неудовлетворительно. Это положеніе особенно достопримѣчательно въ опытныхъ наукахъ, напр., въ физикѣ, если имъ хотятъ придать форму синтетическихъ наукъ. Этотъ пріемъ состоитъ въ томъ, что рефлексивныя опредѣленія отдѣльныхъ силъ или иныхъ внутреннихъ и существенныхъ формъ, которыя вытекаютъ изъ способа анализировать опытъ, и которыя могутъ быть оправданы, лишь какъ результаты, ставятся во главѣ, дабы образовать собою общія основы, затѣмъ примѣняемыя къ единичному и обнаруживаемыя въ немъ. Такъ какъ эти общія основы не имѣютъ для себя никакой опоры, то ихъ приходится принимать пока произвольно; но лишь при выводѣ изъ нихъ слѣдствій замѣчаютъ, что послѣднія составляютъ настоящее основаніе этихъ основъ. Такъ называемое объясненіе и доказательство содержащагося въ теоремахъ конкретнаго оказывается отчасти тожесловіемъ, отчасти искаженіемъ истиннаго отношенія; отчасти же это искаженіе приводило къ тому, чтобы прикрыть заблужденіе познанія, односторонне понимавшаго опытъ, единственно изъ котораго оно могло почерпнуть свои простыя опредѣленія и основоположенія, и тѣмъ самымъ устранить основанное на опытѣ опроверженіе, обнаруживъ, что оно въ данномъ случаѣ принимало и оцѣняло опытъ не въ его конкретной полнотѣ, а лишь какъ примѣръ и притомъ съ его благопріятной для гипотезъ и теорій стороны. Въ этомъ подчиненіи конкретнаго опыта предположеннымъ опредѣленіямъ основа теоріи затемняется и показывается лишь со стороны, подтверждающей теорію; равно, какъ вообще тѣмъ самымъ становится крайне затруднительнымъ разсматривать конкретныя воспріятія безпристрастно для себя. Лишь сдѣлавъ совершенно обратнымъ весь ходъ познанія, мы сообщаемъ цѣлому правильное отношеніе, при коемъ можно обозрѣть связь основанія и слѣдствія и правильность преобразованія воспріятія въ мысли. Одна изъ главныхъ трудностей при изученіи такихъ наукъ состоитъ поэтому въ томъ, чтобы проникнуть въ нихъ; этого можно достигнуть лишь путемъ слѣпого принятія предположеній и запечатлѣнія въ памяти безъ возможности образованія нѣкотораго понятія, часто даже едва ли опредѣленнаго представленія, по большей же мѣрѣ смутнаго образа фантазіи, опредѣленій признаваемыхъ силъ, матерій и ихъ гипо-

тетическихъ фигуръ, направленій и вращеній. Если же потребовать для принятія и оцѣнки гипотезъ выясненія изъ необходимости и понятія, то оказывается невозможнымъ двигаться далѣе начала.

О неправильности приложенія синтетическаго метода къ строго аналитическимъ наукамъ былъ уже поводъ говорить выше. Вольфъ распространилъ это приложеніе на всевозможные роды знаній, отнесенныхъ имъ къ философіи и математикѣ, — знаній, которыя отчасти имѣютъ совершенно аналитическую природу, отчасти же носятъ характеръ совершенно случайный и чисто ремесленный. Контрастъ между такимъ легко усвояемымъ, по природѣ своей неспособнымъ ни къ какой строгой и научной обработкѣ матеріаломъ и натянутыми научными изворотами по поводу его и его внѣшнею оболочкою уже самъ по себѣ показалъ нескладность такого приложенія и лишилъ послѣднее кредита [1]). Но вѣры въ пригодность и существенность этого метода для приданія научной строгости философіи это злоупотребленіе имъ не могло уничтожить; примѣръ изложенія Спинозою его философіи еще долго выдавался за образецъ. Однако въ дѣйствительности Кантъ и Якоби опровергли весь способъ дѣйствія прежней метафизики, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея методъ. Кантъ по-своему показалъ относительно содержанія этой метафизики, что черезъ строгое доказательство оно приводитъ къ антиноміямъ, характеръ которыхъ былъ впрочемъ разъясненъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ; но о самой природѣ этого доказательства, которое связано съ нѣкоторымъ конечнымъ содержаніемъ, онъ не рефлектировалъ; между тѣмъ одно должно падать вмѣстѣ съ другимъ. Въ своихъ Начальныхъ основаніяхъ естествознанія онъ самъ далъ примѣръ обработки нѣкоторой науки, которую онъ такимъ путемъ думалъ сдѣлать философскою, какъ науку рефлексіи и по ея методу. Если Кантъ нападалъ на прежнюю метафизику болѣе съ точки зрѣнія ея содержанія, то Якоби производилъ это нападеніе преимущественно со стороны способа ея доказательствъ; онъ самымъ яснымъ и глубокимъ образомъ выдѣлилъ пунктъ, въ коемъ вся

---

[1]) Напр. въ Начальныхъ основаніяхъ строительнаго искусства Вольфа восьмая теорема гласитъ: Окошко должно имѣть такую ширину, чтобы два лица могли удобно лежать на немъ рядомъ.

Доказательство. Ибо часто желаютъ лечь на окошко вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, дабы осмотрѣться. А такъ какъ строитель долженъ во всемъ удовлетворять главныя намѣренія хозяевъ строенія (§ 1), то онъ долженъ и окошко сдѣлать настолько широкимъ, чтобы два лица могли удобно лежать на немъ рядомъ. Что и т. д.

Его же Начальныя основанія фортификаціи, вторая теорема: Если непріятель расположился вблизи, и предполагается, что онъ будетъ пытаться освободить крѣпость посредствомъ поданія ей помощи, то вокругъ всей крѣпости должна быть устроена циркумвалляціонная линія.

Доказательство. Циркумвалляціонныя линіи препятствуютъ кому бы то ни было проникать въ лагерь извнѣ (§ 31). Но тѣ, которые желаютъ освободить крѣпость, стремятся проникнуть въ лагерь извнѣ. Поэтому для удержанія ихъ отъ того должна быть вокругъ лагеря устроена циркумвалляціонная линія. Посему если непріятель расположился вблизи, и предполагается, что онъ будетъ пытаться освободить крѣпость посредствомъ поданія ей помощи, то лагерь долженъ быть замкнутъ въ циркумвалляціонныя линіи. Что и т. д.

суть дѣла, а именно, что такой методъ доказательства связанъ совершенно съ кругомъ оцѣпенѣлой неподвижности конечнаго, свобода же, т.-е. понятіе, и тѣмъ самымъ все, что истинно, лежитъ внѣ его и для него недостижимо. По выводу Канта своеобразное содержаніе метафизики приводитъ къ противорѣчіямъ, и недостаточность этого познанія состоитъ въ его субъективности, по выводу же Якоби методъ и вся природа самаго этого познанія имѣютъ дѣло лишь со связью условности и зависимости и потому оказываются несоотвѣтствующими тому, что есть въ себѣ и для себя и абсолютно-истинно. Дѣйствительно, такъ какъ принципъ философіи есть безконечное свободное понятіе, и все ея содержаніе покоится единственно на этомъ понятіи, то къ нему непримѣнимъ методъ чуждой понятію конечности. Синтезъ и опосредованіе этого метода приводятъ только къ противоположной свободѣ необходимости, именно къ нѣкоторому тожеству зависимаго, которое лишь въ себѣ, все равно, понимается ли оно, какъ внутреннее или какъ внѣшнее, и въ которомъ то, что составляетъ его реальность, различенное и осуществленное, остается только самостоятельно-различнымъ и потому конечнымъ. Такимъ образомъ, самое это тожество тутъ не осуществляется и остается лишь внутреннимъ или иначе лишь внѣшнимъ, такъ какъ его опредѣленное содержаніе ему дано; съ обѣихъ точекъ зрѣнія оно есть нѣчто отвлеченное и имѣетъ реальную сторону не въ немъ самомъ, а потому не положено, какъ въ себѣ и для себя опредѣленное тожество; понятіе, въ которомъ единственно вся суть дѣла, и которое есть безконечное въ себѣ и для себя, исключено тѣмъ самымъ изъ этого познанія.

Такимъ образомъ въ синтетическомъ познаніи идея достигаетъ своей цѣли лишь въ той мѣрѣ, въ какой понятіе по своимъ моментамъ тожества и по реальнымъ опредѣленіямъ или иначе по общности и частнымъ различеніямъ,—далѣе также какъ тожество, которое есть связь и зависимость различнаго—становится для понятія. Но этотъ его предметъ ему не соотвѣтствуетъ, ибо понятіе не становится единствомъ себя съ самимъ собою въ своемъ предметѣ или въ своей реальности; въ необходимости состоитъ его тожество для него, но въ этомъ тожествѣ заключается не сама опредѣленность, а нѣкоторый внѣшній ей, т.-е. не понятіемъ опредѣляемый матеріалъ, въ коемъ понятіе не познаетъ само себя. Такимъ образомъ понятіе вообще опредѣлено не для себя и не въ себѣ и для себя вмѣстѣ въ своемъ единствѣ. Поэтому идея не достигаетъ еще въ этомъ познаніи истины вслѣдствіе несоотвѣтствія предмета субъективному понятію. Но сфера необходимости есть высшее обостреніе бытія и рефлексіи; она сама въ себѣ и для себя переходитъ въ свободу понятія, внутреннее тожество переходитъ въ свое обнаруженіе, которое есть понятіе, какъ понятіе. Какъ совершается этотъ переходъ изъ сферы необходимости въ понятіе въ себѣ, было указано при разсмотрѣніи сказанной сферы, равно какъ онъ былъ изображенъ, какъ генезисъ понятія, въ началѣ этой книги. Здѣсь необходимость занимаетъ такое положеніе, при коемъ она есть реальность или предметъ понятія, равно какъ и понятіе, въ которое оно переходитъ, есть теперь предметъ понятія. Но са-

мый переходъ остается тѣмъ же. Онъ и здѣсь есть понятіе въ себѣ и лежитъ еще внѣ познанія въ нашей рефлексіи, т.-е. есть еще ея внутренняя необходимость. Лишь результатъ есть для него. Идея, поскольку понятіе теперь опредѣлено, какъ въ себѣ и для себя, для себя есть практическая идея, дѣйствіе.

B.

Идея добра.

Поскольку понятіе, которое есть свой собственный предметъ, опредѣлено въ себѣ и для себя, субъектъ опредѣляетъ себя, какъ единичное. Какъ субъективное, онъ опять-таки имѣетъ предположеніе нѣкотораго сущаго въ себѣ инобытія; онъ есть побужденіе реализовать себя, цѣль, которая хочетъ черезъ себя саму дать себѣ объективность въ объективномъ мірѣ и выполнить себя. Въ теоретической идеѣ субъективное понятіе, какъ общее, въ себѣ и для себя лишенное опредѣленія, противостоитъ объективному міру, изъ коего оно почерпаетъ себѣ опредѣленное содержаніе и выполненіе. Въ практической же идеѣ оно, какъ дѣйствительное, противостоитъ дѣйствительному; но увѣренность въ себѣ, присущая субъекту въ его опредѣленномъ въ себѣ и для себя бытіи, есть увѣренность въ свой дѣйствительности и не-дѣйствительности міра; для субъекта уничтожено инобытіе міра, нетолько какъ отвлеченная общность, но и въ его единичности и въ опредѣленіяхъ его единичности. Объективность присвоивается здѣсь субъектомъ самому себѣ; его опредѣленность внутри себя есть объективное, ибо оно есть общность, которая равнымъ образомъ совершенно опредѣлена; бывшій ранѣе того объективнымъ міръ есть, напротивъ, еще нѣчто положенное, нѣчто непосредственно разнообразно опредѣленное, но именно потому что оно непосредственно опредѣлено, оно лишено единства понятія внутри себя и для себя уничтожено.

Эта содержащаяся въ понятіи, равная ему и включающая въ себя требованіе единичной внѣшней дѣйствительности опредѣленность есть добро. Оно выступаетъ съ достоинствомъ, какъ абсолютное, такъ какъ оно есть полнота понятія внутри себя, объективное, которому вмѣстѣ съ тѣмъ свойственна форма свободнаго единства и субъективности. Эта идея выше, чѣмъ идея вышеразсмотрѣннаго познанія, ибо первая имѣетъ достоинство нетолько общаго, а также и просто дѣйствительнаго. Она есть побужденіе, поскольку это дѣйствительное еще субъективно, полагаетъ само себя, а не имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ формы непосредственнаго предположенія; ея побужденіе къ реализаціи состоитъ собственно въ томъ, чтобы сообщить себѣ не объективность,—послѣднюю она имѣетъ въ самой себѣ, — а лишь эту пустую форму непосредственности. Поэтому дѣятельность цѣли направлена не противъ себя для принятія внутрь себя и усвоенія себѣ нѣкоторого даннаго опредѣленія, но скорѣе для положенія собственнаго опредѣленія и для сообщенія себѣ реальности въ формѣ внѣшней дѣйствительности посредствомъ снятія опредѣленій внѣшняго міра. Идея воли, какъ самоопредѣляющая, имѣетъ для себя содержаніе внутри себя самой. Послѣднее есть, правда, опредѣленное содержаніе и

тѣмъ самымъ нѣчто конечное и ограниченное; самоопредѣленіе есть по существу частность, такъ какъ рефлексія воли въ себя, какъ отрицательное единство, есть вообще также единичность въ смыслѣ исключенія и предположенія нѣкотораго другого. Но частность содержанія ближайшимъ образомъ безконечна вслѣдствіе формы понятія, собственную опредѣленность котораго она составляетъ, и которое имѣетъ въ немъ отрицательное тожество себя съ самимъ собою и тѣмъ самымъ есть нетолько частное, но обладаетъ своею безконечною единичностью. Вышеупомянутая конечность содержанія въ практической идеѣ означаетъ тѣмъ самымъ то, что она есть ближайшимъ образомъ еще невыполненная идея; понятіе для него есть сущее въ себѣ и для себя; оно есть здѣсь идея въ формѣ для себя самой сущей объективности; съ одной стороны субъективное есть потому уже нетолько нѣчто положенное, произвольное или случайное, но нѣчто абсолютное; но съ другой стороны эта форма осуществленія, бытіе для себя, не имѣетъ еще также формы бытія въ себѣ. То, что является по формѣ, какъ таковой, какъ противоположность, является въ рефлектированной въ простое тожество формѣ понятія, т.-е. въ содержаніи, какъ его простая опредѣленность; доброе, хотя бы и имѣющее значеніе въ себѣ и для себя, есть въ силу того какая-либо частная цѣль, которая однако не должна пріобрѣсти свою истину лишь черезъ реализацію, а есть истинное уже для себя.

Самое умозаключеніе непосредственной реализаціи не требуетъ здѣсь никакого ближайшаго изложенія; оно есть лишь разсмотрѣнное выше умозаключеніе внѣшней цѣлесообразности; различеніе касается лишь содержанія. Во внѣшней цѣлесообразности, какъ формальной, послѣднее было вообще неопредѣленнымъ конечнымъ содержаніемъ, здѣсь же оно, хотя также конечно, но, какъ таковое, считается, вмѣстѣ съ тѣмъ, абсолютнымъ. Но по отношенію къ заключенію, выполненной цѣли, возникаетъ дальнѣйшее различеніе. Конечная цѣль въ своей реализаціи достигаетъ также лишь средства; такъ какъ она въ своемъ началѣ не есть еще цѣль, опредѣленная въ себѣ и для себя, то она и выполненная остается такою, которая не есть въ себѣ и для себя. Если же доброе опять-таки фиксируется, какъ нѣчто конечное и какъ таковое по существу, то, несмотря на свою внутреннюю безконечность, оно не можетъ избѣгнуть судьбы конечнаго,—судьбы, являющейся во многихъ формахъ. Совершаемое добро есть добро въ силу того, что оно есть уже въ субъективной цѣли, въ своей идеѣ; совершеніе даетъ ему нѣкоторое внѣшнее существованіе; но такъ какъ это существованіе опредѣлено лишь, какъ въ себѣ и для себя ничтожная внѣшность, то доброе достигаетъ въ немъ лишь случайнаго разрушимаго существованія, а не соотвѣтствующаго своей идеѣ совершенія. Далѣе такъ какъ доброе по своему содержанію есть нѣчто ограниченное, то существуетъ также много различнаго добра; совершаемое добро подвержено разрушенію нетолько черезъ внѣшнюю случайность и черезъ зло, но и черезъ столкновеніе и борьбу въ самомъ добрѣ. Со стороны предположеннаго имъ объективнаго міра, въ предположеніи коего заключается субъективность и конечность добра, и который, какъ нѣчто другое, идетъ своимъ собственнымъ путемъ,

самое совершеніе добра подвержено препятствіямъ и даже невозможности. Доброе остается, такимъ образомъ, нѣкоторымъ долженствованіемъ; оно есть въ себѣ и для себя, но бытіе, какъ послѣдняя, отвлеченная непосредственность, остается въ противоположность добру опредѣленнымъ также, какъ нѣкоторое небытіе. Идея выполненнаго добра есть, правда, нѣкоторый абсолютный постулатъ, но не болѣе, чѣмъ постулатъ, т.-е. абсолютное съ опредѣленіемъ субъективности. Тутъ встрѣчаются еще два противоположныхъ міра, царство субъективности въ чистыхъ областяхъ прозрачной мысли и царство объективности въ элементѣ внѣшней многообразной дѣйствительности, которое есть незамкнутое царство мрака. Полное развитіе этого неразрѣшеннаго противорѣчія, этой абсолютной цѣли, непреодолимо противостоящей ограниченію дѣйствительности, ближе разсмотрѣно въ Феноменологіи духа. Между тѣмъ, какъ идея содержитъ въ себѣ моментъ полной опредѣленности, другое понятіе, къ коему относится понятіе въ ней, есть въ своей субъективности, вмѣстѣ съ тѣмъ, моментъ нѣкотораго объекта; поэтому, идея выступаетъ тутъ въ видѣ самосознанія и съ этой стороны совпадаетъ съ его изложеніемъ.

Но то, чего не достаетъ практической идеѣ, есть моментъ самого сознанія, какъ такового, именно того, чтобы моментъ дѣйствительности въ понятіи достигъ для себя опредѣленія внѣшняго бытія. Этотъ недостатокъ можетъ быть также разсматриваемъ такъ, что практическая идея еще лишена момента теоретической. А именно, послѣдней со стороны субъективнаго, со стороны понятія, ставшаго понятіемъ, созерцаемымъ внутри себя, присуще лишь опредѣленіе общности; познаніе знаетъ себя, лишь какъ усвоеніе, какъ неопредѣленное для себя самого тожество понятія съ самимъ собою; выполненіе, т.-е. въ себѣ и для себя опредѣленная объективность, есть для теоретической идеи нѣчто данное, а истинно-сущее — независимо отъ субъективнаго положенія существующая дѣйствительность. Напротивъ, для практической идеи эта дѣйствительность, противостоящая первой, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ непреодолимое ограниченіе, имѣетъ значеніе въ себѣ и для себя ничтожнаго, долженствующее получить свое истинное опредѣленіе и единственную цѣнность черезъ цѣли добра. Поэтому, воля сама противостоитъ достиженію своей цѣли тѣмъ, что воля отдѣляется отъ познанія, и что внѣшняя дѣйствительность не сохраняетъ для нея (воли) формы истинно-сущаго; поэтому идея добраго можетъ найти свое восполненіе лишь въ идеѣ истиннаго.

Но этотъ переходъ идея добраго совершаетъ черезъ саму себя. Въ умозаключеніи дѣйствія первая посылка есть непосредственное отношеніе доброй цѣли къ дѣйствительности, которою эта цѣль овладѣваетъ и во второй посылкѣ направляетъ противъ внѣшней дѣйствительности, какъ внѣшнее средство. Добро есть для субъективнаго понятія объективное; дѣйствительность въ ея существованіи лишь постольку противостоитъ ему, какъ непреоборимое ограниченіе, поскольку она имѣетъ еще опредѣленіе непосредственнаго существованія, а не объективнаго въ смыслѣ бытія въ себѣ и для себя; она есть скорѣе или злое, или безразличное, только подлежащее опредѣленію, имѣющее свою цѣнность не въ себѣ самомъ. Но это отвлеченное бытіе, противостоящее добру

во второй посылкѣ, уже сняло саму практическую идею; первая посылка ея дѣйствія есть непосредственная объективность понятія, по которому цѣль безъ всякаго сопротивленія сообщается дѣйствительности и находится съ нею въ простомъ, тожественномъ отношеніи. Такимъ образомъ, надлежитъ лишь сопоставить вмѣстѣ мысли обѣихъ посылокъ. Къ тому, что уже непосредственно исполнено въ первой посылкѣ объективнымъ понятіемъ, присоединяется во второй лишь то, что оно положено черезъ опосредованіе, т.-е. для него. Какъ въ отношеніи цѣли вообще выполненная цѣль есть опять также лишь средство, но наоборотъ средство есть также выполненная цѣль, такъ, равнымъ образомъ, въ умозаключеніи добраго вторая посылка уже непосредственно дана въ себѣ въ первой; но эта непосредственность недостаточная, и вторая посылка требуется уже для самой цѣли; выполненіе добра вопреки противостоящей ему другой дѣйствительности есть опосредованіе, которое по существу необходимо для непосредственнаго отношенія и осуществленія добра. Ибо выполненіе добра есть лишь первое отрицаніе или инобытіе понятія, нѣкоторая объективность, которая была бы погруженіемъ понятія во внѣшность; второе отрицаніе есть снятіе этого инобытія, въ силу чего непосредственное выполненіе цѣли только и становится дѣйствительностью добра, какъ сущаго для себя понятія, такъ какъ послѣднее тѣмъ самымъ полагается тожественнымъ съ самимъ собою, а не съ нѣкоторымъ другимъ, и стало быть свободнымъ. Но если бы цѣль добра черезъ то не должна была быть выполненною, то это было бы возвратомъ понятія на ту точку зрѣнія, на которой понятіе было до своей дѣятельности, — на точку зрѣнія опредѣленной, какъ уничтоженной, и однако предположенной, какъ реальная, дѣйствительности; возвратомъ, который становится прогрессомъ въ ложную безконечность, но имѣетъ свое основаніе въ томъ, что въ снятіи той отвлеченной реальности это снятіе также непосредственно забывается, или что забывается то, что эта реальность уже была предположена, какъ въ себѣ и для себя уничтоженная, необъективная дѣйствительность. Это повтореніе предположенія невыполненной цѣли послѣ дѣйствительнаго выполненія цѣли опредѣляетъ себя поэтому такъ, что субъективная постановка объективнаго понятія возобновляется и дѣлается перемежающеюся, въ силу чего конечность добра является какъ по своему содержанію, такъ и по своей формѣ сохранящеюся истиною, равно какъ осуществленіе добра оказывается всегда лишь единичнымъ актомъ, а не чѣмъ то общимъ. Въ дѣйствительности эта опредѣленность сняла себя при осуществленіи добра; то, что для объективнаго понятія еще ограничено, есть его собственный взглядъ на себя, исчезающій черезъ рефлексію о томъ, что̀ есть осуществленіе добра въ себѣ; понятіе противится черезъ этотъ взглядъ само себѣ и должно поэтому направиться не противъ нѣкоторой внѣшней дѣйствительности, а противъ самого себя.

А именно, дѣятельность во второй посылкѣ, производящая лишь нѣкоторое одностороннее бытіе для себя, вслѣдствіе чего продуктъ является субъективнымъ и единичнымъ, и тѣмъ самымъ въ немъ повторяется первое предположеніе, есть въ дѣйствительности также положеніе сущаго въ себѣ тожества объективнаго понятія и непосредственной дѣйствительности. Опредѣ-

леніе послѣдней черезъ предположеніе состоитъ въ томъ, что есть свойственная ей лишь реальность явленія, что она въ себѣ и для себя ничтожна и опредѣлима только объективнымъ понятіемъ. Такъ какъ черезъ дѣятельность объективнаго понятія внѣшняя дѣйствительность измѣняется, и ея опредѣленіе тѣмъ самымъ снимается, то именно потому отъ нея изъемлются лишь являющаяся реальность, внѣшняя опредѣлимость и ничтожество, она тѣмъ самымъ становится положенною, какъ сущая въ себѣ и для себя. При этомъ вообще снимается предположеніе, именно опредѣленіе добра, какъ только субъективной и по своему содержанію ограниченной цѣли, необходимость реализовать послѣднюю только черезъ субъективную дѣятельность и самая эта дѣятельность. Въ результатѣ опосредованіе само себя снимаетъ, оно есть непосредственность, которая есть не возстановленіе предположенія, а скорѣе его снятіе. Тѣмъ самымъ идея въ себѣ и для себя опредѣленнаго понятія положена уже нетолько въ дѣйствующемъ субъектѣ, а также какъ нѣкоторая непосредственная дѣйствительность, и наоборотъ, послѣдняя, какъ она есть въ познаніи, какъ по истинѣ сущая объективность. Единичность субъекта, присущая ему черезъ его предположеніе, исчезла вмѣстѣ съ послѣднимъ; тѣмъ самымъ онъ есть свободное, общее тожество съ самимъ собою, для котораго (тожества) объективность понятія есть настолько же данная, непосредственно существующая для него, насколько онъ знаетъ себя, какъ въ себѣ и для себя опредѣленное понятіе. Тѣмъ самымъ въ этомъ результатѣ познаніе возстановлено и соединено съ практическою идеею, преднайденная дѣйствительность опредѣлена вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ выполненная абсолютная цѣль; но не такъ, какъ въ ищущемъ познаніи, лишь какъ объективный міръ безъ субъективности понятія, а какъ такой объективный міръ, внутреннее основаніе и дѣйствительное существованіе котораго есть понятіе. Это абсолютная идея.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Абсолютная идея.

Абсолютная идея есть, какъ оказалось, тожество теоретической и практической идей, изъ коихъ каждая для себя еще одностороння, имѣетъ внутри себя самую идею, лишь какъ искомую потусторонность и недостигнутую цѣль; каждая изъ нихъ есть, поэтому, нѣкоторый синтезъ стремленія, который настолько же имѣетъ, насколько не имѣетъ внутри себя идеи, переходитъ отъ одного къ другому, но не соединяетъ обѣихъ мыслей, а остается при ихъ противорѣчіи. Абсолютная идея, какъ разумное понятіе, которое въ своей реальности совпадаетъ лишь съ самимъ собою, есть въ этой непосредственности въ силу своего объективнаго тожества съ одной стороны возвратъ къ жизни; но она, равнымъ образомъ, сняла внутрь себя эту форму своей непосредственности и высшую противоположность. Понятіе есть нетолько душа, но свободное субъективное понятіе, которое есть для себя и потому обладаетъ личностью,—

практическое, въ себѣ и для себя опредѣленное, объективное понятіе, которое, какъ лицо, есть непроницаемая, недѣлимая субъективность; но которое, равнымъ образомъ, есть не исключающая единичность, а общность и познаніе для себя, и въ своемъ другомъ имѣетъ предметомъ свою собственную объективность. Все прочее есть заблужденіе, смутность, мнѣніе, стремленіе, произволъ и преходимость; только абсолютная идея есть бытіе, непрекращающаяся жизнь, знающая себя истина и вся истина.

Она есть единственный предметъ и содержаніе философіи. Такъ какъ она содержитъ внутри себя всю опредѣленность, и ея сущность состоитъ въ томъ, чтобы возвращаться къ себѣ черезъ свое самоопредѣленіе и порозненіе, то она имѣетъ различные образы, и задача философіи заключается въ познаніи ея въ нихъ. Природа и духъ суть вообще различные способы изображать ея существованіе; искусство и религія—ея различные способы понимать себя и сообщать себѣ нѣкоторое соотвѣтственное ей существованіе; философія имѣетъ съ искусствомъ и религіею одинаковое содержаніе и одинаковую цѣль, но она есть высшій способъ пониманія абсолютной идеи, такъ какъ способъ философіи есть высшій — понятіе. Философія охватываетъ, поэтому, внутри себя эти образы реальной и идеальной конечности, равно какъ безконечности и святости, и понимаетъ ихъ и саму себя. Выводъ же и познаніе этихъ частныхъ способовъ есть дальнѣйшая задача частныхъ философскихъ наукъ. Логическая сторона абсолютной идеи также можетъ быть названа нѣкоторымъ ея способомъ; но между тѣмъ, какъ слово „способъ“ означаетъ нѣкоторый частный видъ, нѣкоторую опредѣленность формы, логическое есть, напротивъ, общій способъ, въ коемъ сняты и заключены всѣ частные способы. Логическая идея есть она сама въ своей чистой сущности, заключенная въ своемъ понятіи въ простое тожество и еще не выступившая въ видимость въ нѣкоторой опредѣленности формы. Поэтому логика изображаетъ самодвиженіе абсолютной идеи, лишь какъ первоначальное слово, которое есть обнаруженіе, но такое, которое, какъ внѣшнее, снова непосредственно исчезло, поскольку оно есть; идея есть, такимъ образомъ, лишь въ этомъ самоопредѣленіи—воспринять себя, она есть въ чистой мысли, въ которой различеніе еще не есть инобытіе, но есть и остается вполнѣ прозрачнымъ для себя. Логическая идея имѣетъ тѣмъ самымъ своимъ содержаніемъ себя, какъ безконечную форму; форму, которая постольку составляетъ противоположность содержанію, поскольку послѣднее, какъ возвратившееся внутрь себя и снятое въ тожествѣ опредѣленіе формы, таково, что это конкретное тожество противостоитъ тожеству, развитому, какъ форма; содержаніе имѣетъ видъ другого и даннаго относительно формы, которая, какъ таковая, стоитъ просто въ отношеніи, и опредѣленность которой положена вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видимость. Абсолютная идея сама ближайшимъ образомъ имѣетъ своимъ содержаніемъ лишь то, что опредѣленіе формы есть ея собственная завершенная полнота, чистое понятіе. Опредѣленность идеи и все развитіе этой опредѣленности и составили предметъ науки логики, изъ каковаго развитія абсолютная идея возникла сама для себя; для себя она оказалась состоящею въ томъ, что

опредѣленность имѣетъ видъ не нѣкотораго содержанія, а есть просто форма, что идея тѣмъ самымъ есть просто общая идея; то что надлежитъ, слѣдовательно, еще разсмотрѣть, есть тѣмъ самымъ не нѣкоторое содержаніе, какъ таковое, но общность ея формы,—т.-е. методъ.

Методъ можетъ ближайшимъ образомъ явиться простымъ видомъ и способомъ познанія, и онъ имѣетъ дѣйствительно ихъ природу. Но видъ и способъ, какъ методъ, положены нетолько, какъ въ себѣ и для себя опредѣленная модальность бытія, а и какъ модальность познанія, какъ опредѣленнаго черезъ понятіе, и какъ форма, поскольку она есть душа всякой объективности, и всякое какое бы то ни было опредѣленное содержаніе имѣетъ свою истину единственно въ формѣ. Если содержаніе опять-таки принять для метода, какъ данное и своеобразной природы, то методъ, какъ и вообще логическое, есть вообще въ такомъ опредѣленіи нѣкоторая просто внѣшняя форма. Но здѣсь можно сослаться нетолько на основное понятіе логическаго, а все его развитіе, въ которомъ прошли всѣ образованія даннаго содержанія и объекты, показало переходъ и не-истину этого опредѣленія; и вмѣсто того, чтобы данный объектъ могъ быть основою, къ коей абсолютная форма относилась бы, лишь какъ внѣшнее и случайное опредѣленіе, она напротивъ оказалась абсолютною основою и окончательною истиною. Методъ возникъ оттуда, какъ знающее само себя, имѣющее своимъ предметомъ себя, какъ абсолютное столь же субъективное, сколь и объективное понятіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ какъ чистое соотвѣтствіе понятія и его реальности, какъ нѣкоторое осуществленіе, которое есть само понятіе.

Что̀ здѣсь должно быть разсматриваемо, какъ методъ, есть тѣмъ самымъ лишь движеніе самого понятія, природа коего уже познана, но во-первыхъ, отнынѣ съ тѣмъ значеніемъ, что понятіе есть все, и что его движеніе есть общая абсолютная дѣятельность, самоопредѣляющее и самореализующее движеніе. Поэтому методъ долженъ быть признанъ безъ всякаго ограниченія всеобщимъ, внутреннимъ и внѣшнимъ способомъ и совершенно безконечною силою, которой никакой объектъ, поскольку онъ представляется внѣшнимъ, чуждымъ разуму и независимымъ отъ послѣдняго, не могъ бы оказывать противодѣйствія, быть иной относительно метода природы и не быть проникнутымъ послѣднимъ. Методъ есть поэтому душа и субстанція, и нѣчто понято и познано въ своей истинѣ лишь постольку, поскольку оно совершенно подчинено методу; послѣдній есть собственный методъ всякой вещи, такъ какъ его дѣятельность есть понятіе. Въ этомъ состоитъ и болѣе истинный смыслъ общности метода; по рефлективной общности онъ признается лишь методомъ для всего; по общности же идеи онъ есть въ той же мѣрѣ видъ и способъ познанія, субъективно знающаго себя понятія, въ какой объективный видъ и способъ или правильнѣе субстанціальность вещей, т.-е. понятій, поскольку онѣ ближайшимъ образомъ являются другими для представленія и рефлексіи. Поэтому онъ есть нетолько высшая сила или скорѣе единственная и абсолютная сила разума, но и его высшее и единственное побужденіе—найти и познать себя самого во всемъ черезъ себя самого. Тѣмъ самымъ во-

вторыхъ дано также различенiе метода отъ понятiя, какъ таковаго, отъ его частности. Понятiе, какъ оно было разсмотрѣно для себя, является въ своей непосредственности; рефлексiя или разсматривающее его понятiе находится въ нашемъ знанiи. Методъ же есть самое это знанiе, для коего онъ есть нетолько предметъ, но его собственное субъективное дѣйствiе, орудiе или средство познающей дѣятельности, отличное отъ нея, но ея собственная существенность. Въ ищущемъ познанiи методъ также есть орудiе, нѣкоторое на субъективной сторонѣ стоящее средство, черезъ которое она относится къ объекту. Въ этомъ умозаключенiи субъектъ есть одинъ, а объектъ—другой крайнiй терминъ, и первый образуетъ черезъ свой методъ заключенiе съ вторымъ, но при этомъ не совпадаетъ для себя съ собою самимъ. Крайнiе термины остаются различными, такъ какъ субъектъ, методъ и объектъ не положены, какъ одно тожественное понятiе, и потому умозаключенiе есть всегда формальное; посылка, въ коей субъектъ полагаетъ форму, какъ свой методъ, на своей сторонѣ, есть непосредственное опредѣленiе и потому содержитъ въ себѣ, какъ мы видѣли, опредѣленiя формы, опредѣленiя, раздѣленiя и т. д., какъ преднайденные въ субъектѣ факты. Напротивъ, въ истинномъ познанiи методъ есть нетолько множество извѣстныхъ опредѣленiй, но опредѣленность въ себѣ и для себя понятiя, которое лишь потому есть среднiй терминъ, что оно имѣетъ также значенiе объективнаго, достигающаго поэтому въ заключенiи нетолько внѣшней опредѣленности черезъ методъ, но положеннаго въ своемъ тожествѣ съ субъективнымъ понятiемъ.

1. То, что тѣмъ самымъ производится методомъ, суть опредѣленiя самого понятiя и его отношенiя, которыя и должны быть теперь разсмотрѣны въ значенiи опредѣленiй метода. При этомъ нужно во-первыхъ начинать съ начала. О немъ уже было говорено въ началѣ самой логики, равно какъ по поводу субъективнаго познанiя, и было указано, что если оно и дѣлается непроизвольно и съ нѣкоторою категорическою безсознательностью, то хотя повидимому оно и приводитъ ко многимъ затрудненiямъ, но все же имѣетъ весьма простую природу. Такъ какъ оно есть начало, то его содержанiе есть нѣчто непосредственное, но такое, которое обладаетъ смысломъ и формою отвлеченной общности. Будетъ ли оно содержанiемъ бытiя, или сущности, или понятiя, оно есть постольку принятое, преднайденное, ассерторическое, поскольку оно непосредственно. Но во-первыхъ оно не есть непосредственное чувственнаго воззрѣнiя или представленiя, а мышленiя, которое въ силу его непосредственности можно также назвать сверхчувственнымъ, внутреннимъ воззрѣнiемъ. Непосредственное чувственнаго воззрѣнiя есть нѣчто многообразное и единичное. Познанiе же есть понимающее мышленiе и потому его начало есть также лишь въ элементѣ мышленiя; нѣчто простое и общее. Объ этой формѣ была рѣчь ранѣе по поводу опредѣленiя. Относительно начала конечнаго познанiя общность также признается существеннымъ опредѣленiемъ, но принимается, лишь какъ опредѣленiе мысли и понятiя въ противоположность бытiю; ибо бытiе есть именно это отвлеченное отношенiе къ себѣ самому. Бытiе не нуждается ни въ какомъ иномъ выводѣ кромѣ того, что

оно какъ бы привходитъ къ отвлеченности опредѣленія лишь такимъ путемъ, что берется изъ чувственнаго воззрѣнія или откуда-то индѣ и въ этомъ смыслѣ показывается (monstrirt werde). Эти показыванія и выводъ приводятъ къ нѣкоторому опосредованію, которое есть нѣчто большее, чѣмъ простое начало, и есть такое опосредованіе, которое принадлежитъ не мыслящему пониманію, а повышенію представленія, эмпирическаго и разсуждающаго сознанія до точки зрѣнія мышленія. По обычному противоположенію мысли или понятія и бытія считается нѣкоторою важною истиною, что первое для себя непричастно никакому бытію, и что послѣднее имѣетъ свое собственное независимое отъ самой мысли основаніе. Но простое опредѣленіе бытія столь бѣдно въ себѣ, что уже по этому одному съ него нельзя многаго снять; общее есть непосредственно само это непосредственное, такъ какъ оно, какъ отвлеченное, есть также лишь то отвлеченное отношеніе къ себѣ, которое есть бытіе. Въ дѣйствительности же требованіе показать бытіе имѣетъ и дальнѣйшій внутренній смыслъ, заключающій въ себѣ нетолько это отвлеченное опредѣленіе, но подразумѣвающій тѣмъ самымъ вообще требованіе реализаціи понятія, которая не находится въ самомъ началѣ, но есть скорѣе цѣль и задача всего дальнѣйшаго развитія познанія. Далѣе такъ какъ содержаніе начала должно быть опредѣлено черезъ показаніе во внутреннемъ и внѣшнемъ воспріятіи и удостовѣрено, какъ нѣчто истинное или правильное, то тѣмъ самымъ подразумѣвается уже не форма общности, какъ таковая, а ея опредѣленность, о чемъ необходимо сейчасъ поговорить. Удостовѣреніе опредѣленнаго содержанія, которое образуетъ собою начало, повидимому лежитъ за послѣднимъ; въ дѣйствительности же его должно разсматривать, какъ движеніе впередъ, такъ какъ именно оно принадлежитъ къ понимающему познанію.

Такимъ образомъ начало не имѣетъ для метода иной опредѣленности кромѣ той, чтобы быть простымъ и общимъ; это и есть сама его опредѣленность, въ силу коей оно недостаточно. Общность есть чистое, простое понятіе, и методъ, какъ его сознаніе, знаетъ, что общность есть лишь моментъ, и что понятіе въ ней еще не опредѣлено въ себѣ и для себя. Но при сознаніи того, что начало должно быть развито далѣе лишь ради метода, послѣдній былъ бы лишь чѣмъ-то формальнымъ, положеннымъ во внѣшней рефлексіи. А такъ какъ онъ есть объективная, имманентная форма, то непосредственность начала должна въ ней самой быть недостаточною и снабженною побужденіемъ развиваться далѣе. Но общее въ абсолютномъ методѣ имѣетъ значеніе нетолько отвлеченнаго, но и объективно-общаго, т.-е. въ себѣ конкретной полноты, которая однако еще не положена, не есть еще для себя. Даже отвлеченное общее, какъ таковое, разсматриваемое въ понятіи, т.-е. въ своей истинѣ, есть нетолько простое, но, какъ отвлеченное, оно уже положено, и ему присуще нѣкоторое отрицаніе. Поэтому ни въ дѣйствительности, ни въ мысли нѣтъ также такого простого и отвлеченнаго, какъ то обыкновенно представляютъ себѣ. Такое простое, есть просто нѣкоторое мнѣніе, имѣющее свое основаніе лишь въ несознаваніи того, что происходитъ въ дѣйствительности. Ранѣе того начинающее было опредѣлено,

какъ непосредственное; непосредственность общаго есть то же самое, что здѣсь выражается словами: бытіе въ себѣ безъ бытія для себя. Поэтому можно, правда, сказать, что всякое начало должно быть дѣлаемо съ абсолютнаго, равно какъ каждое движеніе впередъ есть изображеніе послѣдняго, поскольку сущее въ себѣ есть понятіе. Но именно потому что оно есть еще лишь въ себѣ, оно равнымъ образомъ есть еще не абсолютное, также какъ не положенное понятіе и не идея; ибо послѣднія состоятъ именно въ томъ, что бытіе въ себѣ оказывается лишь отвлеченнымъ, одностороннимъ моментомъ. Движеніе впередъ не есть поэтому нѣкоторый видъ избытка; оно было бы такимъ, если бы начинающее по-истинѣ было уже абсолютнымъ; движеніе впередъ состоитъ скорѣе въ томъ, что общее опредѣляетъ само себя и есть для себя общее, т.-е. равнымъ образомъ единичное и субъектъ. Лишь въ своемъ завершеніи оно есть абсолютное.

Можно припомнить о томъ, что начало, которое есть въ себѣ конкретная полнота, можетъ, какъ таковое, быть также свободнымъ, а его непосредственность — имѣть опредѣленіе нѣкотораго внѣшняго существованія; зародышъ живого и субъективная цѣль вообще оказались такими началами, оба они суть поэтому сами побужденія. Напротивъ не-духовное и не-живое есть конкретное понятіе, лишь какъ реальная возможность; причина есть высшая ступень, на коей конкретное понятіе, какъ начало въ сферѣ необходимости, имѣетъ нѣкоторое непосредственное существованіе; но она еще не есть субъектъ, сохраняющійся, какъ таковой, въ своей дѣйствительной реализаціи. Напримѣръ, солнце и вообще все не-живое суть опредѣленныя осуществленія, въ коихъ реальная возможность остается внутреннею полнотою, а ихъ моменты не положены въ нихъ въ субъективной формѣ, и поскольку они реализуются, они достигаютъ осуществленія черезъ другія тѣлесныя недѣлимыя.

2. Конкретная полнота, образующая начало, имѣетъ, какъ таковая, въ ней самой начало дальнѣйшаго движенія и развитія. Какъ конкретное, она различена внутри себя; но вслѣдствіе ея первой непосредственности первыя ея различенія вмѣстѣ съ тѣмъ различны. Но непосредственное, какъ относящаяся къ себѣ общность, какъ субъектъ, есть также единство этихъ различій. Рефлексія есть первая ступень дальнѣйшаго движенія, выступленіе разницы (Differenz), сужденіе, опредѣленіе вообще. Существенное состоитъ въ томъ, что абсолютный методъ находитъ и познаетъ опредѣленіе общаго внутри самого этого общаго. Разсудочное конечное познаніе поступаетъ при этомъ такъ, что оно также внѣшне вновь принимаетъ изъ конкретнаго то, что оно устранило при отвлекающемъ произведеніи этого общаго. Напротивъ, абсолютный методъ дѣйствуетъ, не какъ внѣшняя рефлексія, а беретъ опредѣленное изъ самого предмета своего, такъ какъ этотъ методъ самъ есть его имманентный принципъ и душа. Это есть то, чего Платонъ требовалъ отъ познанія, — разсматривать вещи въ себѣ и для себя самихъ, отчасти въ ихъ общности, отчасти же не уклоняться отъ нихъ въ сторону и не хвататься за побочныя обстоятельства, примѣры и сравненія, но имѣть единственно эти вещи передъ собою и возводить въ сознаніе то,

что имъ имманентно. Методъ абсолютнаго познанія постольку аналитиченъ. То, что онъ находитъ дальнѣйшее опредѣленіе своего первоначальнаго общаго единственно въ самомъ послѣднемъ, и есть абсолютная объективность, понятіе, достовѣрность котораго онъ есть. Но онъ равнымъ образомъ синтетиченъ, такъ какъ его предметъ, опредѣленный непосредственно, какъ простое общее, черезъ опредѣленность, обладаемую имъ въ своей непосредственности и общности, оказывается нѣкоторымъ другимъ. Это отношеніе нѣкотораго различнаго, которое такимъ образомъ составляетъ его внутри себя, уже не есть однако то, что подразумѣвалось подъ синтезомъ въ конечномъ познаніи; уже черезъ свое также аналитическое опредѣленіе вообще, по коему онъ есть отношеніе въ понятіи, онъ совершенно отличается отъ этого синтетическаго.

Этотъ столь же синтетическій, сколь и аналитическій моментъ сужденія, коимъ первоначальное общее изъ него самого опредѣляетъ себя, какъ другое себя, можетъ быть названъ діалектическимъ. Діалектика есть одна изъ тѣхъ древнихъ наукъ, которая въ новой метафизикѣ, а затѣмъ вообще въ популярной философіи, какъ у древнихъ, такъ и новыхъ, всего менѣе была признана въ ея значеніи. О Платонѣ Діогенъ Лаертіецъ говоритъ, что какъ Θалесъ былъ родоначальникомъ философіи природы, Сократъ—моральной философіи, такъ Платонъ былъ родоначальникомъ третьей относящейся къ философіи науки, діалектики; заслуга, которую древность тѣмъ самымъ цѣнила особенно высоко, но которая часто совершенно оставляется безъ вниманія тѣми, которые всего болѣе говорятъ о немъ. Діалектику часто разсматривали, какъ нѣкоторое искусство, какъ будто она основывается на нѣкоторомъ субъективномъ талантѣ, а не принадлежитъ къ объективности понятія. Какой видъ и какой результатъ получила она въ философіи Канта, уже указано на опредѣленныхъ примѣрахъ этого его взгляда. Должно считать безконечноважнымъ шагомъ впередъ признаніе діалектики вновь необходимою принадлежностью разума, хотя (Кантомъ) былъ полученъ результатъ противоположный тому, который отсюда вытекаетъ.

Независимо отъ того, что діалектика обычно является чѣмъ-то случайнымъ, ей придаютъ ту ближайшую форму, что по поводу какого-либо предмета, напр., міра, движенія, точки и т. д., указывается, что ему присуще какое-либо опредѣленіе, напр. относительно порядка названныхъ предметовъ конечность въ пространствѣ или во времени, бытіе въ этомъ мѣстѣ, абсолютная отрицательность пространства; но далѣе столь же необходимо и противоположное опредѣленіе, напр. безконечность въ пространствѣ и времени, небытіе въ этомъ мѣстѣ, отношеніе къ пространству и тѣмъ самымъ пространственность. Древняя элейская школа направляла свою діалектику главнымъ образомъ противъ движенія, Платонъ же часто противъ представленій и понятій своего времени, особенно противъ софистовъ, но также противъ чистыхъ категорій и опредѣленій рефлексіи; позднѣйшій болѣе развитой скептицизмъ распространилъ ее нетолько на непосредственные т. наз. факты сознанія и правила обыденной жизни, но и на всѣ научныя понятія. А слѣдствіе, выводимое изъ такой діалектики, есть вообще противорѣчіе и ничтоже-

ство признанныхъ утвержденій. Но такой результатъ можетъ имѣть двоякій смыслъ,—или объективный, согласно коему самый предметъ, который такимъ образомъ самъ себѣ противорѣчитъ, снимаетъ и уничтожаетъ себя;—таково напр. заключеніе элейцевъ, по которому отъ міра, движенія, точки отрицается истина; или субъективный, по коему недостаточность заключается въ познаніи. Послѣднее заключеніе понимается или такъ, что только эта діалектика производитъ фокусъ нѣкоторой ложной видимости. Таковъ обычный взглядъ такъ называемаго здороваго человѣческаго смысла, придерживающагося чувственной очевидности и привычныхъ представленій и выраженій; иногда онъ обнаруживается спокойно, какъ, напр., Діогеномъ—собакою, доказывавшаго ошибку діалектики движенія посредствомъ молчаливаго хожденія взадъ и впередъ, иногда же въ видѣ гнѣва, или только какъ на глупость, или какъ на преступленіе, пытающееся поколебать то, что по существу должно быть прочнымъ и служащее основаніемъ пороку; взглядъ, который встрѣчается въ сократовой діалектикѣ противъ софистической, и негодованіе, которое наоборотъ стоило жизни самому Сократу. То грубое опроверженіе, которое, какъ то сдѣлалъ Діогенъ, противоставляетъ мышленію чувственное сознаніе и полагаетъ найти истину въ послѣднемъ, можетъ быть предоставлено самому себѣ; поскольку же діалектика снимаетъ нравственныя опредѣленія, то надлежитъ питать довѣріе къ тому, что разумъ съумѣетъ возстановить ихъ въ ихъ истинѣ и въ сознаніи ихъ права, но также и ихъ границы. Или же заключеніе о субъективномъ ничтожествѣ діалектики касается не ея самой, а скорѣе того познанія, противъ котораго она направлена, именно въ духѣ скептицизма, равно какъ кантовой философіи, противъ познанія вообще.

Главный предразсудокъ состоитъ здѣсь въ томъ, будто діалектика имѣетъ лишь отрицательный результатъ, что сейчасъ будетъ опредѣлено ближе. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить о вышеуказанной формѣ, въ которой обычно является діалектика, что согласно этой формѣ діалектика и ея результатъ касаются или испытуемаго предмета или также субъективнаго познанія и объявляютъ ничтожными или послѣднее или предметъ; напротивъ тѣ опредѣленія, которыя указываются въ предметѣ, какъ нѣкоторомъ третьемъ, оставляются безъ разсмотрѣнія и признаются законными для себя. Безконечная заслуга кантовой философіи состояла въ томъ, что она обратила вниманіе на этотъ некритическій образъ дѣйствія и тѣмъ самымъ дала толчокъ къ возстановленію логики и діалектики въ смыслѣ разсмотрѣнія мысленныхъ опредѣленій въ себѣ и для себя. Предметъ, каковъ онъ безъ мышленія и безъ понятія, есть нѣкоторое представленіе или также нѣкоторое названіе; опредѣленія мышленія и понятія суть то, въ чемъ онъ есть то, что онъ есть. Поэтому, въ дѣйствительности дѣло въ нихъ однихъ; они суть истинный предметъ и содержаніе разума, а нѣчто такое, что считается предметомъ и содержаніемъ въ отличеніе отъ нихъ, имѣетъ значеніе лишь чрезъ нихъ и въ нихъ. Поэтому нельзя признавать виною нѣкотораго предмета или познанія, если они по своему свойству или нѣкоторой внѣшней связи оказываются діалектическими. То и другое представляется этимъ путемъ, какъ нѣкоторый

субъектъ, въ коемъ опредѣленія въ формѣ предикатовъ, свойствъ, самостоятельныхъ общностей такъ сопоставлены, что они полагаются, какъ постоянные и правильные для себя лишь черезъ чуждое имъ и случайное соединеніе въ чемъ-либо третьемъ и черезъ него, въ діалектическомъ отношеніи и противорѣчіи. Такой внѣшній и постоянный субъектъ представленія и разсудка, равно какъ отвлеченныя опредѣленія, вмѣсто того, чтобы считаться послѣдними, прочно лежащими въ основаніи, должны скорѣе быть разсматриваемы сами, какъ нѣчто непосредственное, предположенное и начинающее, которое, какъ указано выше, должно въ себѣ и для себя подпасть діалектикѣ, такъ какъ оно должно считаться понятіемъ въ себѣ. Такъ всѣ признаваемыя за упроченныя противоположности, наприм. конечнаго и безконечнаго, единичнаго и общаго, суть противорѣчія не черезъ какое-либо внѣшнее соединеніе, а скорѣе въ себѣ и для себя; какъ показываетъ разсмотрѣніе ихъ природы, онѣ сами суть нѣкоторый переходъ; синтезъ и субъектъ, въ коемъ онѣ являются, есть продуктъ собственной рефлексіи ихъ понятія. Если чуждое понятію разсмотрѣніе остается при ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, изолируетъ ихъ и оставляетъ устойчивыми предположеніями, то напротивъ понятіе, имѣющее ихъ самихъ въ виду, движетъ ими, какъ ихъ душа, и порождаетъ ихъ діалектику.

Такова сама та ранѣе указанная точка зрѣнія, съ коей нѣкоторое общее первое, разсматриваемое въ себѣ и для себя, оказывается другимъ себя самого. Понимаемое вполнѣ обще, это опредѣленіе должно быть установлено такъ, что тутъ тѣмъ самымъ первоначально непосредственное есть опосредованное, отнесенное къ нѣкоторому другому, или что общее есть частное. Второе, происходящее этимъ путемъ, есть тѣмъ самымъ отрицательное перваго; и поскольку мы заранѣе принимаемъ въ соображеніе дальнѣйшее развитіе, первое отрицательное. Непосредственное по этой отрицательной сторонѣ перешло въ другое, но другое есть по существу не пустое отрицательное, не ничто, признаваемое объективнымъ результатомъ діалектики, а другое перваго, отрицательное непосредственнаго; слѣдовательно оно опредѣлено, какъ опосредованное, вообще содержитъ внутри себя опредѣленіе перваго. Тѣмъ самымъ первое сберегается и сохраняется и въ другомъ. Удержать въ результатѣ положительное въ его отрицательномъ въ содержаніи предположеніи,—вотъ что есть главнѣйшее въ разумномъ познаніи; вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно лишь простѣйшей рефлексіи для того, чтобы убѣдиться въ абсолютной истинѣ и необходимости этого требованія, и если нужно привести примѣры для доказательства этого, то не въ чемъ иномъ состоитъ вся логика.

То, что такимъ образомъ имѣется отнынѣ налицо, есть опосредованное, но которое ближайшимъ образомъ или взятое также непосредственно есть также простое опредѣленіе, ибо такъ какъ первое перешло въ него, то имѣется налицо лишь второе. Но такъ и первое содержится во-второмъ, и послѣднее есть истина перваго, то это единство можетъ быть выражено предложеніемъ, въ коемъ непосредственное поставлено, какъ субъектъ, а опосредованное, какъ его предикатъ, напр., конечное есть безконечное, одно

есть многое, единичное есть общее. Однако несоотвѣтственная форма такихъ предложеній и сужденій сама собою бросается въ глаза. По поводу сужденія было указано, что его форма вообще и въ особенности непосредственная форма положительнаго сужденія неспособна обнять собою умозрительное и истину. Къ нему по меньшей мѣрѣ должно бы было также быть присоединено его ближайшее дополненіе, отрицательное сужденіе. Въ сужденіи первое, какъ субъектъ, имѣетъ (лишь) видимость самостоятельной устойчивости, такъ какъ оно, собственно говоря, снято въ своемъ предикатѣ, какъ въ своемъ другомъ; это отрицаніе, правда, заключается въ содержаніи сказанныхъ предложеній, но ихъ положительная форма противорѣчитъ ему; тѣмъ самымъ положено не то, что въ нихъ заключается, между тѣмъ какъ именно въ этомъ и должно бы было состоять намѣреніе употреблять нѣкоторое предложеніе.

Второе опредѣленіе, отрицательное или опосредованное, есть далѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ, опосредывающее. Ближайшимъ образомъ оно можетъ быть признано за простое опредѣленіе, по своей истинѣ оно есть нѣкоторое отношеніе; ибо оно есть (правда) отрицательное, но отрицательное положительнаго и заключаетъ послѣднее внутри себя. Поэтому оно есть другое не чего то такого, къ чему оно безразлично,—въ такомъ случаѣ оно не было бы другимъ, ниже какимъ-либо отношеніемъ,—но другое въ самомъ себѣ, другое нѣкотораго другого; поэтому оно заключаетъ внутри себя свое собственное другое и тѣмъ самымъ, какъ противорѣчіе, есть положенная діалектика себя самого. Такъ такъ первое или непосредственное есть понятіе въ себѣ, а потому отрицательное лишь въ себѣ, то діалектическій моментъ послѣдняго состоитъ въ томъ, что содержащееся въ немъ различеніе положено внутри его. Напротивъ, второе само есть опредѣленное, различеніе или отношеніе; его діалектическій моментъ состоитъ поэтому въ томъ, чтобы положить содержащееся въ немъ единство. Если поэтому отрицательное, опредѣленное, отношеніе, сужденіе и всѣ подразумѣваемыя этимъ вторымъ моментомъ опредѣленія не являются уже сами для себя противорѣчивыми и діалектическими, то это зависитъ просто отъ недостатка мышленія, не сопоставляющаго своихъ мыслей. Ибо матеріалъ—противоположныя опредѣленія въ одномъ отношеніи—уже данъ для мышленія. Но формальное мышленіе возводитъ себѣ въ законъ тожество, оставляетъ противорѣчивое содержаніе, находящееся передъ нимъ, нисходитъ въ сферу представленія, въ пространство и время, въ коей противорѣчивое удерживается одно внѣ другого въ сосуществованіи и послѣдовательности, и такимъ образомъ выступаетъ передъ сознаніемъ безъ взаимнаго соприкосновенія. Это мышленіе выставляетъ по этому поводу опредѣленное основное правило, что противорѣчіе немыслимо; въ дѣйствительности же мышленіе противорѣчія есть существенный моментъ понятія. Формальное мышленіе фактически и мыслитъ противорѣчіе, но сейчасъ же отвращаетъ отъ него взоръ и въ этомъ предразсудкѣ отходитъ отъ него лишь въ отвлеченное отрицаніе.

Только что разсмотрѣнная отрицательность образуетъ собою поворотный пунктъ въ движеніи понятія. Она есть простая точка отрицательнаго отношенія къ себѣ, внутренній источникъ всякой дѣятельности, живого и

духовнаго самодвиженія, діалектическая душа, которая есть истинное внутри его самого, черезъ которую оно есть единственная истина; ибо исключительно на этой субъективности основывается снятіе противоположности между понятіемъ и реальностью и то единство, которое есть истина. Второе отрицательное, отрицательное отрицательнаго, къ коему мы пришли, есть сказанное снятіе противорѣчія, но это снятіе также мало, какъ и противорѣчіе, есть дѣйствіе нѣкоторой внѣшней рефлексіи; оно есть внутренній, наиболѣе объективный моментъ жизни и духа, черезъ который имѣетъ бытіе субъектъ, лицо, свободное. Отношеніе отрицательнаго къ самому себѣ должно быть разсматриваемо, какъ вторая посылка всего умозаключенія. Первую посылку, если употребить опредѣленія аналитическаго и синтетическаго въ ихъ противоположности, можно считать аналитическимъ моментомъ, такъ какъ тутъ непосредственное относится непосредственно къ своему другому и потому переходитъ или, правильнѣе, перешло въ послѣднее; хотя это отношеніе, какъ уже упомянуто, есть также синтетическое, именно потому что то, во что оно переходитъ, есть его другое. Разсмотрѣнная же здѣсь вторая посылка можетъ быть опредѣлена, какъ синтетическая, такъ какъ она есть отношеніе отличеннаго, какъ таковаго, къ отличенному отъ него. Какъ первая есть моментъ общности и сообщенія, такъ вторая опредѣляется единичностью, которая относится къ другому, ближайшимъ образомъ, исключающе и какъ для себя и различная. Опосредывающимъ является отрицательное, такъ какъ оно включаетъ внутри себя само себя и то непосредственное, которое оно отрицаетъ. Поскольку оба эти опредѣленія въ какомъ-либо отношеніи принимаются, какъ взаимно внѣшнія, оно есть лишь формальное опосредывающее; но какъ абсолютная отрицательность, отрицательный моментъ абсолютнаго опосредыванія есть единство, которое есть субъективность и душа.

Въ этомъ поворотномъ пунктѣ метода теченіе познанія вмѣстѣ съ тѣмъ возвращается обратно въ себя. Эта отрицательность, какъ снимающее себя противорѣчіе, есть возстановленіе первой непосредственности, простой общности; ибо непосредственно другое другого, отрицательное отрицательнаго, положительное, тожественное, общее. Это второе непосредственное, если вообще желаютъ считать, есть во всемъ теченіи мышленія третье относительно перваго непосредственнаго и опосредованнаго. Но оно есть также третье относительно перваго или формальнаго отрицательнаго и абсолютной отрицательности или второго отрицательнаго; поскольку же это первое отрицательное есть уже второй терминъ, то считаемое третьимъ можетъ считаться также четвертымъ, и вмѣсто тройственности отвлеченная форма можетъ быть признаваема четверичностью; отрицательное или различеніе можно такимъ образомъ считать двойственностью. Третье или четвертое есть вообще единство перваго и второго моментовъ, непосредственнаго и опосредованнаго. Хотя это единство, равно какъ вся форма метода—троичность—есть лишь совершенно поверхностная внѣшняя сторона способа познанія; но одно указаніе на нее и притомъ въ опредѣленномъ приложеніи, ибо сама отвлеченная числовая форма была извѣстна уже ранѣе, однако установлена безъ понятія, а

потому и безъ послѣдствій, должно также считаться безконечною заслугою кантовой философіи. Умозаключеніе—также тройственное — всегда признавалось общею формою разума, но оно отчасти считалось вообще нѣкоторою вполнѣ внѣшнею, не опредѣляющею природы содержанія формою, отчасти же, такъ какъ оно въ формальномъ смыслѣ протекаетъ лишь черезъ разсудочное опредѣленіе тожества, ему не хватаетъ существеннаго, діалектическаго момента, отрицательности; послѣднее выступаетъ въ тройственности опредѣленій, такъ какъ третье опредѣленіе есть единство двухъ первыхъ, но послѣднія, какъ различныя, могутъ быть въ единствѣ, лишь какъ снятыя. Формализмъ хотя также усвоилъ себѣ тройственность и удержался въ ея пустой схемѣ; но поверхностная безпорядочность и пустота новаго, такъ называв. философскаго построенія, состоящаго единственно въ томъ, чтобы повсюду придерживаться этой формальной схемы, безъ понятія и имманентнаго опредѣленія, и употреблять ее для установленія внѣшняго порядка, сдѣлали эту форму скучною и пріобрѣли ей дурную славу. Однако пошлость этого употребленія не можетъ еще уничтожать его внутренней стоимости, и все же слѣдуетъ высоко цѣнить то, что тѣмъ самымъ найденъ хотя бы непонятный еще образъ разумнаго.

Ближайшимъ же образомъ третье есть непосредственное, но черезъ бытіе опосредованія, простое черезъ снятіе различенія, положительное черезъ снятіе отрицательнаго, понятіе, реализовавшее себя черезъ инобытіе, совпавшее съ собою черезъ снятіе этой реальности и возстановившее свою абсолютную реальность, свое простое отношеніе къ себѣ. Этотъ результатъ есть поэтому истина. Онъ есть настолько же непосредственность, насколько опосредованіе; но эти формы сужденія: третье есть непосредственность и опосредованіе, или: оно есть ихъ единство, не въ состояніи схватить его, такъ какъ онъ не есть покоящееся третье, а именно это единство, которое есть опосредывающее съ самимъ собою движеніе и дѣятельность. Какъ начинающее есть общее, такъ результатъ есть единичное, конкретное, субъектъ; что̀ первое есть въ себѣ, то второе есть также для себя, общее положено въ субъектѣ. Два первыхъ момента тройственности суть моменты отвлеченные, неистинные, которые именно потому діалектичны и черезъ эту свою отрицательность становятся субъектомъ. Самое понятіе, ближайшимъ образомъ, для насъ, есть какъ сущее въ себѣ общее, такъ и сущая для себя отрицательность, а также, какъ третье, сущее въ себѣ и для себя, общее, прошедшее черезъ всѣ моменты умозаключенія; но третье есть и заключеніе, въ коемъ оно опосредовано съ самимъ собою черезъ свою отрицательность и тѣмъ самымъ положено для себя, какъ общее и тожественное своихъ моментовъ.

Этотъ результатъ, какъ возвратившееся въ себя и тожественное себѣ цѣлое, вновь сообщило себѣ форму непосредственности. А тѣмъ самымъ оно само таково, какимъ опредѣлило себя начинающее. Какъ простое отношеніе къ себѣ, оно есть нѣчто общее, и отрицательность, составлявшая его діалектику и опосредованіе, совпала въ этой общности также въ простую опредѣленность, которая можетъ вновь быть началомъ. Можетъ ближай-

шимъ образомъ показаться, что это познаніе результата должно быть нѣкоторымъ его анализомъ и потому вновь выдѣлить тѣ же опредѣленія и ихъ ходъ, черезъ которые онъ произошелъ и разсмотрѣнъ. Но если бы разсмотрѣніе предмета дѣйствительно было произведено такимъ аналитическимъ путемъ, то оно принадлежало бы вышеразсмотрѣнной ступени идеи, ищущему познанію, сообщающему о своемъ предметѣ лишь то, что есть, не касаясь необходимости его конкретнаго тожества и его понятія. Методъ же истины, понимающій предметъ, хотя, какъ показано, самъ аналитиченъ, такъ какъ онъ остается совершенно въ понятіи, но равнымъ образомъ и синтетиченъ, такъ какъ черезъ понятіе предметъ становится діалектическимъ и опредѣленнымъ, какъ другой. При новой основѣ, образуемой результатомъ, какъ возникшій вновь предметъ, методъ остается тѣмъ же, какъ и при предыдущемъ предметѣ. Различеніе касается лишь отношенія основы, какъ таковой; она, правда, теперь непосредственна, но ея непосредственность есть лишь форма, такъ какъ она (основа) была, вмѣстѣ съ тѣмъ, результатомъ; ея опредѣленность, какъ содержаніе, есть поэтому уже не просто нѣчто усвоенное, а выведенное и доказанное.

Здѣсь впервые содержаніе познанія, какъ таковое, входитъ въ кругъ разсмотрѣнія, такъ какъ оно теперь принадлежитъ методу, какъ выведенное изъ него. Самый методъ расширяется черезъ этотъ моментъ въ систему. Ближайшимъ образомъ, начало въ отношеніи содержанія должно бы было быть для нея совершенно неопредѣленнымъ; она является тѣмъ самымъ лишь формальною душою, для которой и черезъ которую начало было опредѣлено исключительно по своей формѣ, именно какъ непосредственное и общее. Черезъ вышеуказанное движеніе предметъ получилъ опредѣленность для себя самого, которая есть содержаніе, такъ какъ совпавшая въ простоту отрицательность есть снятая форма и противостоитъ, какъ простая опредѣленность, своему развитію, прежде всего своей противоположности къ общности.

А такъ какъ эта опредѣленность есть ближайшая истина неопредѣленнаго начала, то она отвергаетъ послѣднее, какъ нѣчто несовершенное, равно какъ и самый методъ, который, исходя отъ него, былъ только формальнымъ. Это можетъ быть выражено, какъ опредѣленное теперь требованіе, чтобы начало, такъ какъ оно въ противоположность опредѣленности результата само есть нѣчто опредѣленное, было принято, не какъ непосредственное, а какъ опосредованное и выведенное; что можетъ показаться требованіемъ безконечнаго идущаго вспять прогресса въ доказательствѣ и выводѣ; а такъ какъ изъ новаго начала, которое должно быть получено, черезъ движеніе метода долженъ также проистечь нѣкоторый результатъ, то прогрессъ направляется также и впередъ въ безконечность.

Было уже часто указано, что безконечный прогрессъ принадлежитъ вообще чуждой понятію рефлексіи; абсолютный методъ, имѣющій своими душою и содержаніемъ понятіе, не можетъ приводить къ нему. Ближайшимъ образомъ можетъ показаться, что такія начала, какъ бытіе, сущность, общность, суть такого рода, что они обладаютъ полною общностью и безсодержательностью, какая требуется для совершенно формальнаго начала, какимъ оно

должно быть, и потому, какъ абсолютно первыя начала, не требуютъ и не допускаютъ никакого дальнѣйшаго обратнаго движенія. Такъ какъ они суть чистыя отношенія къ себѣ, непосредственныя и неопредѣленныя, то въ нихъ правда, нѣтъ различенія, сейчасъ же положеннаго въ какомъ-либо иномъ началѣ между общностью его формы и его содержаніемъ. Но неопредѣленность, составляющая единственное содержаніе этихъ логическихъ началъ, сама и составляетъ ихъ опредѣленность, которая состоитъ именно въ ихъ отрицательности, какъ снятаго опосредованія; особенность ея сообщаетъ и ихъ неопредѣленности нѣкоторую особенность, въ силу коей бытіе, сущность и общность и различаются одно отъ другого. А эта присущая имъ опредѣленность есть, поскольку они взяты для себя, ихъ непосредственная опредѣленность, свойственная и любому иному содержанію и требующая вывода; для метода безразлично, принимается ли опредѣленность за опредѣленность формы или содержанія. Поэтому для метода не открывается никакого новаго образа дѣйствія оттого, что первымъ его результатомъ было опредѣленіе нѣкотораго содержанія; методъ остается вслѣдствіе того не болѣе и не менѣе формальнымъ, чѣмъ былъ ранѣе. Ибо такъ какъ онъ есть абсолютная форма, которая есть понятіе, знающее себя и все, какъ понятіе, то нѣтъ такого содержанія, которое бы противостояло ему и опредѣляло его, какъ одностороннюю, внѣшнюю форму. Поэтому какъ не безсодержательность этихъ началъ дѣлаетъ ихъ абсолютными началами, такъ и не содержаніе, какъ таковое, приводитъ методъ въ безконечный прогрессъ впередъ или назадъ. Съ одной стороны опредѣленность, сообщаемая себѣ методомъ въ его результатѣ, есть моментъ, черезъ который онъ есть опосредованіе собою и образуетъ непосредственное начало нѣкотораго опосредованія. Но обратно онъ есть опредѣленность, черезъ которую протекаетъ это его опосредованіе; онъ возвращается черезъ нѣкоторое содержаніе, какъ черезъ кажущееся свое другое, къ своему началу, такъ что онъ не только возстановляетъ вновь послѣднее, уже какъ опредѣленное, но результатъ есть также снятая опредѣленность и тѣмъ самымъ возстановленіе первой непосредственности, служившей началомъ. Это достигается методомъ, какъ нѣкоторою системою полноты. Слѣдуетъ разсмотрѣть его еще въ этомъ опредѣленіи.

Опредѣленность, каковою былъ результатъ, есть, какъ указано, вслѣдствіе формы простоты, въ которую она совпала, сама нѣкоторое новое начало; такъ какъ это начало отличается отъ своего предыдущаго именно этою опредѣленностью, то познаніе движется отъ содержанія къ содержанію. Прежде всего это движеніе впередъ опредѣляетъ себя такъ, что оно начинается отъ простыхъ опредѣленностей, и что слѣдующія за ними становятся все богаче и конкретнѣе. Ибо результатъ содержитъ въ себѣ свое начало, и движеніе послѣдняго обогатило его нѣкоторою новою опредѣленностью. Общее составляетъ основу; вслѣдствіе того движеніе впередъ не должно быть принимаемо за нѣкоторое теченіе отъ нѣкотораго другого къ нѣкоторому другому. Понятіе въ абсолютномъ методѣ сохраняется въ своемъ инобытіи, общее—въ своемъ порозненіи, въ сужденіи и реальности; на каждой ступени дальнѣйшаго

опредѣленія воздвигается вся масса его предшествующаго содержанія и черезъ свой діалектическій ходъ впередъ не только ничего не теряетъ и не оставляетъ позади себя, но несетъ съ собою все пріобрѣтенное, и обогащаетъ и сгущаетъ себя въ себѣ.

Это расширеніе можетъ считаться моментомъ содержанія и въ цѣломъ первою посылкою; общее сообщено богатству содержанія, непосредственно сохранено въ немъ. Но это отношеніе имѣетъ и вторую, отрицательную или діалектическую сторону. Обогащеніе содержанія движется въ необходимости понятія, оно содержится въ послѣднемъ, и каждое опредѣленіе есть нѣкоторая рефлексія въ себя. Каждая новая ступень выхода внѣ себя, т.-е. дальнѣйшаго опредѣленія, есть также нѣкоторое вхожденіе внутрь себя, и большее расширеніе есть равнымъ образомъ болѣе высокая напряженность. Богатѣйшее есть поэтому самое конкретное и самое субъективное, и то, что возвращаетъ себя въ наиболѣе простую глубину—самое мощное и преобладающее. Высшая обостренная верхушка есть чистая личность, которая исключительно черезъ абсолютную діалектику, составляющую ея природу, также захватываетъ внутрь себя, и держитъ въ себѣ все, ибо она дѣлаетъ себя тѣмъ, что всего свободнѣе, простотою, которая есть первая непосредственность и общность.

Такимъ путемъ каждый шагъ впередъ въ движенія дальнѣйшаго опредѣленія, поскольку онъ удаляется отъ неопредѣленнаго начала, есть также возвратное приближеніе къ послѣднему, и тѣмъ самымъ то, что первоначально могло являться различнымъ, идущее назадъ обоснованіе начала, и идущее впередъ дальнѣйшее опредѣленіе его совпадаютъ вмѣстѣ и суть одно и то же. Методъ, замыкающійся такимъ образомъ въ нѣкоторый кругъ, не можетъ однако въ своемъ временномъ развитіи предустановить, что начало, уже какъ таковое, есть нѣчто выведенное; для послѣдняго въ его непосредственности достаточно, что оно есть простая общность. Поскольку оно таково, оно обладаетъ своимъ полнымъ условіемъ; и не слѣдуетъ обезцѣнивать его на томъ основаніи, что ему можно де придавать знаніе лишь предварительнаго и гипотетическаго. То, что можно бы было возразить противъ него,—наприм., что человѣческое познаніе ограничено, что прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, требуется критически изслѣдовать орудіе познанія,—все это также предположенія, которыя, какъ конкретныя опредѣленія, приводятъ за собою требованіе ихъ опосредованія и обоснованія. Такъ какъ они при томъ съ формальной точки зрѣнія не имѣютъ никакого преимущества передъ началомъ съ того, противъ чего они протестуютъ, и скорѣе въ виду своего конкретнаго содержанія нуждаются въ выводѣ, то ихъ слѣдуетъ, напротивъ считать не чѣмъ инымъ, какъ пустыми притязаніями. Содержаніе ихъ неистинно, такъ какъ они обращаютъ въ несомнѣнное и абсолютное то, что познано, какъ конечное и не-истинное, именно нѣкоторое ограниченное познаніе, опредѣленное, какъ форма и орудіе въ противоположность своему содержанію; это неистинное познаніе есть само также форма, обоснованіе, идущее назадъ. И методъ признаетъ начало за нѣчто несовершенное, такъ какъ оно

есть начало, но вмѣстѣ съ тѣмъ это несовершенство—вообще за необходимое, ибо истина есть лишь вхожденіе къ самой себѣ черезъ отрицательность непосредственности. Нетерпѣніе, которое стремится лишь выйти за опредѣленное, какъ бы послѣднее ни называлось, началомъ, объектомъ, конечнымъ, и въ какой бы формѣ оно ни было вообще принимаемо, и непосредственно оказаться въ абсолютномъ, не имѣетъ передъ собою, какъ познаніе, ничего кромѣ пустого отрицательнаго, отвлеченнаго безконечнаго; или иначе имѣетъ передъ собою лишь абсолютное въ мнѣніи, которое потому только въ мнѣніи, что оно не положено, не понято; понять его можно лишь черезъ опосредованіе познанія, въ коемъ общее и непосредственное есть моментъ, а самая истина достигается лишь черезъ расширяющееся теченіе (мысли) и въ концѣ. Для субъективной потребности недостаточно знакомства (съ дѣломъ) и связаннаго съ нимъ нетерпѣнія; можно, правда, предпослать нѣкоторый обзоръ цѣлаго, черезъ раздѣленіе его для рефлексіи, которое по способу конечнаго познанія выдѣляетъ изъ общаго частное, какъ нѣчто состоящее налицо и ожидаемое наукою. Но этимъ путемъ мы получаемъ лишь образъ представленія, ибо истинный переходъ отъ общаго къ частному и къ опредѣленному въ себѣ и для себя цѣлому, въ коемъ это первое общее само по своему истинному опредѣленію есть вновь моментъ, чуждъ этому способу раздѣленія и есть лишь опосредованіе самой науки.

Вслѣдствіе вышеуказанной природы метода наука представляется нѣкоторымъ замкнутымъ въ себя кругомъ, въ начало котораго, простое основаніе, возвращается путемъ опосредованія конецъ; при томъ этотъ кругъ есть кругъ изъ круговъ, ибо каждый отдѣльный членъ, какъ одушевленный методомъ, есть рефлексія въ себя, которая, возвращаясь къ началу, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ началомъ нѣкотораго новаго члена. Отрывки этой цѣпи суть отдѣльныя науки, изъ коихъ каждая имѣетъ предыдущее и послѣдующее или, точнѣе—лишь предыдущее, а въ самомъ своемъ заключеніе указываетъ свое послѣдующее.

Такимъ образомъ и логика возвратилась въ абсолютной идеѣ къ тому простому единству, которое есть ея начало; чистая непосредственность бытія, въ которомъ первоначально всякое опредѣленіе кажется угасшимъ или опущеннымъ черезъ отвлеченіе, есть пришедшая черезъ опосредованіе, и именно черезъ снятіе опосредованія, въ соотвѣтствующее ей равенство съ собою идея. Методъ есть чистое понятіе, относящееся только къ самому себѣ; онъ есть поэтому то простое отношеніе къ себѣ, которое есть бытіе. Но онъ есть также наполненное бытіе, понимающее себя понятіе бытія, какъ конкретное, равнымъ образомъ совершенно интенсивная полнота. Въ заключеніе слѣдуетъ объ этой идеѣ упомянуть еще, что въ ней логическая наука во-первыхъ, постигла свое собственное понятіе. Въ бытіи, началѣ ея содержанія, ея понятіе является, какъ нѣкоторое внѣшнее ему знаніе въ субъективной рефлексіи. Въ идеѣ же абсолютнаго знанія понятіе стало ея собственнымъ содержаніемъ. Она сама есть чистое понятіе, имѣющее себя предметомъ, и такъ какъ оно, какъ свой предметъ, протекаетъ полноту своихъ опредѣленій, то оно разви-

ваетъ себя въ полноту своей реальности, въ систему науки, и заканчиваетъ тѣмъ, что понимаетъ это пониманіе самого себя, а тѣмъ самымъ снимаетъ свое значеніе, какъ содержаніе и предметъ, и познаетъ понятіе науки. Во-вторыхъ, это идея еще логическая, она замкнута въ чистую мысль, есть еще наука только Божескаго понятія. Ея систематическое развитіе, правда, само есть нѣкоторая реализація, но содержащаяся внутри этой сферы. Такъ какъ чистая идея познанія тѣмъ самымъ заключена въ субъективность, то она есть побужденіе снять послѣднюю, и чистая истина, какъ послѣдній результатъ, становится также началомъ нѣкоторой другой сферы и науки. На этотъ переходъ требуется еще здѣсь только намекнуть.

А именно такъ какъ идея полагаетъ себя, какъ абсолютное единство чистаго понятія и его реальности и потому совпадаетъ въ непосредственность бытія, то, какъ полнота въ этой формѣ, она есть природа. Но это опредѣленіе не есть нѣкоторое становленіе и переходъ, какъ выше субъективное понятіе въ своей полнотѣ стало объективностью, а также субъективная цѣль—жизнью. Чистая идея, въ коей опредѣленность или реальность понятія сама возвышена въ понятіе, есть скорѣе абсолютное освобожденіе, для коего нѣтъ болѣе никакого непосредственнаго опредѣленія, которое не было бы также положеннымъ и понятіемъ; въ этой свободѣ не имѣетъ поэтому мѣста никакой переходъ, но простое бытіе, къ которому опредѣляетъ себя идея, остается для нея совершенно проницаемымъ и въ своемъ опредѣленіи есть остающееся при себѣ самомъ понятіе. Переходъ долженъ быть поэтому понимаемъ здѣсь скорѣе такъ, что идея свободно отчуждаетъ (entlässt) саму себя, абсолютно увѣренная въ себѣ и покоящаяся внутри себя. Въ силу этой свободы форма ея опредѣленности также совершенно свободна,—сущая абсолютно для себя, безъ субъективности, внѣшность пространства и времени. Поскольку это есть внѣшность лишь по отвлеченной непосредственности бытія и усваивается сознаніемъ, она есть простая объективность и внѣшняя жизнь; но въ идеѣ она остается въ себѣ и для себя полнотою понятія и наукою объ отношеніи божественнаго познанія къ природѣ. Но это ближайшее рѣшеніе чистой идеи опредѣлить себя, какъ внѣшнюю идею, полагаетъ себѣ тѣмъ самымъ лишь то опосредованіе, изъ котораго понятіе возвышается, какъ свободное, изъ внѣшности ушедшаго внутрь себя осуществленія, заканчиваетъ свое освобожденіе черезъ себя въ наукѣ о духѣ и находитъ высшее понятіе себя самого, какъ понимающаго себя чистаго понятія, въ наукѣ логики.

Объясненіе главнѣйшихъ общихъ терминовъ, употребляемыхъ въ Наукѣ Логики Гегеля.

I. Термины: въ себѣ, для другого, внутри себя, въ немъ, для себя, при себѣ.

a. Въ себѣ (an sich) и для другого (für anderes)—два соотносительныхъ термина.

Въ себѣ есть отношеніе къ себѣ въ противоположность отношенію къ другому, равенство съ собою въ противоположность своему неравенству. Для другого есть отношеніе къ другому, хотя содержащемуся въ томъ, что есть въ себѣ, но еще отдѣленному отъ него; для другого есть опредѣленное, отрекшееся отъ себя и потому прежде всего другое, но сохраняющееся въ своемъ отрицаніи. Такъ нѣчто есть въ себѣ, какъ отрицаніе отрицанія, еще неопредѣленное; но оно опредѣляется, какъ другое своимъ отношеніемъ къ другому нѣчто (I, 1, 58—59).

b. Внутри себя (in sich) есть отрицаніе содержащагося въ себѣ другого, т.-е. въ себѣ, какъ сохраняющее себя черезъ отрицаніе своего отрицанія.

Примѣръ: граница, которая отрицаетъ (отграничиваетъ) бытіе въ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на бытіе внутри границы (I, 1, 62—64).

c. Въ немъ (an ihm). Этотъ терминъ указываетъ на внутренній составъ того, что есть въ себѣ. Такъ, поскольку мышленіе есть опредѣленіе человѣка, онъ есть мышленіе въ себѣ; но мышленіе есть также въ немъ, въ человѣкѣ (I, 1, 61).

d. Для себя (für sich)—возвратъ къ себѣ отъ своего отрицанія. Для себя нѣтъ уже различія между тѣмъ, что въ себѣ, и его отрицаніемъ; ихъ единство въ немъ уже положено (см. этотъ терминъ). Мы говоримъ, что нѣчто есть для себя, поскольку другое есть снятое въ немъ, его моментъ (см. эти термины). Ближайшій примѣръ для себя есть самосознаніе. Въ сознаніи дана двойственность знанія и его предмета; въ самосознаніи же она устранена. (I, 1, 88 — 89). Но нужно имѣть въ виду, что при отвлеченномъ (непосредственномъ) пониманіи бытія для себя,

бытіе, пріемля въ себя другое, еще не углубляется внутрь себя, за себя; послѣднее свойственно лишь категоріи сущности (I, 2, 1).

e. При себѣ (bei sich) есть сохраненіе себя въ другомъ, черезъ его развитіе въ понятіи (II, 21).

2. Идеализованное (das Ideelle) — тоже, что снятое (см. этотъ терминъ), т.-е. ставшее изъ самостоятельнаго моментомъ другого. Идеализованное должно быть отличаемо отъ идеальнаго (das Ideale), которое имѣетъ опредѣленное значеніе въ области эстетики (I, 1, 83).

3. Идеализмъ въ философіи есть идеализація или снятіе конечнаго, т.-е. признаніе, что послѣднее есть не самостоятельное, не истинно-сущее, а лишь моментъ послѣдняго (I, 1, 87).

4. Моментъ—см. термины идеализованное и снятое.

5. Непосредственность (die Unmittelbarkeit) и опосредованіе (die Vermittelung) представляютъ собою чрезвычайно важные философскіе термины, ибо съ ихъ различеніемъ связано двоякое воззрѣніе на самыя основы философскаго познанія. Непосредственность знанія означаетъ признаніе за истину того, что открывается безъ предварительнаго размышленія, т.-е. на основаніи интуиціи, или опытной, или умственной (умственное воззрѣніе, die intellectuelle Anschauung). Опосредованность же знанія предполагаетъ, что въ составѣ истины непремѣнно присутствуетъ мысленный, дискурсивный элементъ. По взгляду Гегеля «нѣтъ ничего, ни въ небѣ, ни въ природѣ, ни въ духѣ, ни гдѣ бы то ни было, чтò не содержало бы вмѣстѣ непосредственности и опосредованія, такъ что эти опредѣленія оказываются нераздѣльными и нераздѣлимыми, и ихъ противоположность—мнимою» (I, 1, 19). Началомъ мысли служитъ непосредственное, результатомъ опосредованное. Такъ какъ истина заключается не въ началѣ, а въ результатѣ, то истина оказывается опосредованною; но съ другой стороны такъ какъ результатъ служитъ вновь началомъ дальнѣйшаго движенія мысли, то самъ результатъ становится непосредственнымъ. Иными словами, непосредственное есть отвлеченность, наполняемая черезъ опосредованіе конкретнымъ содержаніемъ; а это содержаніе, вновь сосредоточенное въ своемъ единствѣ, переходитъ въ отвлеченность, т.-е. въ непосредственность. Такъ началомъ системы служитъ непосредственное, совершенно отвлеченное понятіе бытія; результатомъ ея (не въ логикѣ, а въ философіи духа) служитъ абсолютный духъ, наиконкретнѣйшее изъ понятій, въ коемъ мысль отожествляется съ абсолютнымъ, т.-е. опять-таки съ бытіемъ, и совершивъ такимъ образомъ полный кругъ, снова приходитъ къ первоначальной непосредственности (I, 1, 18 и сл.).

Заслуга Гегеля въ области философіи заключается главнымъ образомъ именно въ правильномъ разрѣшеніи противоположности непосредственнаго и опосредованнаго знанія. Онъ опровергаетъ всякій интуитивизмъ, т.-е. какъ эмпиризмъ, такъ и мистицизмъ, философію вѣры, откровенія, внутренняго усмотрѣнія и т. д.; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опровергаетъ и превознесеніе разсудка, стремленіе дискурсивно доказать всякую истину. Но

опровергая ихъ, онъ также и примиряетъ ихъ, показывая, что одно есть начало, а другое результатъ. Именно на опроверженіи интуитивизма Гегель разошелся съ Шеллингомъ.

6. Положенное (gesetzt) есть то, что вытекаетъ изъ нѣкотораго понятія и тѣмъ отличается отъ него, не пріобрѣтая еще самостоятельности. Такъ основаніе полагаетъ то, что имъ обосновано; причина полагаетъ дѣйствіе. О такомъ несамостоятельномъ существованіи Гегель нерѣдко выражается такъ: оно только положено. Съ другой стороны могутъ быть самостоятельными и такія существованія, которыя еще не объединены въ одномъ понятіи, еще не положены. Положеніе есть и ограниченіе, и требованіе мысли (I, 1, 60).

7. Реальность (die Realität) есть качество, опредѣленное, какъ сущее, т.-е. какъ нѣчто положительное, изъ чего исключено отрицаніе, ограниченіе, отсутствіе (I, 1, 51—52).

Реальность при конкретной полнотѣ ея опредѣленій есть объективность (II, 103 и сл.).

8. Снятіе (das Aufheben), снятое (das Aufgehobene). Терминъ снятіе или идеализація (см. этотъ терминъ) означаетъ вмѣстѣ и прекращеніе и сохраненіе. Снятое есть то, что лишилось своей самостоятельности и сохраняется, лишь какъ моментъ новаго понятія, въ коемъ оно вступило въ единство со своею противоположностью (I, 1, 48—49). Напримѣръ, происхожденіе и уничтоженіе снимаются въ существованіи (I, 1, 48); бытіе въ широкомъ смыслѣ этого слова и сущность снимаются въ понятіи (II, 1 и сл.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ НАУКѢ ЛОГИКИ ГЕГЕЛЯ.

Цифры I и II означаютъ части, третья цифра — страницы, вторая цифра послѣ I — книги. Въ алфавитѣ указаны лишь главныя мѣста нахожденія терминовъ.

Абсолютная идея (II, 197 и сл.).
Абсолютная идея и природа (II, 213).
Абсолютная идея, какъ единственный предметъ и содержаніе философіи (II, 198).
Абсолютное (I, 2, 116—119); аттрибутъ (119—120) и модусъ (120—121).
Абсолютное безразличіе (I, 1, 261 и сл.).
Абсолютное у Спинозы (I, 2, 121—123).
Абсолютный механизмъ (II, 117 и сл.).
Аксіомы (II, 185).
Аналитическое познаніе (II, 168—174).
Аналогія (II, 93—96).
Аподиктическое сужденіе (II, 68—70).
Ариѳметика, какъ аналитическая наука (II, 170—172).
Ассерторическое сужденіе (II, 66—67).
Атомистика (I, 1, 96).

Безконечное и конечное (I, 1, 73—77).
Безконечное сужденіе (II, 52—53).
Безконечность (I, I, 72—88).
Безмѣрное (I, 1, 259—261).
Безусловное: относительно (I, 2, 68) и абсолютно (I, 2, 69—71).
Бытіе (I, 1, 29).
Бытіе въ немъ (an ihm) (I, 1, 59).
Бытіе внутри себя (Das Insichseyn). (I, 1, 55).
Бытіе въ себѣ (das Ansichseyn I, 1, 58 и сл.).
Бытіе для другого (das Seyn für anderes). (I, 1, 58 и сл.).
Бытіе для одного (für Eins) (I, 1, 90—91).
Бытіе для себя (das Fürsichseyn) (I, 1, 88 и сл.).

Вещь (das Ding) (I, 2, 77—78).
Вещь въ себѣ (I, 2, 78—80); трансцендентальный идеализмъ (I, 2, 82—83).
Взаимодѣйствіе; переходъ къ понятію (I, 2, 151—153).
Видимость (der Schein) I, 2, 5—8).
Внѣшнее и внутреннее (I, 2, 111—115).
Возбужденіе (die Sollicitation) силы (I, 2, 109—111).
Вторая фигура умозаключенія (II, 79—81).
Возвратъ познанія въ себѣ (II, 207—212).
Всячество (die Allheit) (II, 56).
Выполненная цѣль (II, 136—42).

Граница (die Grenze) (I, 1, 63 и сл.).
Границы синтетическаго познанія; непримѣнимость его къ философіи (II, 188—192).

Діалектика (II, 203—206).
Діалектика количества у Зенона и разрѣшеніе ея Аристотелемъ (I, 1, 122—123).
Діалектика по взгляду Канта (I, 1, 11).
Доказательство (II, 187—188).
Доказательства существованія Бога (I, 2, 75—77).
Долженствованіе (das Sollen) (I, 1, 67 и сл.)

Дѣйствительность (I, 2, 115—116; 125—126).
Дѣйствіе и противодѣйствіе (I, 2, 148—150; II, 113—114).

Единичное (II, 33—37).
Единичное сужденіе (II, 54—55).
Единство бытія и ничто (I, 1, 29—30).

Живое недѣлимое (II, 150—154).
Жизнь (II, 147 и сл.).

Законъ (II, 19—120).
Законъ явленія (I, 2, 91—95).

Идеализмъ въ философіи (I, 1, 87).
Идеализмъ Канта и Фихте (I, 1, 93).
Идеализмъ Лейбница (I, 1, 92—93).
Идеализмъ Мальбранша (I, 1, 92).
Идеализованное (das Ideelle) (I, 1, 83).
Идеальное (I, 1, 83).
Идея (II, 143 и сл.).
Идея добра (II, 193—197).
Идея истиннаго (II, 166 и сл.).
Идея познанія (II, 159 и сл.).
Избирательное сродство (I, 1, 246 и сл.).
Интенсивная и экстенсивная величины (I, 1, 137—141).
Искусство Люлля (II, 88).
Исчисленіе Плуке (II, 88).

Кантова антиномія дѣлимости матеріи (1, 1, 117—122).
Кантова антиномія конечности и безконечности міра (I, 1, 151—155).
Кантова антиномія свободы и необходимости (II, 129—131).
Кантово построеніе матеріи (I, 106—110).
Кантъ и Фихте (I, 1, 145—151).
Кантъ о критеріи истины (II, 14—15).
Кантъ о рефлектирующей силѣ сужденія (I, 2, 12—13).
Кантъ о разсудкѣ (II, 7—8).
Кантъ о разумѣ (II, 11 и сл.).
Кантъ о синтетическомъ характерѣ ариѳметики и геометріи (I, 1, 129—131).
Категорическое сужденіе (II, 59—60).
Категорическое умозаключеніе (II, 96—98).
Качество (I, 1, 51—54).
Количественная безконечность (I, 1, 144—145).
Количественное безконечное, какъ качество (I, 1, 156—157).
Количественный безконечный прогрессъ и ложная количественная безконечность (I, 1, 145).
Количественное отношеніе (I, 1, 214—215).
Количество: чистое (I, 1, 113—123).
Конечность (I, 1, 56—66).

Лейбницъ подвелъ умозаключенія подъ вычисленіе комбинацій (II, 87—88).
Логика въ ея образовательномъ значеніи (I, 1, 12—13).
Логика въ отношеніи къ феноменологіи духа (I, 1, 5 и сл.).
Логика, какъ наука о формѣ познанія (I, 1, стр. 1 и сл.).
Логика, какъ наука чистой мысли (I, 1, 6).
Ложная безконечность (die schlechte Unendlichkeit) (I, 1, 74 и сл.).

Методъ (II, 199 и сл.).
Механизмъ (II, 108 и сл.).
Механическій объектъ (II, 108—111).
Механическій процессъ (II, 111 и сл.).
Модальность (I, 1, 224—225).
Модусъ у Спинозы и индѣйцевъ (I, 1, 225—226).
Моменты становленія (I, 1, 47).
Монада у Лейбница (I, 2, 124—125).
Мѣра (I, 1, 224 и сл.).
Мыслимая вещь (die Sache) (I, 2, 70 и сл.).

Наведеніе (II, 91—93).
Наука, какъ кругъ (II, 212).
Начало (II, 200—202).
Начало достаточнаго основанія (I, 2, 47—48).
Начало исключеннаго третьяго (I, 2, 41 и сл.).
Начало и результатъ (I, 1, 19 и сл.).
Начало тожества, какъ первый законъ мышленія (I, 2, 20 и сл.).
Необходимость: относительная (I, 2, 130—134); абсолютная (134—137).
Непосредственность (die Unmittelbarkeit и опосредованіе (die Vermittelung) (I, 1, 19 и сл.).
Непрерывность и дискретность (I, 1, 23—124).
Ничто (1, 1, 29).
Нѣчто (I, 1, 54—56).
Нѣчто и другое (I, 1, 56—65).
Ньютонъ и Кеплеръ (I, 1, 237—238).

Обратное отношеніе (I, 1, 2, 17—221).
Общее понятіе (I,I, 19—23).
Общее раздѣленіе бытія (I, 1, 27—28).
Общее сужденіе (II, 56—58).
Объективная и субъективная логика (I, 1, 17).
Объективность (II, 103 и сл.).
Обычное раздѣленіе понятій (II, 29—33).
Одно и многое (I, 1, 94—99).
Онтологическое доказательство бытія Бога (I, 1, 32 и сл.).
Опредѣленіе (die Bestimmung) (I, 1, 61 и сл.).
Опредѣленіе (definitio) (II, 175—179).
Опредѣленное количество (Quantum) (I, 1, 125).
Опредѣленность (I, 1, 28—29).
Опредѣленность понятія математическаго безконечнаго (I, 1, 157—184).
Основаніе (I, 2, 45—46).
Осуществленіе (die Existenz) (I, 2, 75—77).
Отношеніе высшей точки зрѣнія къ низшей въ философіи (II, 4—5).
Отношеніе понятія къ бытію и сущности (II, 1—2).
Отрицательное сужденіе (II, 47—52).
Отталкиваніе (I, 1, 97—98).

Педагогическое значеніе счета (I, 1, 136—137).
Первая фигура умозаключенія (II, 72—78).
Полное основаніе (I. 2, 64—67).
Положеніе (das Gesetzseyn I, 1, 60).
Положительное и отрицательное (I, 2, 29—31); въ ариѳметикѣ (I, 2, 32—34).
Положительное сужденіе (II, 43—47).
Понятіе вообще (II, 1 и сл.).
Понятіе количества у Спинозы (I, 1, 114).
Понятіе понятія (II, 5—6).
Послѣдовательность фигуръ умозаключенія у Гегеля иная, чѣмъ въ обычной логикѣ (II, 79).
Правило (I, 1, 232).
Предѣлъ (die Schranke) (I, 1. 67 и сл.).
Притяженіе (I, 1, 100—101).
Причинность (I, 2, 140): формальная (141—142); опредѣленная (142—148).
Проблематическое сужденіе (II, 67—68).
Прогрессъ въ безконечность (I, 1, 76—77).
Продуктъ механическаго процесса (II, 116—117).
Противоположность (I, 2, 28—34).
Противорѣчіе (I, 2, 35—36).
Процессъ жизни (II, 154—157).
Пустота (I, 1, 95).
Прямое отношеніе (I, 1, 215—217).

Равенство и неравенство (I, 2, 25—28).
Раздѣленіе (II, 179—183).
Раздѣлительное сужденіе (II, 61—64).
Раздѣлительное умозаключеніе (II, 101—103).
Различеніе (der Unterschied) (I, 2, 23—24).
Различіе (die Verschiedenheit) (I, 2, 24—28).
Реальная мѣра (I, 1, 241),
Разрѣшеніе противорѣчія (I, 2, 36—41).
Реальное основаніе (I, 2, 60—64).
Реальность (I, 1, 52—53).
Реальный механическій процессъ (II, 114—116).
Рефлексія: внѣшняя (I, 2, 11—13).
Рефлексія: опредѣляющая (I, 2, 14—16).
Рефлексія: полагающая (I, 2, 9—11).
Родъ и видъ (II, 59—60).
Родъ (органическ.) (II, 157—159).

Сверхчувственный міръ (I, 2, 97).
Свойство (I, 2, 80—82).
Сила (I, 2, 106—107).
Синтетическое познаніе (II, 174 и сл.).
Случайность (I, 2, 126—130).
Снятіе (das Aufheben) и снятое (das Aufgehobene) (I, 1, 48—49).
Снятіе становленія (I, 1, 48).
Составъ вещи изъ самостоятельныхъ матерій; поры (I, 2, 87—90).
Состояніе (die Beschaffenheit) (I, 1, 61 и сл.).
Специфицирующая мѣра (I, 1, 232—234).
Специфическое количество; специфическое опредѣленное количество (I, 1, 229—232).
Средство (II, 134—136).
Становленіе (das Werden) (I, 1, 29—49).
Степенное отношеніе (I, 1, 221—223)
Степень (I, 1, 141 и сл.).
Субстанція и акциденція (I, 2, 138—140).
Субъективная цѣль (II, 131—134).
Субъективность (II, 18 и сл.).
Субъектъ и предикатъ (II, 37—42).
Судьба (II, 116).
Сужденіе (II, 37 и сл.).

Сужденіе необходимости (II, 59 и сл.).
Сужденіе понятія (II, 65 и сл.).
Сужденіе рефлексіи (II, 53 и сл.).
Сужденіе существованія (II, 43 и сл.).
Существенное и несущественное (I, 2, 4—5).
Существованіе (das Daseyn) (I, 1, 49—56).
Существованіе вообще (I, 1, 50—51).
Существованіе, какъ таковое (I, 1, 50—56).
Сущность, какъ истина бытія (I, 2, 1—3).
Сущность, какъ рефлексія въ ней самой (I, 2, 3—4).

Телеологія (II, 126 и сл.).
Теорема (II, 183—193).
Термины умозаключенія (II, 81).
Тожество (I, 2, 18 и сл.).
Третья фигура умозаключенія (II, 71—83).

Узловая линія отношеній мѣры (I, 1, 255 и сл.).
Умозаключеніе (II, 70 и сл.).
Умозаключеніе всячества (der Allheit) (II, 89—91).
Умозаключеніе необходимости (II, 96).
Умозаключеніе рефлексіи (II, 88 и сл.).
Умозаключеніе существованія (II, 72 и сл.).
Условіе (I, 2, 67—68).
Условное сужденіе (II, 60—61).
Условное умозаключеніе (II, 98—100).
Утвердительная (истинная) безконечность (I, 1, 77—83).

Форма и матерія (I, 2, 51 и сл.).
Форма и содержаніе (1, 2, 54—56).
Форма и сущность (I, 2, 48 и сл.).
Формальное основаніе (I, 2, 56—60).
Формальный механическій процессъ (II, 112—114).

Химизмъ (II, 121 и сл.).
Химическій объектъ (II, 121—122).
Химическій процессъ (II, 121—124).
Хитрость разума (II, 137).

Центростремительная и центробѣжная силы (I, 110—111).
Центръ (II, 117—119).
Цѣлое и часть (I, 2, 102—106).
Цѣль дифференціальнаго исчисленія, выведенная изъ его приложенія (I, 1, 184—206).

Частное понятіе (II, 23—33).
Частное сужденіе (II, 55—56).
Четвертая фигура умозаключеніе или математическое умозаключеніе (II, 83—84).
Число (I, 1, 125—127).
Число у Пиѳагора и Платона (I, 1, 133 и сл.).

Электрохимическая теорія (I, 1, 253—254).
Эманація (I, 2, 123—134).

Явленіе (I, 2, 74; 90—91).
Якоби о кантовомъ синтезѣ a priori (I, 1, 39 и сл.).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
20	5 снизу	представляетъ	представляется
112	13 снизу	опредѣленноотъ	опредѣленность
116	8 снизу	суть	есть
116	3 снизу	снятія	снятіе
118	16 сверху	недѣлимо еесть	недѣлимое есть
119	18 сверху	третій	третье
126	14 снизу	causarus	causarum
170	13 снизу	Установимъ	Установивъ
207	18 снизу	Въ этомъ и т. д.	3., Въ этомъ и т. д.

ТРУДЫ

Петроградскаго Философскаго Общества:

ВЫПУСКЪ I. **ДЕКАРТЪ. Метафизическія размышленія.** Перев. подъ редакціей и со статьей *А. И. Введенскаго*: «Декартъ и раціонализмъ».

ВЫПУСКЪ II и III. **МАЛЕБРАНШЪ. Разысканіе истины.** Перев. подъ редакціей и со статьей *Э. Л. Радлова.*

ВЫПУСКЪ IV. **БЕРКЛИ. Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія.** Перев. подъ редакціей и со статьей *Н. Г. Дебольскаго.*

ВЫПУСКЪ V. **АРИСТОТЕЛЬ. Этика.** Перев. и вступительная статья *Э. Л. Радлова.*

ВЫПУСКЪ VI. **КАНТЪ. 1) О формѣ и началахъ міра чувственнаго и умопостигаемаго; 2) Успѣхи метафизики.** Перев. *Н. О. Лосскаго.*

ВЫПУСКЪ VII. **АРИСТОТЕЛЬ. Политика.** Перев. и статья «Греческая политическая литература и политика Аристотеля» *С. А. Жебелева.*

ВЫПУСКЪ VIII. **ГЕГЕЛЬ. Феноменологія духа.** Перев. подъ редакціей *Э. Л. Радлова.*

ВЫПУСКЪ IX. **СЕКСТЪ ЭМПИРИКЪ. Пирроновы положенія.** Перев. подъ редакціей *А. I. Малеина.*

ВЫПУСКЪ X. **ФИХТЕ. Факты сознанія.** Перев. подъ редакціей *Э. Л. Радлова.*

ВЫПУСКЪ XI. **КАНТЪ. Логика.** Перев. подъ редакціей *А. М. Щербины.*

ВЫПУСКЪ XII и XIII. **ГЕГЕЛЬ. Наука Логики.** Перев. и вступительная статья *Н. Г. Дебольскаго.*
